

3 3433 06703150 4

РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

Древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

PRINTED IN RUSSIA.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

764499 A

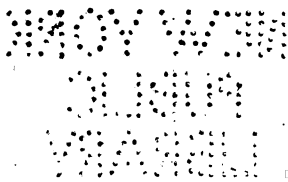
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R 1935 L

О Д О Б Р Е Н І Е .

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читая книгу подъ заглавіемъ: Рускія Сказки, Часть ІХ. и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красноярчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

Попѣсть о богатырѣ Булатѣ.

Видимирѣ, Князь Рускій, наслѣдовалъ раззоренныя области отца своего Желашуга. Сей несчастный Государь, борясь во всю жизнь свою съ мяшущимися подданными, (покоренными дѣдомъ его Княземъ Русомъ и брапомъ онаго Славеномъ, когда вошли они въ предѣлы нынѣшнія Россіи съ своими Славянами) не былъ щастливѣе и при концѣ: не довольно, что видѣлъ онъ государство свое, приведенное къ паденію междуусобными бранями. Финскіе народы, стремившіеся сложить съ себя иго своихъ побѣдителей, истребляли пришельцевъ, истребляясь сами,

Часть IX. А 2

но

В. А. С. JAN 18 1935

но надлежало, чшобъ дожилъ онъ бѣдспвеннаго дня, вѣ кошорый Царь Дѣвица (*) разграбила споличный его городъ Русу. Онъ не могъ воспрошивишься, чшобъ не вышла сѣя раница сѣ опрядомъ опборнаго войска, приспавшаго сѣ своими судами къ берегу озера Ирмера на его земли, и чшобъ обремененная корыспьми не опплыла сѣ шоржеспвомъ вѣ свое опечеспво. Князь Желашугъ умеръ сѣ печали, опсавя малолѣпнаго сына своего Видимира, шакъ сказашь, Государемъ безъ государствва. Полководецъ его Драшко, усердный всегда къ престолу, воспиталъ шого, кому оный надлежалъ. Сей искусный вельможа проникнулъ вѣ причины, произведшѣя пламень, опустошившѣй его опечеспво.

За-

(*) Царь Дѣвица не есть собственное имя. Дрепнѣ Россы придавали оное поовще псѣмъ пладѣющимъ Монархинямъ.

Законъ Рускіе учинили старожиловъ рабами пришельцовъ, Славяне получили отъ нихъ всѣ права и преимущества, и утѣснили покоренныхъ. Онъ отвратилъ сіе зло, уравнивалъ Финовъ и Славянъ и учинилъ изъ нихъ одинъ народъ. Мятежи потчасъ пресѣклись. Когда же не за что было воевать, и область Руская съ достиженіемъ своего Князя въ совершенный возрастъ начала приходилъ въ прежнее свое цвѣтущее состояніе, Драшко, обремененный лѣтами, съ радостію сложилъ съ себя пятость правленія, и возвелъ на престолъ Видимира. Надлежало онаго вѣнчать короною праотца его Руса, но сія обще со всѣми сокровищами досталась въ добычу храброй Царь Дѣвицѣ; а обычаи Славянъ не позволяли возлагать діадиму на главу новаго Государя, кромѣ той, кою носили его предки. Корона Русова считалась нѣкою святынею; жрецы увѣряли, что она низпала съ неба, и

что сей даръ боговъ былъ единственной причиною благоденствія и побѣдъ Славянскаго народа. Слѣдовало оную возвратить, или ждать гибели. Самъ Видимиръ почувствовалъ нетвердость власти своей, поколь чело его лишено будетъ сего идола его подданныхъ. Онъ собралъ верховный совѣтъ и требовалъ наставленія, что въ такомъ случаѣ предпріять должно.

Голоса начались; каждый предлагалъ то, что соразмѣрно было его склонностямъ. Одинъ говорилъ: надлежитъ отмстить вооруженною рукою хищницѣ, и съ короною Русскою сорвать съ нее собственную. Другой думалъ: должно употребить хитрость и подкупить вельможъ къ тайной выдачѣ вѣнца сего. Иные согласны были послать искуснаго вора, чтобъ спянуть оную, и именовали нѣсколькихъ способныхъ къ тому жрецовъ. Нѣкоторые чаяли, что слѣдуетъ призвать на помощь чародѣевъ, и сверхъестественною
силою

силою возвратишь покищенное по народному праву; ибо все, чѣмъ можно взятьъ верхъ, по онымъ дозволяешся. Многіе были другаго мнѣнія, но Видимиръ не соглашался на сіе, какъ и на вышеписанныя. Я не вѣрю чародѣйствамъ, сказалъ онъ, не могу положиться на жрецовъ, всего меньше на воровъ; согласился бы можетъ подкупить вельможъ, естлибъ не опасался подашь шѣмъ поводъ моимъ собственнымъ при случаѣ продашь меня. Чшожъ принадлежитъ до опнятія вооруженною рукою, война есть участь храбрыхъ Славянъ, и я согласенъ бы былъ вести ихъ самъ для освобожденія свящины, естлибъ шолько не чувствовалъ, что несправедливо собственной моей выгодѣ принесть на жертву нѣсколько тысячъ воиновъ. Кромѣ шого опечество наше не собрало еще испощенныхъ силъ въ браняхъ междоусобныхъ. Кто знаетъ, шакже ли вѣряшъ о вѣицѣ Русовомъ новые наши собратія, народы Фин-

скія? и въ оплучку нашу не вздумаютъ ли они заплашить надъ опшцами и родственниками нашими тѣмъ же, какъ поступили мы нѣкогда съ ними? Но естли бы не было и сихъ препяшшвей, довольно того, что мы не имѣемъ достаточнаго флота къ нападенію на островъ Царя Дѣвицы. — Великая надежда къ щасію Славянъ имѣтъ Государя, шакъ разсуждающаго! вскричалъ молчавшій дошолъ Драшко. Поиспиниѣ, Государь, продолжалъ онъ, обращая къ Видимиру, не всѣ Монархи располагаютъ шакъ къ дошшиженію своихъ желаній. Весьма безразсудная вещь воевать за святыню: боги не пребуютъ нашей помощи въ дѣлахъ, коими мценіе ихъ побуждается. Естлибъ корова Русова дана опъ оныхъ была только твоему роду, давно бы уже Перунъ поразилъ шѣхъ, кои насильно обратили на свою спорону ихъ даяніе; воля ихъ не претерпѣла бы подрыва набѣгомъ нѣсколькихъ иноземцовъ.

Са-

Самый предразсудокъ нашего народа, что слава и побѣды на спорочѣ владѣющаго вѣнцемъ Русовымъ, естѣ уже довольное основаніе поколебаться твоимъ рашникамъ, при нападеніи на войски Царя Дѣвицы. . . Но здѣсь въ тайномъ совѣтѣ да позволился мнѣ говоришь чистосердечнѣе: я сомнѣваюсь, чтобъ щастіе и благоденствіе народа могло заключаться въ кускѣ золота, упавшаго съ воздуха; во первыхъ потому, что шаковый дождь никогда еще не окроплялъ землю, по крайней мѣрѣ въ нашей памяти; а во вторыхъ, что разумъ, добродѣтель и чело-вѣколюбіе не требуютъ помощи ни отъ каковаго металла для возведе-нія народовъ на верхъ щастія. Мудрое и кроткое правленіе суть онаго источникъ; и для того, какъ Монархъ нашъ оказываетъ въ себѣ всѣ сіи превосходныя дарованія, то кажется мнѣ, что онъ можетъ доставить намъ благоденствіе въ вѣнцѣ, сдѣланномъ рукою и земнаго худо-
А 5 жника.

жника. Боги не раздражаются на правосудіе и добродѣшель Государя, оказывающаго оныя по доброй волѣ безъ ихъ помощи, и благословляютъ всякій вѣнецъ, изъ котораго оныя испекаютъ; полчки, нанесенные намъ отъ покоренныхъ Финовъ, доказываютъ, что вѣнецъ Русовъ худую оказалъ намъ защиту. — Не смѣли возражать противу сей истинны; но и не соглашались вѣнчать Видимира другою короною; надлежало выдумывать средства къ возвращенію Русовой. Царь Дѣвица владѣла оспровами Бришновъ; о ней носилась молва, что она великая волшебница, и что имѣетъ въ услугахъ цѣлое войско крылатыхъ змievъ. Начальствующій надъ оными хранилъ сполчный городъ, и былъ полъ великъ, что окружалъ оный своимъ шѣломъ, схватя конецъ хвоста въ свои зубы. Змій пожиралъ всѣхъ, дерзающихъ войти въ столицу безъ дозволенія Государыни; а сія, имѣющая особливое пристрастіе къ завоеван-

еванному ею вѣнцу Русову, употре-
 бляла всевозможное раченіе испыты-
 вать пребующихъ входа. Самые ея
 подданные не всегда имѣли смѣлоспъ
 проходить мимо челюстей все погло-
 щающаго чудовища. Царь Дѣвица
 пользовалась сею защитою, и уеди-
 нялась во внутренніе чертоги, чтобъ
 упражняться въ волшебной наукѣ.

Вельможи, разсудивъ о обстоя-
 тельствѣ, усмотрѣли, что предпріа-
 тіе ихъ не можетъ совершиться, раз-
 вѣ чрезбеспественными средствами,
 или отважностію каковаго нибудь
 богатыря; а попому и заключили
 кликать кличъ, не выищется ли кто
 снятъ на себя сей подвигъ. Драшко
 одобрилъ сіе намѣреніе; онъ думалъ,
 что войско крылатыхъ змievъ не въ
 иномъ состоинѣ, кромѣ множества
 кораблей, снабженныхъ парусами, и
 что молва только обрапила оныя
 въ чудовищъ. Далѣе разумѣлъ онъ,
 что змій, обвившійся около столицы
 Британской, не можетъ быть иное,
 какъ крѣпкая стѣна, снабженная спра-
 жею;

жею; о волшебствѣхъ заключалъ, что чарованія женщины смѣлый и предприимчивый мужчина легко можетъ разрушить.

Кличь началъ: бирючи ходили по площадямъ обширнаго города Русы, по всѣмъ улицамъ, по берегамъ соленаго озера и рѣкѣ Порусы и Полисы; гонцы скакали по всѣмъ большимъ и малымъ городамъ и деревнямъ; всюду возглашенъ призывъ на подвигъ; но чрезъ мѣсяцъ никто не вызвался снятъ оный. Князь Видимиръ съшовалъ, и готовъ былъ самъ тайнымъ образомъ оставить свое государство и подвергнуться опаснѣйшему приключенію. Въ сихъ расположеніяхъ нашелъ его Драшко; онъ не похвалилъ его предпріятія, и говорилъ, что чрезъ нѣсколько дней въ состояніи удовлетворить заключенію, положенному въ тайномъ совѣтѣ. Я нашелъ богапыря, продолжалъ онъ, который въ состояніи возвратитъ намъ то, чего мы ищемъ. Называютъ его Булашомъ.

Онъ

Онъ родился въ земляхъ Вашего Величества, и недавно возвратился изъ странствованія. Сей самый Булашъ есть шопъ, о коемъ мы слышали, что убилъ онъ на поединкѣ въ Варяги исполина, имѣвшаго желѣзную голову, а у Кесоговъ двенадцатиглаваго Смока, опустошавшаго страну ихъ, и который съ одною дубиною побилъ на голову Римское войско, находясь во услуженіи у Кигана, Аварскаго Короля. Увѣнчанный лаврами побѣдъ возвратился онъ въ свое опечесство, и провелъ по своему обыкновенію цѣлый мѣсяцъ въ попойкѣ съ своими пріятелями; а шеперь высыпается съ похмѣлья, на что также употребляетъ мѣсяцъ, и чрезъ девять дней онъ проснется. Видимиръ благодарилъ Драшку за его стараніе, и просилъ, чшобъ онъ представилъ къ нему богатыря по пробужденіи. Сей приставилъ къ спящему Булашу стражу, чшобъ при самомъ пробужденіи приглашенъ былъ онъ

онъ къ своему Государю , и не уда-
лился на иные подвиги.

По прошествіи девяти дней Бу-
лашъ предсталъ предъ Князя Ру-
скаго. Кожа убитаго имъ Смока
висѣла, какъ закинутый плащъ, на
плечьями его; а изъ колецъ, снятыхъ
съ перстовъ побѣжденныхъ имъ Рим-
лянъ, сдѣлалъ онъ нѣкоторый родъ
перевязей, по взизаніи оныхъ на
ремешки; къ симъ прикрѣплены были
клыки желѣзноголоваго исполина, яко
вѣрные профеи побѣдъ его. Види-
миръ, оказавъ ему многіе знаки ми-
лостей; предложилъ, каковой пре-
буетъ онъ него услуги. Вельможи
съ своей стороны учинили описаніе
острова Царя Дѣвицы, ея волшеб-
ную силу, крылашыхъ змievъ, вой-
ско, всѣ обстоятельствова, копорыя
надлежитъ вѣдать, и всѣ спрахи,
коимъ должно подвергнуться для
полученія вѣнца Русова. Булашъ
улыбался, слушая повѣсть; опа-
сныя приключенія ему нравились.
— Я общаю вамъ, великій
Госу-

Государь , сказалъ онъ радостно , принести священный залогъ благоденствія Рускаго , но съ условіемъ , чшобъ я доведенъ былъ къ острову Бриштскому ; ибо я только крыль не имѣю для перелетѣнія чрезъ моря , въ прочемъ я управляюсь съ зміями и съ хищницею вѣнца Русова. — Надежда и веселіе распросперлись при Дворѣ Видимировомъ ; и между шѣмъ , какъ приутоповляли Варяжскую мореходную ладію на озерѣ Ирмерѣ близъ урочища , называемаго Коростань , богатырь Булашъ угощенъ на учрежденномъ для него пиршествѣ. Въ назначенный часъ къ отбѣзду Булашъ провожденъ съ честію до самаго пристанища , и при восклицаніи текшаго во слѣдъ его народа сълѣ въ ладію. Вѣтрила подняшы , и вскорѣ ладія сокрылась изъ вида зришелей. Богатырь не слышалъ вопля благословляющихъ путь его своихъ соопчичей ; но оный восходилъ еще къ безсмертнымъ.

Между

Между тѣмъ ладія пробѣгаетъ рѣку мушную, наводящую трепетъ плотцамъ опъ воспоминанія лютаго Волхова, сына Князя Славена, обогрившаго спруи ея человѣческою кровію. Искусный кормчій управляетъ оную чрезъ опасные пороги волнующагося Ладожскаго озера, и вводитъ въ море Варяжское. Уже безконечный Океанъ представлялся неустрашимому Булашу изъ пролива Готфскаго, какъ жестокая буря покрыла море сѣдыми волнами. Кормчій не могъ управлять кормиломъ, вѣприлы оборвало ударами вихря, и ладія неслась по волѣ ярящихся вадовъ въ неизвѣстную сторону. Всѣ опчаялись и ожидали неминуемой смерти, кромѣ Рускаго богашыря, незнающаго, что есть ужасъ. Онъ ободрялъ мореходцевъ, принудилъ оныхъ взяться за веслы и самъ схватилъ упавшее кормило изъ ослабшихъ рукъ кормчаго. Порывъ волнъ учинился недѣйствителенъ, когда мышцы Булашовы прошиву-

цосна.

поставили силу силѣ, и ладія поплыла, куда желалѣ богатырь; онѣ кошѣлѣ присташѣ кѣ показавшемуся вдали неизвѣстному острову, и вскорѣ пристали они кѣ берегу онаго. Буря продолжалась еще; упомленныя пловцы, укрѣпя ладію, предались отдохновенію; а не знающій уснулоспи Булашѣ пошелѣ внутрь острова, чѣтобѣ узнать, обитаемый ли оный и не удастся ли ему провѣдать, какѣ далеко отнесло ихѣ отѣ пуши кѣ островамѣ Бришскимѣ. Проходя чрезѣ нѣсколько часовѣ въ разныя стороны, не примѣпилѣ онѣ ни малыхѣ знаковѣ, чѣтобѣ жилии пушѣ челоуѣки; но напоследокѣ вспалѣ онѣ на пѣшеходную спезю, удвоилѣ свои шаги, и приведенѣ сею въ дремучій лѣсѣ. По продолженіи нѣсколько пуши сего, предѣставилась взорамѣ его обширная поляна, и посреди оной левѣ, сражающійся съ великимѣ зміемѣ. Булашѣ изумился, увидя Царя звѣрей въ шой часни свѣша, гдѣ не можно было ожидать

Часть IX.

Б

его

его обещанія; бой его съ змѣемъ казался ему также чрезвычайностію, а особливо стоящій близь нихъ златый сосудъ подавалъ ему мысль, что въ семъ предметѣ заключается какое нибудь таинство. Богатырь подшелъ; сражающіеся продолжали поражать другъ друга, и присутствіе свидѣтеля было какъ бы причиною усугубить имъ взаимную злобу. Булашъ, опершись на свою дубину, оставался спокойнымъ зрителемъ до тѣхъ поръ, какъ побѣда начала склоняться на сторону змѣеву. Жалостный стонъ ослабѣвающаго льва принудилъ богатыря подать ему помощь; онъ бросился, и однимъ ударомъ налешаго свинцомъ своего оружія раздробилъ голову чудовища. Звѣрь мстилъ и уже бездушному своему пропивнику, разшерзавъ шрупъ онаго въ мѣлкія части оспріемъ когшей своихъ. Потомъ, перекинувшись на своихъ лапахъ, обратился въ человѣка, имѣющаго густую до колѣнъ досягающую бороду.

бороду. Храбрый мой избавитель, сказалъ онъ изумленному богатырю: благодарность моя будетъ вѣчно соразмѣрна швоему одолженію; ибо безъ помощи швоей погибъ бы я отъ люшоспи чародѣя Зміулана, коего видишь предъ собою бездушныя осташки. . . . Но ты упоменъ, и для шого, прежде нежели учиню я тебѣ опыты моего признанія, и повѣсть вражды моей съ пораженнымъ шобою моимъ непріателемъ, и о семъ злапомъ сосудѣ, должно принять тебѣ успокоеніе; ты найдешь довольство въ моей пещерѣ. Сказавъ сіе схватилъ онъ съ нѣкошорыми особливыми обрядами злшый сосудъ, поставилъ оный себѣ на голову, и поддерживая одною рукою, другую подалъ богатырю, который слѣдовалъ съ нимъ до отверстія пещеры, находившейся въ неприступномъ каменномъ шпесѣ, и отстоящей отъ подошвы горы саженьяхъ во шѣ.

Въ приближеніи ихъ къ утесу горному водипель богатыревъ за- свисталъ громко, и въ самое по время стѣна горная раздвоясь, оказа- зала въ себѣ всходъ по ступенямъ, усланымъ злапопканными Персид- скими коврами. Старикъ съ сосу- домъ слѣдовалъ на верхъ; бога- тырь помогалъ ему нести тяжестъ бремени его, и соверша шесть сотъ ступеней, очутились они въ про- странномъ сводѣ. Булатъ не могъ безъ удивленія видѣть, что мѣсто, удаленное въ глубочайшую внутрен- ность горы, было освѣщено сполько, какъ бы способствовало тому особ- ливое солнце. Свѣтъ сей исходилъ отъ великаго въ срединѣ свода ушвер- жденнаго стекляннаго шара, напол- неннаго вѣкимъ сіяющимъ веще- ствомъ. Оный былъ подкрѣпляетъ біющимъ изъ средины пола водо- метомъ, изъ коего вмѣсто жидкой стихіи вылетала на поверхность рпушь, и рассыпаясь изъ вѣющаго- ся своего клуба въ дождевныя капли, упа-

упадала съ блистаніемъ въ серебряную лахань. Казалось, что богатства Царей Индійскихъ чрезъ многіе вѣки совокуплены были на украшеніе сей горной палаты: свѣны ея испускали смѣшенные огни великихъ алмазовъ, яхоншовъ и изумрудовъ; сводъ изъ цѣльнаго сапфира, со вѣланнымъ крупнѣйшимъ восточнымъ жемчугомъ, обманывалъ глаза, и представлялъ безконечное возвышеніе небесной шверди, испещренной различными звѣздами; полъ, наспланный въ шахматы самоцвѣснымъ каменіемъ неизвѣстныхъ названій, изображалъ смѣсь всѣхъ чешырехъ стихій, со всѣми ихъ цвѣтами и красочами; и золото могло быть сочтено за послѣднѣйшую вещь, изъ которой кованы и липы были всѣ прочія утвари. Въ одной сторонѣ споялъ на возвышеніи спрашный испукавъ Чернобоговъ съ желѣзными вилами, коими поражалъ онъ зіяющее пламенемъ чудовище. Предъ нимъ споялъ жертвенникъ, изпи-

санный черными неизвѣстными характерами. Спарецъ, бывшій львомъ, приблизился къ оному, и поспавя злшый сосудъ на средину жершвенника, распросперся предъ ишуканомъ. Богъ мспишель, возопилъ онъ! — Тебѣ вручаю я священнй залогъ судьбы храбраго Славянскаго народа. Твоя поражающая злыхъ рука низвергла во адъ люпаго Зміулана, она привела на помощь миѣ храбраго богатыря Рускаго, и ею подкрѣпленъ я въ защищеніи моихъ дней опѣ заклвшатаго врага всему роду моихъ собратій. Будь восхваленъ, великій Чернобогъ, да воспоюшъ шебѣ тѣмы чистѣйшихъ духовъ, служащихъ огненному швоему пресполу, и будь проклятъ низпадшій въ геенну злобный чародѣй! Окончавъ сію молитву спарецъ возспалъ, и понуждалъ богатыря принести жершву Богу, заццишнику его отечества. Булатъ, обѣяшый священнымъ ужасомъ, изпоргъ нѣсколькo волосовъ изъ главы своей, сорвалъ

клыкѣ

ялыкѣ побѣжденнаго имѣ желѣзно-
 головаго исполина, и обвивѣ оный
 своими волосами, возложилѣ на жер-
 швенникѣ съ колѣнопреклоненіемѣ.
 Тогда испуканѣ Чернобоговѣ поколе-
 бался, густое облако окружило жер-
 швенникѣ, и гремящая молнія, раз-
 шоргнувѣ оное, воспалила жреніе, и
 обратила вѣ пепелѣ, не смѣя прико-
 снушься кѣ священному златому со-
 суду. Старецѣ и богатырь вновь
 распросперлись предѣ испуканомѣ,
 и по окончаніи божеспвеннаго явленія
 и служенія, первый началѣ кѣ Бу-
 лашу слѣдующее: — Богатырь
 Рускій! познай надѣ собою покро-
 вительство небесѣ; буди ободренѣ
 вѣ печеніи швоемѣ на подвигѣ, и
 ожидай шаспливаго окончанія слав-
 ному приключенію во освобожденіи
 вѣнца Русова!.... Но доколѣ пред-
 варю я шебя о причинахѣ, воздвиг-
 шихѣ бурю, остановившихѣ печеніе
 пуши швоего, поколь узнаешь шы
 кто я, и кому долженѣ шы успѣха-
 ми прешедшихѣ швоихѣ подвиговѣ,

и о дальнѣйшихъ подробностяхъ сего
находящаго, должно принять шебѣ
успокоеніе по трудахъ сего благо-
получнаго дня. — Сказавъ сіе,
подалъ онъ ему руку, и велѣ чрезъ
равно освѣщенные покои до удален-
наго чершого. Тамъ возлегли они
на мягкихъ возглавіяхъ, покрытыхъ
злапошканнымъ аксамитомъ. Спа-
рикъ спукнулъ ногою обѣ полѣ, и въ
самое то время появился столъ, на-
полненный изобиліемъ вкусныхъ вѣсвѣ
и напишковъ. Въ продолженіи обѣ-
да Булашъ не могъ скрыть своего
удивленія, какъ о семъ спранномъ
явленіи, такъ и о томъ, что безъ
помощи прислужащихъ, коихъ не
было ни единого, всѣ нужды испол-
няемы были отъ одного только
спукнутія рукою въ столъ: ста-
каны, блюда пропадали и новыя
появлялись на ихъ мѣста; онъ не
пропустилъ спросить хозяина сво-
его о причинахъ сего дѣйствія. —
Другъ мой, отвѣчалъ ему пусшникъ!
съ шубою могу я говорить
число-

чистосердечно, и выведи себя изъ сомнѣнiя, что видимое шобою не есть волшебство. Правда, что ошъ меня не скрыты и всѣ тайны каба- лиспики, но всѣ важнѣйшiя оныя дѣйствiя основывающся на причинахъ естесственныхъ. Вѣрь миѣ, что вся сила невидимыхъ духовъ не власна ни мало нарушишь печенiе и порядкъ природы. Сами Боги никогда не употребляютъ могущество свое къ обращенiю дѣйствiй ея; ибо созданное ими единожды не должно никогда бытъ нарушаемо. Все, что намъ кажется чрезвычайнымъ, есть только слѣдствие человеческого разума. Люди, вникающiе во испытанiе естесства, доходящъ во ономъ до начальныхъ причинъ, и чрезъ сiя предузнающъ имѣющее случисься, употребляютъ шаковые случаи, и слѣдствiями удивляютъ людей столько, что бывають ошъ нихъ считаемы за волшебниковъ. Правда, что обладанiе невидимыми духами много способствуетъ къ дѣйствiямъ

Б 5

чу.

чудеснымъ; ты вкорѣ увидишь сему опытъ. — Но какъ для себя не только нужно узнать сіи таинства, сколько свидать общопроясительства о судьбѣ Россіи, и для того начну я.

Повѣсть о златомъ сосудѣ.

Когда размноженіе людей на долинахъ Сенаарскихъ подвигло многихъ родоначальниковъ искать себѣ земель для поселенія, Русъ, избранный отъ своихъ собратьевъ въ вождя, оставилъ оныя, и слѣдовалъ къ сѣверу со многочисленнымъ народомъ. Аспаругъ, отецъ его, величайшій кабалистъ своего времени, безпрестанно упражнялся въ таинственныхъ наукахъ. Онъ старался изыскать средство ко учиненію народа своего непобѣдимымъ, и на сей конецъ въ приближеніи великой Руской Орды во Аламію удалился онъ

онѣ въ гору Аланѣ, (*) гдѣ и началъ прудиться въ своемъ намѣреніи. Я слѣдовалъ за нимѣ, какъ любимецъ и ученикъ его. Всѣ металлы и спихіи были пережигаемы и раздробляемы, смѣси отъ оныхъ отдѣляемы и чистѣйшія начальныя часпицы извлекаемы, шьмы служебныхъ духовъ въ помѣ работали. Напослѣдокъ изъ сихъ сосавовъ соорудилъ онѣ вѣнецъ и видѣнный побою златый сосудъ. Во оныхъ заключилъ онѣ судьбу Рускаго народа.

(*) Алане, народъ Слапенскій, жили на восточномъ берегу рѣки Дона, которая отдѣляла область ихъ отъ Готфонъ, пладѣющихъ Финскими дикими народами. Гору Аланѣ Птоломей поставляетъ пнутрь нынѣшней Россіи, простирающуюся до уѣзда Алатарскаго; но какъ сей великой горы по ономъ мѣстѣ нынѣ не находится, то надобно думать, что она разрушена землетрясеніемъ.

рода. МеталлЪ, или лучше сказать смѣсь, изЪ коей оныя были составлены, не могли бытъ ничѣмЪ разрушены; слѣдствено благоденствіе нашего отечества сохранено спало въ надежномЪ мѣстѣ. Но чшобъ вѣщшюу придашь сему прочность, АспарухЪ вознамѣрился освятить трудЪ свой предЪ престоломЪ Чернобога. РоксоланЪ! сказалЪ онЪ мнѣ тогда; имѣешь ли ты довольно бодрости, чшобъ послѣдовать за мною въ черниги Бога, кровившя нашей науки? Я возблагодарилЪ его за сіе дозволеніе шѣмЪ съ большею ревностію; ибо извѣстно мнѣ было, что нелобзавшій спупень престола Чернобогова не можетЪ достигнуть совершенства въ шайнахЪ кабалистики. Мы начали собираться въ пущь сей. Дары и жертва изгопвлена: сорокъ вороновЪ и сполькожъ совЪ посажено въ злшыхЪ клѣшкахЪ; шридевяшь черныхЪ оновЪ связано вервями чернаго шелка; начальныя изЪ служебныхЪ АспаруховыхЪ духовЪ возло-

жили

жили на себя бремена сія : я несѣ
 вѣнецъ, а самъ онѣ златый сосудъ
 По прочтеніи Аспарухомъ нѣкоторыхъ
 таинственныхъ словъ, пламенный
 неопалющій вихрь окружилъ насъ,
 и съ невѣроятною быстростию по-
 мчалъ къ сѣверному пупу земли. Въ
 приближеніи ко оному, казалось мнѣ,
 что сія страна земли забыта не-
 бомъ и природою. Неспершимый мразъ
 учинялъ заспывшій воздухъ недви-
 жимымъ; тамъ вѣчный снѣгъ по-
 крывалъ твердь, а вода до самаго
 дна моря составляла лишь одну
 глыбу никогда нетаявшаго льда;
 нигдѣ не видно было ни малѣйшаго
 расплвненія, и однѣ шускыя ледяныя
 горы едва имѣли сколько блеска,
 чтобъ различать видѣ ихъ посреди
 господствующаго шумъ мрака вѣч-
 ной ноци. Лишь только ноги наши
 коснулись земной поверхности, усиль-
 носць хлада потчасъ уничтожила
 прохладную шеплошу неспаго насъ,
 неопалющаго огненнаго вихря, и я
 ожидалъ съ каждымъ мгновеніемъ
 ока,

ока, что превращусь я въ ледъ; но и въскольکو проченныхъ Аспарухомъ словъ остановили дѣйствіе мороза и предали меня новому ужасу. Двѣ ледяныя горы, какъ бы брошенныя съ обѣихъ споронъ, слепясь совою-пились и заключили насъ во внушрениость себя, подобно какъ видимы бывающъ насъкомыя, запершыя въ прозрачныхъ тѣлахъ окаменѣвшей смолы, извергаемой Варяжскимъ моремъ на берега Порускія. Земля съ ужаснымъ шрескомъ и громopodobнымъ стукомъ разверзлась подъ нами, и мы съ окружающими насъ льдами опустились въ горящую пропасть. Тогда узналъ я, какую взялъ учинель мой предосторожность; ибо безъ помощи заспывшей воды сей мыбы погибли въ клокочущей геениѣ. Цѣлое море кипящей смолы, расплеленныхъ металловъ и сѣрныхъ маслъ шумъ шумѣло раскаленными вихрями; огненныя рѣки приносили цѣлыя горы селишры, и сіи разрыва-дсь разсыпались шо въ пламенный дождь,

дождь, по вѣ сверкающихъ молні-
яхъ, носясь по безднѣ, колебали
опѣны шаршара. Казалось, что над-
лежишь намъ уничтожиться, какъ
мухамъ, влетѣвшимъ вѣ горящую
печь; но сраженіе прошивоборснвую-
щихъ сшихій сохранило насъ. Таю-
щій ледъ отражалъ пламенные ва-
лы, чтобъ придашь имъ новое рве-
ніе и усугубить нападеніе. Не
можно имѣть лучшей идеи о сраже-
ніяхъ элементаровъ вѣ древнемъ хаосѣ:
громъ, ревъ, вихри, молнія умножа-
лись по мѣрѣ быстроты нашего по-
леша. Защищающій насъ ледъ усту-
палъ вѣчному огню, и почти со-
всѣмъ уже исчезъ; я вѣ препенѣ
ожидалъ послѣдней минуты моей
жизни; однако мы совершили путь
сквозь геенну и очутились вѣ про-
странствѣ, наполненномъ тихимъ
свѣшомъ вечерней зари. Твердь, на
которой остановились ноги наши,
состояла изъ блестящаго хруста-
ля; я слышалъ вѣ одной сторонѣ
закрышой чернымъ гуснымъ обла-
комъ

комѣ спонѣ пресшупниковѣ осужденныхѣ и звукѣ цѣлей; въ другой же сіяли черпоги великаго Чернобога. Представѣ себѣ тысячу солнцевѣ, совокупленныхѣ во едино; сей будешѣ можешѣ бышѣ сходный видѣ славы черпоговѣ Бога мспишеля. Оныя, казалось, спояли на воздухѣ, окружаемыя придевяшью сверкающихѣ огнемѣ радугѣ; шмы пламенныхѣ служебныхѣ духовѣ носились около его по воздуху: иные сперегли входѣ, иные покоились на лучахѣ радуги, а прочіе, раздѣлясь хорами, воспѣвали чудныя подвиги Бога, низложишеля исполиновѣ. Я не могу изѣяснить шебѣ славы сего мѣста; нѣшѣ для челоуѣка выраженій, въ коихѣ бы можно было описашѣ красому обишеля безсмершнаго. Священный ужасѣ обѣялѣ меня входящаго во враша желѣзныя, ведущія во внутренность черпоговѣ. Насѣ не оспановляди, двери растворялись сами собою, и мы пали предѣ прешоломѣ великаго Чернобога. Блескѣ

его

его ослаблялъ насъ. Дары поставлены, а жертвенная по возложеніи на олтарь обращены въ пеплъ молніею, излетѣвшею отъ престола. Тогда сіяніе, насъ ослабляющее, ушло, и мы узрѣли великаго Бога мстителя въ образѣ чловѣка, съ божественною милостію насъ благословляющаго. Послѣдую водительство Аспарухову, учинилъ я тридевять колѣнопреклоненій до престола, и лобзалъ, такъ какъ и онъ, спусень онаго. Я не могу изъяснить тебѣ, какая учинилась во мнѣ послѣ того переменна: бодрость вселилась въ мое сердце, и очи мои опверзлись къ познанію сокровенныхъ тайнствъ. Я слышалъ слова изъ устъ Бога мстителя, которыхъ подѣ вѣчною моею погубелію никому открывать не долженъ.

Между шѣмъ Аспарухъ распростерся предъ престоломъ, поставя прежде златый сосудъ и вѣнецъ на подножіе престола, и возставъ на колѣнахъ, вѣщалъ шако: Великій
Часть IX. В Богъ

Богъ мстишь! прими моленіе раба
 швоего, посвящающаго тебѣ залогъ
 вѣрнаго тебѣ народа; учини судьбу
 Русовъ недвижиму во вѣки, и изре-
 ки швой непремѣнный предѣлъ на
 сей паинственнѣйшій сосудъ и на сей
 вѣнецъ, да учинятся оныя освяще-
 ніемъ швоимъ въ забрало храброму
 опродію Славенскому, и да будешь
 оное страшно всѣмъ шпанамъ свѣ-
 та! — Тогда божественнѣйшій свѣтъ
 возблисталъ окрестъ престола; слу-
 жишели онаго воспѣли похвалы без-
 омершному, на немъ сѣдѣющему, и
 мы, немогущіе терпѣшь блеска, по-
 верглись на полъ. По времени бли-
 станіе ушшилось, и увидѣли мы
 Чернобога, держащаго въ рукахъ кни-
 гу судебъ развершную. Внимаи,
 опецъ Русовъ, вѣщаль онъ къ
 Аспаруху; небеса покровишьшву-
 юшъ ревность швою къ швоему оше-
 чесшву; судьба опредѣляетъ не-
 успрашимость и побѣды участію
 швоего народа. Оный покоришь
 шпаны, въ кошорыя шествуешь; весь
 сѣ.

сѣверѣ и части востока, юга и запада подвергнушыя его власти; прочіяжѣ страны и народы воспрещушѣ единого имени. Я всегда буду покровитель его, вѣнца и златого сосуда. Доколь Князи Рускіе будутѣ вѣнчаться вѣнцемѣ симѣ, доколь будутѣ сохраняшѣ таинственно предписанные во ономѣ законы, держава и мечь ихѣ не поколеблуются; но возсненаетѣ швое ошечество, когда они ошѣ сихѣ уклоняшся. Вѣнецѣ ихѣ впадетѣ вѣ руки чуждыхѣ; борьбы, смятенія покроютѣ лице славной Славенской обласни; и сіе будетѣ время, когда должно бы ей испровергнушся. Однако я всегда воздвигну ее изѣ ея чаемыхѣ развалинѣ. Златый сосудѣ, хранящій судьбу Русовѣ, удержишѣ перевѣсь противу хищниковѣ вѣнца сего. Я опредѣляю тебя хранителемѣ онаго. Твоя ошечественная ревность доспачна постановишѣ вѣ тебѣ бодрого оному спража, чшобѣ не впалѣ оный вѣ руки неприятелей. Доколь шы

В 2

живѣ,

живѣ, никакой злодѣй Русовѣ, ни самѣ врагѣ ихѣ, и врагѣ мой чародѣй Зміуланѣ похитить его немогутѣ. Я дамѣ тебѣ волшебное зеркало, которое предваритѣ тебя о всѣхѣ на злѣпый сосудѣ покушеніяхѣ, и чрезѣ кое ты будешь извѣстенѣ о всемѣ происходящемѣ въ свѣтѣ. По удаленіи швоемѣ въ жилище душѣ блаженныхѣ, ученикѣ твоей Роксоланѣ будетѣ наслѣдникомѣ сей стражи и швоего искусства. Я просвѣщу разумѣ его и наполню оный шайнспвенными знаніями. Но какѣ дальнѣйшія подробности о судьбинѣ Русовѣ не могутѣ быть по совѣту Боговѣ открыты, то да обратишь ты въ пучи небесѣ свое проищаніе; избранные люди могутѣ разсужденіями и просвѣщеніемѣ своимѣ разверзатѣ мрачныя завѣсы предбудущаго и слѣдующаго. — Тогда служебные духи привели предвѣщающее зеркало. Огнь, изшедшій изѣ устѣ Чернобога, свернувшись клубомѣ, помѣспился невидимо въ

вѣ злaшомѣ сосудѣ , и начерталѣ незагладимыми буквами должности Государя на вѣнцѣ Русовомѣ (ибо самый шомѣ былѣ вѣнецѣ сей , который шы , о Булашѣ , освободишь щисься изѣ рукѣ Царя Дѣвицы). Мы учинили вновь придевать колѣно-преклоненій , и слѣдовали вонѣ изѣ обителѣ Чернобога на югѣ , по пущи , опвершному намѣ его пламенную оспрогую сквозь внутренности земли до самой нашей пещеры , находившейся вѣ хребтѣ горы Алана . Службные духи съ пѣснопѣнїемѣ насѣ провождали , и мы не видали уже ни страха шартарскаго , ни ужаса опѣ шраны , гдѣ господствуетѣ вѣчная зима ; пущь нашѣ усанѣ былѣ цвѣтами . Дорогую безпрестанно чшшая законѣ , начертанный на вѣнцѣ , зашвѣрдилѣ я оный наизустѣ , и извлекѣ изѣ онаго единое сіе содержаніе : *Монархѣ ! коль хочешь бытъ достойнымѣ , забудь себя , и будь лишь отецѣ , стражѣ и слуга тшоего народа .* — О не-

возможная къ сношенію заповѣдь! возопилъ я во внутренности души моей. Сколь ни неопровергаемо сіе положеніе, но вижу я, что предсто-ящѣ великія бѣды моему отечеству, познаю я, сколь важно должно бытъя въкогда мое бдѣніе. Мы прибыли въ нашу пещеру.

Тутъ Аспарухъ, поставя на огражденный шалисманами столъ сосудъ, вѣнецъ и зеркало, началъ итрудиться въ составленіи лежающаго ковра. Всѣхъ родовъ птицы дали дань на его сооруженіе: большія и малыя перья сопыкалъ онъ художественною своею рукою; а я между шѣмъ бодрствовалъ при столѣ, хранящемъ залогъ благоденствія Рускаго. Взирая безпрестанно въ зеркало, видѣлъ я происходящее въ моемъ отечествѣ. Миѣ представлялось, какъ многочисленная Орда, подъ предводительствомъ Русовымъ, очищала себѣ мечемъ путь къ своей державѣ, какъ храбрые Алане ополчились, не допуская ее прой-

пройши сквозь свои земли, и съ какимъ мужеспвомъ сражались; но бывъ побѣждены, нашлись принужденными заключить вѣчный союзъ, дать свободную дорогу и пропашаніе непобѣдимымъ Русамъ; и потомъ видѣлъ я вшествіе ихъ въ предѣлы нынѣшнія земли Рускія и Славенскія, и побѣждающихъ старожительствовавшихъ шамъ народовъ Финскихъ, которые либо покорялись, либо ославляли мѣста свои, бѣжавъ необитаемыя страны къ сѣверу, востоку и югу, чпобъ учиниться начальниками государствъ: Черемискаго, Мордовскаго, Чувашскаго, Вошяцкаго и прочихъ; казалось мнѣ, какъ возносили главы свои двѣ новыя Имперіи Славянъ и Русовъ, какъ созидались столицы: великій Славенскъ и великая Руса, какъ спроились многочисленные города и населялись храбрыми моими союзниками. О всемъ томъ доносилъ я шрудящемуся Аспаруху, и мы радовались о щастіи нашихъ собратьевъ.

Наконецъ лешающій коверъ спалъ гошовъ. Онымъ можно было управлять такъ на воздухъ, какъ ладію на водѣ; оный поднимался на высоту, опускался внизъ, стремился вдоль и оборачивался въ каждую желаемую сторону. Посредствомъ ковра сего, о Роксоланъ, — сказалъ мнѣ Аспарухъ, — намъренъ я подкрѣпипь храбрость и надежду нашего народа. Ты вѣдаешь, что нужно утверждать прослоудиновъ въ предразсудкахъ, какъ для того, чтобъ привести ихъ въ повиновеніе, такъ и за шѣмъ, чтобъ можно было при всякомъ нужномъ случаѣ возбудипь ихъ ревность и храбрость, подъ предлогомъ защищенія вещи, кою сочтешъ онъ за святыню. Вѣнецъ, мною содѣланный, конечно заслуживаетъ сіе предпочтеніе, въ разсужденіи предписанныхъ на ономъ законоположеній; однакожъ надлежитъ дѣятельнѣйшимъ способомъ привести народъ къ рабскому онаго обоготворенію; ибо безъ сомнѣнія швер-

до простишѣ держава, гдѣ Государь слѣдуетъ надписанному на вѣнцѣ семѣ, и гдѣ подданные каждое повелѣніе своего Государя приѣмлютъ за глаголѣ божественный. Я намѣренѣ предстать къ моему сыну Русу, и увѣришь его о покровительствѣ Боговѣ, и о обѣщаніи оныхѣ послашь ему съ неба вѣнецѣ, на коемѣ предписаны будущѣ правила, какѣ ему должно вести себя на престолѣ. Я подвигну его ко всенароднымѣ моленіямѣ, и тогда предѣ собраніемѣ народнымѣ ты долженѣ будешь, сокрывшись вѣ лежающемѣ коврѣ, опустить оный на златой нити на главу Русову. Я опрѣжу припомѣ нить шакѣ, что народѣ сего не примѣшитѣ, и сочтешѣ вѣнецѣ слѣдѣвшимѣ съ небесѣ по воздуху. Ты предвидишь, я чаю, всю пользу шаковаго благонамѣреннаго обмана? Я не сомнѣвался вѣ сей истиннѣ, и слѣдовалѣ волѣ моего учителя.

Въ назначенный часъ сѣли мы на коверъ, забравъ съ собою сосудъ, вѣнецъ, зеркало, таинственныя книги и орудія, и поднявшись на воздухъ, пустились къ столицѣ Руской. Доспигнувъ оныя, опустились мы въ великомъ лѣсу близъ соленого озера съ южной онаго стороны. Аспарухъ, взявъ съ собою злшый сосудъ и зеркало, пошелъ во Дворецъ, а меня съ вѣнцемъ оставилъ, повелѣвъ, чшобъ въ слѣдующее утро поднялся я на коврѣ довольно высоко, и высматривалъ надлежащаго времени, когда слѣдовашь будешь опустишь ся ниже и свѣсишь вѣнецъ.

Аспарухъ приняшъ былъ какъ нѣкое благодѣтельное божество. Князь Русъ и весь тайный его совѣшъ внимали съ набожностію его пророческіе глаголы, и сдѣлали распоряженіе къ ушреннему всенародному моленію.

Едва багряная Зимцерла распросшерла на восшокъ свои оживляющія

щія природу ризы, и отворила врата къ изшествію благошворительнаго Свѣтлоу (*), и поднялся на коврѣ въ высоту, и ожидалъ надлежащаго времени, держа въ рукахъ конецъ длинной къ вѣнцу укрѣпленной златой ниши. Вскорѣ показался Русъ, водимый родителемъ своимъ Аспарухомъ, въ провожаніи несчисленныхъ полковъ воинства, всего народа и самыхъ женъ и дѣтей. Они шествовали на поле до холма, посвященнаго громоносному Перуну; жрецы несли торжественно испукавъ Чернобоговъ, и въкоторыя изъ нихъ пѣли пѣсни, а прочіе вели черныхъ агневъ, покрытыхъ чернымъ аксамитомъ на пожрение Богу мстителю, и бѣлыхъ увѣчаныхъ связками красныхъ цвѣтовъ для всесозженія предъ Перуномъ. Въ приближеніи ихъ къ холму дневальные жрецы близъ стоящаго жершвенника неугасае-

(*) Зимцерла есть Славянская Богиня зари; а Свѣтолицо солнце, или Рускій Февъ.

саемаго Знича (*), повергли на огонь благовоія, и съ гласомъ трубъ и роговъ соединили встрѣчную пѣснь. Наконецъ приходящіе жрецы, перемѣняясь съ стоящими на холмѣ, пѣли похорно похвалу обоимъ Богамъ; народъ всемъ множествомъ оканчивалъ послѣдніе стихи пѣсней, и колебалъ воздухъ своими восклицаніями. Испукая Черногоговъ поставили рядомъ съ Перуновымъ: заклали агнцовъ, возложили на пылающіе жертвенники, и общественно упавъ на колѣни, приносили благодарныя мольбы за обѣщаніе, низпосланное небесами чрезъ уста мудраго Аспаруха. Сей по пожраніи огнемъ жершвъ присшупилъ къ испу:

(*) Зничъ есть неугасаемый огонь, какъ надобно думать, представляющій солнце, или Бога Спѣтоида. Славяне по многихъ городахъ имѣли его жертвенники, и прибѣгали къ оному для исцѣленія въ спойхъ волѣзняхъ.

испуканамъ , и упавъ на одно колѣно , простеръ вверхъ свои руки , и произносилъ слѣдующую молитву : Великій Перунъ , отецъ Боговъ ! и ты о Чернобогъ , защитникъ Рускаго народа ! примите сію жертву благодаренія отъ страны , ожидающей исполненія священнаго вашего обѣща , да познаютъ враги наши , что мечъ , шoliko имъ страшный , управляется вашимъ водителствомъ , что заступленіе ваше будетъ вѣчно на Князяхъ , увѣчанныхъ вѣнцемъ небеснымъ . Я съ колѣнопреклоненіемъ исповѣдую , что слова божественныя не могутъ быть премѣняемы ; но чтобъ не произошло нѣкогда сомнѣнія о предсказаніи моемъ о вашей волѣ , явите , что уста шаковаго , какъ я , сѣдинами покрывшаго старца , жи вѣщашь не могутъ . Да низпадетъ всенародно съ небесъ вѣнецъ вашего благословенія на главу шого , коего избраше вы водителемъ Рускаго народа , и котораго попомство до-
стойно

стойно будетъ споспѣшествовать его славу и благоденствію! — Въ сіе мгновеніе опустилъ я летающій коверъ къ низу. Народъ, чающій видѣть спускающееся облако, не сомнѣвался о присутствіи божества; а особливо когда я зажегъ приготовленные гремящіе и выпускающіе блестящій огонь соспавы; оный палъ на колѣна, и произносилъ набожныя восклицанія. Тогда я, въ малое опшверстіе ковра высмотрѣвъ Князя Руса, опустилъ вѣнецъ прямо на главу его. Аспарухъ, рачительно сіе примѣчающій, возгласилъ проекрашно: о велие чудо! и повелѣвъ жрецамъ воспѣть благодарныя пѣсни, свѣшилъ искусною ухваткою опрѣзать злашую нить ошъ вѣнца. Между тѣмъ народъ, не сомнѣвающійся въ благоволеніи небесъ къ себѣ, палъ на колѣна, наполняя воздухъ радостными восклицаніями; а я поднялся на высопу, продолжая бросать на всѣ шпороны гремящіе огненные соспавы.

По

По совершеніи сего благонамѣреннаго обмана, Аспарухъ, взявъ Князя за руку, возвелъ на холмъ, и облекъ его въ лежавшую на престолѣ испукана Перунова багряную поволоку. Верховный жрецъ по приказанію его подставилъ сшуль съ подушкою червчататаго аксамита, посадилъ на оный Руса, и снявъ съ главы его вѣнецъ, вписалъ съ онаго шаиншвенныя начертанія въ священную книгу, подъ заглавіемъ: О должностяхъ Государей, которыя поднесъ еще читающъ каждому нововѣчаемому, и о силѣ коихъ проспый народъ вѣдать не долженъ; ибо щасіе онаго въ томъ заключается, чтобъ не знашь того, что рѣдкіе вѣщеносцы наблюдающъ. Наконецъ низпадшій съ небесъ вѣнецъ торжественно носимъ былъ для обозрѣнія посреди народа; всякъ падалъ предъ онымъ, и воздавалъ ему божескую честь. Потомъ возложенъ оный опяшь на главу Князя. Испуканъ Чернобоговъ съ пѣніемъ

под-

поднятъ , и съ прежними обрядами торжественна провозденъ во Дворецъ Русовъ.

Тамъ Аспарухъ исполковалъ сыну своему должности, къ коимъ назначили его небеса, и которыя Русъ и многіе потомки его сохранили свято. И въ продолженіи празднествъ, учрежденныхъ на сей славный случай, Аспарухъ простился съ своимъ сыномъ, и пришелъ ко мнѣ, ожидававшемуся его въ лѣсу. Тутъ совѣтовалъ онъ съ предвѣщательнымъ зеркаломъ о мѣстѣ, которое назначатъ ему небеса къ спокойному обиталищу, и въ хранилище сосуда, заключающаго судьбину Русовъ. Сей самый островъ, на которомъ ты нашелъ меня, храбрый Булатъ, изобразился съ сею горою, въ коей мы находимся въ зеркалѣ. Послѣдовано сему божественному совѣщанію, и по возложеніи на коверъ сосуда и прочихъ нашихъ вещей, взошли мы на коверъ, и пренеслись сюда. Пещеру сію со всѣми ея укра-

Украшеніями соорудило искусство Аспарухово. Злашый сосудъ съ тяжкими заклинаніями - поставленъ на шой полянѣ, гдѣ шы нашелъ меня біющагося съ зміемъ, и ввѣренъ въ спражу двумъ шьмамъ служебныхъ духовъ. По силѣ оныхъ кляшвѣ, ушвержденныхъ самимъ великимъ Чернобогомъ, никто не могъ прикоснуться къ сосуду во все время жизни Аспаруховой, и никто не могъ овладѣть имъ, поколь попомшво Русово будетъ слѣдовать предписанному на вѣщѣ его. Въ случаѣ нарушенія сего закона позволено было сражаться врагамъ благоденствія Рускаго съ храницелемъ сосуда, но не прежде овладѣть онымъ, какъ низложя прошивоборствомъ сего хранишеля.

По совершеніи сего Аспарухъ, яко первый хранишель сосуда, имѣлъ неусыпное бдѣніе: ежедневно до нѣсколька разъ прибѣгалъ онъ къ волшебному зеркалу, чшобъ узнать о состояніи своего опечесшва. Двѣсти

Часть IX. Г. АШВ

лѣтъ прошло, въ которыя не могъ онъ жаловаться на поведеніе владѣшелей Рускихъ, кромѣ бѣдственнаго устава, коимъ новопокоренные Финскіе народы учинены невольниками своихъ побѣдителей. Онъ предвидѣлъ всѣ истекающія и впредь имѣющія случиться отъ того неспроенія, но не могъ оныхъ отшратить; ибо клялся не отлучаться съ острова, будучи хранителемъ на ономъ суда. Хотя чрезъ служебныхъ своихъ духовъ и нерѣдко посылалъ онъ свидѣнія Рускимъ Государямъ, побуждающія къ уравненію побѣдителей и побѣжденных; но либо Государи, зараженные предразсудкомъ о благородствѣ Славянъ предъ Финнами, или вельможи, имѣющіе выгоды отъ невольничества покоренныхъ, всегда находили не слѣдовашь сему спасительному вліянію. Лучше скажашь, судьба Русовъ содержала нѣкоторыя частныя нещасія, положенныя въ совѣтѣ Боговъ, коихъ усердіе Аспарухово отшратить было не въ

вѣ силахъ, и предписанное вѣ книгѣ вѣчныхъ усшавовѣ долженствовало совершиться. Аспарухъ, усмопря приближеніе конца своего, опкрылъ мнѣ всѣ тайны глубокаго своего знанія; я испилъ изъ злапато сосуда, клявшись бышь вѣчнымъ онаго хранителемъ, и по опшествіи Аспаруха, проведеннаго девять сотъ осьмдесятъ лѣтъ на свѣшѣ, вѣ жилищѣ душъ блаженныхъ, учинился здѣсь его наслѣдникомъ.

Чтобъ бышь вѣрну моимъ клятвамъ, забылъ я самъ себя, и посвятилъ безъ изъятія заботамъ о благоденствіи моего опчества. Я почши не опходилъ опъ волшебнаго зеркала. Сколь болѣзненно было видѣшь мнѣ вѣ ономъ владѣніе Князя Желашуга, раззоряемое междуособными бранями, и приведенное почши къ паденію! но я принужденъ былъ покоряться необходимости, и довольствоваться сохранять цѣлостъ судьбины ихъ, запертую вѣ злаптомъ сосудѣ; я уповалъ, что мило-

сердіе Боговъ возспавишъ нѣкогда главу славнаго народа изъ покрывающихъ оную развалинѣ. Но все сіе было еще слѣдствіе необходимости, происпекающей отъ погрѣшностей въ правленіи; не было еще врага, съ кошорымъ бы я сражаясь, прешерпѣлъ несказанные шруды.

Нѣкогда заглянувъ въ зеркало, увидѣлъ я во ономъ совѣшѣ злыхъ духовъ, благодѣшельствующихъ Финамъ и враждующихъ Русамъ. Звѣрообразный Астарофъ, Князь демонскій, сидѣлъ въ огненныхъ креслахъ, поставленныхъ на множествѣ мершвыхъ головъ, собранныхъ на мѣшѣ побоища въ послѣднюю междуособную бипву Русовъ близъ лѣсовъ Изборскихъ; сіе придавало кресламъ его нѣкошорый видъ ужаснаго престола. По правую руку его сидѣлъ пронырливый Аспулфъ, начальникъ духовъ вѣшносцевъ, а на лѣвѣ Демонмахъ, покровитель чародѣевъ, съ первыми изъ своихъ служебныхъ духовъ. Вокругъ сего адскаго

адскаго собранія сшояли полки мрачныхъ силъ, въ видѣ вооруженнаго воинства, Злоба и кровожадливостъ изображались въ ихъ темныхъ лицахъ, и ненавистъ сверкала изъ раскаленныхъ очей ихъ; они попрысали пламеннымъ и напоеннымъ ядомъ оружіемъ своимъ. Смертоносный смрадъ заражалъ всю окрестностъ сего адскаго сборища. Предчувствуя важностъ сего открытія въ пользу моего отечества, приклонилъ я внимательное ухо, и ожидалъ, что произойдетъ въ семъ богопрошивномъ совѣтѣ. — Могуція силы и власпи сонмища, спорющаго съ небесами, началъ Ашарофъ! я собралъ васъ на совѣтѣ для предложенія важнаго вопроса: чѣмъ должно низложить крѣпостъ народа, покровительствуемаго Богами и пришедшаго побѣдитъ страны Финновъ, обожающихъ меня и васъ вмѣсто Творца своего? Извѣстно вамъ, съ какою швердостію прешивоборствовалъ я волѣ небесъ, предающихъ мою державу въ областъ

Г 3

народу,

народу, мнѣ ненавистному : едва
 только Русы двинулись съ востока,
 я не ослабѣвалъ противупоставляя
 имъ всевозможныя препятствія на
 пути ихъ. Я возбуждалъ на нихъ
 всѣ спихи; внушалъ къ нимъ не-
 нависть во всѣхъ народахъ, сквозь
 области коихъ имъ проходить дол-
 жно было; съ своею, е Демонамахъ,
 помощію разсѣвалъ я ядовитыя
 травы и плоды, чшобъ скелы ихъ
 и сами они, по необходимости вкуса,
 погибали. Но все это осталось тщет-
 но: ненавистный мнѣ отецъ вожди
 ихъ Аспарухъ уничтожилъ всѣ сіи
 препоны: мудрость его, кошорой и
 самъ я не могу не удивляться, низ-
 ложила мои происки; онъ испре-
 билъ ядъ приговоренной ошравы, и
 преобразилъ оный въ здоровую
 пищу; онъ принуждалъ разсту-
 паться воздвигаемыя мною на пути
 непроходимыя горы, и принуждалъ
 ихъ давать свободныя стези; воз-
 буждаемыя бури и громы прогонялъ
 онъ въ необитаемыя пустыни; а
вну-

знушенную ненависть въ народы
 укрощалъ онъ мечемъ, провоз-
 даемымъ побѣдами и добродѣтелию,
 такъ что враги Русовъ дѣлались
 добровольно либо ихъ союзниками,
 или данниками. Финны, въ странѣ
 коихъ полико вѣковъ обожалось мое
 имя, совершенно ими покорены, и
 учинились имъ невольниками. Прав-
 да, что не упустилъ я знушишь
 гордый предразсудокъ въ мысли
 Князя Руса, чрезъ каковый онъ,
 подавая законы побѣжденнымъ Фи-
 намъ, учинилъ своихъ Славянъ
 надъ ними господами. Я довольно
 предвидѣлъ всѣ долженствующія изъ
 этого произойши слѣдствія: Финны
 лишаются неисребимую вражду къ
 своимъ владѣтелямъ, при всякомъ
 возможномъ случаѣ берущъ они ору-
 жие, и наносятъ не малый вредъ
 своимъ успѣшителямъ; сами Русы
 способствуютъ своему ослабленію,
 междуособствуя за участки влады-
 чества, коего они по себѣ уравнишь
 не могутъ, и обласшь Руская не-

примѣтными шагами идетъ къ своему паденію. Однако прозорливый Аспарухъ предусмотрѣлъ всѣ случаи; онъ соорудилъ вѣнецъ и золотыя сосуды съ таковыми шайнами, что нѣкогда Русы должны воспрянуть отъ бѣдственнаго сна своего. Законы, предписанные на вѣнецъ для Государей, когда нибудь вразумящъ ихъ ошнать неравенство у побѣжденныхъ, и учинить изъ нихъ одинъ народъ и братство съ ихъ побѣдителями. Тогда владычество наше въ странѣ сей совершенно испребится. Русы хотя заблуждаютъ въ понятіяхъ своихъ о Творцѣ своемъ, но они чистосердечно поклоняются небесной власи, и проклинаятъ силу адекую. Финны не слѣдуютъ вѣрѣ ихъ только по вкорененной ненависти къ народу, оную исповѣдающему; но они вшайнѣ одобряютъ святость оныя, и когда ошнмется причина ненависти, они отступящъ отъ меня; и имя Аспарофа учинится чуждо и

нѣт

ненавистно среди древнихъ прельщеныхъ его обожашелей. Далѣ скажу вамъ, хотя не проникъ я шайнспва, заключаемаго для судьбы Русовъ въ златомъ сосудѣ, но вѣдаю, что есшьли бы оный съ вѣнцемъ Русовымъ похищенъ былъ въ руки Финовъ, они бы Славянъ учинили своими невольниками, и истинное познаніе Творца никогда бы не просіяло въ сердцахъ ихъ. Я не нахожу дальнихъ затрудненій въ похищеніи вѣнца Русова; ослабленная междуособіями страна, не можетъ долго защищать оный, но иное обстоятельство съ златымъ сосудомъ. Второй Аспарухъ, ученикъ его Роксоланъ, владѣющій всѣми его знаніями и покровительствуемый Чернобогомъ, содержитъ оный въ неусыпномъ храненіи на одномъ изъ острововъ сѣвернаго океана, и подкрѣпляется помощію стражи двухъ шѣмъ служебныхъ духовъ, предстоящихъ престолу Чернобогову. Какъ уже дошомство Русово нарушило

законъ , предписанный на вѣнцѣ ,
 пришѣсненіемъ покоренныхъ Финовъ ,
 шо время испытать намъ свои по-
 кушенія къ похищенію сихъ Сла-
 вянскихъ святынь. Противупоста-
 вимъ силу силѣ; должно воздвигнушь
 чародѣевъ , и воспишеть оныхъ съ
 непримиримую злобою къ Славянамъ.
 Я берусь за сіе ; а Демонахъ
 долженъ обогатить ихъ всѣми шай-
 нами адскаго искусства. Когда бу-
 детъ шаковый , кто можетъ сразись-
 ся съ Роксоланомъ , мы можемъ облег-
 чить борьбу его бипвою съ спражею
 духовъ служебныхъ ; не разъ уже по-
 бѣды ихъ надъ нами дѣлали мы со-
 мнительными. Теперь ожидаю я вашей
 помощи и совѣша , могущіе Князи шьмы ;
 нареките орудіе , долженствующее по-
 служить намъ въ семъ достохвальномъ
 предпріятіи. — Тогда Асшулфъ ,
 возсвавъ съ мѣста , просилъ о внима-
 ніи , и предложилъ : — Я , имѣющій
 достовѣрное свѣдѣніе о всемъ , проис-
 ходящемъ въ концахъ свѣша , знаю ,
 что вчерась въ народъ Финскомъ близъ
 Голм-

Голмгарда родился младенецъ ,
 достойный нашей радости. Онъ
 произшелъ отъ опца, убившаго сво-
 ими руками своихъ родителей, и
 отъ матери, поядающей собствен-
 ныхъ дѣшей своихъ; а какъ вѣшѣ
 сомнѣнія, что чада заимствуютъ
 съ кровію всѣ свойства давшихъ
 имъ жизнь, такъ что отъ добро-
 дѣшельныхъ добрыя, а отъ развра-
 щенныхъ злыя на свѣшѣ происхо-
 дятъ, то поистиннѣ младенецъ
 Зміуланъ достоинъ нашего воспита-
 нія и обогащенія дарованіями Князя
 Демономаха. — Все собраніе вос-
 плескало отъ восхищенія, и опре-
 дѣлило Демономаху похищитъ сего
 Зміулана отъ груди лютой его ма-
 тери, чтобъ она не сожрала его
 рановременно, и тѣмъ не уничто-
 жила бы намѣренія, заключеннаго въ
 совѣшѣ адскомъ. Сей Князь злобы
 принялъ на себя усердно сіе возло-
 женіе. Я видѣлъ, какъ онъ похи-
 щилъ его отъ сосцовъ его матери,
 и опнесши въ пещеру горъ Валдай-
 скихъ,

скихъ , положилъ на постелю, прѣугоповленную изъ ядовитыхъ травъ; какъ онъ въ видѣ страшной женщины пишалъ его вмѣсто млека змѣиною кровію , и какъ вдыхалъ въ него адскую злобу. Зміуланъ возрасталъ чрезъбесшественно , и въ шесть мѣсяцовъ достигъ почти исполнинскаго роста , и учинился сполько злобенъ , что я , примѣчающій его въ волшебномъ зеркалѣ , видѣлъ въ немъ непреодолимое желаніе и всегдашнія покушенія задавить и растерзать адскую свою кормилицу. Демонамъ училъ его всѣмъ чародѣйнымъ знаніямъ , и менѣе нежели въ годъ , учинилъ его страшнымъ не токмо смертнымъ человѣкамъ , но и самому аду. Онъ могъ принуждать къ повиновенію всѣхъ служебныхъ духовъ адскихъ , и призывая повелѣвалъ ими, какъ своими невольниками ; имѣлъ власть превращать самъ , и превращать все , что бы ни вздумалъ , въ различные виды ; воздвигать бури и войну стихіевъ на

на вредъ челоѵческому роду; онѵ могъ узнавать о всемѵ происходящемѵ въ свѵшѵ, и пошому не пропускалъ злодѵйствовати, гдѵ только видѵлъ возрастающее начало благоденствія. Въ сихѵ обстоятельствѵхѵ оставилѵ его Демономахѵ непримиримымѵ врагомѵ Славенскому племени, и никогда не являлся предѵ него явно; но вшайнѵ онѵ и все адское сборище водилѵ шествовали его дѵйствіями и склонносшми; для того что адскіе духи, не имѵющіе власпи сами вредити Божію созданію, враждуютѵ оному чрезѵ шакowych изверговѵ челоѵческаго рода, каковѵ былѵ Зміуланѵ. Онѵ, оставшись самѵ попечителемѵ о своей жизни, удержалѵ склонность свою къ питанію змѵиною кровію. Боги, извлекающіе изѵ всякаго зла нѵчто доброе, употребили его въ орудіе очистиши непроходимыя Валдайскія горы отѵ размножившихся тамѵ великихѵ змѵевѵ, чшобѵ со временемѵ сіи непроходи-

ходимыя пуспыни учинились не токмо
 безопасными странственникамъ, но
 и могли бы заселены бытъ попом-
 ствомъ размножающагося опродія
 Рускаго. Зміуланъ на сей конецъ
 ловилъ зміевъ, и шерзая оныхъ
 питался ихъ кровію; а чшобъ удоб-
 нѣе постигашъ сихъ вредныхъ пва-
 рей и въ самыхъ глубочайшихъ
 земныхъ нѣдрахъ, принялъ онъ
 самъ образъ змія, и сполько оный
 возлюбилъ, что до самаго гибель-
 наго конца своего во ономъ оспал-
 ся. Въ семъ образѣ ловилъ онъ
 удобно не осперегающихъ его змі-
 евъ, и такъ оныхъ испребилъ, что
 нынѣ не токмо въ горахъ Валдагъ-
 скихъ, но и во всѣхъ предѣлахъ,
 занимаемыхъ Славянами, рѣдко ви-
 димы сіи чудовищи. Оспашокъ оспо-
 рожнѣйшихъ изъ нихъ убѣжалъ
 въ глубочайшія земныя пропасти;
 но и шамъ чародѣй изловилъ оныхъ,
 и какъ не могъ всѣхъ ихъ вдругъ
 пожрать, шо въ разныхъ мѣстахъ
 связалъ ихъ волшебными вервями.

по

по нѣскольку вмѣстѣ, чшобѣ оныя не могли убѣжапѣ, и гошovy были, какѣ домашняя скопина, на всякѣй разѣ ко уполенію его алчнosity. Волшебныя верви имѣютѣ дѣйствіе свое только на годичное время; послѣ того пріобщающся они кѣ пѣлу того, что связуютѣ. Отѣ сего - то произошли всѣ чудовищи, наполняющія свѣтѣ ужасомѣ, когда гладѣ принуждаешѣ ихѣ исходить на земную поверхность. Изѣ числа сихѣ былѣ и шомѣ двенадцатиглавыи смокѣ, или какѣ Римляне имянующѣ драконѣ, коего ты храбрый Булатѣ убилѣ вѣ землѣ Косоговѣ. — Но обратимся кѣ нашей повѣсти. — Зміуланѣ, по вліянной вѣ него адомѣ ненависти кѣ Славянамѣ, не пропускалѣ нигдѣ наноситѣ имѣ пакоси. Но какѣ я чрезѣ служебныхѣ духовѣ и кабалистику отпрашалѣ посылаемыя имѣ бѣдствія, то пришелѣ вѣ великую ярость, и клялся адомѣ не прежде оспашься спокойнымѣ, какѣ узнаешѣ своего прошиво-

противоборца, и расперзаетъ онаго въ мѣлкія части.

Сіе было способнѣйшее обстоятельство, которое Астарофъ могъ употребить въ пользу своего намѣренія. Онъ предсталъ къ нему въ своемъ собственномъ ужасномъ видѣ, и пребывалъ кляшвеннаго на душу его рукописанія, безъ чего, говорилъ ему, не можешь онъ ни узнать своего прошивника, ни возмочь низложить онаго. Злостъ Зміуланова считала требованіе сіе малою жертвою, каковая только можешь принесена быть въ ея удовлетвореніе. Чародѣй далъ вѣчное рукописаніе на свою душу Князю тьмы, написанное своею кровію; онъ съ удовольствіемъ раскусилъ себѣ губу, чѣмъ употребилъ кровь изъ раны вмѣсто чернилъ. Принявъ рукописаніе и учинясь вѣчнымъ владѣтелемъ души Зміулановой Астарофъ, сдѣлалъ ему шемное обо мнѣ описаніе; открылъ ему мѣсто моего обиталища, и вразумилъ, что до тѣхъ поръ не можешь онъ со мною сразиться, пока

пока которая нибудь изъ чужестран-
ныхъ державъ не овладѣетъ вѣн-
цемъ Русовымъ. Тогда можетъ онъ
съ нимъ прошивоборствовать, но не
успѣетъ низложить до тѣхъ поръ,
какъ овладѣетъ злымъ сосу-
домъ, находящимся въ его охране-
ніи. Въ сихъ темныхъ понятіяхъ
оставилъ его Аспарфъ, обѣщавъ
ему вспомошествовать всѣми сво-
ими адскими силами.

Зміуланъ, до того времени за-
нимавшійся одними только побужде-
ніями своей злобы, позналъ теперь
всю нужду, сколь попребенъ ему
совѣтникъ къ произведенію такого
важнаго дѣйствія. Онъ прибѣгнулъ
къ своей чародѣйной наукѣ, и ужа-
сными заклинаніями привелъ весь
адъ въ трепетъ. По призыву его
цѣлыя полки злыхъ духовъ къ нему
предстали; онъ видѣлъ между ими
Астулфа, начальника духовъ вѣсно-
носцевъ. Сея Князь геенскій явился
въ полкъ мрачныхъ силъ не по убѣ-
жденію власти Зміулановой; ибо онъ

Часть IX.

Д

по

по данному рукописанію самъ былъ рабъ ада, но по сходству склонности своей ко злобѣ, чтобъ спомоществовать чародѣю хитростію въ произведеніи покушенія его на злшый сосудъ. Онъ совѣщовалъ ему опуститъ всѣхъ духовъ, увѣряя его, что силы ихъ недоспащны удовлетворитъ его пребыванію, и самъ взялъ на себя бытъ водителемъ его въ семъ предпріятіи. По учиненіи сего Зміуланомъ коварный Асшулфъ началъ внушать ему о всѣхъ подробностяхъ употребленія шонкаго разума, какъ оный обращать въ пользу свою посредствомъ предательства; онъ доказывалъ ему, что лешть, вѣроломство, убивство, измена и все то, что глупые смертные, называющіеся отъ шаковыхъ же проспаковъ добродѣтельными, считаютъ за дѣла безбожныя, суть орудія, коими разумный человекъ долженъ дѣйствовать безъ всякаго опасенія, естли только хочешь достигнуть меты своихъ желаній.

Онъ

Онъ приводилъ ему въ примѣръ мно-
гихъ вельможъ, кои означенными
средствами производили великія дѣла
на свѣпѣ, и сидя въ чешырехъ
спѣнахъ, могли ворочашь, такъ
сказашь, своимъ опечесвомъ, его
Государемъ и смѣжными обласпьми.
Зміуланъ находилъ шайное побуж-
деніе въ желаніяхъ души своей
слѣдовашь сему наспавленію; Аспуафъ
проницалъ сіе, и для того распо-
ложилъ съ нимъ планъ къ нападе-
нію на меня и опечесво мое съ
разныхъ споронъ, чшобъ шѣмъ
удобнѣе было имъ низложитъ насъ,
есшли копорая нибудь изъ сихъ
споронъ не будетъ довольно защи-
щаема опѣ ихъ хипроспей. Одна-
кожъ все, что Зміуланъ чаялъ бытъ
сокрытымъ опѣ всѣхъ смертныхъ,
подробно представляло мнѣ волшеб-
ное зеркало.

Какъ Астарофъ адскою своєю
пронырливостію проникъ, что благо-
денспые и возспановленіе Рускаго
народа заключается въ сохраненіи за-

коновъ, предписанныхъ на вѣнцѣ Русовомъ, отъ коихъ попомки его уже начали уклоняться, по чаялъ онъ, что неминуемое оному паденіе воспослѣдовавъ должно тогда, когда съ похищеніемъ вѣнца сего и ошашокъ наставленія Аспарухова изъ памяти Государей истребитсѣ. Но понеже адская и чародѣйная сила не въ состояніи была покуситься на вещь, защищаемую Чернобогомъ, пошому слѣдовало употребить къ шому постороннія руки каковаго нибудь смершнаго. Аспулфъ вразумленъ былъ въ томъ адскимъ Княземъ, по коего велѣнію и предсталъ онъ къ чародѣю, и для того говорилъ ему: прежде нежели сразимся мы съ Роксоланомъ о злшомъ сосудѣ, ты вѣдаешь, сколь нужно лишишь Славянъ вѣнца Русова. Доколь еще въ народѣ семъ останушся нравы добродѣтельные, доколь еще Государи ихъ будутъ возбуждаемы къ своей должности, шрудно намъ будетъ имѣть каковый либо успѣхъ.

успѣхъ. Но и въшъ сомнѣнія, что Русы, по лишеніи вѣнца сего, впадутъ во всѣ пороки, и шѣмъ прогнѣвають Боговъ; они опнимутъ опъ нихъ свое покровишельство, и Роксоланъ безъ сей защиты будетъ слабъ прошивуспашъ шебѣ. Однакожъ не долженъ я скрытъ опъ шебя, что хотя ты обладаешь всѣми чрезъестественными знаніями, хотя превосходишь силами своими всѣхъ смертныхъ, но безъ конечной своей гибели не можешь самъ собою покушиться на шапъбу вѣнца Русова. Должно употребить къ тому способную особу изъ простыхъ смертныхъ, и думаю, что не ошибусь я въ опредѣленномъ мною оной выборѣ. Къ западу за проливомъ Готфскимъ есть три великіе разбойничьи острова; народъ, на оныхъ обитающій, дикъ и кровожадивъ. Управляетъ онымъ Царь Дѣвица, которая поднесъ еще величайшею сурею славою пошавляетъ разбѣжати на большихъ лодкахъ около береговъ Варяж-

скаго моря, и грабиль суда торго-
выхъ людей. Я примѣнилъ въ ней
непреодолимую склонность къ вол-
шебной наукѣ; но какъ въ странѣ,
толь дикой, нѣшь обладающихъ
симъ превосходнымъ знаніемъ, по
и оспалась она поднесъ съ однимъ
шолько желаніемъ. Прозорливый Де-
монамахъ нарочно отсрочивалъ
удовлешворить ея толико ему благо-
пріятной склонности, чшобъ подать
ей въ шебъ достойнаго наставника,
и купно припомъ употребишь ее
орудіемъ къ похищенію вѣнца Ру-
сова. Шествуй, почщенный Зміуланъ,
преподашь ей нѣкошорую часть ве-
ликаго твоего знанія; но не пропу-
скай внушашъ ей безпрестанно, чшо
она никогда не достигнешъ совер-
шенства въ ономъ, поколь не бу-
детъ имѣть въ своей власпи вѣнца
Русова. Предпріимчивость сей жены
обѣщаетъ намъ успѣхъ въ нашемъ
намѣреніи.

Сколько Зміуланъ былъ злобенъ,
столькожъ и неперпѣливъ: онъ въ
шождъ

пожѣ мгновеніе ока изгопвился лешѣшь вѣ острова разбойничьи. Не оставляя своего любимаго змѣинаго вида, прибавилъ онѣ къ оному только двенадцать крылъ, изъ коихъ каждое составляли по два духа. Оныя помчали его по воздуху; и опустили близъ города Царя Дѣвицы на заповѣдныхъ лугахъ, вѣ которыхъ она тогда прогуливаясь, рвала разныя травы, содержащія по мнѣнію ея таинственную силу. Представъше себѣ неустрашимость сей женщины, что она, увидя предѣ собою спадшее съ воздуха таковое ужасное чудовище, ни мало не оробѣла, но приготопилась къ защищенію копіемъ и мечемъ своимъ. Однако Зміуланъ не на долго оставилъ ея вѣ семѣ смяшеніи; онѣ перекинувшись назадъ, принялъ на себя свой собственный видъ, прибавя только къ оному нѣкопоря украшенія, на примѣръ: звѣрообразное лице его не было уже запачкано змѣиною кровію; клокастые его волосы

не торчали вверху, какъ рога; оныя увѣнчаны были блистающею короною; мохнатое и черное его шѣло покрыто было долгою одеждою съ изображеніемъ разноличныхъ диволовъ и пылающаго пламени; (*) въ рукѣ держалъ онъ чародѣйный жезлъ, обвитый змѣею. Неустрашимостьъ своя, великая Государыня, — сказалъ онъ ей, — заслуживаетъ полное мое къ тебѣ почтеніе. Знай, что я Царь чародѣевъ и вѣдаю склонность твою къ сей важной наукѣ; для сего-то и предсталъ я къ тебѣ, чтобы учинить тебя въ оной могущею, и чтобы привести тебя въ состояніе повелѣвать духами и всемъ адомъ. Царь Дѣвица такъ обрадовалась сему неожиданному

(*) Сія - то можетъ быть одежда служила подлинникомъ, съ которой преподобнѣйшіе отцы инквизиторы толь удачно сняли свою копию.

моему щастію, что забывъ свой санъ,
 бросилась предъ нимъ на колѣна;
 благодарила его и обѣщала ему,
 какъ училелю, совершенное свое по-
 виновеніе. Обѣщаніе мое непремѣнно,
 продолжалъ Зміуланъ; ты конечно
 вскорѣ познаешь таинства моего зна-
 нія; но одно только предстоитъ
 тебѣ препятствіе, которое конечно
 безъ труда преодолѣешь своя не-
 усмрашимость. Расположеніе твоихъ
 созвѣздій, подъ которыми ты родилась,
 не дозволяетъ тебѣ учиниться со-
 вершенною въ таинственной наукѣ,
 поколь ты не овладѣешь вѣнцемъ Ру-
 совымъ. Сей вѣнецъ есть шпѣтъ,
 коимъ вѣнчающся Князи храбраго
 Рускаго народа, покорившаго обла-
 сти Финскія и усмрашившаго всѣ
 здѣшнія страны непобѣдимымъ сво-
 имъ оружіемъ. Сполица, въ коей
 хранился вѣнецъ сей, лежитъ не
 въ дальности отъ береговъ великаго
 озера, Ирмеръ называемаго, и до ко-
 торой съ острововъ твоихъ можно
 пройти водянымъ путемъ. Не на-

Д 5

дѣйся

дѣйся на мое вѣшомѣ покровитель-
ство; ты должна овладѣшь симѣ
вѣнцемѣ съ однимѣ своимѣ воин-
ствомѣ, безѣ всякой чрезѣстесствен-
ной помощи. Все, что ты можешь
опѣ меня ожидашь вѣ семѣ случаѣ,
будешѣ состояшь вѣ показаніи шебѣ
пуши до города великой Русы, и что
я введу шебя невидимую вѣ храмѣ,
гдѣ хранится вѣнецѣ оный, чтобѣ
ты, узнавѣ его, не могла учинишь
ошибки во время нападенія. Есшли
хочешѣ, сей часѣ мы шуда отпра-
вимся; избирай пушь, по воздуху ли,
или водою?

Царѣ Дѣвица имѣла доволно
опважности, чтобѣ предпочешѣ чрез-
вычайное шествіе обыкновенному;
она открыла о шомѣ чародѣю, и
принесла ему швердыя кляшвы, что
или погибнешѣ, или вѣ надлежащее
время овладѣшѣ вѣнцемѣ Русовымѣ.
Зміуланѣ посредшвомѣ своего чаро-
дѣйнаго жезла учинилѣ пошребныя
учрежденія. По проченіи имѣ нѣ-
которыхѣ таинственныхѣ словѣ,
огнен-

огненное облако въ быстромъ вихрѣ крутясь, опустилось предъ удивленную обладашельницу разбойничьихъ острововъ, и разорвавшись съ громомъ изъ своего клуба, представило колесницу, запряженную двумя крылатыми зміями. Чародѣй вошелъ во оную, оставя своей ученицѣ замять большое мѣсто, и вручилъ ей вожжи для управленія чудовищныхъ возниковъ. Царь Дѣвица съ великою смѣлостію пронула вожжами; колесница поднялась на воздухъ, и какъ стрѣла помчалась въ шу сторону, куда чародѣй приказывалъ спущеницѣ своей править. Примѣчайше прилѣжно путь сей, говорилъ онъ ей, дабы безъ ошибки могли вы съ морскими своими судами плыть и пристать въ надлежащемъ мѣстѣ. Они летѣли на сѣверъ чрезъ проливъ Готфскій, чрезъ море Варяжское до устья Невы рѣки, а потомъ надъ оною до Ладина озера. И такъ Царь Дѣвица усмотрѣла наконецъ, что изъ сего озера есть со-

сообщеніе рѣкою Мупною съ великимъ Ирмеромъ, на берегу котораго въ густомъ лѣсу опустились на землю. — Намъ не болѣе десяти верстъ осталось до столицы Руской, сказалъ чародѣй. Невидимою ли, или во образъ какойнибудь мѣлкой швари желаете вы осмотрѣть великую Русу и храмъ, гдѣ хранятся вѣнецъ? — Она избрала послѣднее; почему Зміуланъ обратился ея въ бабочку, а самъ принялъ видъ шершня, и въ образъ сихъ насекомыхъ повелъ ея шихимъ лешаніемъ въ назначенное мѣсто. Примѣчайте, государыня моя, — продолжалъ Зміуланъ, — сіе обстоятельство, что вамъ легко овладѣть нужною для васъ вещью; сей лѣсъ простирается отъ самаго озера до столичнаго города; на брегахъ бывшія крѣпости раззорены въ междоусобную войну, засады изъ оныхъ выведены, подзорныя башни безъ часовыхъ; вопшъ что причиняется государству, въ которомъ правитель печется только о самомъ себѣ и о

удо.

удовлешвореніи своимъ спрашямъ; гдѣ вельможи, забывъ опечесшво, споряшъ только о начальствѣ и заняшы лишь своекорыспіемъ; гдѣ государшвенныя сокровища распо- чаюшся, а войски служатъ безъ награжденія, и гдѣ каждый вель- можа имѣетъ на своей споронѣ нѣ- сколько подкупленныхъ рашниковъ, чтобъ начинать въ выгоду свою войны междуособныя. Нынѣ нѣшъ здѣсь рати ни оборонительной, ни наступательной; воины упражняюш- ся либо въ разбояхъ, или служатъ за наемъ врагамъ своего опечесшва; но нѣкогда войши въ предѣлы Рус- кіе съ мечемъ было дѣло невозмож- ное, и вы опнюдь не могли бы овладѣшь вѣнцемъ Русовымъ. — Въ сихъ и подобныхъ шому раз- говорахъ достигли они сполицы и осмошрѣли безпрепятшвенно все, что нужно было видѣшь. Помомъ чаро- дѣй, принявъ обыкновенный свой змѣиный образъ, опнесъ Царь Дѣ- вицу въ ея Дворецъ. Тамъ сдѣлалъ онъ

онѣ ей наставленіе, какимъ образомъ можно соорудить мореходныя безопасныя суда, управляемыя вѣтрилами, кошорыя вѣ десять крашѣ могутъ быспрѣ плавать, нежели чрезъ греблю веслами, и сдѣлавъ ей прочія нужныя наставленія, удалился вѣ свою пещеру.

Между тѣмъ, какъ Царь Дѣвица упражнялась вѣ строеніи флота и вѣ прочихъ вооруженіяхъ, предвидѣлъ я бурю, грозящую моему отечеству; но чѣмъ могъ я оную опзрашитъ? Мнѣ вѣ силу клятвѣ моихъ, какъ хранишелоу злашаго сосуда, не можно было съ острова сего оплучашься. Тщетно посылалъ я несчастному Князю Желашугу наставленія чрезъ сновидѣнія; онѣ внимашь онымъ не хотѣлъ, или не могъ, бывъ приведенъ вѣ слабость своими льстецами, либо отъ того, что недоброжелатели своему отечеству, укрѣпясь во время междуособій, весьма ограничили его верховную власть. Обстоятельство сіе было весьма бѣдственна вѣ народѣ, кошорый издревле при-
выкѣ

выкѢ жить подѢ одною самодержав-
 ною особою. — Но чѣшбѢ не опспу-
 пить вѢ излишнїя околичности ,
 скажу тебѢ, любезный богатырь,
 что Царь ДѢвица напала неужи-
 даемо на сполїцу Рускую, почти
 безѢ всякой обороны разграбила оную,
 и обще сѢ государспвенными сокро-
 вищами похїпя вѢнецѢ РусовѢ, воз-
 вратилась шоржеспвующею вѢ оспрова
 свои. ЧародѢй уже дожїдался ее
 во внуспреннїхѢ покояхѢ Дворца,
 чѣшбѢ сдержашь свое безбожное обѢ-
 щанїе вѢ преподанїи ей наспвае-
 нїя вѢ чародѢйной наукѢ. ОнѢ вѢ
 короткое время изучилѢ ее многїмѢ
 таїнспвамѢ, и учїнилѢ повели-
 шельницею надѢ начальникомѢ вѢспо-
 носныхѢ духовѢ АспулфомѢ. Сей
 дарѢ его былѢ прїяшнѢйшїй, како-
 вымѢ шолго могѢ онѢ одолжїть
 Царя ДѢвицу. Врожденная женскому
 полу спраспть любопытспва заняла
 ее безѢ изѢятїя; она безпреспанно
 почти упражнялась вѢ слушанїи слу-
 чаевѢ, происходящихѢ во всѢхѢ спра-
 нахѢ

нахъ свѣта, и Асшулфъ, попчивая ее смѣсью изъ испивны и лжи, довольно имѣлъ рабшны на всякій день. Но самъ чародѣй препровождалъ время сіе не въ одномъ только ученіи Царя Дѣвицы; онъ считая, что Боги по похищеніи вѣнца Русова совершенно отврапились отъ народа Славянскаго, и что во ономъ послѣ того имѣющіе умножишся пороки еще и болѣе подвигнушъ ихъ на гнѣвъ; чаялъ, что уже время покусишся ему на злшый сосудъ; и чтобъ удобнѣе было пропивоборствовашъ мнѣ, какъ Кабалисту, составлялъ онъ чародѣйную броню, копорая учинила бы удары мои на него недѣйствительными. Князь адскій Аспарофъ способствовалъ ему ковать оную изъ спали, пріугоповляемой на собствєнные свои расходы во внутренносняхъ геины. Нападеніе на меня оплагалось только до совершенія сего чародѣйнаго вооруженія.

Между

Между тѣмъ похищеніе вѣнца Русова пронзило душу мою жесточайшею скорбію; бія себя въ грудь, повергся я предъ испуканомъ великаго Чернобога. О Богъ мститель, вопіялъ я! . . . и шакъ несчастные Русы учинились недостойны твоего покровительства, и шакъ предаешь ты ихъ беззащитныхъ во власть враговъ твоихъ! Но должно ли погибнуть моему отечеству, гдѣ всегда опдається усердное тебѣ поклоненіе? должно ли и мнѣ дожить сего пагубнаго часа? Вѣнецъ благоденствія Рускаго спалъ добычею чужеземныхъ! О! естли въ книгѣ вѣчныхъ уставовъ предписано народу моему сіе злополучіе, не лиши послѣднія надежды, да не прикоснется злоба адская къ сосуду, сохраняющему послѣдки судьбы его! . . .

Но что бы ни было (продолжалъ я съ пролітіемъ слезъ и наполняясь ошчаяніемъ), Зміуланъ не воспоржествуетъ, пока я живъ; погибель моя соединена съ участію златаго

Часть IX.

Е

со-

сосуда, и я всегда буду вѣренъ къ принесеннымъ мною тебѣ клятвамъ. — Тогда почувствовалъ я шайное утѣшеніе, разливающееся во внутренности моей; я всшалъ и принесъ жертву умилоствленія Богу мспителю. Едва пламень началъ обращать оную въ пепелъ, испуканъ Чернобоговъ возблисталъ божественнымъ свѣтомъ, и потрясшись вѣщалъ ко мнѣ колѣнопреклоншемуся въ присутствіи божества: бодрствуй Роксоланъ! благоволеніе мое о Рускомъ народѣ не можетъ отвращено быть шѣмъ, что онъ впадаетъ въ пороки; всякія пресупленія не суть по себѣ казни виновнику и служатъ ему во исправленіе. О! если бы ты могъ проникнуть въ судьбы Боговъ, ты не ропсалъ бы противу случаемыхъ временныхъ несчастій; все, что смертные считаютъ за гнѣвъ ихъ, есть только орудіе, влекущее ихъ ко исправленію. Боги людей считаютъ своими чадами, и самое то, что смертные вѣ-
няющѣ

и́яютъ въ крайнее злощастіе, есть только спезя, кою ведущя они къ щасію. Бѣды научають ихъ познавать дѣянія, влекуція по себѣ слѣдствія вредныя; и можешь ли пычадолубивое насшавленіе полагать за мщеніе небесъ, когда слѣпые смершныя не могушъ инако вразумляшся, какъ дѣяшельнѣйшими примѣрами? Уронъ вѣнца Русова откроешъ глаза швоего народа; владѣтели его познають, сколь пагубно для нихъ самихъ не слѣдовашъ должношямъ, нужнымъ для Государя въ опшоеніи къ его государству, а вельможи и народъ усмошряшъ, что никакая собшвенность ихъ не можешъ быть безопасна, ештли они не будушъ строго наблюдашъ слова законодательныя. Связь сія шоль между собою заимствевна, что малѣйшее оныя нарушеніе влечешъ за собою паденіе цѣлому. Вѣдай, что добродѣшельный Драшко, сей ишпинный сынъ своего опечесшва, поправляетъ уже раченіемъ своимъ

Е 2

всѣ

всѣ сїи вскользящія неустройства. Онѣ въ малолѣтство Князя Видимира, нося кормило государства, чинаешъ ревностно списокъ съ вѣща Русова, сохраненный въ книгѣ у жрецовъ, толкуешъ оный юному Видимиру, и шѣмъ укрѣпляя его къ сношенію подлежащаго ему бремени, нечувствительно всѣваешъ въ сердце его сѣмена добродѣтели. Русы возстанушъ, какъ я предрекъ иѣкогда Аспаруху, изъ своихъ развалинъ и подѣ правленіемъ мудраго Видимира возобновяшъ свою славу; слѣдственно все ухищреніе адской силы не можешъ достигнуть своего намѣренія, и владычество Аспарофово совершенно изгибнешъ въ областяхъ отечества швоего; ибо Фины, учинясь единымъ съ Русами народомъ, воспріимушъ истинную ихъ вѣру и не будутъ поклоняшся имени Князя шьмы. Вѣнецъ Русовъ возвратишся на главу законныхъ онаго носителей, и хощя адъ воздвигнулъ прошиву себя чародѣя, но небеса приуго.

утоповили тебѣ помощника: волшебное зеркало покажетъ тебѣ, кто ты, а ты печеніе подвиговъ его имѣй въ своемъ полеченіи. Но чтобѣ никакая кознь злобы не имѣла успѣховъ и чародѣйная броня топящихся на насъ на тебя Зміулана была пронцаемою, я дамъ тебѣ средство, чѣмъ прошивоборствоваешь тебѣ своему прошивнику, и когти льва расперзаютъ упробу зміеву, — Посемъ исшуканъ Чернобоговъ простеръ руку свою и желѣзныя вилы его обратились въ львиную кожу съ спальными великими когтями. Въ сію кожу облакайся ты, вѣщаль миѣ божественный тласъ, исходя на рашоборство съ чародѣемъ. По семъ безсмертное сіяніе около исшукана стало невидимо; я распротерся вновь предъ исшуканомъ, приносилъ усердное благодареніе Богу мщителю, и возложу до надлежащаго времени божественную мою защиту предъ ноги жершвенника, опшелъ къ волшебному зеркалу,

калу, чшобъ узнать моего помощника.

Въ ономъ, храбъ ой богатырь, представилось мнѣ швое рожденіе, дѣшсново и наконецъ многіе богатырскіе подвиги; но кому ты обязанъ въ оныхъ помощію, узнаешь вскорѣ ошѣ меня и чрезъ помощь волшебнаго зеркала; а шеперь послѣдуемъ мы въ окончаніи моей повѣсти.

Зміуланъ, по приугошвлени чародѣшной брони, шощасъ дерзнулъ приближиться на сей островъ. Я предчувствовалъ сіе по необычайной перемѣнѣ въ природѣ и шощасъ вооружился въ данную мнѣ Чернобогомъ лвшиную кожу; чрезъ что я получилъ видъ насшощаго льва и шполь великую силу и смѣлосшь, что въ состояніи былъ сразиться съ цѣлымъ свѣшомъ. Едва вышелъ я изъ моей пещеры, все гоповящееся мнѣ нападеніе изобразилось. Казалось, что все ешество приближается къ своему наденію; земля шоща-

тряслась, море волновалось, ужасные вихри ревели всюду, и вырывая великіе дубы изъ кореня, носили, какъ перо, по мрачному воздуху. Бесъ видимый мною воздухъ наполнился пламенемъ, и сверкающія молніи съ престрашнымъ громовымъ стукомъ самое небо представляли адомъ. Сіе сравненіе приведено очень къ шапи; ибо цѣлыя полки адскихъ силъ, въ предводительствѣ князя своего Ашарофа, въ разныхъ мрачныхъ своихъ видахъ неслись на огненныхъ облакахъ сразись съ хранящими злашый сосудъ чистыми служебными духами. Я не внималъ сему, поколь занялъ мое мѣсто близъ злашаго сосуда; но тогда увидѣлъ я бипву, которую воображеніе человѣческое едва ли себѣ представишь можешь. Цѣлыя каменные горы лещали подобно быстрой молніи; повергаемые изъ пращей удары, отъ коихъ должно бы разрушились земаѣ, падали, какъ дождь, съ обѣихъ сторонъ; адскіе духи,

раздробляемые оными въ прахъ, падали какъ листъ, взвѣваемый вѣтромъ, во глубину моря; но какъ существа, немогущія уничтожиться, появлялись они съ новою яростію. Посреди сего смященія смердящій клубъ, опустясь съ великимъ шумомъ на землю, рассыпался и представилъ мнѣ страшнаго Зміулана въ видѣ крылатаго и четвероногаго змія. Онъ бросился на меня съ злобною яростію, чщобъ разперзашъ на части, но когти львиные произвели неожиданное имъ дѣйствіе. Когда его пораженія не дѣйствовали сквозь покрывающую меня кожу, то мои напрошивъ въ малое мгновеніе ока покрыли его ранами и кровію. Онъ съ ужаснымъ ревомъ и каряченіемъ скрылся отъ меня бѣгствомъ. Мрачныя силы, видя неудачливость его покушенія, престали удерживать служебныхъ духовъ отъ поданія мнѣ помощи своимъ нападеніемъ и съ великимъ смрадомъ исчезли.

Но

Но сіе было не одно только покушеніе. Зміуланъ почши еженедѣльно нападалъ на меня, по тайными происками, по явною силою, но всегда безъ успѣха.

Между шѣмъ я не упускалъ тебя, храбрый богатырь, изъ моего надзиранія; волшебное зеркало вело меня всюду за твоими подвигами. Я, помня предсказаніе великаго Чернобога въ разсужденіи важныхъ услугъ, ожидаемыхъ отъ тебя нашимъ опечесствомъ, имѣлъ попеченіе, чщобъ укрѣпить тебя въ добродѣтели; служебный духъ воспышывалъ тебя по моему приказанію подъ видомъ пустыинника. А чщобы и сила твоя была дѣяшельнѣйшею и побѣды рѣщительными, искусствомъ моимъ соорудилъ я сію твою дубину, и наливая оную свинцомъ, вложилъ внутрь ея одинъ изъ когшей кожи львиной, данной мнѣ Чернобогомъ; ибо по опытамъ узналъ, чщю прощиву когша сего ничщо успощать не можешъ. Впрочемъ щевѣ извѣщно,

Е 5

какъ

какъ оную нашелъ ны при своемъ пробужденіи послѣ двухмѣсячнаго сна близъ своего бока, и каковую услугу приносила оная тебѣ въ швоихъ подвигахъ.

Наконецъ узналъ я о исхожденіи швоемъ, храбрый богатырь, на приключеніе къ возвращенію вѣнца Русова. Нужда, кошую имѣешь ны въ моихъ наставленіяхъ, и собственная моя польза въ помощи къ низложенію моего прошивника, принудили меня учредитьъ прешерпѣнную шобою бурю, чшобъ оная принесла тебя на сей ошровъ. Однакожъ каково ни жестоко было во время сіе сраженіе спихій, вамъ не предстояло опасности кораблекрушенія; ибо служебные мои духи берегли рачительно каждую часть судна вашего ошъ поврежденія. При самомъ швоемъ исхожденіи на сей ошровъ Зміуланъ, предчувствующій, что съ возвращеніемъ вѣнца Русова лишится онъ всякой надежды къ овладѣнію злымъ сосудомъ,

домъ, и слѣдственно къ низложе-
 нію меня, вѣчнаго врага своего; для
 сего собралъ онъ послѣднія силы
 адской помощи и искусства, чѣмъ
 прежде, нежели достигнешь ты въ
 области Царя Дѣвицы, испыташь ко-
 лечнаго на меня покушенія. Онъ
 вѣдалъ, что побѣдя меня легко уже
 можешь воспрепятствовать своимъ
 успѣхамъ. Астарофъ соорудилъ же-
 лѣзную стѣну съ опверстіями, чѣмъ
 въ оныя бросать свои удары на
 духовъ, спрегущихъ злѣшій сосудъ,
 и чѣмъ стѣна, подхватывая ихъ
 пораженія, дѣлала оныя недѣйстви-
 тельными. Стѣну сію несли по
 воздуху, а вооруженные духи спо-
 яли на оной и за оною въ надле-
 жащемъ бранномъ успроеніи. Зміу-
 ланъ, извѣдавши шягость пораженій
 когшей львиныхъ, выдумалъ проши-
 ву сихъ средство, оказавшее ему на
 нѣсколько помощь: онъ обшилъ тѣло
 свое шодстыми кожаными набитыми
 хлопчатною бумагою и пухомъ пол-
 ешями; ноги свои вооружилъ онъ
 вс-

великими спальными когтями, чая
 шѣмъ разрушить крѣпость кожи
 львиной. И какъ таковое пятоспное
 одѣяніе препящствовало самому ему
 лешѣшь по воздуху, упошребилъ
 онъ чародѣйную колесницу. Она
 появилась въ глазахъ моихъ свер-
 кающею различными огнями; везли
 ее двенадцать огненныхъ престра-
 шной величины нешопырей. Надле-
 шѣвъ къ мѣспу, гдѣ я ожидалъ его,
 бросился онъ какъ молнія прямо къ
 злашому сосуду, чшобъ подквашить
 оный, однако я, предупредя его,
 принудилъ спарашься о защищеніи
 жизни его. Девятикратно ошражалъ
 я его, не могши учинить на немъ ни
 малой язвы; прикрывающія шѣло его
 полсти выдерживали дѣйствіе ког-
 шей львиныхъ. Девятикратно при-
 нимали мы опдохновеніе; ибо при-
 нуждаясь борощься только силою,
 мы крайнѣ ушомлялись. Между
 шѣмъ видѣлъ я сраженіе добрыхъ
 и злыхъ духовъ; искусствомъ сдѣ-
 ланныя молніи, раскаленные стрѣлы

и камни свисали, повергаемые съ непоспорижимою быспросію изъ ошверстїей желѣзной стѣны; но спража злешаго сосуда могла оныя, безвредно подхващя, обращашь въ своихъ противниковъ; и ешьлибъ полько не защищала оныхъ стѣна, они разрушены бы были собственнымъ своимъ оружіемъ. Астарофъ, видя неудачливое дѣйствіе своихъ ударовъ, подвигъ стѣну на ополченіе благихъ духовъ, и шѣмъ по нѣсколькихъ сопротивленїяхъ принудилъ ихъ уступать съ мѣста сраженїя. Я воснрелеталъ, примѣшя сіе, для того что ожидалъ, что по прогнанїи спражи Астарофъ можетъ пришти на помощь чародѣю, и шѣмъ принудить меня раздѣлить мою силу и обороняться со всѣхъ сторонъ. Однако въ самое то мгновеніе ока, когда ожиданіе мое начало совершаться, Астарофъ съ частїю мрачныхъ силъ своихъ поспѣшалъ ко мнѣ, а Зміуланъ, усмотря сіе, бросился на меня съ сугубою яростїю, тогда небо раз-

разверзлось, великій Перунъ въ божественномъ блишаніи появился на своемъ пламенномъ орлѣ, и пущя изъ десницы своей смертоносный громъ, разрушилъ бѣсовское ополченіе, и низвергъ Аспарофа со всѣми его силами въ глубочайшія пропасти адскія. Ты, храбрый Булашъ, какъ просмый смертный, не могъ видѣть сего, ни слышать онаго страшнаго небеснаго грома, отъ коего безъ особливаго божественнаго промысла надлежало бы испровергнуться основаніямъ земли, но Зміуланъ возчувствовалъ обнаженіе свое отъ адской помощи, и опчаяніе придало ему такую швердосць, что я принужденнымъ нашелся опшупать отъ его нападенія; а особливо когда когти львиные, хотя проницающія полсти, не могли дѣлать въ шѣло его важныхъ язвъ, а свою зміеву голову увертками умѣлъ онъ сберегать отъ моихъ пораженій. Въ сіе столь надлежащее время подоспѣли вы, храбрый богатырь, и однимъ

УДА-

ударомъ таинственной дубины, уличеннымъ въ самую голову, повергли чародѣя бездушна.

По окончаніи сей важной побѣды я, по вліянію великаго Чернобога, долженствовалъ отнести златый сосудъ на его жертвенникъ, какъ въ безопаснѣйшее мѣсто къ сохраненію судьбины нашего отечества. Прочее тебѣ извѣстно. — Возрадуемся шеперь, храбрый Булатъ! главнѣйшее препяшствіе къ совершенію своего подвига изложено. Тебѣ не оставалось бы за чѣмъ здѣсь медлить, кромѣ принятія отъ меня потребныхъ наставленій; но какъ надлежитъ тебѣ узнать о состояніи береговъ области Царя Дѣвицы, о положеніи ея столицы, Дворца и въ которыхъ прочихъ обстоятельствъ, то должны мы призвать въ помощь волшебное зеркало. Оно вразумитъ тебя какъ о тебѣ самомъ, такъ и о всемъ нужномъ. Послѣдуй мнѣ.

Бога-

Богатырь шествовалъ за по-
 чтеннымъ Роксоланомъ сквозь узкій
 ходъ по мраморнымъ ступнямъ на
 вершину горы. Тамъ въ кругломъ
 покоѣ, имѣющемъ окна на всѣ дваш-
 цать чешыре стороны въпровѣ ,
 увидѣлъ онъ на златомъ шреножцѣ
 сіе таинственное зеркало. Ободы
 онаго были серебряные съ начерта-
 ніемъ нѣкошорыхъ непостижимыхъ
 характеровъ и изображеній; зеркаль-
 ноежъ шекло было синевашаго цвѣ-
 ша и не представляло глазамъ его
 никакого впечатлѣнія , кромѣ
 мрачной колеблющейся шмы. Рок-
 соланъ, приближась предъ зеркало ,
 сошворилъ шроекрашное колѣнопре-
 клоненіе и чишалъ нѣкошорую краш-
 кую молитву къ Чернобогу, что и
 богатырь долженъ былъ учинить по
 повелѣнію своего водишеля. Помомъ
 сѣли они на скамьѣ : Булатъ предъ
 самое зеркало, а Кабалистъ позади
 онаго, положивъ голову свою
 на плечо богатыря. Желай, ска-
 залъ онъ Булашу, возложа ему
 руку

руку свою на голову, что нибудь видѣть. Я хочу, чшобѣ представилась мнѣ область Царя Дѣвицы и мѣсто, гдѣ хранится вѣнецъ Русовѣ, сказалъ богатырь. Едва онѣ произнесѣ слова сіи, волшебное зеркало вспыхнуло свѣшлымѣ пламенемѣ, попомѣ пламень сѣ мрачною колеблющеюся шьюю исчезѣ, и область Царя Дѣвицы весьма ясно изобразилась. Булашѣ видѣлѣ, что оную составляють два великіе острова, не вѣ дальности отѣ матерой земли находящіеся. Роксоланѣ показывалѣ ему города, называя оныя поимянно, разныя удобныя морскія пристани, и особливо шу, вѣ коей богатырю Рускому безопаснѣе пристать можно. Попомѣ представилась столица хищницы вѣнца Русова; оную окружалѣ великій змій, распроспершій дебелое пѣло свое вокругѣ всего города и схватя конецѣ хвоста своего вѣ свои зубы. Не принимай вещь по ея виду, сказалъ богатырю Роксоланѣ; шы вѣ

Часть IX.

Ж

над-

надлежащее время усмотришь, что шушъ меньше опасности, нежели спраха. — Можещъ бышь я не увижу ни того, ни другаго, опивчалъ богашырѣ; для того что ваше покровительство и сердце Руса въ состояніи учинишь меня презирающимъ всякія ужасности. Но въ которой части города хранишь сокровище, для котораго я шествую, продолжалъ Булашъ? Тогда волшебное зеркало представило сначала Дворецъ Царя Дѣвицы, построенный Гопфскимъ обычаемъ, къ южной сторонѣ города на холму, омываемомъ волнами моря. Глаза Булашовы пробѣгали по окрестностямъ и внутренностямъ онаго, и не представляли ему ни спражи, хранящей входъ, ни служителей царедворныхъ. Причиною сего было то, что Царь Дѣвица, занявшись волшебною наукою, довольно полагалась на свое знаніе, чшобъ не имѣть ни отъ чего опасности, а служителей удаля для того, чшобъ не препяшпвовали ей оныя въ
 .
 ея

ея упражненіи, употребляла къ услугамъ своимъ средства чародѣйныя. Послѣ сего взоры Булашовы проникли во внутренность чертоговъ; оныя не занимались великолѣпіемъ украшеній, и представили ему Царя Дѣвицу, упражнявшуюся въ списываніи изъ большей черной книги нѣкопныхъ знаковъ. Вѣнецъ Русовъ былъ на головѣ ея, и Булашъ легко узналъ оный по описанію.

Когда надлежащее число знаковъ вписано было на харшію углемъ, Царь Дѣвица положила оную въ горящую жаровню. При обращеніи оныя въ пепелъ воскликнула она, обращаясь на югъ, шроекрапно: Аспулфъ! — тогда Роксоланъ, дернувъ богатыря за полу, сказалъ: приготопись къ забавнѣйшему явленію и ко вниманію важнѣйшихъ для себя разговоровъ; ибо она призываетъ теперь Аспулфа, начальника духовъ вѣстоносцевъ. Его слова долженствуютъ подробно бытъ замѣчены. Волшебное зеркало окажетъ

Ж 2

тебѣ

шебѣ и сію услугу, для того что оное явственнѣе доносилъ слуху рѣчи особѣ, коихъ представляеть. — Чрезъ нѣсколько мгновений ока двери съ южной стороны опворились навъшижъ и Булапѣ увидѣлъ вшедшаго во оныя челсвѣка въ Римскомъ одѣяніи. Оный выступалъ съ гордою осанкою начальника и съ коварнымъ видомъ придворнаго. Поклоны его изъясняли, что не весьма слѣдуетъ полагаться на его увѣренія, а сквозь услужливое лица его положеніе можно было примѣпить злобу съ рабскимъ ласкательствомъ. Великолѣпіе одеждъ его являло, что оныя сдѣланы на щетъ чужаго кошелька, и что за взяшья нѣ долгъ дорогія прикрасы никогда не будетъ заплачено. О всемъ семъ можно было догадываться по тому, что изъ подъ багрянаго длиннаго плаща выступали совиныя лапы съ острыми когтями; а между перьевъ, украшающихъ его шапку, торчали искусно прикрытые два рога. Всегда го-
 шовый

повый къ исполненію повелѣній вашихъ, сказалъ Аспулфъ Царю Дѣвицѣ, предсталъ я удовлетворить волѣ Вашего Величества. — Да, дорогой мой Аспулфъ, отвѣчала она; я призвала тебя для обыкновеннаго чрезвычайнаго выслушанія случаевъ, происходящихъ въ свѣтѣ. Скажи мнѣ, что воспослѣдовало съ этимъ глупымъ Македонскимъ владѣльцемъ, который покорилъ земли великаго Царя? Мнѣ кажется, что оное учинено для того, чтобъ оными никогда не владѣть. — Такъ, сударыня, сказалъ Аспулфъ; сіе есть необходимая участь разбойниковъ, или людей, немогущихъ ничѣмъ бытъ довольными. Приобрѣвши великое, они желаютъ еще величайшаго, и въ сихъ ненасытныхъ хотѣніяхъ пренебрегаютъ и бросаютъ изъ рукъ то, что могло бы въ оныхъ остаться. Вѣдайте, что Александръ теперь, овладѣвъ извѣстнымъ, направилъ желанія къ неизвѣстному, и разумѣя, что покореніе

ніе цѣлаго свѣта займетъ всѣ дни его, слѣдственно не удастся назадъ возвратиться, но для лучшаго испребленія изъ головы сихъ мыслей раззоряетъ онъ все позади себя. Вчера въ угодность одной распутной женщины и при славномъ случаѣ учинишь память свою безсмертною, сожегъ онъ пьяной пошью огромный городъ, который былъ удивленіемъ свѣта и надъ которымъ прудились многіе вѣки, испоща всѣ свои сокровища, великіе Государи; словомъ, Персеполь. — Но послѣдующіе ему вольныхъ державъ Еллины, подхватила Царь Дѣвица, какую находяшъ выгоду. — О страшный часъ! вскричалъ Аспулфъ вострепетавшій; оставше, сударыня, чужія выгоды и помыслише о своихъ собственныхъ. Въ сіе мгновение ока по шаинствяному вліянію узналъ я великую грозящую вамъ опасность. — О! я оныхъ мало спрашусь, отвѣчала Царь Дѣвица съ улыбкою; я довольно уже успѣла въ знаніи, сообщен-

щенномъ мнѣ великимъ Зміуланомъ, чтобъ возмочь отвратить покушенія на меня смертныхъ и самаго ада. — Не очень полагайшесь на сіе, подхватилъ Асшулфъ; богашырь Рускій, убившій самого учителя нашего Зміулана, покровительствуемъ Чернобогомъ, коего шрепещетъ весь адъ. Всѣ дѣла его учреждаются по наставленіямъ Кабалиста Роксолана. Сей богашырь есть шотъ самый Булатъ, который имѣетъ у себя непобѣдимое оружіе, и который весь свѣтъ удивилъ славными своими подвигами; и сей-шо Булатъ приближается къ области вашей, чтобъ лишить васъ единственней крѣпости вашей науки, вѣнца Вусова. — И шакъ Зміуланъ убишъ? сказала Царь Дѣвица съ нѣкоторымъ малымъ сожалѣніемъ; для шого что хотя она щипала себя чародѣю сему обязанною, но внутренно имѣла къ нему ненависть за то, что онъ болѣе ее разумѣлъ чародѣйство. Но сіе есть, продолжала она,

доспойное наказаніе его дерзоспи. Онъ, такъ какъ Александръ, хотѣлъ все завоевать, что было и выше силъ его; онъ нападалъ и хотѣлъ всемъ овладѣть; ибо я знаю о покушеніяхъ его на злпшый сосудъ, который впрочемъ не принесъ бы ему ни малой пользы; а я, не подвергая себя никакимъ предпріятіямъ, довольно найду силы оборонить себя въ моемъ государствѣ. Сей змій, окружающій мою столицу, сіе владѣніе вѣнцемъ Русовымъ и мое знаніе довольно дѣлающъ меня безопасною. Развѣ подвласные мнѣ духи не имѣютъ столько силы, чтобъ уничтожить нападеніе одного смертнаго? но еспли бы онъ и могъ похитить вѣнецъ Русовъ, развѣ войско крылатыхъ змievъ не можешъ, достигнувъ его на пущи, расперзашъ и опнятъ у него добычу? — О, сударыня, говорилъ Аспулфъ съ негодованіемъ! я вижу, что вы много полагаешесь на себя и мало на мое къ вамъ усердіе. Вѣдайше, что никакая

какая чрезбеспешвенная сила, никакіе происки духовъ и никакія очарованія не могутъ коснуться къ богатырю, имѣющему дубину, въ которой залита часть скипетра великаго Чернобога. Но я познаю, что мнѣ не можно будетъ увѣрить васъ, пока не расскажу я вамъ повѣсти богатыря сего, и какъ подвиги его, не взирая на сопроивленіе ада, оканчивались всегда славою. —

Царь Дѣвица, имѣя первую свою страстью любопытство, охотно согласилась выслушать сію повѣсть. И такъ, посадя Аспулфа близъ себя на софу, просила онаго рассказать то, что онъ хотѣлъ. Почему Аспулфъ началъ:

Приключенія собственныя богатыря Булата.

Богатырь сей родился близъ древняго города Изборска, при великомъ Бѣломъ озерѣ, отъ благородныхъ

Ж 5

ныхъ родителей, служившихъ Рускимъ Князьямъ. Отецъ его при самомъ его рожденіи, во время междоусобныхъ браней, убишъ буншовавшими Финами. Нѣжная его супруга не могла снести сего урона, и въ малые дни горестію вселена въ гробъ; а Булашъ въ младенчествѣ при разграбленіи дому своего похищенъ былъ въ пеленахъ буншорщиками, кои и отдали его за одинъ пѣнязь нѣкопорому, пожелавшему купишь его, пустыннику. Кто шакое былъ сей пустынникъ, я со всемъ моимъ стараніемъ провѣдать не могъ; но по всѣмъ чрезвычайнымъ его свойствамъ заключаю я, что былъ шо изъ числа духовъ, хранившихъ злшый сосудъ. Сей пустынникъ воспитывалъ его своими руками. Львиное молоко, коимъ онъ поилъ его, дѣйствовало, что онъ возрасталъ не по годамъ, а какъ говорится по часамъ, и всасывая въ себя соки крѣпчайшаго на свѣшъ звѣря, ушверждалъ свои мышцы къ хранилицу сверхъестественной

ной силы. Десяти лѣтъ онѣ могъ уже выдергивать великіе дубы изъ кореня, къ чему можешъ быть дѣйствовало помощію шо, что пустыникѣ, предѣ даваніемѣ питомцу своему молока, охлаждалъ во ономѣ раскаленный булатный мечъ; по крайней мѣрѣ извѣсно, что по шому получилъ онѣ свое имя. Все, могущее вліять вѣ него склонность къ добродѣтели, соединить сію съ его природою и намѣреніями, не было упущено вѣ попеченіяхъ онаго пустытника. По достиженіи Булатомѣ двашцати лѣтняго возраста, былъ онѣ образецъ благонравія и со всѣми достоинствами къ вступленію вѣ званіе богатыря. Сего довольно было возбудить во мнѣ и моихъ адскихъ собратіяхъ жестокою къ нему ненависть. Мы не могли предвидѣть, къ чему небеса предопредѣляютъ сего рѣдкаго юношу, но не могли и ожидать вѣ немѣ, кромѣ злѣйшаго себѣ непріятели; а сего достаточно было привлечь насъ по-
слѣ-

слѣдовать ему всюду и въ малѣйшихъ его дѣйствіяхъ, предпоспавляя ему хитрѣйшія искушенія. Все, казавшееся намъ удобнымъ къ нарушенію его добродѣтели, было исполнено, но къ досадѣ нашей повсѣгда безъ успѣха. Ненавистный пустынный умѣлъ уничтожать наши лесты и удержать въ своей власти невинное Булашово сердце. Колико коварнѣйшихъ сѣтей распоргъ онъ доблественно! со всѣмъ шѣмъ я не опчаявался улучшить время, и отъ природы ожидалъ помощи, чшобъ учинить его неспособнымъ къ званію, въ которое посвятилъ его пустынный. Между наставленій, подаваемыхъ отъ него ему, слышалъ я заповѣдь, воспрещающую богатырю покориться прелестямъ нѣжнаго пола прежде совершенія трехъ отличныхъ подвиговъ; сіе-то и казалось мнѣ шѣмъ, гдѣ могу я восшоржествовать. Я вѣдалъ, что происхожденіе природы гораздо превосходнѣе происхожденія разума. Первая
есть

есть дѣло Боговъ, а другій дѣяніе
человѣческое, и что по сей причинѣ
часто разумъ уступаетъ природѣ;
слѣдственно отъ чувствъ его возра-
ста ожидалъ, что оныя покоряшся
побужденіямъ врожденнымъ.

Пустынникъ совершилъ уже свои
наставленія богатырю Рускому; по-
велѣлъ ему итти для сысканія при-
ключеній, могущихъ имя его про-
славить. Онъ простился съ нимъ
навсегда и не дозволилъ, кромѣ
трехъ дней, медлить въ его пустынь.
Съ шѣхъ поръ Булашъ не видалъ
своего наставника, но почитая
тайнственнымъ закономъ пре-
днее пребываніе въ его жилищѣ,
заклучилъ до того времени изъ
оного не исходить. Тогда-то ожи-
далъ я успѣха въ моемъ намѣре-
ніи. Въ первые два дни старался
я внушать ему во снѣ роскошнѣй-
шія мечтанія, чтобъ пріугоповить
его къ преступленію обѣща своего
на яву; онъ видѣлъ себя многократ-
но побѣдителемъ въ опаснѣйшихъ
приклю-

приключеніяхъ, окруженна славою и че-
 стію, избавишелемъ прекраснѣйшихъ
 Царевенъ ошъ хищныхъ исполиновъ;
 родители ихъ угощали его великолѣп-
 но, предлагали наслѣдницъ своихъ въ
 супружесство; придворныя красавицы
 предлагали ему прелести свои ко
 услугамъ и шому подобное. Но
 богатырь пробуждаясь забывалъ о
 сихъ мечпаніяхъ и помышлялъ
 только о томъ, что нѣтъ у него
 оружія; онъ на сей конецъ выдерги-
 валъ великія деревья съ корнями,
 и испытывалъ крѣпость оныхъ уда-
 реніемъ о каменный утесъ; одна-
 кожъ, раздробляя оныя единымъ
 ударомъ, воображалъ, что данная
 ему безсмертными сила должна
 получить ошъ оныхъ приспойное
 себѣ оружіе, и ожидалъ, что за
 шѣмъ только и должно ему мед-
 лить три дни въ пустынѣ. Прони-
 кая по симъ обстоятельствомъ въ
 его мысли, учредилъ я новое ему
 искушеніе, которое при томъ согла-
 совалось и съ моимъ намѣреніемъ.

Я

Я претворился въ образъ шестнадцатилѣтней дѣвицы, одаренной наибольшими прелестями невидности и красоты, и имѣющей на себѣ сколько одѣянія, чпобъ лишь не можно было почестъ совсѣмъ нагою; но чпобъ взоры его не имѣли труда досадовать на вѣжливостъ поршняго, гнилую лушошку обратилъ я въ видъ богатырскаго обоюднаго меча, и съ онымъ, окружась темнымъ облакомъ, лешѣлъ къ опверстію пустынникова жилища, гдѣ Булашъ покоился крѣпкимъ сномъ. Я изумился, нашедъ близъ его богатырскую дубину, и потчасъ вознамѣрился оную, какъ препятствіе въ моемъ предпріятіи, похищать, но прикосновеніе къ ней прошло мнѣ не даромъ; я опаленъ прозительною молніею и принужденъ обратиться въ бѣгство. Я взялъ мое прибѣжище къ Демономаху, начальнику чародѣевъ, и сей по таинственному свсему искусству позналъ, что въ сей дубинѣ вложена часъ скипетра

петра великаго Чернобога, и что пошому владѣющій симъ оружіемъ безопасемъ не токмо отъ всѣхъ возможныхъ нападеній, но и отъ силы самаго ада. Больше сего, къмъ сооружена сія дубина и ка-кимъ образомъ принесена къ бога-тырю, мы не могли провѣдашь.

Не можно изобразить вамъ до-сады, возчувствованной мною отъ поликаго препятствія въ моемъ предпріятіи, коимъ уповалъ я ока-зать великую услугу начальнику моему, адскому Князю Асшарофу. Однакожъ по внушенію его надѣялся произвести то ласшію, чего не мож-но было силою; я предсталъ въ сказанномъ уже мною образѣ дѣви-цы съ мнимымъ мечемъ къ спя-щему богатырю, и ожидалъ его про-бужденія. Но къ удивленію моему прошли два мѣсяца, въ копорые сонъ, не взирая на всѣ покушенія мои къ разбужденію Булапа, вла-дѣль имъ. Я сравнивалъ заповѣдь пущыинника о шрехдневномъ толь-
ко

ко въ пустынь его пребываніи съ симъ двумѣсячнымъ сномъ, и не могъ извлекать изъ того инаго заключенія, кромѣ что сонъ сей есть дѣйствіе непосредственное отъ Боговъ, служащее къ лучшему укрѣпленію силъ въ богатырь, какъто и въ самомъ дѣлѣ было; ибо послѣ узналъ я, что Булашъ, проведши двумѣсячное успокоеніе, могъ цѣлые два года бодрствовать безъ малѣйшаго природѣ своей опягощенія. Наконецъ сей несносный мнѣ богатырь проснулся.

Первый предметъ, представшій взорамъ его, былъ я, или лучше сказать привидѣнная дѣвица Онъ съ великимъ удовольствіемъ насыщалъ зрѣніе свое прелестями, коихъ до того времени еще не видывалъ. Я примѣчалъ дѣйствіе всемогущей природы по раждающемуся на щекахъ его розовому пламени, и для того не медлилъ пользоваться симъ расположеніемъ чувствъ юности. Я подшелъ къ нему съ нѣжнымъ взоромъ,

Часть IX.

3

и

и взявъ его руку, говорилъ ему: Богатырь, опредѣленный къ славнымъ подвигамъ! сѣшваніе пвое о недостаткѣ оружія услышано безсмертными; я предстаю по ихъ велѣнію, чшобъ учинишь себя владѣтелемъ меча сего, ешлы только согласишься шы исполнишь нѣкоторыя условія, опъ кожъ можешъ бышь ни одинъ смертный опказаться не въ состояніи. Вѣдай, что я единочадная дочь славнаго Царя волшебниковъ; родишель мой препровелъ всю жизнь свою и ишощилъ всю силу знанія своего въ сооруженіи меча сего, который владѣющаго имъ учиняетъ непобѣдимымъ. Но со всею его таинспвенною наукою, хопя посредствомъ оныя могъ онъ повелѣвать спихіями, не въ силахъ однако былъ укрощишь одного буншующаго своего подданнаго, который, овладѣвъ волшебною его книгою, изучился по оной всѣмъ чрезѣспешственнымъ знаніямъ и учинился ему въ силахъ равемъ. Пишася имъ ненависть къ

све-

своему господину побудила его учинить ему жесточайшее озлобление: когда не могъ онъ дѣйствовать надъ моимъ родителемъ, вздумалъ онъ чрезъ меня приключить ему смертельное огорченіе. Буншовщикъ зналъ, что никто не можетъ достигнуть на престолъ родителя моего, какъ мой будущій супругъ; и по сему предпріявъ воспользоваться онымъ правомъ, учинилъ меня въ глазахъ всѣхъ мушинъ полъ гадкою, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ взирать на меня безъ отвращенія. — Но ты, любезный богатырь, видишь, что я заслуживаю лучшую участь, нежели бы оспаривалъ вѣчно дѣвицею! — Сей возгласъ провождаемъ отъ меня былъ съ шаковымъ взоромъ и нѣжнымъ пожиманіемъ руки, что богатырь просилъ меня скорѣе кончить мою повѣсть и объявить условія; я чувствовалъ, что рука его, заключенная въ моей, дрожала. — Буншовщикъ, продолжала я, ожидалъ, когда уже

я не могу по очарованію его сыскашь себѣ приспойнаго жениха, шо принуждена буду вытпши за него. Родитель мой, обѣясня миѣ все обстоятельство его умысла, прилагалъ великое стараніе выдать меня замужъ; онѣ дѣйствовалъ веѣми силами своего знанія, но безплодно; всѣ призыванные имѣ на сей конецъ Царевичи и богатыри, взглянувъ только на меня, содрогались и уѣзжали шайно изъ нашей столицы. Естественнo, что отецъ мой, полагающій во миѣ всю будущую свою надежду, возчувствовалъ отъ шого великую печаль, повергшую его во гробъ. Предъ смертію своею вручилъ онѣ миѣ сей мечъ, сказавъ: дочь моя! естли ты не будешь щаслива, чшобъ каковый нибудь добродѣтельный богатырь разрушилъ, очарованіе нашего злодѣя, по крайней мѣрѣ не достанешься ты ему въ добычу; ибо владѣніе мечемъ симъ сохранитъ тебя отъ его хищности. Желаящій владѣшь симъ непобѣдимымъ

мымъ оружіемъ долженъ ствуетъ прежде учиниться твоимъ супругомъ. Я заклинаю тебя не нарушать сего условія; ибо оно избавитъ тебя отъ нашего врага, немогущаго коснуться къ человеку, имѣющему сей мечъ. Три дни прошло послѣ преданія землѣ твоему моему родителю, какъ въ одно утро блестящее облако, влетѣвъ въ окно моихъ покоевъ, произнесло гласъ, повелѣвающій мнѣ вручить тебѣ, о Булашѣ, мечъ сей на необходимомъ условіи учиниться моимъ супругомъ. Оно принесло меня сюда, и я давно уже дожидалась твоего пробужденія, не смѣя нарушить сна, разсыпающаго на лицѣ твоемъ пріятности, раждающія во мнѣ желанія, коимъ спыдливость моя едва можетъ противоборствовать. — Теперь скажи, любезный богатырь, находишь ли ты меня довольно отвратительною, чтобы не послѣдовать волѣ Боговъ, желающихъ учинить тебя владѣтелемъ непобѣдимаго оружія? — О пре-

краснѣйшая Царевна! вскричалъ Булашъ, схватя мои колѣна; сія условія, кошорыя самихъ Боговъ могутъ учинить благополучными! — Я опустилъ руки мнимой красавицы на его шею; усна богатыря коснулись ея груди. . . . Я чаялъ воспоржествовать, но вдругъ сей, покровительствуемый небесами, воспрянулъ изъ своего заблужденія, и вырвавшись изъ очаровательныхъ обѣщаній, отскочилъ. — О Боги, вскричалъ онъ! едва я не помрачилъ достоинство моего званія! сколь ни прележны ваши, несравненная Царевна, предложенія, но я не могу оными пользоваться; я не совершилъ еще никакихъ подвиговъ. Законъ моего чина и принесенныя при вступленіи въ оной клятвы обязуютъ меня сохранить чистоту моего юношества. Владѣйте вы своимъ мечемъ и ожидайте отъ времени и всего счастья, что можетъ быть заслужу я оный съ вашею рукою. Между тѣмъ Боги пошлютъ мнѣ оружіе. . . . Ахъ! я вижу

вижу оное, вскричалъ богатырь, взглянувъ на близь лежащую дубину, и схватилъ сію въ руки.

Безплодно спарался я увѣрить его, что сія нечаянно оказавшаяся дубина должна быть лишь очарованная палица, подложенная опѣ врага ея за шѣмъ, чтобъ воспрепятствовать ему въ щастіи овладѣть непобѣдимымъ мечемъ и прешоломъ Царя волшебниковъ; тщетно напрягалъ я дѣйствіе разѣ мечтательной красавицы, ея убѣжденія, слезы, чтобъ побудишь его къ скорѣйшему заключенію брака. Онъ опвергъ всѣ мои доводы и лишь желалъ испытать, справедливо ли мнѣніе мое о найденномъ имъ оружіи дѣйствіемъ моего меча. Легко догадаться можно, что я не въ состояніи былъ на сіе согласиться; я чаялъ ласками дѣвицы успѣшь еще въ моемъ намѣреніи, и для того заключилъ его въ привидѣнныя объятія. Я употреблялъ ласкъ и силу, но въ несчастію, которому и духи

иногда пропившись немогушѣ, мечь мой между шѣмѣ коснулся Булаповой дубины и получилъ наспоющій видѣ свой лушошки. Богатырь сіе примѣшилъ; онѣ пришелъ вѣ великій гнѣвѣ, что я дерзнулъ поставивъ ему шаковое искушеніе, и далъ дочери Царя волшебниковѣ споль сильную пощечину, что оная исчезла и наспоющій Астулфѣ лишился при помѣ лѣваго уха.

Богатырь, воспоржествовавѣ своею побѣдою, благодарилъ небеса какѣ за избавленіе свое вѣ шоль опасномѣ искушеніи, шакѣ и за низпосланное ему оружіе, коего дѣйствіе онѣ уже испышалъ надѣ очарованіемѣ, и ни мало не мѣшкавѣ, пошелъ вѣ мѣста, гдѣ призывала его слава. Тогда еще вѣ Руской державѣ продолжались междуособія. Булапѣ присшалъ кѣ сторонѣ законнаго своего Государя и далъ ей шаковый перевѣсѣ, что вскорѣ мянущіеся Фины принуждены были вѣ покорности ожидавшіе своей судьбы.

Раз.

Разумное правленіе вельможи Драшка, уравнивашаго ихъ съ побѣдителями, предположило вѣчный миръ въ сердцахъ ихъ, наполня оныя вмѣсто кичливости и вражды благодарностію. Булашъ, неимѣющій упражненія по своему званію, готовился искасть опаснѣйшихъ приключеній и развѣдывалъ о случаяхъ, достойныхъ его подвига.

Я съ моей стороны, продолжалъ Астулфъ, имѣя къ прежней моей прошиву Булаша ненависти новое озлобленіе, что лишенъ былъ лѣваго уха его рукою, не упускалъ его изъ вида, неусыпно стараясь нанести ему каковъ нибудь вредъ. Въ то время появился въ Варяги исполинъ необычайнаго роста и силы. Оный требовалъ у Варяжскаго Князя, чтобъ сей опдалъ ему добровольно свою корову, или бы прошивопоставилъ ему богатыря, могущаго на единоборствѣ съ нимъ оспорить сіе его требованіе.

Смѣжность Варягѣи съ областѣми Рускими подавала мнѣ надежду, чю Булашъ при первомъ призывѣ на подвигъ не пропустишь искашь въ ономъ своей славы. Увѣрясь въ семъ, обратился я къ поварищамъ моимъ Князьямъ шмы для совѣшу, каковымъ бы образомъ учинишь дѣйствіе оружія Булашова недѣйствующимъ на исполинъ, и шѣмъ бы приключишь неизбежную гибель ненавидимому мною богатырю. Посредствомъ крайнѣйшей силы очарованія составили мы воду, и обливъ оною у спящаго исполина голову, обратили сію въ крѣпчайшее желѣзо. Въ добавокъ къ тому я съ тысячею подвластныхъ духовъ опряженъ былъ помогашъ исполину, и подхватывашъ во время сраженія удары, имѣющіе упадашъ на его шѣло.

Между шѣмъ Варяжскій Князь, устрашенный шаковымъ требованіемъ исполина, не зналъ что дѣлать. Всѣ выпязи его, имѣвшіе усердіе къ своему Государю и довольно храбрости,

броси, чтобъ сразиться съ исполи-
номъ, были жертвою своей неустра-
шимости, и погибли на поединкахъ.
Опчаянный Монархъ засѣлъ въ
своей столицѣ и послалъ гонцевъ
во все страны свѣта, призывая бо-
гатырей на подвигъ. Булатъ пер-
вый изъ оныхъ услышалъ кличъ сей
и первый предсталъ Варяжскому
Государю съ предложеніемъ услугъ
своихъ. Обрадованный Князь осы-
палъ его благодарностію и почестъ-
ми, и между тѣмъ, какъ богатырю
оказывано было угощеніе, исполину
возвѣщено, что на упрое имѣетъ вы-
ступить противу его на единобор-
ство богатырь.

Лишь только солнце освѣтило
берега моря Варяжскаго, стѣны го-
рода покрылись несчислимымъ мно-
жествомъ народа. Государь прово-
ждалъ торжественно храброго сво-
его защитника изъ Дворца до град-
скихъ воротъ, у коихъ, принесши
жертву

жертву великому Перкуну (*), простился съ нимъ и возшелъ на подзорную башню, чпобъ быть препенущимъ свидѣтелемъ избавленія своего, или лишенія престола. Тогда ворота градскія при звукѣ бубновъ и рашныхъ роговъ отворили, и Булашъ, вооруженный единаю своею дубиною, изшелъ на подвигъ.

Исполняъ , гордящійся своимъ ростомъ , началъ громко смѣяться , увидя приближающагося своего пропивника , и сей смѣхъ его былъ столь пронзителенъ , что отстоявшіе въ полуверстѣ на стѣнахъ градскихъ зрители принуждены были заткнуть свои уши. Онъ оскорблялъ богатыря ругательными названіями : отъ сей лягушки , говорилъ онъ съ презрѣніемъ , ожидаетъ Варяжскій Князь обороны вънцу своему! Я спарался ,

(*) Божество, коему поклонялись Варяги, почитавшееся оными за Бога враней.

рался, присушствуя при немъ тайно, вливать въ него гордость и презрѣніе, чшобъ шѣмъ, возбуждая въ богатырѣ досаду, привести его въ излишнюю запальчивость, учинить нападеніе съ стороны его нерасположительнымъ, и желѣзноголовой исполинъ продолжалъ свои насмѣшки и угрозы. Куда ты идешь, мѣлкая шварь, кричалъ онъ Булапу? мнѣ спыдно будетъ, ешьли упошреблю я прошиву тебя оружіе; одной оплеухи довольно для уничтоженія дерзкаго Варяжскаго защитника со всемъ его высокомѣріемъ. . . . Но слушай, сіе уже въ послѣдній разъ: раздавая тебя, я не хочу больше медлить, и Варяжскій Князь долженъ мнѣ послѣ сего опдать свою корону, или я сорву оную съ него обще съ его головою. Дай мнѣ въ семъ кляпвенное съ стороны его обѣщаніе. — Я не удостоилъ бы тебя отвѣтомъ, сказалъ Булапъ съ презрѣніемъ, ешьлибъ не касался ты до чести защищаемаго мною Государя. И шакъ прину-

нужденъ я унизишь себя, чшобъ ош-
вѣчаешь тебѣ. Я вижу, что желѣзная
твоя голова мало имѣетъ въ себѣ
мозгу, что ты судишь о человѣкѣ
по его росту. Не обѣщая тебѣ ни-
какихъ условій съ стороны защи-
щаемого мною Государя, объявляю
тебѣ его именемъ, чшобъ ты при-
гошвился заплашишь жизнью за дерз-
ское твое требованіе. — Сказавъ
сіе, пригошвился онъ къ нападенію.
Я, вѣдая важность оружія богатыря
Рускаго, распорядилъ подвластныхъ
миѣ духовъ къ подхващыванію уда-
ровъ; каждый членъ тѣла исполино-
ва заняли по вѣскольку духовъ и съ
раченіемъ ожидали начашія битвы.
Исполинъ, раздраженный словами бога-
тыря, воскрикнулъ страшно, и наско-
чивъ хотѣлъ раздавить его ногою;
но Булашъ вспирѣшилъ оную шоль же-
спокимъ ударомъ своей дубины, что
безъ сомнѣнія учинилъ бы его одно-
ногимъ, еспьли бы духи, со вредомъ
своимъ подоспѣвъ совокупно, не под-
хващили ударъ. Однакожъ исполинъ
ли-

лишился всей нашей защиты; ибо молнія, изшедшая изъ оружія Булашова, низвергла меня со всѣми моими во адъ. Исполинъ предоставленъ спалъ полько естественнымъ своимъ крѣпостямъ, и лишь единая желѣзная голова его на нѣсколько мгновеній ока выдержала жестокость поражений Булашова оружія. Бой былъ страшный; шумъ видимъ былъ споръ искусства съ дарованіями природы: борьба небесъ со адомъ. Удары исполиновы, удобные по одиначкѣ разрушить великую гору до основанія, упали безъ дѣйствія, отражаемые проворствомъ Булашовымъ. Сей уклонялся отъ наскоковъ дебелаго шѣля его, и каждымъ опущеніемъ смертоноснато оружія своего отшоргалъ часть либо брони исполиновой, либо мяса до костей. Очарованная голова онаго была неприступна; ибо какъ вершина дуба, землѣ равнолѣтнаго, возвышалась оная почти до облаковъ. Богатырь видѣлъ сіе препяшствіе своей побѣдѣ;
 ѳнъ

онъ усугубилъ удары, и отбивая стремящіяся въ него опъ его противника, поражалъ купно исполиновы ноги, такъ что съ каждымъ прикосновеніемъ дубины убавлялся ростъ сего чудовища саженими. Составъ за составомъ отплевалъ прочь, и сія гордая громада, лишенная ногъ, опиралась уже вмѣсто пятъ на колѣнахъ, а потомъ, ставъ безъ лядвй, поддерживалась только на однихъ заднихъ, но всегда укрѣпленная въ злобѣ, чтобъ расперзашъ, или хотя бы раздавить паденіемъ шѣла своего богатыря, ея уничтожающаго. Исполинъ, чувствуящій свою гибель, ревѣлъ ужасно, проклиналъ Боговъ, пѣна била клубомъ изъ его окровавленнаго рта, онъ кусалъ собственное свое тѣло, и частями онаго съ цѣлыми водоносными крови плевалъ въ Булаша. Сія, соединяясь съ текущею изъ отбитыхъ ногъ его, наполнила мѣсто побоища, такъ что богатырь стоялъ въ крови по самый поясъ. Исполинъ

онѣ умѣлъ оживляшь оныя своимѣ веселымѣ нравомѣ и съ шого времени сдѣлалѣ онѣ привычку, чшсбѣ послѣ каждой знаменитой побѣды провождашь вѣ веселіи и попойкѣ съ пріятелями по цѣлому мѣсяцу. Но какѣ послѣ шаковаго богатырскаго шумства потребно было довольное и отдохновеніе, то и заснулѣ онѣ крѣпко вѣ увеселительныхѣ чертогахѣ Князя Варяжскаго.

Во время сна сего, продолжавшагося цѣлый мѣсяцѣ, адѣ, приспѣженный неудачею своего намѣренія, кипѣлъ злобою и изѣ непроницаемаго коварства соплешалѣ новую сѣшь, вѣ кошорую бы запускать и низложитѣ богатыря, дерзко спремящагося кѣ славѣ.

Тогда чародѣй Зміуланѣ былѣ еще живѣ; онѣ, случась по нѣкошорымѣ обстоятельствомѣ при Дворѣ Косожскаго Князя, смертельно влюбился вѣ дочь его Княжну Свѣшану, уже просватанную невѣсту Аварскаго Короля Кигана. Онѣ бы легко

де-

похишилъ ее посредствомъ своей адской науки, еспльибъ не мѣшалъ тому шалисманъ, повѣщенный ей на шею при самомъ еще ея рожденіи по дружбѣ съ родителями ея ошъ Кабалиста Роксолана. Зміуланъ, бывъ знаемъ при Дворѣ Косожскомъ простымъ только чужеземцомъ, не успѣдилъ взять дерзость просить торжественно Княжну Свѣпану себѣ въ супружество. Легко догадаешься, что ему съ презрѣніемъ было въ томъ отказано и учинена поносная высылка изъ областей Косожскихъ. Онъ удалился, заклѣвъ себя явно отмстить обиду свою Косогамъ чувствительнымъ образомъ; кипя злобою, опредѣлилъ онъ совершенно разорить ихъ отечество, и на сей конецъ, призвавъ на помощь проклятую свою науку, воздвигъ онъ двенадцатиглаваго Смока и послааъ опустошать ненавистную себѣ страну. Чудовище сіе имѣло станъ львиный, крылья подобныя нешопыревымъ, ноги и хвостъ покрытыя

И а

не.

непроницаемую чешую съ преоспрыгми когшми, а между числа змѣиныхъ головъ своихъ одну человѣческую и могущую говорить страшнымъ голосомъ. Въ одинъ ясный лѣтній день густое черное облако покрыло столицу Косожскую, и учиня шѣмъ въ обѣденное время вечерній мракъ, привело всѣхъ въ ужасъ. Облако сіе, свиваясь въ клубъ на поляхъ предъ городомъ, разорвалось съ великимъ громомъ и изрыгнуло изъ себя чудовище. Ужаснушіеся Косоги бѣжали на градскія стѣны, чтобъ удосповѣриться во образъ, каковымъ разгнѣванные по мнѣнію ихъ Боги ихъ казнишь хопяшъ, и едва облако исчезло, увидѣли они чудовище, идущее къ нимъ. Многихъ обѣялъ препенъ и принудилъ бѣжашъ въ сокговенныя мѣста, но было довольно и опважныхъ, кои пускали въ него стрѣлы и мѣшали съ бойницъ изъ пращей великими камнями, хопя безъ всякаго успѣха. Смокъ глошалъ камни и стрѣлы, не-

прони-

проницающія шло его, и говорилъ съ спрашнымъ хрипѣніемъ слѣдующее: Косоги! не помышляйте нападать на меня обыкновенными человѣческими силами; покушенія ваши будутъ гибельны и безплодны; иба и самыя чрезѣснественныя средства прошиву меня не могутъ. Одно вамъ предлагаю на выборъ: естли не хотите, чшобъ я въ спранѣ вашей испребилъ всѣхъ живущихъ, отдайте мнѣ на снѣденіе Княжну Свѣшану, послѣ сего я безъ всякаго оплагашельства удаюсь изъ земли вашей въ необитаемая Валдайскія пустыни. Сказавъ сіе, чудовище легло на великомъ камнѣ и ожидало, какое по пребыванію его взято будетъ вознамѣреніе. Слышавшіе сіе Косоги съ печальнымъ ужасомъ бѣжали возвѣстить о происшедшемъ своему Государю. Нещастный Князь оцѣпенѣлъ ошъ словъ сихъ. Хошя онъ былъ и добрый Монархъ, но порфиросецъ и человекъ сражались жестоко въ его

особѣ. Погибель государства и по-
гибель единичной дочери два пред-
мета, равно драгоценные. Великоду-
шіе его побуждало самого себя при-
нести на жертву въ пользу народную;
онѣ хотѣлъ самѣ итти сразиться съ
чудовищемѣ, чтобѣ по крайней мѣрѣ
погибнувѣ, не быть жестокосердымѣ
свидѣтелемѣ конца бѣдной своей
Свѣшаны. Но вельможи не допусти-
ли его предаться очевидной опасно-
сти, равно не хотѣли они слышать,
чтобѣ надежда Княжескаго рода
пресѣлась въ единой наследницѣ
престола, естлибѣ согласишь на
пробованіе чудовища. Они къ от-
чаянному Государю приставили вѣр-
ныхѣ хранителей, чтобѣ не допу-
ститъ въ дѣйствіе гибельнаго оче-
честву его великодушія, и въ сей
разѣ впервые на свѣшѣ Монархѣ
по усердію подданными взятъ былѣ
подѣ шражу. Между шѣмѣ собранѣ
великій совѣтъ на градской площади.
Общая опасность не допускала раз-
дѣляшья голосамѣ, какѣ по обы-
кно-

кновенно бываетъ въ прочемъ, когда частныя корысти владѣющіе вельможами; они и народъ согласно приговорили опказать чудовищу въ его пребываніи, хотя бы стоило по погибели всего государства, и доколь небо пошлетъ имъ избавленіе, сражающіяся съ нимъ и искающія средствъ умертвить его. Множество юношей, испытанныхъ вищазей и опрядныхъ полковъ снимали на себя сей подвигъ; предложеніе ихъ принято съ надлежащею благодарностію, заключено оставивъ на волю ихъ, купно ли, или по одиначкѣ выходивъ имъ на сраженіе, и пославъ гонцовъ во всѣ сосѣдственныя государства для возвѣщенія о семъ приключеніи сильнымъ могучимъ богатырямъ, а особливо къ Королю Кигану, чтобъ узналъ онъ о опасности своей обручницы и государства, коего владѣющій родъ онъ возстановивъ долженствуетъ. Однако всѣ отважные погибли въ своемъ доблестивенномъ предпріятіи; ни сила, ни искусство не

возмогали прощиву Смока; онъ терзалъ и пожиралъ всѣхъ нападающихъ. Посланные гонцы не лучшую имѣли участь: чудовище прилѣжно щерегло всѣхъ исходящихъ изъ города и всѣ они были плачевною добычею алчныхъ челюстей его. Нельзя было ожидать спасенія, кромѣ отъ молвы, разнесшей всюду слухъ о несчастіи земли Косожской. Опчаянные жипели ея не смѣли выйдти изъ домовъ своихъ и взяли послѣднее прибѣжище въ молитвахъ къ безсмертнымъ; ибо человекѣи тогда лишь прилѣжно вопіюшъ на небо, когда сами въ себѣ не видяшъ помощи. Между шѣмъ Смокъ, немогущій войши шолько въ городъ, опустошалъ деревни, сшадя, нивы и луга, и въ малые дни можно уже было оказашъ, что цвѣшущая Косожская обласпъ вскорѣ учинишся плачевною пустынею.

Я (продолжалъ Аспулфъ) радовался о успѣхахъ мщенія покровительствуемаго Ашарофомъ чародѣя.

дѣя. Но чтобъ вѣщшей подвергнуть опасности богатыря Булата; — ибо не сомнѣвался я, что онъ при первой вѣсци о семъ приключеніи устремится въ Косогию, — вздумалъ я соорудить ему сильнѣйшихъ непріятелей, нежели двенадцати-главный Смокъ. Римляне, присвоившіе себѣ право завладѣть всемъ евѣшомъ, имѣли на сей конецъ войска во всѣхъ странахъ обширныхъ границъ своихъ. Полководцы оныхъ готовы были на всякій случай воспользоваться удобнымъ временемъ къ завладѣнію какою нибудь обласнію. Камилла, возвратившагося тогда съ побѣдою отъ славнаго города Вей, безпрестанныя войны съ Нѣмецкими народами принудилъ и расположиться ранию близъ Булгаріи, и слѣдственно былъ онъ не въ дальности отъ земли Аваровъ и Косоговъ. Мнѣ извѣстенъ былъ гордый и влюбчивый нравъ сего Римлянина; чѣмъ и заключилъ я воспользоваться, чтобъ внуша ему

И 5 спрасси

спрасить къ КняжиѢ СвѣшанѢ, учинить его врагомѢ Королю Аварскому Кигану, и шѣмѢ сего отвлечь ошѢ помощи странѢ, надлежащей ошцу его возлюбленной; а припомѢ, что неудастся ли и богатыря Булаша, гошоваго всегда вѢ близь происшедшихѢ войнахѢ искашь своей славы, повергнушь на мечи Римскіе. ВѢ шаковыхѢ расположеніяхѢ принялъ я на себя образѢ шарухи, и вѢ приспойномѢ придворной Косожской одѣянїи требовалѢ допуска предѢ Камилла. Получа сей, говорилѢ ему, что слава, разнесшаяся о его дошпоинстввахѢ и побѣдахѢ, заочно плѣнила сердце единственной наследницы сильной области Косожской и шаковой красавицы, какоя достойна учинишь щасшливымѢ жребїй подобнаго ему ироя, что Княжна, Государыня ея, бывѢ принуждена повиновашься власши своего родителя, прошиву воли обручена за Аварскаго Короля, и счишая учась еїю для себя весьма низкою и нещасною,

щасною, принуждена, забывъ дѣвическую благоприспойность, взяшь чрезъ меня прибѣжище къ побѣдителю почти всего извѣстнаго свѣта, въ швердой надеждѣ, что Камиллѣ храброспю своею избавишь ее оцѣ прощивнаго для ней брака, и можешъ бышь сочтешъ, что ему приличибѣ учинишья Государемъ Косожскимъ и супругомъ Княжны, составляющей прелестьми своими украшеніе сего вѣка. — Помомъ показалъ я Римскому военачальнику мѣчпашельный списокъ съ лица ея и умѣлъ споль сильно заразить его къ Свѣшанѣ любовію, что онъ въ шожъ время ошправилъ пословъ, какъ къ Косожскому Князю съ требова-ніемъ дочери его за себя въ супружесшво, шакъ и къ Аварскому Королю съ грознымъ повелѣніемъ оспа-вишь намѣреніе его о союзѣ съ Свѣшаною. Ожидаемо, что онъ, хопя посолъ его, провождаемый мною, безопасно ошъ Смока проѣхалъ къ Двору Косожскому, въ обоихъ мѣстахъ

стахъ получилъ опказы. Родитель Свѣпаны отвѣчалъ ему, что несчастное обстоятельство страны его не дозволяетъ ему помышлять ни о какихъ союзахъ, а особливо когда дочь его обручена уже по собственному ея выбору за Короля Кигана; а сей сполько былъ раздраженъ наглоспю Камилловою, что прогнавъ посла съ безчестіемъ, объявилъ Римлянамъ войну и готовился учинить впаденіе въ ихъ области.

Во время сихъ возстановленныхъ мною и чародѣемъ Зміуланомъ смятеній въ двухъ союзныхъ государствахъ одно изъ нихъ доходило до паденія своего отъ всепожирющаго Смока. Киганъ не зналъ о опасности, грозящей его возлюбленной, и занимался приутопленіями къ войнѣ на Римлянъ; а родитель Свѣпаны, преодоливный бѣдствіемъ своего опечества, упросилъ вельможъ своихъ, чтобъ оныя покорились воли небесъ, и погибелію его дочери забавляли бы себя и всю страну отъ не-

неминуемой смерти; ибо надлежало
 пропасть либо отъ чудовища, или съ
 голода, для того что провозъ
 сѣвскихъ припасовъ всюду учинился
 невозможнымъ. Вельможи, изъ ко-
 ихъ каждый оплакивалъ уже потерю
 сына, либо родственника, или цѣлой
 волости своихъ подданныхъ, не
 упорствоваали противу сего велико-
 душнаго предложенія. Назначенъ
 день, въ кошорый по принесеніи къ
 Богамъ послѣднихъ жертвъ умило-
 стивленія, надлежало извести Свѣ-
 шану на сѣденіе чудовищу. Она
 неминуемо погибла бы, естли бъ
 благодѣтельствующій Косогама Ка-
 балистъ Роксоланъ не ускорилъ по-
 дать ей помощь, возбуждая спящаго
 богатыря Булаша. Онъ, являсь ему
 въ сновидѣніи, увѣдомилъ о славномъ
 подвигѣ, призывающемъ его въ
 спрану Косожскую. Булашъ воспря-
 нулъ отъ сна, возвѣстивъ о явле-
 ніи, и просясь съ Варяжскимъ Го-
 сударемъ, осыпавшимъ его благо-
 дарностію и подарками, коихъ онъ,
 кромѣ

кромѣ одного багрянаго богатырскаго плаща, не принялъ, шествовалъ бодрственно на приключеніе, обѣщающее ему новую славу.

Между тѣмъ роковой часъ для Княжны Свѣшаны наступилъ; время моливъ кончилось, Боги не внимали воплю унылаго народа, никто не явился зацѣпить несчастный ея жребій. Одѣли ее въ черное платье и едва дышущій отъ горести родитель самъ возвелъ ее на шоржеспвенную колесницу; онъ везъ ее за врата градскія, не помышляя ни о какой опасности, либо самъ желая погибнуть съ нею купно, или подкрѣпляемый иройскимъ мужествомъ къ произведенію добродѣтельнаго своего вознамѣренія къ благу общества. Рыдающій народъ омочалъ путь его чистосердечными слезами; болѣзненные вопли онаго пронзали воздухъ и возлѣтали на небо. Но сіе позорище удобнѣе вообразить только сердцамъ чувствительнымъ, нежели мнѣ повѣствовашелю начертать

шасть перомъ моимъ ; должно бышь самовидцу, или имѣть понятіе о томъ , сколько прогаешь любовь Монаршая подданныхъ , видящихъ шоль крайній опытъ попеченія о спасеніи отечества , чшобъ представить въ мысляхъ жалостное оное шесствіе. Не было никого, кшобъ не пронзенъ былъ совершеннымъ сѣшваніемъ ; всякъ рыдалъ , всякъ желалъ испустить душу свою къ спасенію Свѣшаны ; однакожъ никто не остано-вилъ печеніе коней, везущихъ смершную колесницу своей Государыни , и ошавался проливать слезы въ стѣнахъ градскихъ. Князь Косожскій, въ послѣдніе обнявъ свою возлюбленную дочь , упалъ въ обморокъ ; усердные вельможи опвезли его во Дворецъ , а Княжну ошавили на произволъ судьбы и чудовища. Она полумертшва брела къ великому камню, гдѣ обишалъ Смокъ , чшобъ скорѣе скончать свои мучительныя минушы. Сколь ни ужасно было ожидаемое по-зорище , сколь ни поражены были вель-

вельможи и народъ, однакожъ мно-
гіе взошли на градскія стѣны,
чтобъ въ послѣдніе благословишь
душу своей Княжны, когда она
полетитъ на небо, а особливо усерд-
ные жрецы, коимъ запертіе города
не позволяло ходити по деревьямъ,
для обманыванія народа и собира-
нія богоговѣйныхъ сребряниковъ въ
кошельки свои, съ неперпѣніемъ
ожидали сего благополучнаго часа
своему опечеству. Но Смокъ, уда-
лившійся на добычу, медлилъ пред-
стать съ своими спасительными на-
потъ разъ Косогамъ челюстями. Уже
набожнѣйшіе изъ жрецовъ проекрат-
но съ надлежащимъ умиленіемъ вос-
кликнули: о Бичъ боговъ, ужасный
Смокъ! приди взять свою жертву
и оставь спрану нашу. Наконецъ
крупящаяся вдали пыль сполбомъ
показала быстрое шестыѣ чудовища.
Зрители вострепетали и готовы
были зажать глаза свои, чтобъ не
видать жалостнаго дѣйствія, кото-
рое однако они посмотрѣвъ вышли:

Бо-

Болѣзненные восклицанія возобновились, но остановлены были появлениемъ двухъ богатырей. Одинъ изъ нихъ шелъ пѣшкомъ быстро, опираясь своею тяжкою дубиною, а другой, вооруженный полными доспѣхами, скакалъ на бодромъ конѣ, и раздувающіяся у онаго пламенные ноздри доказывали, что богатырь въ пупи своемъ не медлилъ. Оба они вдругъ присѣли къ великому камню. Конный соскочилъ опрометью и воскликнувъ: — Боги! . . . Свѣтана! въ какой часъ . . . и въ какомъ ты состояннн! — бросился къ ней съ обѣщаннми, а пѣшій спалъ, опершись на свою дубину. Княжна, которая была почти безъ чувствъ, пришла въ себя; слезы, упавшія изъ глазъ присѣвшаго всадника, горячестію своею ее возбудили. Ахъ, возлюбленный Киганъ, вскричала она! еще Боги ко мнѣ милостивы, еще я себя вижу! . . . Но удались; я должна погибнуть; не умножай смертельной

Часть IX.

I

мсей

моей горести своею опасностію. —
 Мы погибнемъ вмѣстѣ, говорилъ
 Киганъ, или чудовище расперзаетъ
 ся моими руками. — Да! сказалъ
 холодно богатырь, опершійся на свою
 дубину, еспьли Булашъ позволишь
 тебѣ опияшь у себя честь шаковаго
 славнаго подвига. Смоки не вездѣ
 попадаются. . . . Довольно съ
 тебя, чпобъ ты ушѣшалъ сію дѣ-
 вицу, между шѣмъ, какъ я спану
 управляться съ чудовищемъ. —
 А! ты потѣ славный богатырь
 Рускій, убившій желѣзноголоваго
 исполина, сказалъ Киганъ со удивле-
 ніемъ; я почишаю швою неуспра-
 шимосшь, но не соглашусь никогда,
 чпобъ кшо нибудь, кромѣ меня,
 былъ избавишелемъ моей невѣсшны.
 — Избавляй ты ее во всѣхъ дру-
 гихъ случаяхъ, подхвятилъ Бу-
 лашъ, а теперь . . . сказашъ пра-
 вду, я не люблю дѣлиться ни съ
 кѣмъ опасными приключеніями. —
 Какъ бы шо ни было, опвѣчалъ Ко-
 роль, но я не меньше швоего имѣю
 въ

въ себѣ отважности снятъ на себя
 сіе. Киганъ не привыкъ никому
 обязанъ бытъ избавленіемъ въ соб-
 ственномъ своемъ дѣлѣ. Еще ни
 одинъ богатырь не имѣлъ труда
 защищать меня. — Короче сказать,
 богатыри говорили хотя съ почте-
 ніемъ, но отъ часу крупнѣе, и согла-
 сились рѣшить дѣло, кому доспа-
 нется съ чудовищемъ драться,
 чрезъ поединокъ. Можетъ бытъ
 одинъ изъ храбрыхъ лбовъ оспал-
 ся бы разкroеннымъ, естълибъ Кня-
 жна Свѣшана не вошла въ посред-
 ство. О мой возлюбленный Киганъ,
 сказала она Королю Аварскому! ты
 подаешь мнѣ великіе опыты твоей
 ко мнѣ горячности; ты пришелъ
 спасти жизнь мою, тебѣ надлежа-
 щую, или окончатъ свою гмѣстѣ со
 мною. Не довольно ли, что ты пришелъ
 почти на извѣстную погибель, но
 какое имѣешь ты право подвергать
 опасности дни свои, единственно
 мнѣ надлежащіе? Для чего не хо-
 чешь ты быть благодарнымъ бога-
 тырю,

шью, признаніе швое заслуживаю-
 щему? Ты пришелъ по должности
 и побуждаемый спрасію, а побѣ-
 дишель исполна для шого только,
 что его привлекло великодушіе. Спра-
 ведливо ли вамъ ополчаться другъ
 противъ друга, и взаимно нанося
 удары крѣпости мышцъ, еще неиспы-
 шанныхъ, лишашъ свѣшъ единаго
 изъ двухъ первѣйшихъ его покрови-
 шелей? Разсуди прилѣжиѣ, должно ли
 шерять вамъ междуособствую силы,
 нужныя кѣ моему защищенію? кпобѣ
 ни выигралъ изъ васъ право сразить-
 ся съ Смокомъ, который появишься
 не замедлишь, то ослабленному ли
 ополчаться на шаковое чудовище?
 Но ежели по нещастію рука швоего
 противника въ великодушіи и храб-
 рости лишитъ меня моего возлюб-
 леннаго? . . . Ахъ! иѣшъ, я не допущу
 . . . я заклинаю шебя не опхо-
 дить отъ меня ни на шагъ и под-
 крѣпляшь мою слабость во время
 шоль ужаснаго позорища? — Свѣ-
 шана кѣ сему повелишельному гласу
 лѣсви

любви умѣла присоединить таковыя даски, провождаемыя слезными взорами, что Киганъ вложилъ въ ножны мечъ свой, уже въ половину обнаженный. — Повинуюсь тебѣ, прекрасная Княжна! сказалъ онъ съ видомъ негодующей храбрости. . . . А ты, славный богатырь, говорилъ онъ, обращаясь къ Булашу, ты побѣдилъ меня не сражаясь со мною. Я уступаю тебѣ честь славнаго подвига, но съ условіемъ заплашишь миѣ за сей даръ еще неоцѣненнѣйшимъ, то есть вѣчною швоею ко миѣ дружбою. — Да, неустрашимый Король! я клянусь тебѣ Богами, что не употреблю во зло сего почтительнаго швоего миѣ награжденія; оно будетъ законъ, обязывающій меня навсегда къ швоимъ услугамъ, сказалъ Булашъ, повергая свою дубину и стремясь съ объятіями къ Кигану, подающему ему свою руку. При своей храбрости, продолжалъ онъ, ты превосходишь меня своимъ великодушіемъ. Я при-

знаюсъ, что не былъ бы подобно тебѣ щедръ въ добровольномъ уступленіи сего подвига. . . Но ты могъ бы теперь принудить меня быть во ономъ зрителемъ, естлибѣ дружба, коею я тебѣ клялся, дозволяла мнѣ оскорбить тѣмъ твою возлюбленную. Признайся, что непрощительно тебѣ нѣжную дѣвицу učinишь зрительницею твоей опасности, и можешь быть язвѣ, легко ожидаемыхъ; и впрочемъ можешь ли ты счестъ себѣ во одолженіе, естли я убью Смока, и тѣмъ избавлю твое достояніе отъ гибели, когда, что легко случиться можешь, долженъ будешь подать мнѣ помощь, буде я ослабѣю? Друзьямъ прошиву общаго врага должно сражаться общими силами, а не чрезъ междоусобія подавать ему выгоды. И такъ помоги мнѣ, естли то будетъ нужно; я не постыжусь назвать себя моимъ избавителемъ, но безъ нужды не нарушай долга къ твоей возлюбленной.

ной. — Сказавъ сіе, они обнялись и возобновили клятвы о вѣчномъ дружествѣ.

Въ самое сіе время ужасный свистъ и крушящаяся пыль возвѣстили имъ приближеніе Смока. Булатъ подхватилъ свою дубину и приготовился вспрѣпшишь чудовище; а Король Аварскій охватилъ одною рукою препещущую Княжну, другою же держался за рукоять меча своего, чтобъ быть гошову въ случаѣ нужды на помощь новопріобрѣшенному своему другу. Чудовище, считавшее добычу свою достовѣрною, стремилось съ злобною алчностію къ великому камню; но увидя прошиву себя Булата осшановилось, какъ бы въ изумленіи, нападашь ли, или удалишь ему должно. Но побуждающая его адская сила рѣшила его въ мгновеніе она; оно, приподнявшае на заднія ноги, выпустия изъ оныхъ острые по аршину длиною когти, склубя свой хеостъ и раззинуръ одиннашмашъ змѣиныхъ челюстей,

бросилось на богатыря, чтобъ вдругъ расперзять и пожрать онаго. Но сей встрѣшилъ его шакowymъ жестокимъ пораженіемъ своей дубины, что при головы съ ногою и крыломъ отбишы были однимъ разомъ, и оплешѣли на великое разстояніе. Смокъ, узрѣвъ лющуюся изъ ранъ своихъ кровь, усугубилъ ярость свою; напрыги его были опасны, но проворство богатыря и дѣйствіе непобѣдимаго оружія учинили оныя недѣйствительными; чудовище отъ каждаго пораженія лишалось головы, и когда осталась у него одна только человѣческая, оно не могло уже нападать, и лишь прыгая, старалось сберечь отъ ударовъ голову, содержащую остатокъ жизненности. Голова сія редела страшнымъ образомъ и угрожала богатырю окончить ея шѣло, естли онъ не захотѣлъ съ смертію ея погибнуть. Однако Булашъ, не взирая на сіи угрозы, продолжалъ наносить удары, но не могъ никакъ улучить въ желаемое мѣсто;

голова умѣла проворно уклоняться, и лишь шѣло Смоково раздувалось съ ударовѣ дубины. Наконецъ богашырь, скучивъ продолжашъ почши окончанное сраженіе, бросилъ свое оружіе, и схваця чудовище руками, повергъ оное съ жестокостію о землю, попомѣ, насупя на него ногою, оторвалъ послѣднюю голову и шѣмъ выгналъ ядовитый паръ, оживотворявшій сіе вредное чудовище. Кигаѣ въ ратный рогъ воспрубилъ побѣду; Свѣтана пришла въ себя отъ ужаса, и благодаря богашыря, превозносила его похвалами, а Булатъ не медля началъ сдирать кожу съ убишаго Смока на знакъ сего совершившагося знаменитаго подвига, которую попомѣ всегда носилъ на себѣ вмѣсто плаща.

Таковымъ образомъ злополучнѣйшій день обратился Косогама въ совершенно радостнѣйшій. Рыданіе и слезы превѣнились въ торжественныя восклицанія; сіи скоро достигли до Дворца Княжескаго, и падшій

подъ бременемъ горести Государа
 возсталъ, и слезы утѣшительныя
 изъявляли обязанность его за мило-
 снн Боговъ. Онъ собралъ своихъ
 вельможъ и нѣдохранишелей и шелъ
 шоржественно встрѣпить богаты-
 рей, защитившихъ его кровь и оше-
 чество. Коль великое увеселеніе
 было для него увидѣшь возлюблен-
 ную дочь свою, кошорую за нѣсколь-
 ко часоѣ обнялъ онъ въ послѣдніе
 жиу, и редомую ея храбрымъ обру-
 чникомъ. Онъ не сомнѣвался, чтоѣ
 не Король Аварскій былъ ея избави-
 телемъ и благодарилъ его за то
 съ дружескими обѣяшїями, но сей
 ирой не принималъ сего, и обѣявалъ,
 что онъ равно со всеми Косогами
 обязанъ тѣмъ славному богатырю
 Булату. Тогда все гласы призна-
 нїя обратились къ богатырю Руско-
 му. Князь возвелъ его съ собою на
 шоржесивенную колесницу и при
 восклицанїи народа и воиновъ: да
 здравствуетъ побѣдншель желѣзно-
 головаго исполина и страшнаго Смо-
 ка,

ка и избавишель страны Косожскія! — слѣдовалъ во храмъ для принесенія безсмертнымъ жертвы благодаренія. Тамъ Булашъ увѣнчанъ дубовымъ вѣнцемъ, и облеченный въ багряный плащъ приглашенъ на пиршество во Дворецъ Княжій. Цѣлый мѣсяцъ продолжалось шоржество сіе, на которомъ Булашъ по обыкновенію своему исправно пилъ нектаръ Боговъ за благополучіе державъ Косожской и Аварской, и клявшись спокрашно о вѣчномъ дружествѣ Королю Кигану, заснулъ въ опведенныхъ ему великолѣпныхъ чершоггахъ, и забылъ о своемъ другѣ и о самомъ себѣ. По повелѣнію Княжескому никшо не смѣлъ сдѣлать во время сего опдохновенія ни малаго шума, не токмо во Дворцѣ, но и въ близъ лежащихъ улицахъ; всюду разспавлены были шѣлохранищели, хотя шо совсѣмъ не нужно было для Булаша; ибо шо соединенныхъ громовыхъ ударовъ не могли бы разбудить его.

Между

Между тѣмъ Король Киганъ не имѣлъ времени медлить; по объявленіи имъ войны Римлянамъ войски его шли уже къ мѣсту Римскаго ополченія. Онъ на семъ походѣ узналъ о несчастіи, случившемся его возлюбленной и ея государству, и для того, оставя мщеніе, поспѣшалъ се избавить. Таковымъ образомъ случилось, что онъ нечаянно приспѣлъ къ великому камню, гдѣ Булащъ побѣдилъ чудовище. Онъ, объяснявшись съ Княземъ Косожскимъ о причинѣ Римскаго къ нимъ посольства, совѣщавалъ о мѣрахъ, каковыми слѣдуетъ вести войну съ народомъ, прославившимся въ свѣтѣ своею храбростію. Ожидаемо было, что отказъ Камиллу въ сватовствѣ за Княжну Свѣшану навлечетъ его оружіе и въ области Косожскія, и для того заключили они общими силами напасть на Римлянъ въ ихъ опечесствѣ, и тѣмъ предупредить грозимое раззореніе своимъ державамъ. О бракѣ Кигана съ Свѣшаною

ною

ною не было забыто; сей положено совершить по первомъ благополучномъ успѣхѣ оружія въ смолицѣ Короля Аварскаго. И пакъ Князь Косожскій, послѣдуемый своею дочерью и собравъ свои войска, отпра-вился съ Киганомъ въ Аварію. Бояринъ, оставшійся правителемъ въ Косогіи, получилъ повелѣніе объявить Булашу по его пробужденіи о причинѣ опшествія Государей, и о томъ, что остается на его волѣ, быль ли ему до возвращенія обоихъ Государей первымъ хранителемъ княжества, или участвовать въ войнѣ своего друга, или въ случаѣ другихъ его какихъ нибудь важныхъ предпріятій получить богатырскаго коня со всѣми доспѣхами.

Сонъ Булашовъ продолжался мѣсяцъ, въ кошорое время успѣхъ оружія друга его не былъ удаченъ: онъ проигралъ Римлянамъ два сраженія, и на послѣднемъ, не взирая на то, что оказалъ удивительные подвиги силы своей и храбрости, лишился

шился своего нареченнаго тещя
 Князя Косожскаго, и съ малымъ
 оспапкомъ рати, преслѣдуемый Рим-
 лянами, бѣжалъ въ свою столицу
 и осажденъ во оной. Тутъ защи-
 щался онъ храбро, и шѣмъ съ опас-
 нѣйшимъ для враговъ своихъ му-
 жествомъ, что въ сей осадѣ уча-
 ствовалъ неоцѣненный залогъ добро-
 дѣтельной любви его Княжна Свѣ-
 шана. Сія Государыня, оплакиваю-
 щая кончину родителя своего, жерш-
 вовала оной не одними слезами:
 она не однократно прислѣвала на
 помощь жѣнику своему въ опаснѣй-
 шихъ вылазкахъ, и своею полъ ея
 превосходящею храбростію подавая
 помощь, не рѣдко перемѣняла успѣ-
 хи неустрашимости Римской, и
 избавляла Кигана отъ величайшихъ
 опасностей. Можно сказать, что
 осаждающіе и осажденные были не-
 пріятели, другъ друга достойные.
 Чего не могъ выдерживать цѣлый
 свѣшѣ, сію ужасную и сильнѣйшимъ
 народамъ стремительность въ бит-
 вкахъ

вахъ Римскихъ, сей поядающій огнь
 пройсва охлаждали малое число
 соединенныхъ Аваровъ и Косоговъ;
 ибо предводимы были Киганомъ и
 Свѣшаною. Римляне, купившіе доро-
 гою цѣною невообразимаго множе-
 ства крови своихъ войскъ свои по-
 бѣды, не смѣли опважиться на при-
 ступы, и довольствовались только
 осаждать городъ, уповая принудить
 оный къ здачѣ чрезъ пресѣченіе
 привоза сѣбѣсныхъ припасовъ. Въ
 самомъ дѣлѣ голодъ угрожалъ вели-
 кою опасностію осажденнымъ. Воз-
 гордившійся побѣдами Камиллъ
 предлагалъ уже о мирѣ на понос-
 ныхъ условіяхъ: чтобъ Король Авар-
 скій присягнулъ Римлянамъ въ
 подданствѣ, и отрешись права на
 Княжну Свѣшану, отдалъ бы оную
 изъ своихъ рукъ жениху ея, предъ
 нимъ достойнѣйшему. Предложеніе
 сіе отвѣществуемо было сильными
 вылазками, и воины Римскіе пла-
 тили несчетнымъ числомъ головъ
 своихъ за наглость своего полко-
 водца.

водца. Со всѣмъ тѣмъ безъ поспѣ-
ронней помощи городъ не могъ бы
выдержатъ на долго осаду. Княжна
Свѣшана послала грамоту въ свое
государство о скорѣйшемъ собраніи
остальныхъ войскъ и довольнаго
числа сѣстныхъ припасовъ; а Ко-
роль Киганъ отправилъ гонца къ
другу своему богатырю Булашу,
чтобъ онъ поспѣшилъ избавить его
въ опасности. Грамота его была
слѣдующаго содержанія:

„Король Аварскій Киганъ другу
„своему непобѣдимому богатырю Бу-
„лашу желаетъ здравія.

„Я ни о чемъ не прошу тебя;
„ибо не смѣю убѣжденіями моими
„оскорбить наше дружество; доволь-
„но, если скажу тебѣ, что я про-
„игралъ Римлянамъ два сраженія,
„лишился на послѣднемъ изъ оныхъ
„отца моей возлюбленной, и вмѣстѣ
„съ нею осажденъ въ моей споли-
„цѣ. Голодъ преодолеваетъ оную
„больше, нежели оружіе враговъ мо-
„ихъ; и я не могу сказать, на
„долъ

„долго ли въ состояніи будемъ мы
 „выдерживашь осаду. Гордый Ка-
 „милъ предлагаетъ мнѣ миръ на
 „условіяхъ, чшобъ я добровольно
 „уступилъ ему мою невѣсту, и
 „учинился бы его подданнымъ; но
 „для друга Булашова приличнѣе
 „умереть съ оружіемъ; онъ не бу-
 „дешъ Римскимъ невольникомъ. „

Въ послѣдній день, предъ про-
 бужденіемъ богатыря Рускаго, го-
 нецъ съ посланнымъ отъ Княжны
 Свѣшаны достигли въ Косогію. Бо-
 яринъ, правившій государствомъ, не
 смѣлъ ни разбудить Булаша, ни въ
 сходствѣнности новелвія своего Го-
 сударя безъ воли его собирать вой-
 ско; ибо не зналъ, согласился ли онъ
 бышъ самъ правителемъ, и одо-
 бришъ ли посылку вспомогашельнаго
 войска. И такъ, держа въ рукахъ
 грамоты, дожидался окончанія сна
 богатырскаго.

Я (говорилъ Аспулфъ) радовал-
 ся видя обстоятельство сіи; ибо ожи-
 дая, что Булашъ не раздумаетъ

Часть IX.

К

по

по опважности своей одинъ на-
 пастъ на войско Римское, и что уже
 непобѣдимая дубина его не будетъ
 имѣть возможности защищать шло
 его отъ извѣстной гибели, когда
 нѣсколько сотъ тысячъ мечей и
 стрѣлъ обратятся въ одного чело-
 вѣка. На послѣдокъ Булашъ про-
 сиулся. Бояринъ подалъ ему грамо-
 шы, и объявилъ повелѣнiе своего Го-
 сударя, учиняющее его первымъ
 хранишелемъ Косогии; припомъ тре-
 бовалъ онъ отъ него изреченiя, на-
 мѣренъ ли онъ остаться шупъ, или
 желаетъ ѣхать, чшобъ по тому
 можно было учинить надлежащiя
 распоряженiя. Богашыръ не отвѣчалъ
 ему ничего и читалъ грамоты.
 Далекъ ли отсюда до столицы Авар-
 ской, спросилъ онъ окончавши чте-
 нiе? Восемь дней верховою ѣздою,
 отвѣтствовано ему. Но прикажете
 ли собирать вспомогательное войско,
 спросилъ еще бояринъ, и какое
 ваше вознамѣренiе? — Да, сказалъ
 Булашъ; я хочу на сей разъ быть
 пра-

правителемъ княжества, чтобъ избавить Косожскія войски отъ труда. Я не приказываю оныхъ собирать, и иду одинъ помогать моему другу. Не смѣли возражать прошиву столь отважнаго предпріятія однако докладывали ему о выборѣ доспѣховъ, богатырскаго коня и шлохранителей. Миѣ ничего не надобно, отвѣчалъ богатырь, крѣмъ мѣшка сухарей; я хожу пѣшкомъ, а шло мое храню моею дубиною. . . Ну, продолжалъ онъ къ боярину, шеперь будь ты правителемъ, и дай миѣ сухари. Топчасъ исполнено его повелѣніе, и онъ пошелъ въ путь свой. Разспояніе до столицы Аварской совершилъ онъ шествиѣмъ двудневнымъ, и на зорѣ прешьяго разсвѣшанія увидѣлъ башни оныя.

Между шѣмъ голодъ принудилъ Кигана учинить рѣшительную вылазку съ шѣмъ, чтобъ либо прогнашь непріяшелей, или съ остаткомъ войскъ погибнуть на сраженіи; або равно было умирашь и не отъ

доспашка пиши. Булавѣ, взшед-
 шій на высокій хоамъ, близъ опол-
 ченія Римскаго и почти въ равномъ
 разстояніи отъ города находившійся,
 примѣнилъ выходящее изъ города
 войско; онъ ожидалъ спокойнымъ
 зрѣшелемъ послѣдства сраженія, не
 хотя безъ нужды вмѣшаться во
 оное, и участвованіемъ своимъ
 отнять часть славы, ожидаемой отъ
 храбрости его друга. Сей поистиннѣ
 заслуживалъ, чтобъ весь свѣтъ былъ
 тогда свидѣтелемъ его подвиговъ.
 Сраженіе началось съ равнымъ съ
 обѣихъ сторонъ жаромъ; множество
 однихъ и опчаяніе другихъ произ-
 водили равновѣсіе въ битвѣ; однако
 Римляне всюду принуждены были
 уступать, гдѣ присутствовалъ Ки-
 ганъ; онъ одинъ гналъ цѣлые ле-
 гіоны; но гдѣ вспомоществовала ему
 Княжна Свѣшана, тамъ въ мину-
 ты лишались Римляне когортами (*)

жизни

(*) Когорта было у Римлянъ нѣкоторое раздѣленіе воинскихъ силъ, можетъ быть подобное ротѣ, или батальону.

жизни и мѣста сраженія. Стократъ уже Булашъ билъ въ ладони отъ радости, взирая на чудеса храбрости, производимыя его другомъ, но наконецъ множество начало преодолевать его: Авары и Косоги начали уступать; Киганъ не могъ всюду послѣдовать; Свѣтана была схвачена, и влечена плѣнницею и тщетно Король, женихъ ея, спремился освободить предметъ своей горячности; онъ самъ изнемогалъ отъ множества полученныхъ ранъ. — А! уже поздно будетъ, естли я помедлю еще, сказалъ Булашъ, прыгнувъ однимъ скокомъ съ холма долой. Онъ побѣжалъ сквозь густѣйшія холмы Римскихъ силъ; онъ не дрался и не оружіемъ очищалъ путь себѣ, но давилъ людей, гдѣ шелъ, и подобно валящему вихрю, опровергающему лѣсъ полоскою по спези стремленія своего, раздвигалъ войски. Вдругъ очутился онъ на мѣстѣ, гдѣ торжествующіе побѣдишели съ гордостію влекли не-

обвиненную для Кигана, и для своего полководца добычу, и гдѣ другъ его не искалъ уже кромѣ смерти. Онъ въ мгновеніе ока попопшалъ ногами плѣнннхъ, освободилъ невѣсту своего друга и кричалъ къ нему: ободришь, Король Аварскій! ты побѣдилъ уже; оставь мнѣ довершишь слѣдствія твоей храбрости. Веди свою возлюбленную и свои войски обратно въ городъ, чшобъ я имѣлъ мѣсто полуцивилизированнаго на просторѣ эшихъ разбойниковъ. Сказавъ сіе, началъ онъ работать своею дубиною; удары ея были жестоки: поражая одного, убивалъ онъ десятками; ибо пораженные ошлешали прочь подобно камню, брошенному изъ пращи, и тѣлами своими побивали спящихъ позади себя. Онъ давилъ ногами опроверженныхъ и погналъ Римлянъ подобно быстрому соколу стадо галокъ; онъ шелъ не по землѣ, поля позади его устилались прупами; ибо онъ махалъ на право и на лѣво,

пры-

прыгалъ впередъ и опскакивалъ назадъ, гдѣ оставались кучи опчянныхъ Римлянъ, и словомъ, онъ проворно разносилъ смерть всюду. Вскорѣ обрадованный Киганъ, опспупающій съ войскомъ своимъ къ городу, началъ терять изъ виду бѣгущую рать своихъ непріятелей; но какъ густая пыль сокрыла изъ вида и его друга, то началъ онъ опасаться о его жизни. Онъ не могъ вообразить, чѣмъбы силы одного человека достапочно были гнать цѣлое войско, и попому жалѣлъ, чѣм много положился на слова своего друга и оставилъ его погибнуть неминуемо. Хотя видѣлъ онъ чудесную его силу, храбрость и проворство, хотя примѣрно было, чѣм онъ гонитъ непріятелей, однако приказалъ вновь трубить на брань, и спдѣля опборныхъ ратниковъ, поскакалъ къ нему на помощь. Приблизась къ мѣсту, гдѣ былъ Римскій воинскій станъ, увидѣлъ онъ шолько пусшыя шапры

и всѣ припасы брошенные, Аваровѣ, побранныхъ во время войны вѣ плѣнѣ, сбивающихъ уже съ себя оковы; ибо и спража, хранившая ихъ, обратилась въ бѣгство. Киганѣ, опудавъ приказѣ о занятіи спана съ корыстями, продолжалъ неспѣшать на помощь Булапу, но до самой ночи не могъ достигнуть ни его, ни бѣгущихъ; онъ скакалъ только по полямъ, успаннымъ тѣлами. Полуца изъ того надежду не успѣхъ своего друга, и разширяя по пространству, занимающему число побитыхъ, усмотрѣлъ, что непріятелей живыхъ не осталось уже ни одной части; и такъ остановился онъ съ своими вѣязями и войскомъ. На разсвѣтѣ продолжалъ онъ ѣхать тихимъ шествіемъ по пуши, указываемому ему садами победы его друга, и видѣлъ, что число шѣлъ Римскихъ началось отъ часу уменьшаться; наконецъ оныхъ уже не было. И тогда то огорчился было онъ, думая, что другъ его утонулъ по-

погибъ оубо оставшихъ враговъ своихъ; однакожь ободрися, увидя впереди себя вопиющую въ землю его дубину и повѣщенную на оной кожу Смокову и мѣшокъ съ остаткомъ сухарей оубо дороги. Надобно, чтобъ онъ былъ живъ, говорилъ Киганъ къ своимъ полководцамъ; кажется, что Римское войско все побито, но гдѣжь онъ и куда удаился оубо своего оружія? — Между тѣмъ, какъ всякъ не могъ постигнуть сему причины, увидѣли они Булаша, возвращающагося къ нимъ и ведущаго на веревкѣ самаго Римскаго полководца Камилла (*), въ послѣдова-

К 5

ніи

(*) Можетъ быть о семъ происшествіи нѣтъ ничего вѣрнаго въ лѣтописяхъ Римскихъ; повѣствователи гораздо выхваляють скромны въ разсужденіи случаевъ, приносящихъ не великую честь ихъ отечеству. Однакожь во времяникахъ Аварскихъ видно, что Камиллъ за сіе изгнанъ изъ своего отечества, и уже прощенъ послѣ Аліанской вѣзали, которую послѣ него проигралъ Римляне противъ Галловъ.

ни двухъ только его оруженосцевъ. Богатырь приближась поздравилъ Короля Аварскаго съ побѣдою, и до-несъ ему въ короткихъ словахъ, что онъ не разсудилъ за благо оста-вить изъ войска Римскаго никого, кромѣ Камилла съ двумя его оруже-носцами. Киганъ обнялъ его и благодарилъ съ дружескими выраже-ніями за оказанную помощь, или лучше сказать, за сохраненіе коро-ны своей обще съ жизнію и его возлюбленною Свѣшаною. Скромный богатырь не присвоивалъ себѣ ничего, какъ только что онъ довершилъ по-чти исполненное уже Королемъ, его другомъ. Нѣтъ, храбрый Булапъ, говорилъ Киганъ, усугубляя свои объ-яшїи, ты удержалъ двоекратно жизнь мою, ты увѣнчалъ мое сердце воз-вращеніемъ моей возлюбленной, безъ тебя была бы она плѣнницею, а я погибъ бы съ моимъ государствомъ. Послѣ сего вручилъ богатырь Королю плѣнннаго Камилла, который по-слалъ его подъ стражею въ свою

сно.

столицу, и повелѣлъ, возвѣстия Княжнѣ о щастливо совершенной преславнѣйшей побѣдѣ, приготовить торжественную встрѣчу и все для великолѣпнаго пиршества.

Аварскій Король, учиня распоряженіе о погребеніи мертвыхъ, предлагалъ Булашу половину изъ корыстей, найденныхъ въ воинскомъ Римлянѣ шпанѣ, но сей не принялъ ничего, а удовольствовался только на знакъ сей битвы собрать златныя кольца съ перстновъ побитыхъ благородныхъ Римлянъ, изъ коихъ снизалъ онъ себѣ нѣкошорый родъ перевязи и считалъ всегда оную первѣйшимъ своимъ украшеніемъ. Киганъ, взирая на множество побитыхъ, говорилъ своему другу, чпѣ онъ находишь его въ особливомъ защищеніи у Боговъ; ибо не можно бы впрочемъ никому остаться живу, сражаясь съ цѣлымъ войскомъ искусныхъ ратниковъ. Булашъ, твердо вѣряцій въ провидѣніе небесъ, былъ съ нимъ въ эшомъ согласенъ.

ВЪ

ВЪ самомъ дѣлѣ богатырь сей погибъ бы, естлибѣ прозорливый Кабалистъ Роксоланъ, узнавшій про разоспанные ему ошѣ адскихъ Князей сѣпи, и видящій, что онѣ неминуемо упадутъ вѣ оныя, и для того онѣ при сущеніи его сѣ колма предѣ начатіемъ сраженія прилетѣлъ на своемъ самолетающемъ коврѣ, и облилъ его таинственною водою изъ златаго сосуда, кошорая тѣло его учинила безвредно ошѣ всякихъ пораженій оружія. — Булашѣ, услышавъ сіе повѣствованіе Астулфово, началъ приносить благодарность своему покровителю за одолженія, коихъ онѣ до того времени не вѣдалъ; но Роксоланъ прервалъ оное и принуждалъ его внимать все происходящее вѣ чертогахъ Царя Дѣвицы. — Астулфъ продолжалъ. По исполненіи всѣхъ распоряженій Король Аварскій шествовалъ поржественно вѣ свою столицу, имѣя у себя по правую руку своего друга и избавителя богатыря Рускаго.

скаго. Воины, составляющіе сей ходъ, почти всѣ заняты были несеніемъ трофеевъ; споль много оныхъ опячю и споль велико было число Римскихъ легионовъ! Княжна Свѣтана вспрѣщала побѣдителей за городомъ со всѣми вельможами и народомъ. Радосныя восклицанія наполняли воздухъ; всюду слышны были похвалы Королю Кигану, Свѣтанѣ и Булашу; жертвенники курились во всѣхъ храмахъ, и жрецы по внушеніямъ живописныхъ прорицалъ о благоволеніи Боговъ къ народу Аварскому и Косожскому. Когда Киганъ входилъ съ Свѣтаной въ первевспвующій храмъ, Булашъ, остановя ихъ и созвавъ всѣхъ вельможъ и полководцевъ, требовалъ отъ нихъ награжденія себѣ. Всѣ изумились и не понимали, что значить будущіе желанія богатыря, отказавшагося отъ участвованія въ пріобрѣтенныхъ кбырсыяхъ. Я желаю, чшобъ двѣ вещи оставлены были на мою волю, сказалъ Булашъ; чшобъ одна изъ оныхъ совершилась въ сей часъ,

и

и чшобѣ Король дааѣ миѣ на сіе
обѣщаніе. Киганѣ клялся ему во
всемѣ, примолва, чшо другѣ его
по извѣспнымѣ своимѣ добродѣше-
лямѣ не можешѣ шребоватѣ вещей
невозможныхѣ. — Да! подхва-
шилѣ Булатѣ; я ничего на первый
разѣ не хочу, какѣ прибавитѣ ра-
доснѣ, и чшобѣ вѣ сей благополуч-
ный часѣ Король Аварскій вѣнчанѣ
былѣ на Княжество Косожское, и
сочешанѣ бракомѣ сѣ наслѣдною
онаго Княжною. — Любящаяся че-
ша не прошивилась предложенію,
составляющему наилучшее изѣ ея
желаній. Вельможи Косожскіе, хра-
нившіе корону и прочія ушвари уби-
шаго своего Государя, приспустили
кѣ Кигану и просѣли принятѣ оныя
сѣ рукою ихѣ Государыни. И шакѣ
Король Аварскій, вошедшій вѣ храмѣ
благодаритѣ Боговѣ за побѣду, вы-
шелѣ изѣ онаго Княземѣ Косожскимѣ
и супругомѣ возлюбленнымѣ своей Свѣ-
шанѣ. Торжества и радоснѣ на-
рода усугубилась; всѣ были велико-
лѣпно

лѣпно угощаемы, а особливо новые подданные Косогы, и Булашѣ, любящій праздновать, оживляя всѣхъ своимъ примѣромъ.

На другой день шоржества, когда вельможи и военачальники пришли съ поздравленіемъ и подарками къ новобрачнымъ своимъ Государямъ, Булашѣ требовалъ, чтобъ въ сходственность даннаго ему обѣщанія плѣненный Камиллѣ разрѣшенъ былъ изъ оковъ и участвовалъ при Королевскомъ пиршествѣ. Киганъ сему не противорѣчилъ, но нѣкоторые изъ ближнихъ боярѣ явно противу сего возражали. Возможно ли дѣло, говорили они, допустить врага и плѣнника къ шаковой чеспи? — Для чегожъ бы нѣтъ, подхватилъ богатырь? шаковому великому полководцу, каковъ Камиллѣ, гораздо больше оказано будетъ чеспи, еслили содержать его подъ стражею. Онъ можетъ подумать, что его опасаются. — Исполните мою прозъбу, Король Аварскій, продолжалъ онъ, обращаясь

пясь къ Кигану; я желаю, чшобъ Камиллъ былъ призванъ, и чшобъ сей же часъ рѣшено было о судьбѣ его. Король долженъ былъ сдержать свое слово. Камиллъ приведенъ и по снятіи оковъ осшался въ большей залѣ Дворца, между шѣмъ, какъ Король съ Булашомъ и шайнымъ своимъ совѣшомъ изшелъ для совѣщанія.

Богатырь Рускій опять предложилъ Королю, чшобъ рѣшено было о судьбѣ Римскаго военачальника. Я отдаю сіе въ собственную швою волю, сказалъ Король. Булашъ благодарилъ за оное, но хотѣлъ, чшобъ учинено было оное еѣ общаго согласія всего совѣша, и шребовалъ вельможѣ объявить свои безпристрашныя на шо мнѣнія. Тогда голоса' начались, но ни одинъ изъ нихъ не былъ благопріятшвующъ Римлянину, ни богатырю, его побѣдившему: одинъ совѣшовалъ казнить Камилла всенародно; другой хотѣлъ, чшобъ выколошы были ему
глаза;

глаза; прешій предлагалъ содержать
 его вѣчно въ зашоченіи подѣ пред-
 логомъ, чшобъ шоль опасный полко-
 водецъ не могъ впредь опечесшву
 ихъ вреда причиняшь, и съ симъ
 послѣднимъ мнѣніемъ согласились
 всѣ прочіе. — Я опровергаю ваше
 заключеніе, государи мои, говорилъ
 богашыръ. Я именемъ Короля вашего
 объявляю Камилла свободнымъ. —
 Какъ! почему? возможно ли, вскри-
 чали вельможи съ ропшаніемъ? Я
 докажу вамъ, ошвѣчалъ Булашъ,
 что несравненно выгуднѣе для госу-
 дарства Аварскаго освободить его.
 Вообразите прилѣжно о слѣдствіяхъ,
 каковыя должны будущъ прѣзойши
 въ случаѣ, ешьлибъ Камиллъ былъ
 казненъ, или содержанъ въ запо-
 ченіи. Вамъ извѣсна сила Рим-
 скаго государства; они могушь по-
 ставишь десять шаковыхъ рашей,
 каковую здѣсь поперяли; они имѣюшь
 въ нѣдрахъ своего опечесшва много
 Камилловъ, то гордостъ Римская,
 привыкшая подавать свѣшу законы,

Часть IX.

Д

не-

не сочтешь ли за необходимое мстить вамъ наигорчайше за безчестіе своего полководца? не успремися ли она всѣми силами освободить его въ случаѣ заоченія и не подвергнешся ли чрезъ то держава Аварская раззорительной войнѣ, а можешь быть и конечному своему паденію? Но освобожденный Камилла въ свое ошечество почтеніе къ великодушію своихъ непріятелей, ужасъ о его оружіи, и не увѣришь ли своихъ единоплеменниковъ, что съ столь опаснымъ народомъ должно искать союза, а не вражды. Не справедливо ли, почтенные вельможи, что надлежитъ дать Камиллу свободу и что несравненно выгоднѣе согласишься вамъ на мое предложеніе? — Вельможи признались въ неосновательности своихъ мнѣній и просили своего Государя о одобреніи желанія славнаго Булапа. Король вмѣсто отвѣта обнялъ своего друга и просилъ, чтобъ онъ взялъ себѣ честь объявить свободу Римскому полко-

полководцу. Камиллѣ, предчувствовавшій, что совѣщаніе оное до него касалось, ожидалъ рѣшенія судьбы своей съ достойнымъ Римлянина равнодушіемъ. — Послушай, Камиллѣ, говорилъ, подспуная къ нему, Булашѣ; ты, не взирая на славу своего имени и званія, долженъ дать отчетъ въ швоемъ поступкѣ прошиву Короля Аварскаго и самъ изречи приговоръ свой. — Жребій оружія предалъ меня его волѣ, оповѣчалъ Камиллѣ; онъ можешъ располагашъ о мнѣ по праву своего щастія; но не требуй, храбрый мой побѣдишель, чшобъ я говорилъ прошивно человеческой природѣ. Довольно, что я плавникъ и что сей плавникъ Римлянинъ. — Но что бы ты учинилъ, продолжалъ Булашѣ, естлибъ ты былъ Король, естлибъ кто нибудь прислалъ требовашъ отъ тебя уступки обрученной швоей невѣсты, и наконецъ, наѣсши раззореніе областямъ швоимъ, попался бы къ тебѣ въ плавнѣ? —

Д а

Д а,

Да, отвѣчалъ Камиллъ, я признаюсь, что не легко бы простилъ ему подобный поспунокъ. — Познай же, сказалъ богатырь, что Римляне не могутъ у Славянъ выиграть ни въ храбрости, ни въ великодушii. Король Аварскiй объявляетъ себя свободнымъ; ты получишь коней и приспойное число служителей и можешь завтра вѣшать въ свое отечество. Онъ дѣлаетъ еще больше: онъ оставляетъ себя на волю, продолжаешь ли войну или оставишься союзникомъ его государству, дабы Римляне подумать не могли, что Славяне ищутъ ихъ дружбы. — Сего много, вскричалъ обрадованный Камиллъ, обращаясь со униженiемъ къ Королю Кигану; я двоекратно побѣжденъ тобою, великодушный Король, и признаюсь въ несправедливости моего поступка, признаюсь, что успѣхи прежнихъ побѣдъ моихъ меня ослабили, но ты освободилъ меня отъ моей безразсудной гордости. Вижу я, сколь не-

невыгодно Римлянамъ вести съ Государемъ, тебѣ подобнымъ, и съ народомъ, кѣмъ ты обладаешь, войну. Почему по полномочію моему предлагаю отъ имени моего опечества вѣчный миръ, естли только оный Государь не опвергнетъ. — Король Аварскій принялъ сіе предложеніе безъ гордости и съ видомъ, что не счищаетъ оное за особенное благополучіе. Онъ оставилъ Камиллу написать условія, и сей включилъ въ грамоту безпристрастно всѣ причины, принудившія Римлянъ заключить вѣчный союзъ съ Славянами.

Таковымъ образомъ Булатъ умѣлъ побѣдить враговъ своего дуга и учинилъ изъ оныхъ доброджелательныхъ союзниковъ своимъ единоплеменникамъ. Пиршество началось съ живѣйшимъ веселіемъ; Камиллъ въ ономъ участвовалъ, и по нѣсколькихъ дняхъ одаренный отъѣхалъ въ свое отечество, а Булатъ остался путь до окончанія

А 3 празд-

празднества, и послѣ обыкновеннаго мѣсячнаго отдохновенія отправился въ свое отечество. На пути къ оному имѣлъ онъ многіе маловажные поединки съ разными богатырями, и прибылъ наконецъ въ столицу Рускаго Князя Видимира. — — —

Послѣ сего Асшулфъ разсказывалъ Царю дѣвицѣ оспашокъ приключеній Буашовыхъ, о коихъ чинашель уже извѣстенъ съ начала сей повѣсти.

Теперь разсудите, продолжалъ духъ, основательна ли угрожающая вамъ опасность. Богатырь, прославившійся своею силою и храбростію, успѣхами своихъ покушеній, привыкшій повергаться въ величайшія опасности, который имѣетъ непобѣдимое оружіе, и коего нѣло безопасно отъ пораженій, и покровительствуемый любимцемъ Чернобоговымъ, могущимъ Роксоланомъ, конечно заслуживаетъ, чтобъ быть отъ него осторожною. О семъ только я и хотѣлъ сказать вамъ, больше сего отъ

опѣ меня не пребуйше ; я не имѣю силѣ вспомошествовашь вамѣ. Неоднократно я покушался на Булаша, и всегда поражаемѣ былѣ молніею, исходящею изѣ его дубины. Асшулфѣ, сказавѣ сіе, исчезѣ, оставя Царѣ Дѣвицу вѣ изумленіи. Она прибѣгла кѣ своей чародѣйной книгѣ, а зеркало Роксоланово не хотѣло больше ничего показывать : оно покрылось мракомѣ и занавѣсѣ надѣ нимѣ самѣ собою опустился.

Послѣ сего дѣйствія Кабалистѣ отвелѣ богатыря вѣ залѣ, гдѣ стоялѣ испуканѣ Черноботовѣ. Булашѣ, познавшій вѣ немѣ первѣйшаго покровителя всѣхѣ своихѣ подвиговѣ, приносилѣ ему искреннюю благодарность и просилѣ о продолженіи столь нужнаго его покровительства. Да, любезный мой Булашѣ, отвѣшествовалѣ Роксоланѣ ; я нахожу двойную выгоду обѣщающѣ тебѣ любовь мою. Впервыхѣ, что ты по воспитанію, опѣ меня полученному, можешь называться моимѣ

сыномъ ; а вовпорыхъ , что пред-
 опредѣленіе швое составляетъ услугу
 нашему отечеству. Ты конечно воз-
 вратишь вѣнецъ Русовъ , еспьли шоль-
 ко свяно сохранишь мои наставленія.
 Я не опасуюсь , чтобъ могли пред-
 стоящія опасности поколебать твою
 испытанную отважность ; но страш-
 но для меня , чтобъ природа и
 прелести Царя Дѣвицы не нанесли
 тебѣ многихъ бѣдшвей. Вѣдай , что
 хощя шы и получишь вѣнецъ Ру-
 совъ , но несказаннымъ подвергнешь-
 ся напастямъ , еспьли заразы кра-
 савицы воздѣйствуютъ надъ тво-
 имъ сердцемъ. Миѣ не можно от-
 крыть тебѣ подробно предѣидущаго
 и могущаго съ тобою случиться , но
 скажу шолько , что здравый рассу-
 докъ долженъ быть водемъ тво-
 имъ на всякій случай. Посему не
 начинай ничего , не расположа при-
 лѣжно о слѣдствіяхъ предпріяшя ; а
 для того сохраняй разумъ свой въ
 чистотѣ , и во все время твоего
 подвига не помрачай онаго крѣпки-
 ми

ми напѣсками. Между тѣмъ надѣйся, что въ крайнихъ опасностяхъ ты всегда будешь имѣть мою помощь, елики только я въ силахъ буду подкрѣплять тебя; ибо есть случаи, въ коихъ никакая человѣческая крѣпость, никакое знаніе не въ состояніи подать защиты. Послѣ сего Кабалистъ принесъ жертву великому Чернобогу; и наполнивъ златый сосудъ водою, чистилъ въ кошорыя молитвы, силою коихъ вода по многомъ коловращеніи обратилась въ красноватую влажностъ. Сею Роксоланъ помазалъ чело и грудь богатыря, и наполнивъ оною небольшой златый сосудецъ, вручилъ ему. Дѣйствіе сей чудной влажносты, говорилъ Кабалистъ Булашу, познаешь ты во многихъ случаяхъ; она есть особливый даръ Боговъ, только избраннѣйшимъ изъ смертныхъ сообщаемый. Когда отъ чего нибудь начнешь ослабѣвать пвои силы, возьми къ ней свое прибѣжище. Впрочемъ препоручаю тебя

вѣ покровительствѣ Боговъ ; иди съ миромъ ; уже начинаюшѣ беспокоиться о своемъ опущеніи.

Богатырь, учинивъ колѣнопреклоненія предъ испуканомъ Чернобоговымъ , просился съ своимъ благодушлемъ и шествовалъ къ мѣсту , гдѣ оставилъ онъ свою ладію. Онъ встрѣтился со многими своими спутниками , изшедшими искать его , возвратился на судно ; и какъ уже буря превѣнилась , то повелѣлъ онъ поднять вѣтрилы и предаться на волю вѣтра , который и понесъ ихъ въ открытое море. Ожидается , что Боги , покровители Русовъ , управляли симъ плаваніемъ ; ибо по прошествіи малыхъ часовъ усмотрены берега , а чрезъ встрѣтившихся рыболововъ познано , что оныя суть острова Бритскіе. Булатъ , замѣтившій въ своей памяти видѣнное въ шайнственномъ зеркалѣ , довольно былъ свѣдущъ о положеніи острова , гдѣ обитала Царь Дѣвица , и повелѣлъ кормчему ввезти ладію въ закрытую

тую дѣсомъ приспанъ , по близости отъ столичнаго города. Тамо вышли всѣ на берегъ и принесли жершву Богамъ, хранителямъ острова.

Между тѣмъ Царь Дѣвица, призывая всѣхъ подвластныхъ ей духовъ, узнала, что не можешь ожидать отъ нихъ ни малой помощи. Она вѣдала, что никакая естественная сила не въ состояніи прошившись крѣпости богашыря Рускаго; и для того, оставя полагаться на могущество своей стражи, прибѣгла къ хитрости. Она оставила городъ и дворецъ только съ обыкновеннымъ прикрытіемъ, и помышляла сосзавишь напитокъ, коимъ бы лишить богашыря чувствъ, и потомъ започить его въ твердую башню, или, взирая на обстоятельство, и жизни лишить. На сей конецъ изобрѣла она порошокъ, имѣющій силу приводить въ сонъ чело-вѣка, естли данъ оный будетъ въ какомъ нибудь напитокѣ, и украшаясь ежедневно лучшими своими уборами,

рами, ожидала прибытія Булашова. Сей оставилъ своихъ соуптниковъ, и въ провожаніи одного нюлько оруженосца Видимирова Услава, испросившаго у него дозволеніе бывать зрителемъ его подвиговъ, пошелъ къ сполочному городу.

Другъ мой, говорилъ богатырь Усладу! я хвалю твою неустрашимость, что ты въ споль юныхъ еще лѣтахъ подвергаешь себя сомною почши извѣстной опасности. Но вѣдай, что воѣ отважѣйшія предпріятія оканчиваются неудачю оныхъ того только, что мѣньше предсказываютъ себѣ встрѣчающіеся ужасы, нежели каковыми оныя намъ кажутся. Въ самомъ дѣлѣ я неоднократно испыталъ, что страшная вещь издали претасаетъ быть таковою; когда къ оной приближишься. — Да, сударь, ошвѣчалъ Уладъ; слѣдуя за вами, конечно я такъ разсуждаешь долженъ; но я хотѣлъ бы посмошрѣшь, чтобъ сіе войско лешящихъ змievъ не могло быть

бышь столь ужасно вблизи. —
 Булашъ, оглянувшись въ сторону,
 гдѣ оруженосецъ примѣшилъ чудо-
 вищъ; въ самомъ дѣлѣ усмотрѣлъ
 болѣе, нежели триста великихъ змѣ-
 евъ, лешящихъ отъ берега въ откры-
 шое море. Зрѣлище сіе было столь
 спрашно, что только Булашу не
 слѣдовало радоваться о удаленіи
 ихъ въ другую сторону. Онъ на-
 чалъ ихъ прилѣживе разсматривать
 и разобралъ, что то были водоход-
 ныя суда совсѣмъ особливаго и не-
 виданнаго еще построенія, управляе-
 мыя однимъ вѣтромъ, безъ помощи
 веселъ и только образъ вида оныхъ съ
 натянутыми вѣтрилами предшавлялъ
 издали совершенно лешучими змѣ-
 ями. Булашъ объяснилъ свое откры-
 тіе Усладу, примолвя: замѣшь сіе
 для предвѣдущихъ случаевъ. Те-
 перь мы разумѣемъ, что войско кры-
 латыхъ змѣевъ у Царя Дѣвицы
 состоитъ единственно въ изрядномъ
 мореходномъ флотѣ, съ каковымъ
 нешаково опасно сражаться, какъ
 съ

съ чудовищами; можетъ быть и окружающій столичный городъ змій вблизи премѣнился въ какое нибудь естественное обстоятельство. — Между шѣмъ они шли.

Вы уменьшили мой страхъ, сказалъ Уладъ Булашу, тогда какъ уже подвинулись они на немалое разстояніе къ городу; я совсѣмъ другими глазами пошерялъ изъ виду удаляющійся флосъ, нежели какими взглянулъ на него сначала; но что вы скажете мнѣ про сіе великое шѣло, окружающее городъ сей? Не лзя сомнѣваться, чтобъ не былъ шо оный великій змій, облегишій всю столицу и держащій конецъ хвоста своего въ зубахъ у себя, о кошоромъ я довольно наслышался. — Мы узнаемъ истинну слуха сего вблизи, ошвѣчалъ богатырь. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе они шли, шѣмъ явственнѣе ошкрывался имъ обманъ, разсвѣянный слухомъ. Предметъ, казавшійся имъ великимъ зміемъ, былъ только ка-

каменная стѣна, обведенная во-
кругъ всея столицы; и какъ у
Русовъ шаковыхъ не созидали еще
въ тогдашнія времена, а всю важ-
ность крѣпостей составляли деревян-
ные оплошны и природная природа
храбрость, но и не удивительно, что
Усадъ издали счелъ стѣну
за шло великаго змѣя. Находя-
щееся во вратахъ крѣпости ополче-
ніе копіеносцевъ прилично могло
быть примѣнено къ острымъ зу-
бамъ, порчащимъ во главѣ мнимаго
чудовища, пожирающаго всѣхъ вхо-
дящихъ безъ дозволенія владѣтель-
ницы въ ея столицу. Но въ сей
разъ спража, имѣющая повелѣніе
отъ Царя Дѣвицы, готовящейся
визложить силу хитростию, не сра-
жась съ богатыремъ Рускимъ,
удовольствовалась только спросить
Булата о имени и допустила ему
свободный входъ. Богатырь шелъ по
длиннымъ улицамъ, составляющимся
изъ рядовъ огромныхъ домовъ,
не занимаясь оныхъ великолѣпіемъ.

Слава

Слава вела его сполы во Дворецъ хищницы вѣнца Русова, чшобы скорѣе совершить подвигъ, который она ему предопредѣляла. Гдѣ чаялъ онъ найши враговъ и гдѣ руки его гошovy были къ пораженію, шамъ встрѣчалъ онъ миролюбивый народъ, оказывающій ему почести. Тѣлохранишели, расположенные во входахъ въ Царскій замокъ, очищали для него пушь; придворные отворяли ему двери, и удивленный богатырь, оставя Улада въ переднихъ покояхъ Дворца, прошелъ свободно до внутреннихъ чертоговъ Царя Дѣвицы.

Женщина, приготоzившаяся побѣдинъ мужчину своею хитростію, и кромѣ чародѣйной науки дозвольно имѣетъ средствъ къ достиженію своего намѣренія. Царь Дѣвица встрѣшила богатыря во всемъ сіяніи красоты, каковое только могла она имѣть ошъ заразъ цвѣшущаго возраста и ошъ дарованій природы, подкрѣпленныхъ искусствомъ, чтобъ при-

ли-

личными уборами возвысиль блескъ
 ея: правильныя чершы лица, нѣж-
 ность шѣла, віющіеся и въ кудряхъ
 по спройному спану разсыпающіеся
 русые волосы, и служащіе бѣлѣйшей
 снѣга кожѣ вмѣсто шѣни, величе-
 ственная выпупка, сопровождае-
 мая пронзительнымъ взоромъ изъ
 голубыхъ и управляемыхъ пламе-
 немъ любви очей были вспрѣчи, къ
 коимъ богатырь Рускій себя не при-
 угошовилъ. Онъ возчувствовалъ дѣй-
 ствіе ихъ въ своемъ сердцѣ; одна-
 кожъ иройская душа его довольно
 еще имѣла твердости, чшобъ удер-
 жать въ памяти предпріятіе, для
 коего онъ шествовалъ. — Я по-
 знаю въ тебѣ непобѣдимаго Булаша,
 сказала Царь Дѣвица съ взглядомъ,
 могущимъ всякаго мужчину прину-
 дить позабыть о храбрости; да, сіи
 богатырскія чершы не могутъ обма-
 нывать; сіи доводы славныхъ по-
 двиговъ подкрѣпляютъ мои понятія;
 пакъ, я увѣрена, что въ сей день
 имѣю щастіе угостить у себя ироя,

Часть IX.

М

при-

приведшаго весь свѣтъ въ удивленіе своими славными дѣлами. — Вы не ошиблись, прекрасная Царь Дѣвица, опивчалъ богатырь; точно я Булашъ Рускій, кромѣ того только, что намѣреніе посѣщенія моего сподвижницы вашей можетъ быть не столько приятно для васъ будетъ, какъ вы ожидаете, и при прощаніи съ вами я не надѣюсь, чтобъ проводили вы меня нѣми милоспивыми взорами, каковыми я встрѣченъ, словомъ сказать, вѣнецъ Русовъ содержитъ въ себѣ судьбу моего отечества, и для того весьма неприлично, чтобъ служилъ оный только къ просному вашему украшенію. — О! это не полагаетъ никакого препяшствія удовольствію моему въ угощеніи васъ, подхватила Царь Дѣвица съ припворнымъ спокойствомъ духа. Ты самъ признаешься, что тогда отечество швое недостойно было хранить сей небесный даръ въ своихъ вѣдрахъ, когда я онымъ завладѣла; былъ ли тогда достойный Государь къ

къ ношенію онаго? вельможи забывались своекорыстіе и прилѣплялись ли, какъ сыны опечесства, къ общему благу? словомъ, была ли храбрость Булашова, подкрѣпляющая благоденствіе страны своей? . . . Вѣрь мнѣ, что я признашельна, и охотно уступлю мнѣ ненадлежащее, и не шокмо сей вѣнецъ, но и всѣ сокровища, доставшіяся мнѣ по праву войны; однакожъ на условіи, чшобъ сей день вы приняли угощеніе и не помышляли ни о какихъ намѣреніяхъ, кромѣ веселостей; а ввечеру я позволяю вамъ снять съ головы моей вѣнецъ Русовъ. —

Хотя для богатыря, помышляющаго о одной только славѣ, и не могли бытъ пріятны таковыя предложенія, но прелести успѣхъ, изъ коихъ излепали шоль ласковыя приглашенія, дѣйствовали надлежащимъ образомъ. Богатырь, упражнявшійся только въ оружіи, не имѣлъ времени навыкнуть въ обращеніи съ женщинами, и природа съ своей стороны

помогла къ забвенію насшавленій его
 благодѣшеля Роксолана : онѣ согла-
 сился бытъ покорнымѣ, и занялся
 полько воображеніями красоты, коею
 овладѣтъ не находилѣ великихѣ за-
 прудненій. Пронырливая Царь Дѣ-
 вица умѣла соединитѣ изобиліе и
 великолѣпіе съ искусствомѣ: слу-
 жебные духи вѣ видѣ придворныхѣ слу-
 жипелей накрыли сполѣ во вну-
 шреннихѣ чершюгахѣ. и наполняли
 оный избраниѣйшими ѣспвами, ка-
 ковыя полько могутѣ почешься рѣд-
 кошю во всѣхѣ чешырехѣ странахѣ
 свѣша ; попомѣ напишки принесены
 вѣ злапыхѣ сосудахѣ, и богашырь
 съ хозяйкою оставлены наединѣ.
 Обращеніе ихѣ становилось опѣ часу
 живѣе; богашырь воздерживался питѣ,
 опшговариваясь, что онѣ ничего хмѣль-
 наго не употребляетѣ; однакожѣ на-
 послѣдокѣ согласился всякую чашу
 опоражнивать пополамѣ съ хозяй-
 кою ; ибо уповалѣ, что сіе послу-
 житѣ ему къ удобнѣйшему дости-
 женію конца вѣ предпріятіи, распо-
 лагая,

лагая, что крѣпость напишковѣ вскорѣ лишитѣ Царя Дѣвицу чувствѣ. Въ самомѣ дѣлѣ она упала безѣ памяти на софу; но и Булашѣ, непримѣтно испивши всыпанный въ сосудѣ порошокѣ, началѣ ослабѣвать во всѣхѣ членахѣ; сонѣ клонилѣ его жестоко. Все погибло бы, и храбрый Булашѣ отѣ невоздержности потерялѣ бы свободу, или и самую жизнь, естѣлибѣ благодѣтельспвующій ему Кабалистѣ шайнственнымѣ присупствіемѣ не вложилѣ ему въ мысль о его опасности, и не привелѣ въ наминаніе помощь, каковую можно ему получить отѣ златаго сосуда. Булашѣ воспрянулѣ какѣ бы отѣ безумія; вспомнилѣ о завѣщаніи Роксолановомѣ, воздрогнулѣ о своей опасности и пошчасѣ раскрылѣ златый сосудецѣ. Благовоніе, изшедшее изѣ онаго, коснулось его носа и произвело жестокое чханіе, которое въ нѣсколько минутѣ освободило его голову отѣ опягчавшихѣ оную паровѣ и уничтожило дѣйствіе чародѣйнаго по-

рошка. Первое дѣйствіе Булатово по пришествіи въ память состояло въ томъ, что онъ бѣжалъ въ покой, гдѣ Царь Дѣвица хранила свою чародѣйную книгу, разорвалъ оную въ мѣлкіе лоскутки и уничтожилъ всѣ ея прочія адскія орудія. По томъ, уже считая себя въ безопасности ошъ сверхъестественнаго нападенія, пренебрегалъ всѣ прочія и многешю равныхъ ему человекѣ, и шелъ къ лежащей безъчувствѣ хищницѣ вѣнца Русова. Онъ сорвалъ оный съ головы ея, и обвивъ въ чистый плашъ, положилъ въ свою дорожную суму. Но тогда предспа-ло ему новое искушеніе: онъ взглянулъ на Царя Дѣвицу, лежащую въ пріятнѣйшемъ безпорядкѣ: ослабленныя нервы собрали кровь подъ тончайшія части кожи и произвели колеблющійся розовый пламень на ея щекахъ; вздымающаяся сильнымъ движеніемъ грудь нечувствительна оборвала зашежки ея одеждъ и открыла пару райскихъ яблокъ, на
 КОИ

кои не можно было взглянушь, не почувствовавъ величайшаго побужденія оныя поцѣловать; словомъ, всѣ предметы были очаровательны, все привлекало къ восхищенію; вліянія Кабалистовы уступили природѣ: храбрый богатырь забылъ все, и . . . опамятовавшись позналъ, что онъ худо слѣдовалъ завѣщанію своего покровителя.

Замѣшательство и стыдъ окружили его, понятіе о преступленіи угрожало ему послѣдствіемъ всѣхъ бѣдствъ; смѣлость его ослабла, и онъ не отважился уже возвращаться шѣмъ путемъ, которымъ шелъ, но оставя Улада собственнй его участи, бѣжалъ къ морской сторонѣ Дворца, и выбросясь въ окно, поплылъ въ ту сторону, гдѣ чаялъ найши своихъ соповарицей. Если ли измѣнила ему его храбрость, поражаемая робостными предразсудками, но не оставила еще врожденная ему сила, и онъ благополучно доплылъ къ своей ладіи. Поспѣшно

удаляйся, кричалъ онъ торопно къ кормчему; ешьли я и возвращаюсь съ-побѣдою, но Уладъ погибъ и всѣ мы предстоимъ великой опасности: мое пресупленіе... Не медли, поспѣшай плаваніемъ! — Кормчій повиновался; вода зашумѣла подъ веслами, и ладія вскорѣ удалилась изъ виду отъ береговъ Бритскихъ.

Испинно то, что ни одинъ человекъ, какими бы предразсудками ни удерживалъ себя въ предѣлахъ добродѣтели, не можетъ предохранить себя въ неопытности отъ оныя. Свѣтъ, спеченіе случаевъ, чувства природы, сложеніе, суть встрѣчи, отводящія насъ отъ нашихъ вознамѣреній. Мы часто дѣлаемся пресупниками, не вѣдая и начала, коимъ образомъ впади въ пресупленіе. Булатъ конечно не пожелалъ бы, чтобъ произошли неудобства въ печеніи славнаго его подвига; онъ швердилъ безпрестанно завѣщанія Роксолановы, и не думалъ, чтобъ что либо могло въ немъ оныя нарушить; однако

однако бывають минушы, вѣ которыхъ и ирои не больше какъ чело- вѣки. Богашырь укорялъ себя своею слабостію и гошовился выдержашъ нещастія, угрожающія ему по пред- сказанію Кабалиста; онѣ жалѣлъ шокмо о томѣ, что сія продляшъ возвращеніе его опечеству досповѣр- наго благоденствія чрезѣ вѣнецѣ Русовѣ. По крайней мѣрѣ онѣ воз- намѣрился погибнушъ, или сохранилъ сію святыню посреди всѣхѣ своихѣ бѣдспвій. Между шѣмѣ ладія при- стала для опдохновенія кѣ нѣко- шорому острову.

Едва шолько Булашъ сѣ нѣ- сколькоми изѣ своихѣ спущниковѣ выспунилѣ на берегѣ, кормчій за- кричалѣ, что онѣ видилѣ летящихѣ кѣ нимѣ множество крылатыхѣ змі- евѣ. Это погоня за нами опѣ Цари Дѣвицы, опвѣчалѣ богашырь, стараясь сколько можно внушилѣ вѣ своихѣ людей смѣлосшъ, и объясняя онымѣ, что сіи зміи не иное что, какѣ шолько вооруженный Бришскій
 М 5 флотѣ,

флотъ, однако никто не смѣлъ полагаться на слова его, и лучше вѣрили глазамъ кормчаго. Молва о чародѣйствѣ владѣтельница Бриттской наполняла всѣхъ единымъ ужасомъ. Тщетно богатырь принуждалъ всѣхъ сокрыться во внутренности острова, общая одинъ уничтоживъ силу своихъ непріятелей. Никто ему не вѣрилъ, страхъ изгналъ изъ нихъ повиновеніе, всякъ за лучшее находилъ бѣжать на уходѣ въ ладіи; въ смятеніи бросались за первымъ, вскочившимъ на судно, принимались за весла и отвалили отъ берега, оставя на ономъ Булата, ожидавшаго, что подчиненные ему не могутъ учинить прошиву его таковой дерзости. Онъ покорился своей участи, считая оную первымъ себѣ наказаніемъ, и съ жалостію ожидалъ, что безъ помощи его ладія истреблена будетъ великимъ Бриттскимъ флотомъ.

Ожиданіе его было справедливо; плавающія на вѣтрилахъ подобно вихрю

визрю суда Бришскія усмошрѣли ладію, погнались за оною, догнали и въ виду острова попопили оную бросаніемъ изъ пращей великихъ камней. Булашъ горѣлъ досадою и мщеніемъ, но не могъ подашь никакой помощи несчастнымъ своимъ единаземцамъ, и былъ только со-спрадающимъ зришелемъ ихъ погибели. Онъ видѣлъ, какъ старались между ушопаяющими сыскашь хищника чести своей Государыни, какъ должно думашъ, для опвлеченія на жестокую казнь; и шакъ, не нашедъ желаемого, всѣхъ побили копіями и стрѣлами. По совершеніи сего Флотъ возвратился и плылъ прямо къ острову, на коемъ находился Булашъ. Сей, кипя мщеніемъ, досадовалъ, что прошивной вѣспрѣ препяшствуетъ доплышь непріятелямъ его къ берегу, и что шѣмъ лишается онъ средства употребить прошиву ихъ свое оружіе. Гнѣвъ приводилъ его въ изступленіе; онъ ударилъ самъ себя рукою въ грудь и жестокостію сего

сего пораженія сшибъ крышку съ златаго сосудца, даннаго ему Кабалишомъ, кошорый онъ носилъ повѣщенный на груди своей. Едва сіе произошло, какъ изъ сосуда выскочилъ подобный молніи пламень, и вѣяся быспрыми вихрями, понесенъ былъ вѣтромъ прямо на суда враговъ Рускихъ. Въ нѣсколько мгновеній ока сіи ужасные виды лешучихъ змѣевъ, или лучше сказать водоходныя громады, обѣяшы были огнемъ и обращены въ пепель со всѣми на нихъ бывшими.

Булатъ радовался, что само небо опмсшило погибель его соопчицей; но съ другой стороны остался безъ всякой надежды къ возвращенію въ свое отечество. Островъ, на кошоромъ онъ находился, казался ему необитаемый; песокъ, каменистыя горы и сухая права соспавляли дно онаго. Не было ничего вѣрнѣе, что храбрый Булатъ умретъ ипушъ съ голода. Всякъ бы, кромѣ его, предался жесточайшему опчаянію,

нію, но Булатъ пошелъ во внутрѣн-
ность оспрова. Въ нѣсколько часовъ
исходилъ онъ его вдоль и поперегъ,
не нашедъ ничего удобнаго къ сво-
ему насыщенію; по крайней мѣрѣ
сыскалъ узкій проливъ, отдѣляю-
щій оный островъ отъ другаго ве-
ликаго оспрова, или можетъ быть
и машерой земли. Богатырь рѣшил-
ся плыть; бросился въ воду и
вскорѣ вышелъ на берегъ желаемого
мѣста.

Хотя только одинъ узкій про-
ливъ отдѣлялъ отсюда островъ,
но страна сія во всемъ имѣла про-
тивоположенія. Казалось, что шутъ
природа истощила всѣ свои щедро-
ты, коихъ лишила она близъ лежа-
щее мѣсто. Булатъ шелъ по пре-
краснымъ лугамъ, укрытымъ свѣ-
жею травою и испещреннымъ пы-
сячами родовъ благовонныхъ цвѣ-
шовъ; по сторонамъ представлялись
ему зеленѣющіеся лѣсочки, служа-
щіе убѣжищемъ неслыханному мно-
жеству пшичекъ, наполняющихъ
воздухъ

воздухъ пріятнымъ пѣніемъ ; всюду попадались ему плодовицыя деревья , и стоило лишь протянуть руку , чтобъ насытиться разнообразными вкусами изобильныхъ даровъ природы . Не лзя ему было остано- виться и помыслишь объ отдохновеніи ; ибо , приближаясь къ какому нибудь привлекательному предмету , бросался ему въ глаза иной еще привлекательнѣйшій . Шествуя ша- ковымъ образомъ , очутился онъ на пространнымъ полѣ , покрытомъ мерш- выми человѣческими костями ; пере- ломанное , или заржавѣвшее оружіе , всюду разбросанное , показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе . Во уеди- неніи оставляющъ человѣка всякія пристрастія и предающъ сердце его естествояннымъ разсужденіямъ . Булашъ размышлялъ о суешности человѣческихъ дѣйствій , о ослѣпле- ніяхъ мщенія и ложной славы , при- нуждающихъ ихъ ненавидѣть , гнать и убивать другъ друга , и можетъ бышь

бытъ извлекѣ бы заключеніе, что
 нѣтъ для нихъ лучшаго, какъ
 жить въ покоѣ, наслаждаться безъ
 драки дарами природы и опказаться
 навсегда отъ всякаго оружія,
 кромѣ того, коимъ добываютъ изъ
 земли хлѣбъ. Однако мы человѣки
 несчастны, потому что когда есть
 въ насъ здравыя разсужденія, то
 на свѣтъ есть и встрѣчи, мѣшаю-
 щія намъ слѣдовать совѣшамъ раз-
 ума. Булашъ увидѣлъ богатыр-
 скую голову, валяющуюся въ без-
 чесіи и лишенну погребенія. Вдругъ
 философскія умствования исчезаютъ
 въ головѣ его и наполняютъ оную
 гнѣвомъ; онъ проклинаетъ безчело-
 вѣчныхъ побѣдителей, грозитъ по-
 ступить съ ними еще безчеловѣчнѣе,
 есѣли только окажутся они на
 лицо, и приближается къ неща-
 снымъ остаткамъ своего богатыр-
 скаго собрата. Онъ видитъ испо-
 линскій ошавъ, одѣтый броней;
 долгоша времени, обнажившая кости,
 не лишила сію красоты ея: броня
 сіяла

сіяла отъ лучей солнечныхъ, и великій мечъ лежалъ вмѣсто возглавїя подъ черепомъ богатырскимъ. Булашъ хотѣлъ оный выпаципшъ и употребить къ ископанію могилы, но ищоща всѣ силы, не могъ пронупъ съ мѣста голову, придавившую пятгоспїю своею мечъ. Онъ удивлялся недѣйствїю своихъ мышцъ и началъ опасаться о пошеряніи ихъ крѣпости, какъ произшедшїй неизвѣстно откуда голосъ остано-вилъ его и повергъ въ вящшее изумленіе, а потомъ въ радость. Богатырь Рускій! вѣщаль ему голосъ невидимаго; оставь бесплодное покушеніе, и не мни, чтобъ безпримѣрныя швои силы тебя оставили, только мои превосходяшъ оныя; ты не можешь поднять сидящаго на главѣ богатыря Сидона охранительнаго его духа. Ты имѣешь при себѣ средство возвратить ему жизнь, а помышляешь зарыть его въ землю; испытай помощь златаго сосуда. — Голосъ умолкъ, и Бу-

Булашъ , учиня колѣнопреклоненія предъ безсмертнымъ существомъ, открылъ злпшый сосудецъ. Въ то мгновение ока изшедшіе изъ онаго пары покрыли влажностію сухія кости богашырскія. Булашъ со удивленіемъ взиралъ на живошворное оныхъ дѣйствіе ; онъ видѣлъ , какъ гошовыя разрушишьяся плѣніемъ кости покрывались жилами, и какъ сіи, сплешаясь непонятными узлами, соспавляли шѣло. Но вскорѣ онъ лишился сего пріятнѣйшаго позорища : злпшый сосудецъ испустилъ изъ себя огненные пары , кои, окружа шѣло, обратились въ непроницаемый облакъ. Булашъ не ужасался о участи шѣла Сидонова, и съ набожностію ожидалъ конца сему чрезвычайному явленію. Чрезъ нѣсколько мгновеній ока сильный чохъ разорвалъ облакъ , кошорый поднялся на воздухъ и представилъ Булашу встающаго съ земли богашыря прекраснаго и въ лучшемъ цвѣтѣ возраста. Не можно изобразить , каковымъ удовольствіемъ

Часть IX.

Н

емъ

емъ наполнилось Булатово сердце⁺ отъ чувствованія, что его посредство возвратило жизнь Сидону. Сей потчасъ схватился своей брони, кою отвергло съ костей дѣйствіе божественныхъ паровъ, подбиралъ оную и свое оружіе, и возлагая оную на себя, благодарилъ Булата за разбужденіе его отъ сна. Кшо бы вы ни были, почтеннѣйшій богатырь, — говорилъ Сидонъ, — но я вижу, что вы съ дружескимъ намѣреніемъ возбудили меня отъ сна, овладѣвшаго мною посреди моихъ непріятелей. Будьте увѣрены, что я знаки вашей пріязни не пренебрегу воище, и вѣчно останусь вашимъ другомъ; я клянусь въ томъ моимъ оружіемъ. Сказавъ сіе, призывалъ онъ Боговъ во свидѣтельство своего обѣщанія, цѣловалъ конецъ меча своего и проспиралъ обѣщанія къ Булату. Да, любезный другъ, отвѣчалъ ему сей; Рускій богатырь не отвергнетъ никогда столь лестнаго пріобрѣщенія. Но благо-

благодари своего духа хранишеля, наставившаго меня, коимъ образомъ могъ я прогнать смертоносный сонъ пной, который безъ сего легко бы учинился вѣчнымъ. Послѣ того разсказалъ ему Булашъ все, касающееся до его оживошворенія; увѣдомилъ также и о себѣ. Сидонъ довольно насъшался въ жизни своей о славѣ и подвигахъ богатыря, своего избавителя, и сугубо обрадовался, что щасливый случай привелъ его съ нимъ увидѣться. Они обнялись, и по прозвѣ Булашовой ожившій богатырь разсказалъ свою повѣсть слѣдующими словами:

Приключенія богатыря Сидона.

Прозваніе мое имѣю отъ славнаго купеческаго города Сидона, лежащаго при Средиземномъ морѣ. Отецъ мой былъ славенъ по великимъ торгамъ своимъ, учинившимъ его богатѣйшимъ гражданиномъ въ

Н 2

страни

спранѣ своей. Онѣ воспитывалѣ меня, предопредѣляя къ своему промыслу, но я оказывалѣ еще и въ малыхъ моихъ лѣтахъ единственную склонность къ оружію. Сколько ни препящствовалѣ сему родителю моему, но не могѣ удержашъ, чпобѣ я тайно не упражнялся въ навѣчкѣ владѣшь оружіемъ. Я досталѣ уже себѣ чрезѣ Египетскихъ купцовъ полное вооруженіе, когда нечаянный случай привелѣ въ Сидонѣ славнаго богатыря Еруслана Лазаревича. Похвалы его храбрости и подвигамъ воспалили врожденную мою спрасъ; я горѣлъ неперпѣніемъ достигнуть равной славы и учинить имя мое свѣпу извѣстнымъ. На сей конецъ удалился я изъ родительскаго дома, оставя къ отцу моему письмо, извѣщающее его о моемъ предпріятіи, и пришелѣ къ богатырю Еруслану. Сей, узнавъ о желаніи моемъ посвящать себя славѣ долго удерживалѣ меня отъ опаснаго рода жизни, въ кошорый я всступить желалѣ; раз-
ска-

сказывалъ всѣ трудности, съ оною сопряженныя; но видя, что я непоколебимъ, принялъ меня къ себѣ въ оруженосцы. У сего-то славнаго богатыря научился я употреблять оружіе противу враговъ добродѣтели, не щадить жизни въ нужномъ случаѣ и преодолевать всѣ затрудненія въ знаменитыхъ подвигахъ. Я былъ очевидцемъ ста дваццати поединковъ его съ славнѣйшими богатырями, изъ коихъ повсегда выносилъ онъ побѣду. Рѣдкаго изъ покоренныхъ имъ богатырей лишалъ онъ жизни, а только въ необходимыхъ обстоятельстве сопротивленія довольствовался отнятіемъ оружія у побѣжденнаго. Сіе собиралъ онъ и хранилъ въ особой пещерѣ, находящейся въ горахъ Кавказскихъ. Мы обѣхали съ нимъ почти весь востокъ, наполняя слѣды наши честью и славою. Я имѣлъ уже щастіе помогать моему богатырю въ нѣсколькихъ опасныхъ сраженіяхъ, и напоследокъ съ обы-

кновенными обрядами произведенъ въ достоинство богатыря, и опоясанъ отъ Еруслана мечемъ, который вы теперь на мнѣ видите. Хотя уставы богатырскіе и не дозволяютъ новопроизведенному слѣдовать за своимъ начальникомъ; ибо богатырь у богатыря не долженъ брать преимущества, кромѣ оружія; но я упросилъ его не оплучаться отъ меня до перваго имѣющаго встрѣшиться приключенія, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ моей неустрашимости.

Приближаясь къ странѣ Иберовъ и Целтовъ, гдѣ въ древности являлся богатырь Ираклъ разорвалъ землю и пропустилъ проливъ изъ Океана, остановились мы для отдохновенія при подошвѣ великой горы. Успокоеніе наше нарушено было приближеніемъ къ намъ глубокихъ лѣшъ шарика. Не взирая на видимую въ лицѣ его печаль и безпорядокъ его одеждъ, можно было примѣнить, что онъ человекъ знаменитый. Взглянувъ

нувъ на насъ , остановился онъ въ
 изумленіи ; сіе поощрило меня вспашъ ,
 и спросишь его о причинѣ его сѣпо-
 ванія. — Великодушный богатырь ,
 оповѣчалъ мнѣ старикъ ! я не могу
 удовольствоваться своего любопыш-
 ства , естли ты не учинишь мнѣ
 кляшвеннаго обѣщанія опвратишь
 бѣдствіе , коему я предоставленъ .
 — Государь мой , сказалъ на сіе
 ему я ! опвращать бѣдствія терпя-
 щимъ несчастія есть моя должность ,
 но не ожидайте , чтобъ я учинилъ
 вамъ кляпву и предложилъ мои
 услуги , не вѣдая причины вашихъ
 бѣдствѣ . Можеть быть оныя суть
 заслуженное наказаніе ; а въ тако-
 выхъ случаяхъ званіе мое воспре-
 щаетъ мнѣ быть вашимъ защитни-
 комъ . — Сіе доказываетъ мнѣ
 вашу добродѣтель , подхватилъ ста-
 рикъ ; почему несправедливобъ было
 требовать мнѣ опъ васъ кляпвѣ и
 скрывать несчастія мои опъ чело-
 вѣка , коему небо можеть быть на-

значило оныя разрушить; и такъ внимаи великодушный богатырь.

— Я несчастный владѣтель страны сея Иверонъ, Царь Целтиберскій. Имѣлъ я сына и дочь, въ коихъ была вся моя надежда. Зоранъ, такъ называется сынъ мой, прославился уже въ трехъ битвахъ противу Африканцевъ; а Зенида, дочь моя, приобрѣла зависть своихъ современницъ какъ въ разсужденіи красоты, такъ и остроуміи разума. Я считаемъ былъ щасливимъ супругомъ, благополучнымъ опцемъ и страшнымъ Государемъ отъ всѣхъ моихъ сосѣдей. Но произволь судьбы вдругъ уничтожилъ мои пріятныя дни: кончина супруги моей наполнила оныя горестію и бѣдствіями. Я не зналъ, что она была волшебница, и что сила ея знанія предохраняла царствованіе мое отъ множества скрытыхъ злодѣевъ. Смертельная ея непріятельница, волшебница Нагура, несчастнымъ случаемъ возчувствовала безпредѣльную любовь

любовь къ сыну моему. Спокрапно покушалась она увезти его въ свой очарованный замокъ; но дѣйствіе палисмановъ жены моей при жизни ея учинило всѣ намѣренія Нагурины бесплодными. Съ другой стороны братъ сея волшебницы чародѣй Зивіалъ плѣнился красою моею дочери. Едва тѣло жены моей передано землѣ, еще не оплакали мы довольно уронъ сей, какъ оба чудовища появились во дворцѣ моемъ. Нагура влѣтѣла въ окно на огненномъ орлѣ, а братъ ея предсталъ въ видѣ крылатаго исполина. Царь Целпиберскій, сказала мнѣ волшебница! ты видишь во мнѣ великомочную Нагуру, кошерая повелѣваетъ премою спами тысячь духовъ воздушныхъ, и полюкимъ же числомъ обитающихъ въ землѣ и въ водахъ, и коя однимъ словомъ можетъ преобращать всѣ стихіи; а сей исполинъ есть братъ мой Зивіалъ, Король чародѣевъ. Мы терпѣли несказанныя обиды отъ по-

койной женой своей, пертѣли оныя безъ возможности оплашивъ ей оныя; ибо сила ея палисмановъ уничтожила всѣ наши покушенія; но смерть ея учинила насъ господами надъ всѣмъ, послѣ нее осмѣяшимъ. Однакожъ мы не мстишь пришли. шебъ, но учинишь шаковое предложение, ошъ коего никто изъ смертныхъ не можешъ отказать. Я люблю сына своего, а братъ мой по же чувствуетъ къ своей дочери; приспуи къ сему союзу и слава твоя умножится. Учинясь наслѣдницею престолоа Целпиберскаго, покорю я оному весь свѣтъ, и Цари всѣхъ извѣстныхъ державъ будущъ твои данники. Чпожъ надлежитъ до Зениды, братъ мой учинишь ее величайшею Королевою, нежели могутъ найшиться на земли сей. — Я пораженъ былъ какъ громомъ ошъ сего предложенія. Женишь сына на вѣдмѣ, имѣющей только одинъ глазъ, свияые клыки и черную испещренную бородавками кожу; а

дочь

дочь выдать за подобное чудовище казалось мнѣ невозможностію. Хотя бы обольстили меня великолѣпныя предложенія ихъ, но могъ ли бы я склонить къ тому дѣшей моихъ, находящихся въ лучшемъ цѣвнѣ лѣтѣ своихъ? Зоранъ и Зенида были при мнѣ во время сего ужаснаго посѣщенія: дочь моя упала въ обморокъ отъ страха, а сынъ сказалъ на отрѣзъ, что прелести великомочной Нагуры созданы не для него. Я ожидалъ, что наглость сына моего произведетъ опасныя слѣдствія; почему собралъ распоченный мой разумъ и мыслилъ, чѣмъ бы отвратить угрожающее намъ бѣдствіе. Мнѣ вспало на умъ подѣ какимъ нибудь предлогомъ отложитъ на время удовлетвореніе ихъ требованію, чтобъ тѣмъ выиграть свободу для лучшаго размышленія; почему говорилъ въ отвѣтъ слѣдующее: — Великая Нагура и великомочный Король духовъ! простите дерзскія слова моего сына; онъ еще

еще очень молодъ и не можетъ прямо чувствовать добра своего. Дочь моя также не власна располагать судьбою своею, и если бы произошло съ споровы ихъ нѣкое упорство, то вамъ не должно взираеть на сѣ, мое рѣшеніе опредѣлишь ихъ участь. Однакожь какъ дѣло сѣ великой важности, то прошу дать мнѣ на три дни срокъ, чпсбъ я съ вельможами моими о семъ посовѣтовать и расположить могъ. — Чародѣи казались бытъ онымъ довольны; дали пребуемый срокъ, и обращаясь въ густыя облаки, исчезли въ глазахъ нашихъ. Я собралъ мой тайный совѣтъ, предложилъ оному о случившемся, и требовалъ мнѣнія ихъ и совѣтовъ: согласишься на предложеніе чародѣевъ, или въ противномъ случаѣ чѣмъ спастись отъ предстоящаго ихъ мщенія. Вельможи долго перешептывались между собою, и наконецъ первенствующій изъ нихъ говорилъ мнѣ, что долгъ Государей есть жертво-

жертвовать собою народному благу; и какъ обстоятельство мщенія чародѣевъ угрожаютъ всѣми возможными бѣдствиями государству, по лучше наследнику престола сочетаться бракомъ по неволѣ, чѣмъ опровергнуть оный чрезъ отказъ. Зениду также опредѣлили они въ жертву безопасности опечеснѣва. Я самъ чувствовалъ ужасную сію необходимость и готовъ былъ возвѣстить дѣшамъ моимъ страшный сей приговоръ, какъ сынъ и дочь моя, слушавшія тайно происходящее въ совѣтѣ, вошли ко мнѣ. — Здѣсь заключено о нашемъ несчастіи, сказалъ Зоранъ; меня, какъ наследника вашего престола, опредѣляютъ въ жертву благоденствія онаго; но я отказываюсь отъ всѣхъ сихъ преимуществъ, еслии оныя на весь вѣкъ мой должны учинить меня спрадающимъ. — Я также, о родитель мой, сказала Зенида, пронжу сердце мое въ самое по мгновеніе, когда отдадите вы мою руку

руку чудовищу. — Весь совѣтъ приведенъ былъ шѣмъ въ замѣшательство. Всѣ чувствовали, что требуемое отъ дѣшей моихъ есть свыше человѣчества; но и не вѣдали, какимъ образомъ можно отвратить угрожаемую опасность. Я разпустилъ совѣтъ мой; призывалъ на помощь волшебниковъ, но при имени Нагуры и Зивіяла ошрекались они своею помощію, говоря, что знаніе ихъ далеко не равняется силѣ Короля чародѣевъ и сестры его. Ошчаявіе овладѣло мною; хотя я былъ Государь, но притомъ былъ и отецъ, и не могъ вознамѣриться погубить дѣшей моихъ для моего покоя. Съ другой стороны видѣлъ невозможность принудить дѣшей моихъ къ сему опшрапительному браку, хотя бы и нашелъ въ себѣ швердосшь учинишь ихъ мучишелемъ. Я призывалъ къ себѣ Зорана и Зениду и опшкрылъ имъ, что взялъ намѣреніе подвергнуться всѣмъ люшностямъ чародѣя и сестры его, нежели учинишь на-

на-

насиліе сердцамъ дѣшей своихъ. Они
 облились слезами; бросились въ мои
 объятія и каялись, что не проживутъ
 часа, если приключится мнѣ ка-
 кое нибудь несчастіе. Мы сѣшовали,
 но не изобрѣли никакой помощи
 противу нашего злосчастія. Роковые
 три дни почти прошли, каждый
 шорохъ наполнялъ меня ужасомъ;
 ибо я чаялъ бытъ приходу чародѣ-
 евѣ. Наконецъ умученныя чувства
 мои повергли меня въ крѣпкій сонъ.
 Едва закрылъ я мои вѣжды, пред-
 ставилась мнѣ умершая моя супруга.
 Блестящій облакъ принесъ ее окру-
 женную сіяніемъ, безсмертіе видимо
 было въ лицѣ ея и одеждахъ. Не-
 щастный супругъ, сказала она мнѣ!
 гоненія враговъ моихъ не даюшъ
 мнѣ покоя въ вѣчности, и я при-
 нуждена была оставить жилище ра-
 досты, чтобъ избавить дѣшей мо-
 ихъ отъ угрожающаго имъ несчастія.
 Черезъ два часа кончится данный
 тебѣ отъ Натуры и брата ея срокъ;
 они не промедлятъ ни минушы и
 явятъ

являясь къ закончанію ихъ требова-
 нія. Обѣщай имъ все, естли испол-
 нятъ они одно швое предложеніе,
 и проси, чшобъ они обѣщали по
 кляшвенно. Тогда предлжи имъ на
 разрѣшеніе загадку, кою найдешъ
 ты написанну на золотой дощечкѣ
 въ шомъ ящичкѣ, кошорый при смер-
 ши я открываетъ тебѣ запрешила.
 Естли они оную отгадають, по
 разумѣй, что само небо опредѣ-
 ляетъ бѣдствіе нашимъ дѣшамъ;
 но когда въ шомъ не успѣють, по
 со спыдомъ должны будутъ отка-
 заться отъ своего требованія. —
 Я столько былъ обрадованъ симъ
 видѣніемъ, что въ шо же мгновеніе
 ока преснулся и бѣжалъ въ покой,
 гдѣ хранился ящичекъ, содержащій
 въ себѣ загадку. Открывъ оный,
 прочелъ я написанное на золотой
 дощечкѣ и наполнился великою на-
 деждою въ разсужденіи хипраго
 смысла загадки; можетъ быть по-
 казался оный миѣ таковымъ для
 шого, что я самъ онаго не постигъ.

ВЪ

Въ надлежащее время Нагура и братья ея появились въ великолѣпныхъ колесницахъ, везомыхъ огнедышущими змїями. Они вошли съ гордоспїю въ мои чертоги и пребывали рѣшительнаго опвѣта. Великомочная Нагура, сказалъ я! съ моей стороны ничто уже не мѣшаетъ учиниться мнѣ съ дѣшми моими благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ: Зоранъ согласенъ дать вамъ свою руку, а Зенида готова повергнуться въ объятїя прелестнаго вашего брата, еспли только вы, или братецъ вашъ, разрѣшите одно клятвенное мое завѣщаніе. Я не думаю, чшобъ великое ваше знаніе обрѣло затруднїе уничтожить сіе слабое препятствїе. Жена моя, оставляя сей свѣтъ, взяла съ меня присягу, чшобъ я не отдавалъ ни дочери моей въ супружество, ни сыну моему не позволялъ жениться, еспли невѣста сего и женихъ той не отгадаютъ одну загадку. — Волшебница и Король чародѣевъ, услышавъ сіе, подняли

Часть IX. О гром-

громкій смѣхъ. Естли только и препяшствія, говорили они, то бракъ нашъ конечно нынѣжъ совершится. — Но я не предложу загадки, подхватилъ я, естли вы не учините клятвеннаго обѣщанія оставить ваше требованіе, въ случаѣ, когда оную не отгадаете. Нагура и Зивіалъ не отреклись отъ сего: они клялись ужаснѣйшими клятвами и написали кровію своею завѣщаніе оставить меня въ покоѣ, естли предложенную загадку не разрѣшатъ. Тогда я, вынувъ золошную дощечку, чиналъ имъ слѣдующее:

Я взоры обольщаю,
Влеку къ себѣ я всѣхъ;
Хотяжъ и привлекаю,
Могу лишить утѣхъ:
Стремясь неосторожно,
Меня взять невозможно.

На другой сторонѣ дощечки написана была отгадка, что это значить розовый кустъ; и какъ впрочемъ ни проста была задача, но ни Нагура, ни Зивіалъ разрѣшили

шишь оной не могли. Они пришли въ великое замѣшательство, просили меня повторить чтение, чесали себя въ головѣ, попали ногами, изъясняли неоднократно, но повсегда на выворотѣ, и наконецъ, пришедъ въ великую злобу, открылись, что хотя они задачи не отгадали, и потому оставяютъ пребываніе свое на союзѣ съ моими дѣтьми, но найдутъ средства дабы мнѣ возчувствовать, что заслуживаетъ дерзкій, учинившій себя непріятелями Нагуру и Зивіяла. Выговоря сіе, исчезли они, оставя по себѣ въ покояхъ несшерпимый смрадъ.

Хотя угрозы ихъ наполнили меня ужасомъ, но оный прогоняло воображеніе, что я споль легкимъ средствомъ отвратилъ ненавистные еоюзы для дѣшей моихъ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ который опасность моя о мщеніи отъ чародѣевъ начала въ мысляхъ моихъ проходить. Они нарочно дали мнѣ на сполько ошдохновенія, чтобы тѣмъ жесто-

чае повергнушь меня въ чувствова-
ніе моихъ бѣдствій. Вдругъ прибѣ-
жалъ ко мнѣ вѣспникъ, что на го-
сударство мое напалъ исполинъ,
имѣющій львиную голову и на каж-
дый день сѣдающій по десяти
человѣкъ изъ моихъ подданныхъ.
Не медля собралъ я моихъ вельможъ,
и совѣщавши съ ними, послалъ про-
шеу сего чудовища все мое войско,
сжидая, что множеству сихъ преодо-
лѣетъ силу одного чудовища; одна-
кожъ оное возвратилось безъ всякаго
успѣха. Исполинъ исчезалъ посреди
толпы воиновъ, когда его окружали;
бросаемыя въ него стрѣлы и копья
пролетали сквозь шло его, подобно
какъ бы сквозь облакъ, не причиняя
ему ни малаго вреда; исчезнувши
же появлялся онъ въ другой сторонѣ,
хващалъ по человекѣ и проглашывая
кричалъ: скажите Царю Иверону,
чтобъ онъ оставилъ престолъ свой,
и добровольно уснупилъ оный мнѣ,
или я ко одному поѣмъ всѣхъ его
подданныхъ.

Я

Я находился въ чрезмѣрной опѣ сего печали, и еще не вознамѣрился, оставишь ли мнѣ корону, или ожидашь очередной смерти, когда исполнѣ, пѣвши всѣхъ моихъ подданныхъ, дойдетъ и до меня, какъ пришли сказать мнѣ, что дочь моя, прогуливаясь въ садахъ, похищена низпадшимъ облакомъ. Горестъ пронзила мое сердце, и я впалъ въ жеспкое опчаянѣ, кошрое мучило меня шѣмъ несноснѣе, что я не зналъ, гнѣву ли Боговъ, или Нагурѣ и ея брашу приписать мои нещаснѣя. Но на семъ оныя не кончились; Зораяъ, сынъ мой, узнавъ о безплодномъ покушенѣ войскъ на исполина, не увѣрился, чтообъ рассказываемое объ ономъ военачальниками было истинно; мечшашельное его шѣло приписалъ онъ къ недосшашку храбрости, и вознамѣрился самъ испышашъ оное, напавъ на чудовище. Онъ уѣхалъ искашь исполина, не сказавъ мнѣ о своемъ предпрѣшнѣ, до коего бы я конечно его не допустилъ.

спилъ. Одинъ только его оружено-сецъ былъ препенущимъ свидѣтелемъ, съ какою неуспрашимостию нападалъ онъ на исполина, сколько разъ принуждалъ его обращаться въ бѣгство, и какъ... увы! напоследокъ исполинъ обезсилѣвшаго сына моего проглотилъ. Оставшись безъ всякой надежды, лишившись дѣтей моихъ, я не имѣлъ причины дорожить моею короною: чрезъ опытъ позналъ я, что чѣмъ долѣе буду имѣть оную на головѣ моей, тѣмъ больше убудетъ моихъ подданныхъ, и что наконецъ останусь я Царемъ безъ царства; ибо исполинъ продолжалъ пожирать людей. И такъ рѣшился я ийти къ исполину, и добровольно вруча ему мое государство, удалиться въ пустыню, чтобъ свободно могъ оплакивать потерю возлюбленныхъ мнѣ особъ. Чудовище приближилось тогда къ столицѣ моей, и я не имѣлъ пруда въ сысканіи онаго. Я шелъ безъ робости; ибо не считалъ за особенное бѣдствіе въ

въ моемъ злосчастіи, естѣли испо-
 линѣ проглотитѣ и меня. Вельможи
 меня провождали. Я, приближась къ
 чудовищу, вручилѣ ему корону мою,
 и просилѣ о пощадѣ бывшихъ мо-
 ихъ подданныхъ. Онѣ принялъ
 корону, и съ улыбкою, возложъ сію
 на голову, говорилѣ мнѣ: Изверонѣ!
 я принимаю твое приношеніе съ
 охотою; ибо нахожу утѣшеніе ви-
 дѣшь себя низверженна съ престола;
 ходя по свѣшу нищимѣ, узнаешь
 шы, коль великая разнота бышь
 шестемѣ Королю чародѣевѣ и све-
 кромѣ сестрѣ его, или лишишьсѣ дѣ-
 шей и царства по одному шолько
 упрямству. Поди, я не запрещаю
 тебѣ искашь прошиву меня обороны;
 я готовѣ сразитѣсь съ каждымѣ
 богатыремѣ, за тебя вступишьсѣ
 имѣющимѣ. Но вѣдай, что естѣли
 шы учинишь прозьбу - и откроешь о
 своихъ нещастіяхъ шаковому чело-
 вѣку, кошорый за тебя не вступ-
 итьсѣ, шо ты вѣчно не пріобрѣ-
 шешь ни царства своего, ни дѣшей

своихъ. — Но развѣ сынъ мой, по-
 бою поглощенный, живѣ? развѣ могу
 я увидѣть еще дочь мою, вскри-
 чалъ я? — Я ничего не могу тебѣ
 сказать, ошвѣчалъ исполинъ; поди,
 спранствуй, ищи средспвѣ, можешъ
 бышь ты умягчишь гнѣвѣ Боговѣ;
 но трудно проптивоборствовать Зи-
 вѣялу и Натурѣ. — Я хотѣлъ еще
 учинишь нѣкопорые вопросы хищнику
 вѣнца моего, но оный отвратился
 отъ меня и поржественно шество-
 валъ вѣ мою столицу, а я два
 года вѣ крайней нищестѣ спранствую
 по свѣшу, и по сихъ порѣ еще не
 нашелъ не токмо защитника, но ни-
 кого, кто бы выслушалъ о моихъ
 нещаспяхъ. Можешъ бышь вамѣ,
 великодушный богатырь, предоспа-
 влено пресѣчь мои злосчаспья. . . .
 Однако можно ли мнѣ шребовать,
 чтобъ вы подвергли себя достовѣр-
 ной опасности сразишь сѣ чудо-
 вищемъ чрезѣспественнымъ? я
 хочу погибнуть, но довольствуюсь
 тѣмъ, что объяснилъ вамѣ, что
 не

не причиною я моихъ бѣдствій. — Сказавъ сіе, Царь Иверонъ предался своей печали, и слезы покашились на бѣлѣющуюся его бороду.

Я взглянулъ на богатыря Еруслана, желая прочесть изъ взоровъ его, возможно ли мнѣ снѣсть на себя предлагаемое приключеніе. Наспавникъ мой, примѣпя сіе, улыбнулся, и не оставилъ меня надолго въ сомнѣніи. Должно признаюсь, сказалъ онъ Царю Целпиберскому, что обстоятельство сего избавленія не изъ тѣхъ маловажныхъ подвиговъ, кои приемятъ на себя богатыри за честь оружія: шумъ должно сражаться съ чародѣйствомъ, однакожь имѣйте надежду, несчастный Государь, я обѣщаю вамъ, что ученикъ мой, богатырь Сидонъ, въ состояніи уничтожитъ ваши бѣдствія. Вѣрьте въ шомъ богатырскому моему слову: возвратитесь въ вашу столицу и возвѣспише хищнику вашей короны, что чрезъ пять дней явился проповоборникъ, имѣющій оную

оную сорвать съ головы его и возложить на законнаго Монарха. — Царь Иверонъ, гошовый подвергнувшись всякимъ опасностямъ, оказалъ на лицѣ своемъ великую надежду, благодарилъ насъ за участіе, пріемлемое въ его участіи, и опшелъ по слову нашему возвѣстивъ брань чудовищу.

Я не вопрошаю тебя, — говорилъ мнѣ Ерусланъ по опществіи Ивероновомъ, — имѣешь ли ты довольно опважноспи повергнувшись въ опасный сей подвигъ: храброспъ швоя и искусство доказаны мнѣ неоднократно. Сіе приключеніе будетъ шопъ опытъ, кошораго ты опъ меня шребовалъ, и я уступая тебѣ за швое ко мнѣ повиновеніе чеспъ сего подвига. Чѣмъ оный шруднѣе и опаснѣе, шѣмъ больше пріобрѣтешъ онъ славы швоему имени. —

Я чувствую, сколько вы меня обязываете, опвѣчалъ я; но признаюсь, чшо безъ вашего насшавленія не надѣюсь никакого получить успѣха. Ештлибъ касалось сіе до одного
шолько

только пренебреженія жизни, или прошивопосшавить искусство силъ, я подвергся бы съ охопою всѣмъ опасностямъ; но сражаюсь съ очарованіями, съ привидѣніями, не долженъ ли я остаться въ спыдѣ, когда храбросшь мою устремляю только прошиву мечты? Мнѣ кажется, что не можно освободить никого отъ волшебныхъ напасей, не бывъ искусну въ средствахъ прошиву оныхъ. — Ты говоришь правду, опвѣчалъ мнѣ Ерусанъ; однакожъ я найду способъ: я познакомлю себя съ благодѣтельною волшебницею, коя учинишь тебѣ подробное наставленіе, и шѣмъ больше, что мнѣ должно отъ тебя немедленно разлучиться. Нынѣжъ мы опправимся къ ней, и послѣ шого, какъ ты приобрѣтешь въ ней покровительницу, мы простимся съ шобою.

Богапырь, сказавъ сіе, вынулъ изъ кармана клубокъ нипокъ, и сѣвъ на коня, бросилъ оный. Клубокъ покашлся предъ нами безъ оста-

остановки, а мы слѣдовали за нимъ, не взирая ни на какія препятствія: сила клубка сего отворачивала оныя: чрезъ рѣки дѣлались мошты, горы разступались и давали намъ свободный проѣздъ, а въ непроходимыхъ лѣсахъ появлялись чистыя и равныя дороги. Ерусланъ, примѣтивъ мое о семъ удивленіе, сказалъ мнѣ: сей клубокъ получилъ я отъ самой покровительницы моей, волшебницы Тифеи; ибо безъ сего средства ни одинъ человекъ не можетъ достигнуть въ ея жилище, хотя бы весь свой вѣкъ о томъ спарался; а чтобъ сократить время въ нашемъ пути, расскажу я тебѣ, каковымъ случаемъ приобрѣлъ я ея милость: — Во время странствованія моего въ странахъ Славенскихъ заспигшая меня шемная ночь принудила взять ночлегъ въ одной густой рощѣ, не въ дальности отъ великаго города Кіева. Я остановился на великой полянѣ, въ срединѣ роши шой находившейся; ибо
 мяг-

мягкая права, шупъ распушая, была хорошій кормъ коню моему. Я легъ и началъ уже засыпать, какъ блеснувши по срединѣ поляны огонь возбудилъ меня. Казалось мнѣ, что огонь сей самъ собою воспыхалъ, для того что я не видалъ никого при ономъ. Но вскорѣ появились цѣлыя стада сорокъ; онѣ слетались съ обыкновеннымъ роду ихъ щепешаньемъ, отъ чего произошелъ полъ великой шумъ, что конь мой испугался; однакожъ я укротилъ его и опвелъ въ гущину лѣса, а самъ возвращаясь примѣчалъ, что произойдетъ изъ сего сорочьяго собранія. Крикъ продолжался до ихъ поръ, какъ прилетѣлъ необыкновенной величины воронъ: онъ обшелъ около огня шроекрашно и сороки умолкли. Послѣ чего окружили онъ ворона, который, перекувыркнувшись назадъ, спалъ челоуѣкомъ, имѣющимъ на головѣ своей желѣзную корону, черезъ плечо поясъ съ зодіаками и въ рукѣ крас-

красный жезлъ. Вороновы его крылья оспались лежащими позади его, кои поднялъ онъ и опнесъ на близъ лежащій холмъ. Сороки послѣдовали его примѣру, опносили крылья свои на холмъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній ока увидѣлъ я превращившагося ворона, окруженнаго цѣлымъ сонмищемъ женщинъ, имѣющихъ чрезъ плечо зодіаки, а въ рукахъ красныя палочки. Я понялъ, что сіе было собраніе волшебницъ для каковаго нибудь важнаго совѣща, и что имѣющій на себѣ корону былъ ихъ Король. Признаюсь, что надлежало мнѣ собрать всю мою неуспрашимость для преодоленія нападавшаго на меня чрезъ шо ужаса. Волшебный совѣщъ начался; долго слышалъ я невнятный шумъ разговоровъ, но наконецъ Король волшебницъ махнулъ по воздуху жезломъ своимъ, и на огнѣ появился великій кошелъ. Волшебницы принялись за работу: всякая выливала нѣкій жидкій составъ въ кошелъ

изъ

изъ принесенной съ собою фляжки, и всыпала нѣчто подобное порошку; кошелъ кипѣлъ и Король волшебницъ мѣшалъ въ ономъ жезломъ своимъ. Чрезъ нѣсколько часовъ сняли составъ съ огня. Между шѣмъ, какъ сіе происходило, усмотрѣлъ я сову, крадущуюся къ холму, на которомъ лежали крылья; она, пользуясь шѣмъ, что волшебницы заняты были своимъ дѣломъ, начала перебирать ихъ крылья. Долго искала она въ кучахъ, и казалось, что выбирала изъ прочихъ крылья копорой нибудь одной волшебницы. На послѣдокъ удалось ей сыскашь; она, подхватя сіи своимъ носомъ, полетѣла стремительно чрезъ самаго меня. Не знаю, какое чувствованіе вложило въ меня охоту опныть у хищницы ея добычу. Я приготовилъ мою рапную палицу, и едва сова надлетѣла на меня, бросилъ въ нее поль удачно, что она крылья уронила, и я оныя подхватилъ. Сова, опускаясь на землю, обратилась медвѣдемъ

и

и бросилась на меня ; но я успѣлъ
взять мою палицу , коею принудилъ
звѣря сего оставишь меня съ крыльями
и обратишься въ бѣгство. При-
ключеніе сіе наполнило меня спра-
хомъ ; однакожъ , ободряя себя услу-
гою , оказанною мною обществу вол-
шебниковъ , не весьма я опасался
превращающейся совы , и смотрѣлъ
на происходящее у огня. Король
волшебницъ , вошедъ въ кошелъ , оку-
нулся проекратно въ составъ , и по-
шомъ мазалъ онымъ лбы каждой
подходившей къ нему волшебницы.
По окончаніи сего дѣйствіемъ его
жезла кошелъ обратился въ велико-
лѣпную колесницу ; волшебницы
принесли съ холма вороновы крылья,
и прилѣпили оныя напереди колесни-
цы , отъ чего она поднялась на
воздухъ и Король волшебницъ уле-
тѣлъ. Послѣ сего всѣ волшебницы
бросились къ холму разбирашь свои
сорочьи крылья : онѣ прыгали въ оныя
ногами , учинялись птицами и уле-
тали. Вскорѣ не видно стало ни од-
ной

ной сороки, и огнище уже изгасало, какъ по роцѣ разнесся плачевный голосъ съпующей женщины. Я счелъ, что сія должна быть та волшебница, у коей сова похишила крылья, и что уронъ сей приключаетъ ей печаль. Я не хотѣлъ воспользоваться пріобрѣтеніемъ, мнѣ не принадлежащимъ, и пошелъ въ сторону, откуда приходили ко мнѣ спенанія. Могущая волшебница, кричалъ я приближась! не съпуй о своей пошерѣ: я опнялъ крылья твои у хищницы. Ахъ, благодѣтель мой! воззопила волшебница, и вдругъ очутился я въ ея объятіяхъ. Я рассказалъ ей, какимъ образомъ достались оныя мнѣ въ руки. Храбрый богатырь, сказала она мнѣ, выслушавъ меня! ты чрезмѣрную оказалъ заслугу волшебницѣ Тифеѣ, и вѣрь, что она за сіе на весь вѣкъ твой останется благодарною. Вѣдай, — продолжала она, — что сіе собраніе, коего ты былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, бываетъ у волшебницъ въ

Часть IX

II

при-

присутствіи Короля ихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ. Составъ, который при семъ приутопвляють, чрезъ помазаніе на лбу возобновляетъ въ насъ волшебную силу, и волшебница, по какой либо причинѣ неучаствовавшая въ семъ, лишается права своей науки на драгцашь одинъ годъ. Всѣ мы должны прилетать сюда въ видѣ сорокъ; но естли кошора изъ насъ какимъ нибудь случаемъ потеряетъ здѣсь крылья, на коихъ прилетѣла, та вѣчно теряетъ волшебное знаніе, и вмѣсто того приобретаетъ оное хищница крыльевъ. Кіевскія вѣдьмы, кои въ силѣ науки далеко ниже волшебницъ, стараются всѣми образами провѣдывать часъ сего нашего седмилѣшняго собранія; но оный хранится въ глубочайшей тайнѣ. Когдажъ кошора провѣдаетъ и пощасливится ей украсъ крылья у одной волшебницы, та впускаетъ на ея мѣсто, а несчастная навсегда остается простолюдинкою. Сіе бѣдствіе упало бы

на

на меня, естлибѣ пивое присущствіе, храбрый богатырь, не отвращило онаго. Но вѣдьма, имѣющая неудачу въ намѣреніи похищенія, предославляется наказанію, каковое угодно будешѣ волшебницѣ, прошивѣ коей она покушалась. Сіе обыкновенно состоитѣ въ лишеніи ея всего знанія, каковое имѣютѣ вѣдьмы, и происходитѣ чрезѣ обрѣзаніе хвостика, съ которымѣ вѣдьмы на свѣтѣ рождаются. Ты будешѣ свидѣтелемѣ казни надѣ моею непріятелицею.

— Послѣ сего Тифея очертила волшебною своею палочкою два круга: въ одинѣ изѣ оныхѣ посшавила она меня, а въ другомѣ сама спала. По прочтеніи ею нѣкоторыхѣ таинственныхѣ словѣ, коихѣ я не разумѣлъ, жестокой вихрь промчался и опустилъ къ ногамѣ Тифеи обнаженную и связанную вѣдьму. Сколько она ни проливала слезѣ, сколько ни старалась умягчишь волшебницу жалостными прозьбами, но была лишена хвоста, и по развязаніи оп-

пущена на свободу. Теперь, благодѣтельница мой, сказала Тифея, должна я оплатить тебѣ за твое одолженіе, и въ залогъ всегдашняго моего тебѣ покровительства оказать съ моей стороны нѣкоторыя услуги. Я уповаю, продолжала она, что ты не откажешь мнѣ препроводить ночь сію въ моемъ замкѣ. Тамъ конечно пріимешь ты лучшее успокоеніе, нежели въ семъ пустомъ мѣстѣ; и хотя жилище мое отстоитъ отсюда болѣе 4000 верстѣ, но сіе не причинитъ тебѣ ни малата безпокойства въ пути, ни помѣшательства въ расположеніи своего странствованія; не пекись также и о конѣ своемъ: онъ будетъ цѣлъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Все, что я видѣлъ, меня удивляло; но какъ я слышался о чрезвѣстныхъ обстоятельствахъ волшебства, и къ тому же зналъ, какое щастіе для богатыря пріобрѣсть милость у волшебницы, то повиновался я Тифеѣ безъ отрицанія. Она прочла еще

нѣ-

иѣкопорыя непоняшныя миѣ слова , послѣ чего густый облакъ окружилъ меня и помчалъ быспрѣе молніи. Чрезъ часъ оспановился я и очутился вѣ замкѣ волшебницыномѣ. Я оспавляю описаніе онаго ; ибо ты самъ будешь очевидцемѣ его великолѣпія , а скажу только , что я угощенъ богашѣе, нежели при всѣхъ Дворахъ Государей , коимъ я оказалъ мои услуги. Тифея сняла съ меня броню и мечъ мой и употребила все искусство своего знанія , чшобъ учинить броню непроницаемою , а мечъ споль дѣяшельнымѣ , что прошиву онаго не возмогаетъ никакая сила и никакое очарованіе. Она вручила миѣ клубокъ сей и объявила , что во всякое время , когда возымѣю я нужду вѣ ея помощи , слѣдуетъ миѣ лишь бросить оный предъ собою , что оный покашится , будетъ показывать путь и доведетъ вѣ иѣсколько часовъ по безпрепятственной дорогѣ вѣ ея замокъ , до коего бы впрочемѣ надлежало слѣ-

доставъ нѣсколько лѣтъ. Помощію сей благодѣтельницаы моеѣ не однократно совершалъ я ужасныя приключенія, въ коихъ участвовало чародѣйство, и признаюсь, что ей единственно обязанъ я пріобрѣтеніемъ имени моему славы. —

Капаящійся клубокъ остановился у подошвы неприспупной горы при окончаніи повѣснвованія Ерусла нова. Шлемъ валился съ головы, когда надлежало взглянуть на вершину оныя, на коей споялъ блистающій опъ золота и дорогихъ камней замокъ волшебницынъ. Мы сошли съ коней; Ерусланъ поднялъ клубокъ, и спряшавъ оный, возгласилъ шрижды: о Тифея! Вскорѣ оглушилъ меня жестокій громъ; гора разспупилась на двое и оказала всходъ на себя по мраморнымъ спупенямъ, украшеннымъ по споронамъ мзваянными испуканами неподражаемаго художества. Ерусланъ пошелъ на верхъ, я слѣдовалъ за онымъ, и чрезъ двѣ тысячы спупеней очутился

нился на площади замка, коего великолѣпіе и испощенное ко украшенію богатство описать не можно. Стѣны замка были изъ золота, башни на оныхъ изъ серебра, самоцвѣтныя камни, впершыя въ пристойныхъ мѣстахъ, множествомъ своимъ учиняли всякій предметъ блистающимъ. Палаты Тифейны стояли посреди замка и казались бытъ созданными изъ одного чистѣйшаго хрустала. — Но я оставляю описаніе; ибо подробно перескажешь вамъ видѣнное шамъ мною не достанешь моей памяти и опниметъ много времени, кое лучше употребить на продолженіе собственныхъ моихъ приключеній, о коихъ вы вѣдаешь желаете. — Волшебница встрѣла насъ въ огромномъ залѣ. Спарость, изображенная на лицѣ ея, и бѣлое одѣяніе, придавали ей видъ, влагающій во всякаго къ ней подобострастіе. Я знаю причину твоего прихода, возлюбленный богатырь, сказала она къ Еруслану:

П. 4

пред-

предпріятіе ученика швоего Сидона
доспойно славы, увѣнчашь его имѣю-
щей. Не произносите прозбѣ о мо-
емѣ покровительствѣ; мои собствен-
ныя выгоды заключающся въ поспѣ-
шествованіи его намѣреніямъ. Въ-
дайше, — продолжала она, посадя
насѣ на богашую софу, — что Иве-
ронъ, Царь Целпиберскій, и его дѣши,
мои ближніе родственники. Жена
его была моя меньшая сестра. Но
должно вамѣ знать и то, что все
мое знаніе не въ силахѣ чрезѣ соб-
ственныя мои руки отвратить не-
щастія моихѣ родственниковъ. Се-
стра моя была волшебница, а за-
коны наши строго запрещающѣ по-
могашь волшебницѣ и дѣшамѣ вол-
шебницы. Я оспаюсь только огор-
ченною свидѣшельницею бѣдствій, на-
носимыхѣ моимѣ родственникамѣ
чародѣйствомѣ Зивіяла и сестры
его. Я должна бы и вѣчно состра-
дать имѣ безѣ надежды, ешлы бы
небо не вложило въ себя, великоду-
шныи Сидонѣ, желанія помочь Царю
Иве-

Иверону. Твоя неустрашимость и благоразуміе обѣщаютъ мнѣ благополучное всему послѣдствіе; ибо кромѣ извѣстія, гдѣ ты можешь сыскать моихъ племянниковъ, нѣкошорыхъ слабыхъ наставленій къ поединку своему съ исполиномъ, имѣющимъ львиную голову, и подкрѣпленія своего оружія, я ничего не могу сказать тебѣ въ наставленіе. И такъ, дорогой Сидонъ, повѣрь мнѣ на нѣсколько часовъ все свое вооруженіе. — Я съ радостію снялъ съ себя мою броню и прочее оружіе для того, что ожидалъ, что мое волшебнымъ дѣйствіемъ учинится таковымъ же непобѣдимымъ, какъ и Ерусланово. Тифея отвела насъ въ особливую комнашу, гдѣ приготовлены были для насъ разныя прохлажденія. Все, что вкусъ и человѣческія прихоти изобрѣли во всѣ вѣки, находилось шире въ избыточествѣ. Для отдохновенія готовы были споль мягкія постели, что возлеши чаялъ я покоиться на самомъ воздухѣ.

Чрезъ нѣсколько часовъ вошла
 къ намъ Тифея; она принесла къ
 намъ мое вооруженіе и въ сосудѣ
 нѣкое жидкое и благовоиное суще-
 ство, коимъ облила меня, по науче-
 нію Ерусланову спавшаго на колѣна,
 съ головы до ногъ. Я не могу из-
 образить вамъ, какую возчувство-
 валъ я отъ сего въ сердцѣ моемъ
 бодрость: воинство цѣлаго свѣта
 казалось мнѣ тогда лишь слабымъ
 ополченіемъ, естли бы надлежало
 съ нимъ сразиться. Волшебница сво-
 ими руками надѣла на меня броню
 и препоясала мечъ мой. Я видѣлъ, что
 оныя получили ошмѣнный противу пре-
 жняго блескъ, и имѣли начертаніе
 неизвѣстныхъ характеровъ, кои вы
 теперь на нихъ видите, — продол-
 жалъ Сидонъ къ Булапу. — Теперь
 испытайте крѣпость своего оружія,
 сказала мнѣ Тифея. При словѣ семъ
 Ерусланъ извлекъ мечъ свой, коего дѣй-
 ствіе мнѣ довольно было знакомо,
 и ударилъ изъ всѣхъ силъ по само-
 му слабому мѣсту моей брони. Мечъ
 ошн-

отпрыгнулъ отъ оной какъ бы камень , ударенный о камень ; а я ни мало не почувствовалъ сильнаго дѣйствія руки моего богатыря. Извѣдайтежъ дѣйствіе вашего меча , сказала мнѣ волшебница , опведши меня въ особый покой , гдѣ увидѣлъ я испуканъ , скованный изъ швердѣйшей стали ; рубите сей испуканъ всею силою. Я опустилъ мечъ мой не полнымъ размахомъ плеча моего ; однакожъ разрубилъ испуканъ на двѣ части съ верьху до низу ; я бросился на колѣна предъ волшебницею и благодарилъ ее за таковой чрезвычайный даръ. — Сіе не все еще , подхватила Тифея , познайте силу вашего меча. Сказавъ шо , опвела она меня въ другой покой , гдѣ увидѣлъ я зіяющее на меня пламенемъ чудовище , и простирающее преострые свои когти , чшобъ расперзашъ меня. Самая нужда обороны принудила меня извлечь мечъ мой ; я опустилъ на оное ударъ , но предсхавъте себѣ удивленіе

ніе мое, когда чудовище вдругъ
 стибло въ глазахъ моихъ, а мечъ
 столь жеспоко увязъ въ деревянной
 колодѣ, что я съ трудомъ его вы-
 свободилъ. Видишь ли, сказала мнѣ
 Тифея: всѣ волшебства и очарованія
 исчезаютъ отъ прикосновенія меча
 вашего. Надѣйтесь, что предпріятіе
 ваше наградится желаемымъ успѣ-
 хомъ. Я повторялъ благодаренія
 моей благодѣтельницѣ, а она про-
 должала: ну, любезный Сидонъ!
 проспись теперь съ своимъ насша-
 вникомъ; важное приключеніе оцзы-
 ваетъ богатыря Еруслана въ дру-
 гую часть свѣта. Съ сожалѣніемъ
 должна я опкрыть, что воля судебъ
 опредѣляетъ вамъ другъ друга не
 выдашь больше. Я любилъ Еруслана
 какъ отца моего, и обстоятельство
 сіе ишоцило слезы изъ очей моихъ.
 Мы долго пребыли безмолвны, заклю-
 ча другъ друга обѣщаніями; наконецъ
 Ерусланъ просился со мною и съ
 волшебницею. Сія махнула своею
 волшебною палочкою, свѣплый облакъ
 окру-

окружилъ и помчалъ богатыря, и съ
шого времени мы уже не видались.

Попомъ волшебница говорила
миѢ: ты пробудешь въ моемъ зам-
кѣ до назначеннаго срока поедин-
ку твоему съ хищникомъ престола
Иверонова. Не заботься о времени
на проѣздѣ твоей къ столицѣ Целши-
берской; я берусь на себя облегчить
пусть твою. Не требуй отъ меня ника-
кихъ наставленій, касающихся до
твоего подвига; я не могу ничего
тебѣ сказать, кромѣ сего: въ сраженіи
съ исполиномъ не щади рукъ своихъ;
ибо малѣйшее ослабленіе въ ударѣ
приключитъ тебѣ множество неща-
стій. Второе, во все время, до-
коль ты будешь покушаться пропиву
Зивіяла и сеспры его, не вкушай ни-
какихъ плодовъ древесныхъ, сколь
бы привлекательны оныя ни были;
ибо по хитрости твоихъ враговъ
легко можешь ты вкусить на оныхъ
смерть свою; и наконецъ, еслили
пожелаешь ты освободишь моихъ
племянниковъ, ступай прямо на съ-
веръ.

верѣ. — Сказавѣ сіе, Тифея опшвела
меня вѣ особливую комнапу, гдѣ во
все время пребыванія моего угоща-
емѣ я былѣ великолѣпно. Я швердо
вкоренилѣ вѣ памяти моей всѣ
слова волшебницыны, но не могѣ раз-
сужденіями моими проникнушѣ вѣ
шайношвенный оныхѣ смыслѣ, и
опредѣлилѣ слѣдовать единшвенному
оныхѣ смыслу. Тифея уже больше
ко мнѣ не появлялась, и вѣ послѣ-
днюю ночь пяшаго дня, какѣ вѣ сро-
чную пріѣзда моего кѣ сполницѣ Цел-
пиберской для поединка, заснулѣ
я сѣрхѣ обыкновенія моего крѣп-
кимѣ сномѣ. Пробудясь очутился я
лежащій подѣ деревомѣ на проспран-
номѣ полѣ близѣ нѣкоего великаго
города; щипѣ мой служишѣ мнѣ
вмѣсто возглавія, а конь мой, при-
вязанный кѣ дереву, спокойно ѣлѣ
бѣлую ярую пшеницу. Вспавши
осмашривался я на всѣ стороны, не
увиджу ли кого для освѣдомленія, вѣ
какомѣ мѣспѣ я обрѣтаксѣ. Вскорѣ
увидѣлѣ я идущаго ко мнѣ Иверона;
по-

почему заключилъ, что помощь Тифеина доставила меня въ надлежащую спрану. — Я отчаялся было, сказалъ мнѣ Царь Целпиберскій, увидѣвъ моего избавителя, и ожидалъ моей смерти; ибо хищникъ короны моей объявилъ, что если ли вы хотя часъ до полденъ сего дня умедлите, онъ сорветъ съ меня голову. — Вы обижаете меня, отвѣчалъ я Царю Иверону; давши вамъ мое богатырское слово, никогда я онаго не нарушу. Иверонъ извинялся предо мною, говоря, что онъ, какъ несчастливый человекъ, опасался въ моемъ здравіи, чая, что и вспунающійся за него подверженъ бываетъ его злощастіямъ, а не въ словъ моемъ сомнѣвался. Онъ увѣдомилъ меня, что въ пятомъ часу дня исполинъ выступилъ для сраженія на сіе поле. Я просилъ Иверона остаться зрителемъ сего поединка подъ шѣмъ деревомъ, гдѣ онъ меня нашелъ; а самъ, оправя мое оружіе и укрѣпя сѣдло на конѣ

комъ моемъ, возсѣлъ на онаго, и выѣхавъ на средину поля, возгласилъ проекрашно: незаконный владѣтель пресшоло Царя Цѣлшиберскаго долженъ явиться къ опчешу въ хищничесствѣ своемъ предъ богашыря Сидона. По послѣднемъ моемъ возгласеніи на городскихъ стѣнахъ вострубили въ трубы и ударили въ бубны; а чрезъ часъ времени увидѣлъ я городскія ворошты разпворяющимися; а стѣны покрышыми множествомъ зрительей.

Не долго я ожидалъ; выходѣ исполнина начался торжественнымъ шествіемъ вельможъ: они шли по два въ рядѣ, и нѣкоторые изъ нихъ несли Царскія упвари на аксамитныхъ подушкахъ. За оными слѣдовала Царская колесница, а за сею самъ исполинъ пѣшій; ибо по величинѣ роста своего ни въ какую колесницу умѣститься ему было не возможно. Вельможи оспановились въ полкруга, а исполинъ, приближась ко мнѣ, говорилъ спрашнымъ голосомъ:

его. Пользуясь сею его разстройкою, уклонилъ я копіе мое, и пустился во всю конскую прышь, чѣмъ пробишь насквозь его желудокъ. Жестокій сей ударъ не причинилъ ему ни малаго вреда, хотя копіе мое до самой руки моей вскочило ему въ брюхо, и только ударъ грудью коня моего опрокинулъ его навзничь. Исполнилъ всаивалъ и зіялъ на меня пѣнящеюся всею львиною пастию, готовясь проглотить меня. Ужаснувшіеся зрители, желающіе мнѣ побѣды, пришли въ великую о мнѣ опасность и избѣгали шо жалостными восклицаніями. Однако я обнажилъ мечъ мой и ударилъ онымъ приближившагося ко мнѣ исполина съ шаковою силою, что разрубилъ голову на двое и шло до самыхъ грудей. — Разрубай на полы, — доходилъ ко мнѣ голосъ неизвѣстной особы! Но какъ уже исполинъ упалъ и я считалъ его мершвымъ, шо не уважилъ словъ сихъ, а болѣе для того, что не хошлъ постыдиться богатырскую руку,

ку, коей слѣдуетъ производить только одинъ рѣшительный ударъ. Но за сію гордоспъ я наказанъ былъ довольно, какъ услышите въ продолженіи моей повѣсти. Едва шло исполиново коснулось землѣ, какъ вдругъ оное исчезло, а я увидѣлъ выскочившаго изъ него звѣрообразнаго эѳіопа въ одѣяніи чернокнижника. Сей прыгнулъ подобно кошкѣ на воздухъ и былъ подхваченъ появившимся огненнымъ орломъ. Ударъ меча моего, разрушившій чародѣйное исполиново шло, въ коемъ онъ сокрывался, лишилъ его только носа. Изъ язвы шекла кровь и чародѣй захватилъ оную пальцами. Тогда позналъ я, сколь нужно было повторить мнѣ удары; ибо безъ сомнѣнія истребилъ бы я оными и самаго чародѣя. Сей, поднявшись на высоту, кричалъ мнѣ: дерзкій богатырь! ты разрушилъ мое очарованіе и освободилъ ошъ власпи моей Царя Иверона съ его областью. Опнынѣ страна сія ошъ меня безопасна:

сна: я не могу никоимъ образомъ злодѣйствоватьъ землѣ, на которую истекла кровь моя. Но ты, дерзскій, заплашишь мнѣ за все сіи досады своею жизнію! Я не сомнѣваюсь, что высокомеріе твое побудитъ тебя искать освобожденія дѣшамъ Ивероновымъ. Вѣдай, что оныя въ замкѣ сестры моей; но ты прежде найдешь смерть свою, нежели мѣсто ихъ заоченія, или скорѣе погибнешь, нежели освободишь ихъ. — Да, оповѣчалъ я; не сомнѣвайся, что я постараюсь сорвать тебѣ и сестрѣ твоей головы, въ какомъ бы то ни случилось замкѣ. За гордость твою, безчеловѣчный Зивіалъ (ибо я разумѣлъ, что сей чародѣй былъ самый онъ), я докажу тебѣ, что не въ силахъ ты отратить освобожденіе мною несчастныхъ твоихъ узниковъ; я полагаю въ помѣ мою славу. — Чародѣй плюнулъ на меня и опворотился, а я съ досады бросилъ въ него копьемъ моимъ, хотя безъ всякаго успѣха. Потомъ
чаро-

себя знаки своего достоинства, поднесенные вельможами, возшелъ на колесницу. Онъ всенародно прини-силъ мнѣ благодареніе и просилъ меня слѣдовать за собою во Дворецъ его. Я ѣхалъ на конѣ моемъ по правую сторону колесницы, при радостныхъ восклицаніяхъ всего на-рода.

По отправленіи торжества, ко-торое не весьма было радостно для Царя Иверона въ разсужденіи пе-чали о его дѣтияхъ, повелѣ онъ меня въ покой, гдѣ стояли живо-писныя изображенія дѣтей его. Видѣ Зорана представлялъ прекраснаго юношу, въ коемъ свѣтѣ имѣлъ ожи-дать ироя. Но могу ли я описать вамъ все, что увидѣлъ я въ лицѣ Зениды? Я чаялъ взирать на бо-жество, низшедшее съ небесъ во образѣ смертныя дѣвицы. — Вотъ каковыхъ дѣтей лишился я, ска-залъ Иверонъ воздохнувши! — Да, отвѣчалъ я; естли кисть худож-ника не польстила въ изображеніи ва-

ва-

вашей дочери, не знаю я, какой бы богатырь не подвергъ жизнь свою всѣмъ возможнымъ опасностямъ для ея избавленія. — Возлюбленный Сидонъ! подхвапиль Царь Целтиберскій, примѣтя дѣйствіе, произведенное въ моемъ сердцѣ бездушными чертами своей дочери; о естли бы ты видѣлъ подлинникъ, ты сказалъ бы, что художникъ не все еще изобразилъ въ подражаніи! О естли бы я щаспливъ былъ, чтобъ за всѣ свои одолженія могъ воздать тебѣ, учиня тебя моимъ сыномъ, съ какою бы радостію предалъ я во объятія твои Зепиду! — Признаюсь, что я почти однимъ шолько воображеніемъ плѣнился до крайности прелестною дочерью Царя Целтиберскаго; посему не удивляйтесь, что я повергся къ ногамъ Ивероновымъ, и благодаря его за незаслуживаемую милоспъ, повно-рялъ кляшвы о презрѣннй моей жизни для избавленія дѣшей его. Царь Иверонъ шолько былъ шѣмъ про-

Р 4

нушъ,

нупъ, что повелѣлъ съ мной мину-
ты называть мяъ себя опцемъ
своимъ. Естли мы и не будемъ
щасливы, говорилъ онъ, узрѣшь
въ жизни дѣшей моихъ; естли Зо-
ранъ погибъ и Зенида не соеди-
нишия съ шобою вѣчными узами,
кто приличнѣ заслуживаетъ мое
усыновленіе? кому наилучше вручу
я наслѣдство моего престола, какъ
тому, кто изъ единой добродѣтели
за меня вступился? — Я благо-
дарилъ моего благодарнаго, обнимая
его колѣна, и просилъ дозволенія
въ шотъ же день отправиться на
мой подвигъ. Тщетно старался
онъ удержать меня при себѣ на
нѣсколько времени; я насильно вы-
рвался изъ его объятій. Дражайшій
отецъ мой, сказалъ я Царю! вы
учинили несчастія свои общими и
мяъ, шо простищельно ли будетъ
любовнику шрапить время, въ кое
можетъ онъ сократить нѣсколько
часовъ изъ несчастной судьбы не-
сравненныя Зениды. — Выговоря
се,

сіе, простился я съ нимъ, оставилъ спрану Целшиберскую и обратился пушь мой на сѣверъ по наставленію волшебницы Тифеи.

Я сносилъ всѣ затрудненія странствованія; любовь къ Царевнѣ Зенидѣ, коею заняты были всѣ мои помышленія, облетчала пыгости, мною сносимыя; иногда проѣзжалъ я непроходимые лѣса, по взбирался на неприспупныя горы, переплывалъ морскіе заливы, сражался съ дикими звѣрьми, или съ безчеловѣчными жителями странъ варварскихъ. Я все преодолевалъ, но не считалъ сіе достойною жертвою красавицы, кою обожалъ, не зная, шакова ли она въ самомъ дѣлѣ, какъ я чаялъ. Наконецъ, путешествуя цѣлый годъ, лишился я коня моего, и принужденъ былъ продолжашь странствование пѣшій. Черезъ нѣсколько дней по семъ, зашедши въ дремучій лѣсъ, въ коемъ принужденъ былъ просѣкать себѣ дорогу мечемъ моимъ, выбрался я на прекрасный лугъ.

лугъ. Я въ жизни мсей не видывалъ мѣста, гдѣ бы природа лучше могла соединить свои прелести и распочить свои щедрости: чистѣйшій воздухъ, наполненный ароматными испареніями всюду шущихъ распускающихся благоуханныхъ цвѣтущихъ, колебался только отъ пріятнаго пѣнія пшечекъ, кои украшали видомъ перьевъ своихъ кусточки, на коихъ сидѣли. Прозрачные источники были ключемъ свѣжей воды изъ подъ всякаго дерева, кое приглашало подъ тѣнь свою; зрѣлые плоды тысячныхъ родовъ изображались прелестнѣйшимъ повтореніемъ на поверхности воды; словомъ, все тамъ было очаровательно, все привлекало. Спократно покушался я утолить мой голодъ со всѣхъ сторонъ надъ головою моею висящими плодами; но завѣщаніе Тифеино повсегда удерживало мою алчность. Наконецъ утомленный труднымъ путешествіемъ и полдневнымъ жаромъ легъ я подъ финиковымъ деревомъ,
около

около коего обвившійся виноградъ
 листвѣемъ и гроздами своими со-
 ставлялъ непроницаемую сѣнь. Про-
 кладный вѣтерокъ, качая вѣшви
 дерева, приклонялъ спѣлые вино-
 градные грозды почти къ самымъ
 губамъ моимъ. Представьте, какое
 искушеніе человѣку, не бѣвшему болѣе
 сущокъ; я сорвалъ гроздь, и держа
 оный въ рукахъ, размышлялъ, не
 безразсудно ли я умираю съ го-
 лоду, слѣдуя завѣщанію волшебни-
 цы. Развѣ плоды всего свѣша на-
 поены для меня оправою отъ ча-
 родѣя Зивіяла? Ешьли онъ можешь
 погубить меня чрезъ пищу, онъ
 давно бы уже учинилъ сіе на про-
 чей моей пицѣ, кою я вкушалъ.
 По шаковыхъ размышленіяхъ за-
 ключилъ я сѣбѣсть виноградъ, и
 принесъ уже ягоду ко рту, какъ
 вдругъ услышалъ позади себя го-
 лосъ кричащей женщины: — Ахъ,
 прекрасный богатырь! удержиись отъ
 вкушенія: шы въ садахъ Зивіяло-
 выхъ. — Я бросилъ гроздь, вско-
 чилъ

чилъ и увидѣлъ позади дерева стоящую дѣвицу неописанной красоты. Легкое ея одѣяніе, едва скрывающее то, что упрямыя красавицы не всѣмъ показывающъ, придавало прелестямъ ея новыя заразы. Надлежало бытъ ушомленну, какъ я; надлежало любить Зениду, чтобъ не возчувствоватъ чего либудъ къ божеству, представшему въ надлежащемъ для искушенія мѣстѣ. По крайней мѣрѣ я не забылъ о вѣжливости; я подшелъ къ дѣвицѣ, оказавшей мнѣ одолженіе въ предохраненіи меня отъ опасной пищи. Принесши ей благодарность, осмѣлился я спросить ее, кто она такова? Я несчастная Царевна, опѣчада она мнѣ, впадшая въ руки безчеловѣчной Нагуры, сестры чародѣя Зивіяла. Естлибъ лице ея сходствовало съ изображеніемъ, видѣннымъ мною въ чертогахъ Ивероновыхъ, я счелъ бы ее за Зениду, я упалъ бы пошчасъ къ ногамъ ея; сколько подобно было описаніе въ сихъ пер-
выхъ

выхъ словахъ ея. Она была преле-
 стна, но Зениду воображалъ я
 еще бытъ превосходяще. — При-
 ключенія мои нѣсколько длинны,
 продолжала сія Царевна, и для того
 сядемъ, чтобъ спокойнѣ могли вы
 ихъ выслушать. — Мы сѣли, и
 она начала: я дочь великаго Царя
 Персидскаго. Уже обручена я была
 за Короля Армянскаго, который, —
 примолвила она вздохнувши, —
 во всемъ подобенъ былъ вамъ, лю-
 безный богатырь; я любила жени-
 ха моего, а онъ меня обожалъ. Но
 жестокая Натура похищала меня по-
 чти изъ самыхъ его объятий по-
 чти въ самый день нашего брака.
 Красоша, которую, сказываютъ, что
 я имѣю, побудила сію чародѣйку
 умножить мною число злосчастныхъ,
 опредѣляемыхъ ею для забавы же-
 стокому ея брату. Я нашла въ
 замкѣ Зивіяловомъ до сна дѣвицъ;
 ибо волшебница похищала всѣхъ, ко-
 торыя ошличались въ свѣтѣ пре-
 лестыми лица своего. Признаюсь, что
 видѣ

видѢ, вѢ каковомѢ предсталѢ предѢ
 меня братѢ ея, скоро испребилѢ изѢ
 памяти моей возлюбленнаго моего
 Короля Армянскаго. Я чувствую, что
 то было дѣйствіе очарованія; ибо
 впрочемѢ постоянное мое сердце
 не могло бы испребить единственнѣй
 предметѢ чистѣйшаго моего пламе-
 ни. Но предсавѢ себѢ: безчеловѣ-
 чнѣй чародѣй, очаровавѢ мои чув-
 ства, наполня оныя жестокою кѢ
 себѢ страстію, презрилѢ мою лю-
 бовѢ. ОнѢ, едва только взглянувѢ
 на меня, не удостоилѢ меня ни одно-
 го слова. ОнѢ всегда убѣгалѢ меня,
 когда я его искала. СказывающѢ,
 что какая-то Царевна плѣнила его.
 — Но благодарю БоговѢ, чувства
 мои премѣнились, я ненавижу уже
 неблагодарнаго. . . . Но подумай! я
 женщина, и не могу сносить презрѣ-
 нія, — сказала она, схватя мою
 руку, и прижавши ее кѢ своей груди.
 Признаюсь, что обстоятельство сіе
 привело меня вѢ замѣшательство,
 и безѢ особливаго случая я не вы-
 шелѢ

шелъ бы изъ моего изступленія. Страстные взоры сея дѣвицы, на меня уснаренныя, представили мнѣ, сколько бы могъ я бышь щасливъ, нашедшись въ такомъ положеніи съ Царевною Целтиберскою. Огонь, коимъ пылала грудь обручницы Короля Армянскаго, чрезъ прикасающіяся руки переходилъ въ мою. Воображенія мои заблуждали: я чаялъ мыслишь о Зенидѣ, но взиралъ на ея совѣспиницу; самъ внутренно прошивилъ родящимся во мнѣ побужденіямъ, но цѣловалъ уста, нечаянно коснувшіяся къ губамъ моимъ. . . . Ахъ! да просишь мнѣ Зенида! сіе случилось сверхъ ожиданія, сіе было лишь очарованіе! Однако въ самое опаснѣйшее для меня мгновеніе увидѣлъ я великаго шигра, бросившагося на Царевну Персидскую; смертоносныя его когти вонзились въ ея шѣю. Я вскочилъ, обнажилъ мечъ мой, и желая поразишь шигра, промахнулся и концемъ меча задѣлъ по плечу ту, кою

кою хотѣлъ избавить. Въ сію минуту земля потряслась подъ моими ногами, шигръ исчезъ, прекраснѣйшее мѣсто обратилось въ забытую природою пустыню, а Царевна Персидская въ нагую черную шаруху, коея шло украшено было сѣдою шерстью, и какъ бы нарочно только на плечахъ прикрыто клочкомъ медвѣжей шкуры, чшобъ учинить совершенное противоположеніе прелестямъ видѣнной красавицы. — О злодѣй! — вскричала она, обращаясь въ летучую мышъ, и удаляясь по воздуху въ представившееся мнѣ на неприступной горѣ зданіе; — сколь ты щаспливъ! едва ты не учинился добычею Нагуры; однако ты не избѣгнешь рукъ моихъ, или раздраженнаго побоею ея брата. — — Вскорѣ вѣдьма сія исчезла въ глазахъ моихъ, а я остановился неподвижимъ въ размышленіи о опасномъ моемъ приключеніи.

Спыдаясь моей неоспорожности, извинялъ я слабость, въ кою гошовъ былъ

былъ опустишься только по чрезвычайному дѣйствию очарованія. Не понималъ я, кому обязанъ я за неожиданную помощь, и кому приписать привидѣннаго шугра, спасаго меня отъ бѣдствія, мнѣ угрожавшаго. Я не зналъ, что начашъ, хопя и радовался, достигнувъ до Зивіялова замка; ибо видимое на горѣ зданіе считалъ его жилищемъ. Надежда, что увижу, а можешъ быть и освобожду Зениду, наполняла меня бодростію. Я шелъ подвергнуться всему, что бы ни было, и уповалъ на силу моей руки и моего оружія.

Я поспѣшалъ неупомимо къ горѣ, преодолая всѣ затрудненія; ибо надлежало мнѣ перепрыгивать опасныя пропасти, спускался съ прекрутыхъ утесовъ и каменныхъ скалъ, сражашся съ обитающими на оныхъ спрашными зміями. Но продолжая цѣлый день сіе, съ огорченіемъ видѣлъ, что замокъ чародѣевъ сполькожъ отъ меня удалялся, чѣмъ чаялъ я къ оному при-

Часть IX.

С

бли-

ближались. Мрачная ночь заспигла меня на опасной каменной скалѣ, такъ что я не смѣлъ ни спуститься съ оной, ни взять моего отдохновенія: я сидѣлъ, схватясь обѣими руками, и щился бодрствовать. Но сколько я ни принуждалъ себя въ томъ, глаза мои прошиву воли моей сомкнулись. Ужасный шумъ возбуждалъ меня: я увидѣлъ великую огнемъ пылающую гору, летящую прямо ко мнѣ на голову. Въ спрехъ просперъ я мои руки, чшобъ подхватить оную; но какъ я и держался только на скалѣ помощію рукъ, то оборвавшись полетѣлъ спремглавъ въ находившуюся подъ ногами моими пропасть. Ужасъ смерти; (ибо не возможно мнѣ было воображать, чшобъ не раздробилось шѣло мое въ часши ошѣ сего паденія) привелъ меня въ безпамятство. Сколько я въ ономъ находился, сказалъ не могу, но почувствовалъ, какъ бы облило меня нѣчто подобное холодной водѣ, пришелъ въ себя и къ
уди-

удивленію моему очутился я у самыхъ вѣрошъ замка. Я не имѣлъ времени разсуждать, во снѣ ли мнѣ привидѣлось паденіе мое въ пропасть, или было то въ самомъ дѣйствіи, и какимъ образомъ я остался цѣлъ, для того что страшное привидѣніе обратило меня усремишь на себя мое вниманіе. Показалось мнѣ, что вѣроша замка почти съ подобнымъ грому шумомъ отворились, и изъ оныхъ пролилась огненная рѣка. Смола и горючая сѣра, клокощія въ оной, лилися. Я принужденъ былъ уступить все пожирающему пламени; ибо неуспрашимость не помогла бы мнѣ отъ онаго; однакожъ горящая жидкость спремила за мною всюду, куда я ни убѣгалъ. Упомясь безплоднымъ бѣганіемъ, видѣлъ я себя оною окруженна. Уже чувствовалъ я жаръ, долженствующій необходимо меня уничтожить, какъ вдругъ появилась приближающаяся ко мнѣ раскаленная желѣзная ладія; всѣхъ непоспѣжимыхъ воображенію родовъ

чудовищи влекли оную. Посреди сей узрѣлъ я безчеловѣчнаго Зивіяла съ напряженнымъ лукомъ, гоповаго пушишь въ меня огненную стрѣлу. Не успѣлъ я еще ни къ чему вознамѣриться, стрѣла сія, провождаемая яростнымъ взглядомъ чародѣя, полетѣла въ мою грудь; я схватился за мечъ мой, однакожъ не помогло бы то мнѣ, естлибъ броня моя не была крѣпче коснувшася мнѣ оружія: стрѣла разбила въдребезги о грудь мою, не причиня ни малѣйшаго оной вреда. Тогда-то воскипѣлъ я гнѣвомъ; все опасности исчезли въ глазахъ моихъ: съ мечемъ въ рукѣ бросился я во вреющую рѣку, рубилъ въ досадѣ самые крутящіяся пламенные вихри, кои удерживали меня приближиться къ чародѣю. Волшебная сила меча моего пошчасъ уничтожила привидѣніе: огонь исчезъ и ударъ мой упалъ уже на выю мерзкаго Зивіяла; но въ то мгновеніе желѣзная ладія обратилась въ великаго крылатшаго змія, кошорый,

по-

поглощя чародѣя, поднялся на воздухъ. Ударъ мой оспался щещенъ, и лишь привелъ въ колебаніе воздухъ окрестъ меня. Въ жестокой досадѣ, что искомая добыча мщенія моего избѣгла отъ рукъ моихъ, бросился я къ ворошамъ замка, кои нашелъ запертыми замкомъ съ чародѣйными начертаніями, и началъ рубить оныя мечемъ моимъ. Очарованные затворы не успояли прошиву дѣйствія моего оружія, и распавшись открыли мнѣ свободный входъ внутрь жилища Зивіялова. Все, что ни представлялось моимъ взорамъ, было мерзко, или ужасно для оныхъ. Въ одной споронѣ видѣлъ я прикованныхъ чудовищъ, терзающихъ еще препещущіе члены несчастныхъ челоуковъ, ванныхъ имъ на пищу; въ другой представлялись мнѣ кошлы, варящіе въ себѣ змѣй и разныхъ гадовъ; нестерпимый смрадъ заражалъ шущъ воздухъ, и все зданіе было изъ чернаго закопшлага ка-

мня. Но сколь ни побуждала меня природа удалиться изъ шаковаго отъра-
 пительнаго мѣста, гнѣвъ удерживалъ
 меня; я чаялъ дожидаться нападенія
 на себя отъ чародѣя, въ чемъ и не
 обманулся. Онъ появился лешящій про-
 шиву меня на самомъ шомъ змѣ, ко-
 торый его проглотилъ. Дерзскій, —
 кричалъ онъ ко мнѣ! — ты желалъ
 найши себѣ гробъ въ моемъ жилищѣ;
 ты безъ сомнѣнія получишь оный.
 Сказавъ сіе, сразился онъ со мною
 копіемъ, изъ коего брызгали толь
 пронзительныя огненные искры, что
 сожигали въ мгновеніе ока все, къ
 чему ни прикасались. Броня моя
 защищала меня отъ сего опаснаго
 оружія моего прошивника, и я имѣлъ
 свободу дѣйствовать мечемъ моимъ.
 Первый ударъ раздробилъ въ ча-
 сти копіе чародѣево, другимъ ли-
 шилъ я его руки. Змѣй хотѣлъ
 было опять пожрать Зивіяла, но я,
 повторяя удары, отсѣкъ чудовищу
 голову; оное исчезло и оставило
 чародѣя дѣйствію неумолимой руки
 моей.

моей. Я не смотрѣлъ на его покор-
 носшь, не вѣря словамъ любаго
 безбожника, и изрубилъ его въ
 части. Соверша сіе, гоповилъ я
 къ другому сраженію; ибо не сомнѣ-
 вался, что Нагура придетъ мститъ
 мнѣ смерть своего брата; однакожъ
 я, проходя палаты, переходы и по-
 грѣба, находившіеся въ замкѣ чаро-
 дѣвомъ, не нашелъ ее. Всюду
 господствовала ужасная пуспота, и
 я, пришедъ въ себя, началъ уже
 опчаявашься сыскашь въ семъ мѣ-
 стѣ возлюбленную мою Целшибер-
 скую Царевну. Сіе приключило мнѣ
 разныя мучительныя воображенія.
 Я чаялъ, что безчеловѣчіе чаро-
 дѣвѣ погубило дѣшей Царя Иве-
 рона, или удалило ихъ въ таковую
 спрану, куда желанія мои не въ
 состояніи довести меня къ нимъ
 на помощь. Но между шѣмъ вошелъ
 я въ прекрасѣйшій садъ.

Сколько прошивны и гнусны
 были первые предметы во внутрен-
 носпи замка, столько напрошивъ

плѣняли, они взоры мои здѣсь. Весна и лѣто соединялись шумѣ въ прелестнѣйшемъ порядкѣ, а осень по мѣспамъ являла свое изобиліе. Испуканы рѣдкаго художества украшали дороги и водомешы; прохладныя сѣни привлекали къ отдохновенію. Я шелъ нечувствителью ошчасу далѣе; предметъ отвлекалъ меня отъ предмета, и приводилъ мнѣ въ забвеніе опасность, что я нахожусь въ жилищѣ смертельной моей непріятельницы Нагуры; наконецъ сіяющее зданіе обратило на себя мое вниманіе. Я удвоилъ шаги мои и очутился у хрустальнаго зданія, неимѣющаго въ себя входа. Я увидѣлъ въ ономъ, — о Боги! я увидѣлъ дѣвицу; кошорыя красосу никакое человѣческое воображеніе предсавитъ себѣ не можетъ; но, о возлюбленный Булапъ, могу ли я изъяснить тебѣ чувствованія, произшедшія въ моемъ сердцѣ при ономъ взглядѣ? Это была Зенида, единственный предметъ моихъ желаній,

ланій, единственная мета трудныхъ моихъ подвиговъ, но несравненно прелестнѣйшая, нежели видѣлъ я ее въ изображеніи во Дворцѣ Царя, опца ея. Она спала на поспелѣ, усыпанной розами. Я приблизился, пожиралъ глазами ея прелести, не смѣя дышать, дабы не возмутить ея покоя. Но ахъ! сей сонъ ея былъ дѣйствіе очарованія. Три дни сидѣлъ я у стѣны хрустального зданія, ожидая ея пробужденія, не вкушая никакой пищи, но безплодно: Зенида опочивала. Голодъ ушомилъ меня; пришедъ въ безсиліе, опасался я оставишь зданіе, заключающее въ себѣ божество души моей, чшобъ пошедъ искашь себѣ пищи, не упрасишь мою возлюбленную. Однакожъ природа превозмогла меня: я, покоряясь моей страсти, забылъ завѣщаніе благодѣтельствующей волшебницы. Около хрустального зданія росло множество прекраснѣйшихъ видомъ спѣлыхъ яблокъ; я, взирая на Зениду, нечувствительно сры-

С 5

валь

валъ овощи, сѣвдалъ и насыпилъ оными мою ячюснѣ. Когда голодъ пресналъ меня мучить, я вспомнилъ завѣщаніе Тифеино; ужасъ объялъ меня, но проснувшаяся Зенида прогнала все изъ моихъ мыслей. Сидонъ! — вскричала она, вскочавъ въ нѣкоторомъ родѣ испугленія; — я знаю, что привело тебя въ мѣсто сіе; я не прошиваюсь своимъ намѣреніямъ. Но хошя ты и истребилъ мучителя моего Зивіаля, однако не ожидай извести меня изъ сего очарованнаго зданія, поколь побѣдишь ты всѣхъ богатырей, коихъ чародѣи вызвалъ на сраженіе съ моимъ братомъ, Царевичемъ Зораномъ. Ступай на право, тамъ на великомъ полѣ найдешь ты ихъ гошовыхъ вступишь съ побою въ бой. Честъ побѣды надъ ними отдаю я по волѣ моей достойному владѣнью мною. Братъ мой не имѣетъ довольно силъ сразиться съ цѣлымъ войскомъ богатырей; но естли бы онъ и сразился, сіе по ухищренію чаро-

чародѣя не возвратило бы ему свободы, ни меня извело изъ сего очарованнаго започенія. Онъ далъ мнѣ право избрать прошивоборца, а я нарекаю онымъ тебя. Снупай, возлюбленный; цѣна твоего щаспія зависитъ отъ сего подвига. Сказавъ сіе, подала она мнѣ свою руку; я цѣловалъ оную сквозь прозрачную раздѣляющую меня съ нею стѣну. Я клялся ей исполнить ея повелѣніе; хотѣлъ было изъяснить чувствованія моего сердца, какъ вдругъ примѣшилъ, что я удаляюсь отъ хрустальнаго зданія. Мѣсто, на коемъ я стоялъ, помчалось со мною весьма быстро, и вскорѣ очутился я на семъ полѣ. Богатыри, лежавшіе въ разныхъ мѣстахъ на ономъ, и какъ бы ожидавшіеся моего прибытія, вскочили и начали вооружаться. — Ты совмѣстникъ нашъ, ты мнимый братъ прекрасной Зениды, вскричали они, и бросились на меня со всѣхъ сторонъ. Я началъ обороняться, а они продолжали кри-

кричашь : послѣдній, кто изъ насъ оспанется, овладѣешь прекрасною Землюю. Бой продолжался цѣлый день, и наконецъ я имѣлъ удовольствіе видѣшь всѣхъ, нападающихъ на меня, падшихъ на рашномъ полѣ отъ руки моей. Я готовился возгласить побѣду, какъ страшный голосъ съ воздуха пронзилъ мои уши. Я взглянулъ и увидѣлъ Натугу, сидящую на черномъ облакѣ. Злодѣй, кричала она ко мнѣ! наконецъ хитрость превозмогла охраняющее тебя волшебство. Я опустошила тебѣ смерть моего брата твоею собственною. Ты насытилъ голодъ твой ядовитыми яблоками, отъ коихъ погибнешь въ сіе мгновеніе ока, и ничто уже тебѣ не поможетъ. А чтобъ горестнѣе учинить тебѣ смерть твою, вѣдай, что ты видѣлъ не Зениду, помогшую твоему искушенію : это была я, коей руку лобзалъ ты съ восхищеніемъ. Я приказала тебѣ сражаться съ сими богатырями, но ты сражался лишь съ

съ очарованными деревянными спашуями, и сіе нужно для меня было по тому, чпобѣ движеніе ускорило дѣйствію яда. Погибни, злодѣй! Вотъ бракъ швой съ негодною швоею Зенидою! — Когда вѣдьма окончила рѣчь свою, смершнй сонѣ распросперся на всѣ мои чувства: я упалъ и чаялъ, что спалъ до самаго того часа, вѣ который вы, храбрый Булашѣ, возвратили мнѣ жизнь мою.

Продолженіе Булатопыхѣ приключеній.

По окончаніи повѣспованія Си-донова Булашѣ взглянулъ на кисти, покрывающія рашное поле, и съ удивленіемъ примѣшилъ, что глаголющаго его прежде обманулись; онѣ не видалъ уже кромѣ деревянныхъ обрубковъ, являвшихъ на себѣ дѣйствіе сильной руки богатыря Африканскаго. — Я уповаю, началъ говорить Булашѣ къ нему, что мы не вѣ даль-

дальности отъ жилища Нагуры, и потому не согласишься ли вы докончить обѣщанное Царю Иверону? Я не хочу предлагать вамъ моей помощи; ибо вы довольно имѣете храбрости и силы для окончанія подвига, заключающаго въ себѣ судьбу желаній вашихъ, но уповаю, что вы мнѣ, какъ другу своему, позволите раздѣлить ваши опасности и не позавидуете славѣ бытъ участникомъ споль пруднаго вашего приключенія. — Сидонъ благодарилъ его и просилъ, чтобъ онъ совѣтами своими и силою участвовалъ въ его предпріятіи. Я признаюсь, продолжалъ онъ, что мнѣ нужна помощь богатыря споль испытанной храбрости; ибо безъ нея гашелъ было уже я смерть себѣ. — Послѣ сего заключили они по предписанію волшебницы Тифеи шествовать на сѣверъ, и спараться прежде всего испребить изъ свѣща злобную Нагуру, естли шолько щастіе доведетъ ихъ въ ея жилище.

Ош-

Осправясь въ пущь , чрезъ нѣ-
 сколько часовъ пришли они въ пре-
 ужасную пустыню: мѣсто сіе каза-
 лось забвеннымъ отъ природы. По-
 крышыя снѣгомъ горы , сухой песокъ
 на долахъ , увядшія вѣтви без-
 лиственныхъ древесъ , ни одной жи-
 вой шравки и повсюду ни капли
 воды составляли окрестности, сквозь
 кои они проходили. Въ три дни не
 вкушали они ничего , кромѣ без-
 сочухъ кореньевъ , имѣющихъ про-
 шивный запахъ. Но таковое затруд-
 неніе не отвращало храбрыхъ лю-
 дей отъ ихъ намѣренія. На че-
 твертый день достигли они на нѣ-
 копорой холмъ , съ коего усмотрѣли
 въ близкомъ разстояніи прекра-
 снѣйшіе сады , копорыхъ зелень
 перемѣшена была различными пло-
 дами. Поспѣвшимъ шуда , сказалъ
 Сидонъ Булашу ; я не думаю , чтобъ
 плоды древесные вѣчно были для
 меня ядъ ; по крайней мѣрѣ все ра-
 вно умереть , съ голода ли , или отъ
 ошравы. Едва окончилъ онъ сіи сло-
 ва ,

ва, какъ холмъ, на коемъ они находились, помчалъ ихъ прямо къ тѣмъ садамъ. Они удивились сему чрезъбеспешвенному случаю и думали, что надлежитъ оный приписать покровительству Боговъ. Уже готовились они съ первымъ шагомъ бытъ подъ сѣнію каковаго нибудь плодовиатаго дерева, какъ холмъ, приближась къ садамъ, помчалъ ихъ тѣмъ же самымъ путемъ обратно. Очупясь на прежнемъ мѣстѣ, чаяли они, что слѣдуетъ имъ сойти на плоскую землю; но холмъ препящствовалъ въ ономъ, продолжая возить ихъ на себѣ съ несказанною быстротою. Богатыри разсердились чрезвычайно за такую не во время оказываемую услугу; готовы были мстить, но кому? бездушному холму. Сіе унизило бы ихъ званіе. Однакожъ надлежало что нибудь предпринять. Они догадывались, что сіе заключаетъ въ себѣ какой нибудь умыслъ чародѣйки, ихъ непріятелицы. Движеніе холма оп-
 часу

часу ускорялось и богатыри прину-
 ждены бы были задохнуться отъ бы-
 спрошы, съ кою разсѣкали они
 воздухъ, естли бы Булапу, непри-
 выкшему сносишь сопротивленія и
 препяшствія, не пришла охота уда-
 ришь о холмъ своею дубиною. Дѣй-
 ствіе сіе за одинъ разъ остановило
 очарованіе; холмъ разсыпался и изъ
 подъ онаго усмопрѣли они выскочив-
 шую Нагуру. Сія, по обыкновенію
 своему обращась въ летучую мышь,
 полетѣла, крича къ богатырямъ,
 что они конечно найдутъ смерть
 свою, естли покусятся войти въ
 ея замокъ для освобожденія дѣшей
 Царя Иверона. Богатыри мало смо-
 прѣли на сіи ея угрозы, и ни мало
 не медля, вошли въ сады; однакожъ
 Булапъ не совѣшовавъ вкушать пло-
 довъ Сидону безъ прикосновенія къ
 онымъ его оружіемъ, уничтожаю-
 щимъ всякое очарованіе. Нѣсколько
 деревъ въ самомъ дѣлѣ содержали
 справку, и по разрубленіи мечемъ
 плодовъ съ оныхъ выползало изъ

Часть IX.

Т

сихъ

сихъ множество маленькихъ эмбекъ, но нашли они иъкошорыя, кои были естественныя, и сими богатыри ушолли свой голодъ. Укрѣпясь пищею, приняли они успокоеніе, но были разбудены великимъ шумомъ. Вскоча опѣ сна, усмотрѣли они себя окруженныхъ цѣлымъ войскомъ огненныхъ богатырей, кошорые напали на нихъ съ великою запальчивостію; однакожъ удары ихъ оружія, упадающіе подобно дождю на богатырей, не причиняли онымъ ни малаго вреда, напрощавъ Булапъ и Сидонъ съ каждымъ махомъ превращали въ ничто сихъ привидѣнныхъ ратниковъ; оныя, учиняясь дымомъ, исчезали. Вскорѣ не видно спало сего огненнаго воинства, но вмѣсто того показалась имъ сама Нагура, вдушая на превеликомъ слонѣ, имѣющая въ рукахъ своихъ сосудъ, изъ кого выходили ядовитыя пары, заражающіе воздухъ. Дѣйствіе оныхъ споль было жестоко, что самая земля сгорала въ шомъ мѣстѣ, гдѣ оныя упадали. Словъ съ

съ своей стороны опровергалъ горы своимъ страшнымъ хоботомъ. Богатыри, взирая на приближающееся столь опасное нападеніе, не явили въ себѣ ни малаго ужаса. Не должно сего опасаться, сказалъ Сидону богатырь Рускій; сіе употреблено только для устрашенія. Я увѣренъ, что чародѣйство не постоитъ противу нашего оружія, но должно быть осторожнымъ, чтобъ Нагура не могла уйти отъ заслуженной казни; ибо время уже сдѣлать конецъ симъ безплоднымъ играмъ ея привидѣній. Послѣ чего заключили они между собою, чтобъ раздѣлить бой и Булашу напасть на слона, а Сидону стараться въ тожъ время истребить Нагуру.

Въ приближеніи чародѣйки ядовитые пары, начавъ изъ сосуда ея изходить жеспочае, зажгли землю подъ ногами и вокругъ богатырей, и разкалили воздухъ до того, что они едва не задыхались. Надобно думать, что Нагура употребила

важнѣйшія тайны своея науки къ сему очарованію; ибо охраняемая волшебствомъ броя Сидонова не дѣлала ему защиты, но по щастію Булатъ открылъ свой златый сосудецъ и дѣйствіе онаго въ одно мгновеніе ока уничтожило вредоносныя пары. Богатыри, вдыхнувъ въ себя свѣжій воздухъ, укрѣпились и напали на Нагуру, готовящуюся возбудить дѣйствіе своего оружія. Булатъ спрашною своею дубиною поразилъ слона столь сильно, что оный опрокинувшись придавилъ шѣломъ своимъ вѣдьму. Тогда Сидонъ бросился къ оной, вознамѣрясь изрубить ее въ части, однако шѣло убишаго слона, почти всю ее закрывшее, въ помѣ препятствовало. Вѣдьма, съ своей стороны спараясь высвободиться изъ подъ придавившаго ее бремени, выправила голову, но сіе совершило ея участь: Сидонъ, схватя за оную, потащилъ столь сильно, что оторвалъ прочь отъ шѣла. Тогда страшный громъ оглушилъ

шилъ богатырей; сады, въ коихъ они находились, обратились въ спрашную пустыню; трупъ убитаго слона спалъ каменною горою и земля потрясшись проглотила сію сѣтѣломъ Нагуры. Огнь долго выходилъ изъ пропасти, и Сидонъ, считая сію опверспіемъ ада, повергъ въ нее и голову чародѣйкину для достойной казни.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, Булашъ и щоварищъ его усмотрѣли гибель и замка Зивіялова, въ кошоромъ сестра его учинилась было по его смерти наслѣдницею. Земля не пощадила зданія, въ комъ совершались великія безбожія: она пожрала его въ себя. Сидонъ воспренешалъ о участи дѣшей Царя Иверона; однакожъ среди густой мглы и дыма, изшедшаго надъ проваломъ, увидѣлъ онъ вѣщо блестящее и мало помалу къ нимъ приближающееся. Ожидая каковаго нибудь новаго приключенія, богатыри примѣтили наконецъ, что сіе

было свѣтлое облако, несущее на себѣ трехъ особѣ, и Сидонѣ вскорѣ узналъ, что онѣя были волшебница Тифея, держащая за руки Зениду и Зорана. Облако опустилось, на землю предѣ богатырями, и сидѣвшіе на ономѣ сошли. — Благодарите своихъ избавителей, сказала волшебница дѣшамѣ Царя Иверона; они пресѣкли ваши напасти и истребили смертельныхъ вашихъ неприятелей. — Царевичъ и Царевна учинили сіе съ таковою чувствительностію, что Булашѣ принужденѣ былѣ опречаться отѣ приписываемыхъ ему благодарній. Я ничего не сдѣлалѣ, говорилѣ онѣ къ волшебницѣ; одинѣ только случай привелѣ меня быть зрителемѣ храбрыхъ подвиговѣ богатыря Сидона. Сей съ своей стороны относилѣ успѣхѣ своего приключенія покровительству волшебницы. Какѣ по ни было, отвѣчала она, но я вѣдаю цѣну заслугѣ богатыря Сидона; безѣ его великодушія, побудившаго вступиться

вѣ

въ несчастія Царя Иверона, я не могла бы подашь ни малой помощи моимъ племянникамъ. Изъ сего познайше вы, что сколь бы ни великъ былъ человекъ въ своей власти, но не можешъ защитишь себя отъ иѣкопныхъ злощастій. Я, имѣющая силу помогать цѣлымъ народамъ, не могла по ушавамъ таинственнымъ книги судебъ изкишишь отъ бѣдствія моихъ племянниковъ. Вся помощь моя въ подвигъ швомъ, храбрый Сидонъ, состояла въ томъ только, что я надзирала швои поступки, и таинственными вліяніями предохраняла тебя отъ иѣкопныхъ опасностей. И такъ вѣдай, что когда ты приблизился къ садамъ Зивіяловымъ и голодъ принуждалъ тебя вкусишь ядовитый виноградъ, къ чему побуждала тебя невидимо присутствовавшая тупшъ Нагура, я вскричала къ тебѣ тогда и мой ты слышалъ голосъ. Но хипрая чародѣйка, видя, что я не могу воспрепятствовать ей во искушеніи тебя,

въ самое то мгновеніе ока приняла
 на себя видъ Персидской Царевны.
 Все бы погибло, естлибъ ты пре-
 дался во власть ея мнимымъ пре-
 леснямъ; ты лишенъ бы былъ вся-
 кой помощи, волшебное оружіе твое
 утратило бы свою силу и ты оспался
 бы въ вѣчномъ заточеніи у Зивіяла.
 Однакожъ я въ видъ шитра принудила
 тебя извлечь твое оружіе и онымъ
 прогнашь очарованіе; потомъ когда
 Зивіялъ представилъ уже приближаю-
 щемуся тебѣ къ ворошамъ его замка
 непроходимыя горы и пронасти,
 я показалась надъ тобою въ видъ
 упадающей на тебя съ воздуха го-
 рящей горы, чтобъ ты отъ страха
 упалъ на землю; ибо отъ прикосно-
 венія къ сей зависѣло прогнаніе ме-
 чшы, впрочемъ бы ты, ослабляясь
 привидѣніемъ, никогда не дошелъ къ
 замку, находясь у самыхъ онаго
 воротъ. Не могу я описать тебѣ
 моей печали, когда я, не имѣя силы
 сойти во внутрь замка Короля чаро-
 дѣевъ, видѣла тебя вкусившаго
ядъ

ядѣ и не могла оному воспрепятствовать; однакожъ по смерти своей узнала я чрезъ мою науку, что богатырь Булашъ въ своемъ златомъ сосудѣ имѣетъ средство возвратитъ тебѣ жизнь. На сей конецъ я принудила спускавшихся ему людей на ихъ ладѣ удалились отъ острова. Ему казалось, что ихъ погубили Брѣны, но оныя охранительными духами донесены въ ихъ опечество; а сіе учинено мною за тѣмъ, чтобъ Булашъ принужденъ былъ слѣдовать моему водителству до мѣста, гдѣ твои лежали кости, и я вѣщала къ нему невидимо, что счелъ онъ за гласъ духа хранишеля. Теперь за всѣ твои заслуги, храбрый Сидонъ, я не могу лучше воздать тебѣ, какъ подтвердить слово Царя Иверона: я даю тебѣ руку племянницы моей прекрасной Зениды. Вы сочешаетесь по возвращеніи нашемъ въ столицу моего зятя, а вашего отца, что воспослѣдуетъ нынѣ. —

Т 5

При

При сихъ словахъ волшебницы Тифеи Сидонъ повергся къ ногамъ прелестной Зениды, и съ восхищеніемъ цѣловалъ ея руку. Красавица не прошивилась сему его восторгу; ибо сама по дѣйствію нѣкоторыхъ предубѣжденій, о коихъ вскорѣ услышимъ, пылала къ нему жесточайшею любовію. Зоранъ съ своей стороны обнималъ своего избавителя и всѣ они оказали множество ласковостей къ богатырю Рускому. Сей съ своей стороны, пріемля въ благополучіи ихъ истинное участіе, весьма ждалъ знашь о приключеніяхъ Зорана и сестры его со времени похищенія ихъ чародѣями. Любопытство его было удовольствовано, и Зенида повѣствовала слѣдующее:

— — — Когда я, прогуливаясь въ садахъ моего родителя для разогнанія печальныхъ моихъ мыслей, похищена была низпадшимъ облакомъ, пришла я отъ того въ безпамятство. Освободясь отъ нечувствія,

ствія , увидѣла я себя въ преогромныхъ и богато украшенныхъ покояхъ. Нѣсколько дней находилась я въ неизвѣстїи о моей участи и о томъ , гдѣ я. Всѣ желанїя мои предупреждались посредствомъ слугъ ; мнѣ слѣдовало только вообразить въ мысляхъ о какой нибудь вещи , и оная пошчасъ появлялась предо мною. Но легко разсудишь можно , что лишаюсь отечества , родителея и брата , я рѣдко пользовалась сею чудною услужливостїю ; печаль и неизвѣстность судьбы моей содержали меня въ неушѣшимости. На послѣдокъ задумчивость моя прогнана была преужаснымъ свиспомъ вихря , расшворившаго навспѣжъ двери въ моей комнашѣ ; черное облако влешѣло въ оныя , и разверзшись повергло къ ногамъ моимъ чародѣя Зивїяла. Онъ стоялъ предо мною на колѣняхъ , когда я отъ страха едва пришла въ себя , и извинялся , что жестокость чувствуемой имъ ко мнѣ любви принудила его дерзнуть на мое похище-

хищеніе. Чшобъ больше мнѣ попра-
висься, появился онъ во всѣхъ укра-
шеніяхъ, кои имѣетъ Король чаро-
дѣевъ. Но со всемъ его стараніемъ
я не видала въ немъ, кромѣ чернаго
чудовища, удобнаго видомъ своимъ
вперяшь ужасъ, а не любовь. Онъ
обѣщаль мнѣ дать власть пове-
лѣвать всѣми духами, хотѣль по-
корить мнѣ весь свѣтъ, собрать
окресить меня всѣ его сокровища,
всѣ изобилія, естли я соглашусь
учинись его супругою, но ничѣмъ
не возмогъ онъ испребитъ чувствуе-
маго мною къ нему омерзѣнія. Я
убѣждала его слезами возвратишь
меня къ моему родителю, и видя,
что онъ весьма отъ того удаленъ,
сказала ему на опрѣзъ, что я
прежде умру, прежде пренесу всѣ
томленія, нежели соглашусь на его
желанія. Чародѣй сокрылъ въ себѣ
почувствованную отъ того досаду
и меня оставилъ. Нѣсколько дней
я его не видала, но напоследокъ
посѣщенія его сдѣлались столь ча-
сты,

сты, и любовныя объясненія столь
 усильны, что я пришла въ великой
 шрепешѣ. Онъ въжливости премѣ-
 нилъ на угрозы и далъ мнѣ сроку
 на три дни, чтобъ я рѣшилась,
 быть ли Королевою чародѣевъ, или
 опданной на разшерзаніе находи-
 вшімся на площади замка его чудо-
 вищамъ. Я не имѣла иной надежды
 къ моему спасенію, кромѣ бѣгства;
 на сей конецъ шаралась я сыскашь
 выходъ изъ палатъ, въ коихъ была
 заключена, но по нещасію всѣ двери
 и окна въ оныхъ были очарованы и
 выхода не позволяли. Бродя шаковымъ
 образомъ изъ покоя въ покой, пришла
 я къ однимъ маленькимъ дверцамъ,
 имѣющимъ золотый замокъ и въ
 ономъ ключъ изъ того же мешалла.
 На замкѣ ономъ усмотрѣла я над-
 писъ: кто въ сіи двери войдетъ,
 тотъ никогда уже назадъ не воз-
 вращится. Прочпеніемъ сего любо-
 пытство мое было на нѣсколько
 времени удержано; однакожь раз-
 судя не сочла я худшимъ погибнуть,
 ка-

какимъ бы по образомъ ни случилось, нежели dospагься во власшь ненави- сшнаго чародѣя. Я опперла дверцы и вошла въ комнашу, имѣющую зер- кальныя стѣны. Посреди оной ви- сѣлъ серебряный колоколъ, а подѣ онымъ на столикѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, лежалъ молотокъ. Я взяла оный и безъ всякаго намѣренія ударила въ колоколъ, тогда вся комнаша наполнилась синимъ ды- момъ, и чрезъ нѣсколько мгновений ока увидѣла я предѣ собою сову, укра- шенную разноцвѣтными перьями. Уди- вленіе мое возрасло, когда птица сія закричала ко мнѣ человѣческимъ го- лосомъ: я духъ предсказатель и слуга сего колокола: за чемъ при- званъ я шобою, Царевна? Признаюсь, что въ нескazanной я пришла опъ сего трепетъ, однакожъ, примѣпя, что сова съ почщеніемъ ожидаетъ моего повелѣнія, ободрилась и по- желала узнать, что сомною впредъ случится. Я хочу знать судьбу мою, сказала я повелительнымъ голосомъ,

и

и буду ли я избавлена отъ рукъ ненавистнаго Зивіяла? — Вамъ стоить только обратиться къ зеркалу, которое позади васъ, — сказалъ духъ; и я повернувшись увидѣла прекраснаго богатыря, сражающагося съ чародѣемъ, моимъ похишителемъ. Не могу сокрыть, что видъ богатыря только былъ прелестенъ, что я кромѣ собственной пользы желала ему побѣды надъ Зивіяломъ. Желаніе мое исполнилось: я видѣла его низложившаго мечемъ своимъ чародѣя, и подшедшаго ко мнѣ съ великимъ почтеніемъ; онъ открылъ мнѣ свое сердце и наговорилъ столько страстныхъ и убѣдительныхъ словъ, что я не могла не обѣщать ему взаимной любви. Но въ самое то мгновеніе, когда онъ предлагалъ мнѣ помощь, чтобъ отвезши меня въ мое отечество, и когда я протянула уже къ нему мою руку, зеркало потускло и прелестная мечта исчезла. — Не поревнуй, любезный Сидонъ, продолжала Зенида, обра-

обращаясь къ Сидону, сей богатырь похипившій мое сердце, былъ самый пы и въ самой сей бронѣ. Сидонъ отвѣщспвовалъ на сіе пламеннымъ поцѣлуемъ въ ея руку, а Зенида повѣщспвовала далѣе: — Хотя при- скорбно мнѣ было лишиться споль пріяшнаго привидѣнія, однакожъ душа моя наполнилась веселіемъ, что учасъ моя предопредѣляетъ меня не чародѣю. Я обратилась къ совѣ, которая сидѣла очень чинно на своемъ мѣстѣ: шеперь я хочу отъ тебя насшавленія, какимъ образомъ вышши мнѣ изъ сихъ очарованныхъ палатъ, сказала я къ ней? Сова натопорчила свои перья при семъ моемъ словѣ и клялась, что сіе не въ ея волѣ, и что она учинишь то не смѣетъ. Я съ моей стороны употребляла повелишельнѣйшія выраженія и грозила ей разбишь колоколъ, безъ сомнѣнія судьбу ея въ себѣ заключающей, естли она мнѣ не повинуется, и взмахнула молотъ, схватя оный въ обѣ руки.

Сова

Сова пришла отъ шого въ шрепешъ, и по нѣсколькимъ страннѣмъ движеніямъ и выступаніямъ взадъ и впередъ закричала: я покоряюсь тебѣ; ибо въ сіе мгновеніе Зивіалъ погибъ: я самъ оставляю сіе мѣсто. И для шого ударъ молоткомъ въ ешъну, стоящую на востокъ. Я учинила сіе; сшѣна обратилась въ паръ, и когда онѣй вѣшромъ разогнало, увидѣла я предъ собою стеклянную лѣшницу о дващати чешырехъ ешупеняхъ. Ни мало не размышляя, побѣжала я внизъ, сошла въ садъ и бѣжала безъ всякаго намѣренія по первой попавшейся миѣ дорожкѣ. Казалось миѣ, что удаляюсь я отъ замка чародѣва, и для шого удвоила мои шаги до шѣхъ поръ, какъ ушомаясь упала я безъ памяти. Пришедъ въ себя; очутилась я лежащая въ хрустальномъ зданіи, неимѣющемъ ни дверей, ни оконъ, на богатой постелѣ. Чрезъ нѣскольکو часовъ увидѣла я представшую предъ меня Нагуру; сія

Часть IX.

У

сѣ

сѣ суровымъ взглядомъ говорила мнѣ: чѣмъ наказашь себя за швое бѣспство, я заключаю тебя вѣчно въ семъ зданіи. Ты заслуживаешь мучительную смерть; ибо отъ любви къ тебѣ погибъ братъ мой, однакожъ спрасъ моя къ швоему брату удерживаетъ мое мщеніе и ограничиваетъ оное лишь въ семъ вѣчномъ заточеніи. Не ожидай, чѣмъ ты когда либо опскуду вышла, развѣ въ случаѣ, когда братъ швой увѣнчиваетъ мои нѣжныя желанія. Ты будешь безпрестанно спать, и не пробудишьься кромѣ шого времени, когда нужны мнѣ будущъ нѣкошорыя отъ тебя услуги. — Сказавъ сіе, она исчезла, а я упала безъ памяти на постелю. Первое мое пробужденіе было шогда, какъ ты, любезный Сидонъ, въ явѣ, или шолько по мечпанію, мнѣ показавшемуся, пришелъ къ заключающему меня зданію. Я хотѣла вспашь и бросишьься въ швои объятія, но неимѣла силъ поднятьься сѣ моей постели. Я видѣла

дѣла, сколько мое безчувствіе причиняло тебѣ оѣдрченія, но не въ моей соспояло волѣ пресѣчь оное. Сколькожѣ мучилась я, примѣпя, что ты хочешь всѣхъ ростшія близъ моего започенія яблоки; ибо тайное предчувствіе побуждало меня опвращить себя ошѣ онаго, однакожѣ не могла я ни подняться, ни языкомѣ шевельнушь. На послѣдокѣ преодолѣла я препяшствіе, вскочила съ моей постели. зачала говорить; но желая сказать тебѣ, чтобѣ ты избавилѣ меня изѣ моего започенія, говорила непоняшныя мнѣ слова. Причиною сего было очарованіе Нагуры; ибо по удаленіи швоемѣ нашла я ее близъ себя, наложившую на меня свой чародѣйный жезлѣ. Послѣ того я пришла опять въ безпамятство, и возбуждена изѣ онаго страшнымѣ спухомѣ, произшедшимѣ ошѣ разрушенія замка Зивіялова; я увидѣла, какѣ оный земля пожирала, и находясь въ смертельномѣ ошѣ того ужасѣ, подхвачена была прилетѣвшимѣ

шимъ ко мнѣ свѣщлымъ облакомъ, разрушившимъ хрустальное заключавшее меня зданіе, и соединившимъ меня съ моимъ братомъ Зораномъ помощію возлюбленной нашей тешки.

Сямъ кончила Зенида свою повѣсть; Зоранъ перемѣнилъ ее, начавъ свои приключенія тако: —
— Должно сказать правду, что сестра моя была гораздо меня щастливѣе и съ небольшими хлопотами избавилась отъ нападенія своего любовника. Что лежитъ до меня, то я вышерпѣлъ таковыя случаи, къ коимъ одно припоминаніе во всю жизнь мою будетъ наполнять меня омерзѣніемъ. Послѣ злочаснаго опыта моей неуспрашимости, когда я, сражаясь съ испономъ, имѣющимъ львиную голову, былъ поглощенъ отъ онаго, не знаю, что со мною случилось; но когда я опомнился, шупъ вмѣсто чаемаго мнѣ мѣста въ желудкѣ исполиномъ, очутился я въ великолѣпныхъ чертогахъ Нагуриныхъ.

ныхъ. Я лежалъ на богатой по-
 ешелѣ, и первое, что кинулось въ
 глаза мои, была прелестная Нагура
 со всѣми своими отличными дарова-
 ніями, сидящая близь меня и при-
 лагающая попеченія о приведеніи
 меня въ чувствво. Въспо благодар-
 ности я вздрогнулъ ее увидя. Но
 сіе ее не смутило: она съ спокой-
 нымъ взглядомъ начала ко мнѣ:
 вопрошивишься ли ты, дражайшій
 Зоранъ, чистосердечному моему къ
 тебѣ пламени, когда сами Боги оный
 одобряюшъ; ибо они споспѣшеству-
 юшъ любви нашей. Ты погибъ бы
 въ желудкѣ исполина, съ которымъ
 сражался; но мои усердныя моленія
 смягчили безсмертныхъ: они удер-
 жали жизнь твою и предали тебя
 моей горячности. Не ужъ ли вопро-
 шивишься ты волю небесъ? — Го-
 сударыня моя, отвѣчалъ я ей нѣ-
 сколько опомнившись! я чувствую,
 что я вамъ очень много обязанъ, и
 признаюсь, что ваша набожность
 учинила чудо. Но жаль только того,

что вы не дополнили къ вашимъ прошеніямъ, и не исходатайствовали у безсмертныхъ небольшой переправки обстоятельствъ, на примѣръ: ваши восемьдесятъ лѣтъ возраста можно бы сократить шестидесятью; прелестному вашему виду дать по крайней мѣрѣ хотя бы человѣческій. Впрочемъ представьте себѣ противоположеніе, будетъ ли единообразіе и правильность, когда мы раздѣлимъ постелю: моя кожа бѣла, а ваша уподобляется прекрасному гобану, умалчивая о сивой покрывающей васъ шерсти. Но еслили прибавить къ тому пару вашихъ кошечьихъ, какъ уголь, красныхъ очей, сей орлиный синій носъ и сіи довольно обширныя уста съ двумя клыками, то не простите ли вы меня, что я останусь съ единымъ къ вамъ почтеніемъ, и оставлю овладѣніе вашею красою любовнику, меня достойнѣйшему? — Я видѣлъ, что сіе объясненіе мое не слишкомъ пріятно было иѣжной моей богинѣ,

богинѣ, однакожъ она умѣла скрыть свою досаду, и съ притворнымъ спокойствіемъ сказала, что она отъ времени ожидаетъ переменъ моей несклонности; что либо я привыкну сносить мнимое ея безобразіе, или Боги, смягчася моими мученіями, позволятъ мнѣ предстать предъ себя въ настоящемъ моемъ видѣ. По окончаніи словъ сихъ оставила она меня, кинувъ на меня спрастный взглядъ. Я не понималъ, про какой она говорила настоящей видъ ея. Не ужъ ли какое нибудь очарованіе повергло ее въ шаковое безобразіе, помышлялъ я? но вспомня, что она была сестра Королю чародѣевъ, оставилъ сіе сомнѣніе, и приписалъ звукъ словъ ея лишь къ одной лести, которой мнѣ надлежитъ всѣми мѣрами остерегаться. Нѣсколько дней прошло, въ которые я не видалъ Нагуры, не имѣя впрочемъ ни малаго недостатка въ моихъ потребностяхъ. На послѣдокъ постѣшила она меня, и говоря

мнѣ тысячу нѣжныхъ объясненій, сказала: чшобѣ доказатьъ тебѣ, сколько власпенѣ ты надѣ моимѣ сердцемѣ, я опмѣняю ту неволю, вѣ коей ты до сихѣ порѣ былѣ сдержанѣ: ты власпенѣ теперѣ ходишь всюду вѣ моемѣ замкѣ; но къ собственному своему спокойству я не позволяю тебѣ вступать вѣ увеселишельный домикѣ, находящійся вѣ концѣ моего сада. Сіе снисхожденіе Нагурино произвело во мнѣ то, что я уже безѣ опшращенія сѣ нею просился. Но какѣ завѣщаніе ея наполнило меня любопытствомѣ, я не успѣлъ потерять ее изѣ глазѣ, какѣ былѣ уже вѣ саду, пробѣжалѣ оный и очутился у самыхъ дверей увеселишельнаго дому. Я обшелѣ нѣсколько разѣ вокругѣ онаго, размышляя, чшобѣ принуждало вѣдѣму воспрещать мнѣ входѣ туда, и какое мнѣ опѣ того можетѣ случиться безпокойство? Мнѣ казалось, что здѣсь могу я найти средство къ моему освобожденію.

жданію. Утвердѣсь въ семѣ, оп-
ворилъ я двери, кои заперты были
одною только цѣпочкою. Прошелъ
три комнашы, не встрѣтясь ни съ
какою живущею пварью, но въ
четвертой увидѣлъ. . . . о Боги!
что представилось моимъ взорамъ?
дѣвица, содержащая въ себѣ преле-
сти безсмертныхъ, сидѣла на софѣ,
подпершись бѣлѣйшею снѣга рукою
и въ глубокой печали. Долго она
меня не примѣтила; а я споялъ не
смѣя дыхнуть, пожирая ея преле-
сти и влюбясь въ нее до безумія.
Наконецъ она съ глубокимъ вздо-
хомъ вскинула на меня глаза и
остановила оныя со изумленіемъ. Я
не могъ больше прошившись побѣж-
дающимъ меня чувствованіемъ,
бросился предъ нею на колѣни, и въ
воспоргѣ моемъ вскричалъ: кто бы
вы ни были, прекраснѣйшая изъ смер-
тныхъ, но я не могу удерживать
чувствованія, произведенныя пре-
лестями вашими въ душѣ моей. Вы
учинили меня на вѣки своимъ неволь-

никомъ , и еспли Царевичъ Целпи-
берскій не отвратилеленъ для глазъ
вашихъ , учините его щаспливымъ :
соедините съ нимъ судьбу вашу ,
еспли можете вы оною располагать .

— Признаюсь , что обьясненіе
таковое было слишкомъ вольно ,
но оно было искреннее и въ шогда-
шнемъ моемъ положеніи врядъ ли
бы я сказалъ что получше , хотя бы
и сшарался собрать всѣ силы красно-
рѣчія . Красавица вскочила съ софы ,
подняла меня , и посадя близь себя
на софу , сказала : предложеніе ваше
для меня очень странно ; я понимаю ,
что вы , равно какъ и я , находи-
тесь въ изволѣ у немилосердой На-
гуры , то какимъ образомъ позволяе-
те вы спрасшныя помышленія своему
сердцу , когда каждую минушу дол-
жно ожидать смерти отъ ея люпо-
сти ? Я догадываюсь , что ваша
красота принудила чародѣйку по-
хишить васъ въ ея жилище : рассу-
дитежъ , когда она назначила васъ
себѣ въ любовники , что воспослѣ-
дуетъ

дуетъ со мною, естли она свѣдаетъ, что я опъемлю у ней ваше сердце? Оставьте меня, любезный Царевичь, или вы безъ сомнѣнiя учините меня жершвою ея ревнивости. — Сколько я ни старался убѣждашь ее сказать мнѣ, хотя одно слово, что я могу когда нибудь быть щасливъ, она швердила мнѣ объ одной только опасености, и напоследокъ, видя, что я не власпенъ самъ въ себѣ, оставила меня, и ушедъ въ другой покой, заперла за собою двери. Цѣлый день дожидался я, что она ко мнѣ выдетъ, но не получа сего, впалъ въ отчаянiе и пошелъ въ мое жилище въ глубокой печали.

Нагура посѣшила меня въ шопъ же вечеръ; она пѣняла мнѣ, что я не удержался послѣдовать ея завѣщанiю. Ты видишь, продолжала она, сколько имѣю я заботы о швоемъ спокойствѣ. Я за шѣмъ лишь и совѣщовала тебѣ не вступать въ увеселишельный домикъ, что вѣдала о
угро-

угрожающей тебѣ опасности. Ты видѣлъ прелести, учинившія тебя на вѣки своимъ невольникомъ; но сей плачъ твой будешь вѣчнымъ твоимъ мученіемъ. Царевна Гальская, похитившая съ перваго взора свое сердце, есть суровѣйшая изъ своего пола; ты никогда не приобрѣдешь ея склонности и возчувствуешь казни, на кои меня жестокостію своею осуждаешь. Я рада, что нашла орудіе, коимъ могу мстить тебѣ за твою несклонность: я позволяю тебѣ посѣщать ее и столь часто, какъ вздумаешь. Соси отраву съ ея прелестей и чувствуй мои спрданія. — Выговоря сіе, она меня оставила посреди изумленія и благодарности къ себѣ, что уже безъ опасности могу я посѣщать предметъ моей любви. Всю ночь не могъ я закрыть глазъ моихъ: Царевна Гальская занимала всѣ мои чувства и опогнала опъ меня покой. Слова Нагурины повергли меня въ жесточайшее опчаяніе, однакожъ я

я вообразилъ наконецъ, что не должно вѣрять учиненному начертанію о ней совмѣстницею, и лишь разсвѣло, я былъ уже въ увеселительномъ домикѣ.

Тщешно вздохи излетали изъ груди моей предъ запершою дверью ея спальни, бесплодно убѣждалъ я ее появившись хотя на одну минуту предо мною, она не внимала и увѣренію, что Нагура дозволила мнѣ безпрепятственно питаться ея прелестями. Цѣлый день провелъ я во ожиданіи безъ всякаго успѣха. Но сказать короче, я цѣлый мѣсяцъ, ходя ежечасно около оконъ ея жилища, провождая дни у дверей ея спальни, не имѣлъ и пощоты, чтобъ взглянуть на нее. Тоска меня шакъ изнурила, что я самъ не узнавалъ себя, и во все то время ни однажды не видалъ я Нагуры; наконецъ она пришла. Не правду ли я тебѣ говорила, сказала она; но ны мнѣ жалокъ со всею швоею ко мнѣ жестокостію; я хочу помочь тебѣ

тебѣ: силою моего очарованія я
 учиню ее къ тебѣ склонною, естли
 ты согласишься только подѣлишься
 хотя отчаспи со мною своимъ серд-
 цемъ. Ахъ благодѣтельница моя,
 вскричалъ я, бросаюсь къ ногамъ ея!
 я чувствую цѣну твоего о мнѣ со-
 жалѣнія. — Но послѣ одумавшись
 отскочилъ я прочь и сказалъ: ты
 великодушна, но я не могу пользо-
 ваться твоимъ одолженіемъ. Пріятна
 ли будешь для меня любовь, кою
 получу я отъ Царевны противу ея
 воли? Ахъ! нѣтъ, лучше мнѣ по-
 гибнуть въ моихъ сраданіяхъ,
 нежели учиниться хищникомъ покоя
 особы, для меня дражайшей всего на
 свѣтѣ. — О сколько ты жестокъ,
 сказала Нагура воздохнувъ! ты
 можешь говорить предомною о любви
 къ моей совѣсницѣ. Но вѣдай,
 познай, сколько ты мнѣ милъ; я
 позволяю тебѣ любить ее, и буду
 сносить мое отчаяніе, когда такъ
 угодно судьбамъ. Поди къ своей
 богинѣ, ты найдешь ее меньше упор-
 ною,

ною, и можешъ бышь со временемъ . . . будешъ щасливъ. Я спѣшилъ упасть къ ногамъ ея, а и того еще больше бѣжать къ веселительному домику. Въ самомъ дѣлѣ я нашелъ мою красавицу на прежней софѣ и еще прелестнѣе для глазъ моихъ. Она меньше уже являла опасности отъ моего прихода; сказывала, что сама Нагура позволила ей любить меня, и признавалась, что вся ея суровость ко мнѣ происходила отъ страха къ Нагурѣ, и что впрочемъ она давно уже плѣнена мною, и что лице мое ей не незнакомо. Она рассказала мнѣ свою повѣсть. — Она была дочь Гальскаго Царя Гилиберта, называлась Селименою. По сосѣдству государствъ отца ея и моего слышалась она довольно о моей храбрости и красотѣ. Воображеніе, родившееся въ ней отъ сего слуха, наполнило сердце ея нѣкою порою ко мнѣ склонностію, что сія склонность принудила ее стараться узнать меня ко
роче,

роче, и что пошому посланный отъ нее живописецъ привезъ къ ней почное лица моего изображеніе. Чѣмъ больше она на сіе смотрѣла, тѣмъ больше умножалась спрась ея ко мнѣ. Она до того доведена была ею, что вознамѣрилась оставить свое государство, и пріѣхавъ въ Целшиберію, старалась познакомиться со мною короче; что въ самомъ дѣлѣ она ушла тайно съ однимъ своимъ вѣрнымъ евнухомъ и въ соупшствованіи одного шаричка, родомъ изъ Целшиберіи, котораго за деньги представили въ ея услуги; но что сей шаричокъ была сама претворившаяся Нагура. По двухъ дняхъ бѣды открылась она ей, и учиня спрашныя упреки за покушеніе къ опнятію сердца у жениха ея, опнесла по воздуху въ сей замокъ, въ кошоромъ по увѣренію чародѣйки на вѣки должна осталась. — Сіе къ нашему щастію, сказалъ я, цѣлуя ея руки по выслушаніи ея повѣсти; когда судьба при-

привела насъ въ одно мѣсто, когда мы чувствуемъ взаимную склонность, но все равно для насъ, хотябъ были мы въ самомъ адѣ. Послѣ сего учинили мы кляшвы о вѣчной вѣрности. Мы видѣлись ежедневно, или лучше сказать, я почти ни на минушу не отходилъ прочь отъ нее. Ласки мои отчасу становились живѣе, а желанія рождали новыя желанія. Я не доволенъ уже былъ простымъ именемъ любовника: я хотѣлъ докончить. Мы здѣсь на вѣкъ заключены, говорилъ я Селименъ; мы составляемъ особое общество, но не уже ли мы должны будемъ померещь въ ожиданіи, что какое нибудь чудо освободитъ насъ отсюда и перенесетъ въ такое мѣсто, гдѣ можемъ мы сочешаться по обрядамъ нашего закона? Призовемъ мы Боговъ во свидѣтели и предадимся другъ другу на вѣки. Селимена находила множество зашрудненій, кои умѣлъ я уничтожить, и что очень не прудно учи-

Часть IX.

Ф

нишь

нишь любовнику, находясь со лбу на лобъ въ благоприспѣйномъ мѣстѣ. Мы забыли, что находимся подъ властію у Нагуры, забыли все, и я заснулъ во объятіяхъ моей супруги, считая себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. . . . Но о Боги! что случилось со мною, когда лучи возшедшаго солнца меня разбудили: я, не открывая еще глазъ моихъ, прижалъ къ моему сердцу предметъ моей горячности, чтобы ближе рассмотреть прелести, коими овладѣлъ. Я взглянулъ, и ахъ! . . . увидѣлъ себя во объятіяхъ самой мерзкой Нагуры. Я не могу довольно живо изобразить моего смященія, омерзѣнія и стыда. Вскоча бѣжалъ я, самъ куда не зная, и еспѣлибъ было оружіе, безъ сомнѣнія лишилъ бы себя жизни съ досады о моемъ заблужденіи. Нагура бѣжала въ слѣдъ за мною, именовала меня всѣми нѣжнѣйшими названіями; извинялась, что жестокая любовь привела ее къ сей хитрости и внушила

Шила въ нее средство преобразиться
 въ мнимую Царевну Гальскую для
 овладѣнія мною. Сіе объясненіе
 взбѣсило меня совершенно: я выпелъ
 изъ себя, забылъ страхъ, и бросаюсь
 на чародѣйку, спарался выцарапать
 ей глаза. Нагура все сіе сносила,
 и видя мое опчаяніе, принуждена
 была меня оставитьъ. Послѣ того
 не однократно появлялась она ко
 мнѣ во образѣ мнимой Селимены,
 но не могла уже меня пронуть.
 Прежній случай учинилъ въ меня
 такое вліяніе, что я не сомнѣ-
 ваюсь, что уже никакая красавица
 не овладѣетъ моимъ сердцемъ; мнѣ
 кажется, что я вѣчно буду опа-
 саться найти въ ней послѣ пре-
 лестную Нагуру. Между тѣмъ чаро-
 дѣйка не смѣла уже ко мнѣ пока-
 зываться. Я не видалъ никого и не
 имѣлъ ни малаго свѣдѣнія о сестрѣ
 моей до тѣхъ поръ, какъ уви-
 дѣлъ оную пренесенну на свѣтѣ
 щемся облакѣ петикою нашею, вол-
 шебницею Тифеею. — —

Зоранъ окончилъ шѣмъ свое приключеніе ; онъ и замолкши продолжалъ еще плевашь вѣ по время, какъ все общество приведено было вѣ великій смѣхъ любовнымъ его похожденіемъ съ Нагурою. Наконецъ Тифея, принявъ на себя важный видъ, говорила : любезный мой Зоранъ ! не дѣлай шаковаго заключенія, чшобъ не нашлось красавицы, могущей привести тебѣ вѣ забвеніе обманъ Нагурииъ. Она не щещино заняла видъ пѣвнившей тебя красавицы ; ибо у Гальскаго Царя почно есть дочь Селимена, шакова прелестна, шакову тея нашелъ вѣ видѣ ея Нагуру. Она судьбами опредѣлена тебѣ вѣ супружествю, и моимъ стараніемъ найдешь тея ея вѣ домѣ отца твоего по нашемъ возвращеніи, чшобъ чрезъ бракъ твой съ нею учинишь неразрывный союзъ между двумя державами. Тебѣ опредѣлено царствовать съ нею надъ Галлами, а престолъ отца твоего достанется храброму Сидону. Нынѣжъ мы будемъ

демъ торжествовать бракъ твой и сестры твоей въ столицѣ Целтиберской въ присушствіи Царя Гальскаго. — Что до тебя надлежитъ, храбрый Булашъ, продолжала волшебница, обратясь къ богатырю Рускому, я не могу обѣщать тебѣ моего покровительства; ибо есть у тебя защитникъ, весьма въ силѣ меня превосходящій. Но въ утѣшеніе твое скажу, что по нѣкошорыхъ малыхъ затрудненіяхъ достигнешъ ты въ свое отечество, и вскорѣ попомъ за всѣ понесенные въ жизни твоей труды увѣнчанъ будешь спокойствомъ и честію. — Сказавъ сіе, волшебница простилась съ нимъ. Сидонъ разсказался съ нимъ почти со слезами, и всѣ участвовали въ семъ огорченіи его; наконецъ блестящее облако подхватило ихъ и вскорѣ унесло изъ виду Булашъ одинъ остался въ пустынѣ, и направилъ шествіе свое къ сѣверу, въ кошорой части свѣта находилось его отечество.

Онѣ спряншвовалѣ почти годѣ, имѣя нѣкопорыя маловажныя приключенія, какѣ-то съ исполиномѣ въ лѣсахѣ Скиѣскихѣ, копорый укралѣ было у него его дубину и златый сосудецѣ, и коего Булатѣ догнавши, по ошнати похищеннаго бросилѣ за ногу въ море и ушопилѣ; съ сестрою сего исполина, старавшеюся ему отмсшить смерть брата своего, и чрезѣ накормленіе ядовитыми ягодами лишившей его силы, копорая, готовясь умершвить его изнемогшаго, влюбилась въ него, изцѣдила нѣкопорою морскою рыбою и по неволѣ держала его заперта въ замкѣ своемѣ цѣлый годѣ. На послѣдокѣ богашырь нашѣ находилѣ ошнатыи у него златый сосудецѣ и свою дубину, спрянанныя его любовницею; помощію находящейся въ златомѣ сосудцѣ влажноти возвращаетѣ онѣ прежнюю свою силу; мсшитѣ насильшвенницѣ раззореніемѣ ея замка; наконецѣ, пробираясь въ опечество, заблуждаетѣ въ

пу:

пустыняхъ Полянскихъ , изнемогаетъ отъ жажды и обезсилѣвъ простирается на горячихъ пескахъ.

Въ семъ его безсиліи великій левъ нападаетъ на него ; немогущій пропавшійся богатырь предается волѣ звѣря, который , закинувъ его на хребетъ свой , приноситъ въ нѣскольکو часовъ во Дворецъ Князя Видимира , и ударясь объ полъ , превращается въ покровишеля его, Кабалиста Роксолана. Сей наукою своею возвращаетъ богатырю его здравіе , и къ великой радости самодержца Рускаго предсказываетъ Булаша возвратившагося съ освобожденнымъ вѣнцемъ Русовымъ.

Во время, когда Асварухъ полковалъ Видимиру о должностяхъ Государя , начертанныхъ на вѣнцѣ Русовомъ , готовили все къ торжеству коронаванія , и непродолжительно за шѣмъ Видимиръ вѣнчанъ на царство. Однакожъ, когда весь народъ находился о семъ въ

чрезмѣрной радости, прибѣжалъ го-
нецъ съ извѣстіемъ, что Царь Дѣ-
вица выступила на берегахъ Ирмера
съ великимъ воинствомъ. Всюду
произошло замѣшательство; всякъ
бросался за оружіе, но Булашъ, дога-
дывающійся о причинѣ, побудившей
Государыню Бриштскую къ сему по-
ходу, снялъ на себя кончишь дѣло
безъ дальняго кровопролитія. Онъ
съ дубиною своею отправился въ
спанъ Бриштскій, располкалъ стражу,
не хотѣвшую его допустить въ ша-
перъ Царицы, и представъ къ ней,
вопрошалъ ее о причинѣ такового
мечаяннаго ея впаденія въ его
опечесство. Царь Дѣвица вмѣсто
отвѣта указала ему на колыбель,
въ коей покоился прекрасный маль-
чикъ. Это сынъ твой, неблагодар-
ный человекъ, сказала она ему по
нѣкоторомъ молчаніи; ты похитилъ
у меня лучшее мое сокровище, ли-
шилъ меня пріятнѣйшаго упражне-
нія, уничтожа мои таинственную
науку содержащія книги, но не
удо-

удовольствуюсь шѣмъ, у слабой дѣвицы опнялъ Chesъ ея. Но мой приходъ не для того, чшобъ я хожѣла упрекашь шебя за наглый швой поступокъ: я хочу либо сама погибнуть отъ руки швоей, или кровію швоею омышь мое безчестіе. — Булашъ представилъ ей, что она ни изъ того, ни изъ другаго не получишь пользы, что онъ въ оплату своего проступка готовъ загладишь оный другимъ пріятнѣйшимъ образомъ. Онъ нашелъ было въ семъ нѣкопорыя съ стороны ея затрудненія, но какъ Царь Дѣвица, единственно только любовію къ богатырю Рускому побуждаемая, пришла искашь его, то условія вскорѣ заключены, и Булашъ во Дворцѣ Князя Видимира сочешался бракомъ съ своею непріятельницею, и чрезъ то учинилъ Бритшовъ изъ смертельныхъ враговъ вѣрными союзниками своему отечеству. По окончаніи торжествъ Булашъ отъѣхалъ въ царство своей супруги, и препровелъ

остатки дней своихъ въ благополучіи и покоѣ. Онъ просвѣшилъ своихъ подданныхъ, и съ того времени Бришпы пресшали бысть морскими разбойниками.

Роксоланъ съ своей спорены утвердилъ благоденствіе своего отечества ; онъ перенесъ златый сосудъ во храмъ Чернобоговъ, споявшій среди великой Русы при соленомъ источникѣ, и окончилъ дни свои, служа первосвященникомъ и ощемъ народа.

Видимиръ, слѣдуя наставленіямъ его, возснаноилъ славу Русовъ и учинилъ имя ихъ по прежнему спрашно во веѣхъ спранакъ свѣща. Попомство его слѣдовало правиламъ вѣнца Русова, и до шѣхъ поръ щастіе государства сохранялось ; въ послѣдствѣжѣ, когда оно отъ нихъ уклонилось, Русы раздробились и обезсилѣли ; златый сосудъ спалъ невидимъ и надписаніе на вѣнцѣ
 Ру-

Русовомъ загладилось. — Однакожъ Роксоланъ предсказывалъ, что нѣкогда ошечество его учинишя страшнѣе свѣшу, нежели когда либо бывало; что Монархи его вспомнятъ правила Аспаруховы и возвращатъ на землю свою злшый вѣкъ, что нынѣ исполнилось.

Д е п я т а я ч а с т ь
с о п с ѣ м ъ.

2

РУСКІЯ СКАЗКИ,

СОДЕРЖАЩІЯ

Древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Куратороу я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Рускія Сказки, Часть X. и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Красноурѣчій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

РУСКІЯ СКАЗКИ.

Приключенія Баламира, Государя Уннопѣ.

По занятіи великой части древней Россіи сильнымъ народомъ Унновъ, изшедшимъ отъ предѣловъ Кишая, Роасъ, одинъ изъ ихъ полководцевъ, основалъ столицу свою въ городъ Кіевъ, который назывался тогда Уннигардомъ. Сей ли Роасъ былъ построителемъ славнаго Кіева, наносившаго чрезъ многіе вѣки шепетъ востоку и западу и инымъ странамъ, или только распространишель онаго, назвавшій его именемъ своего народа, историческое таковое изысканіе не надлежитъ до нашего намѣренія: довольно вѣдать, что онъ державу свою въ

Часть X.

А 2

цвѣ-

цвѣтущемъ состояніи оставилъ въ
наслѣдство сыну своему Баламиру.

Сей Баламиръ, учинясь самодержавнымъ Государемъ въ странѣ, занимающей великое пространство, обратилъ все свое раченіе устроишь блаженство своихъ подданныхъ. Никто не спорилъ въ томъ, что былъ онъ Монархъ прудолюбивый, правосудный, кропкій и щедрый, но повѣстующъ, что всѣхъ сихъ добродѣтелей главная пружина было его самолюбіе. Онъ дѣлалъ добро не для того, что оное дѣлать должно, но чтобы прославить собственное свое имя. Но какая и нужда присвоить ему сіе въ порокъ; шолько глубокомыслящіе Философы, восходящіе до начальныхъ причинъ каждаго дѣянія, пошѣли надъ заключеніемъ, дозволишь ли ему имя Государя добродѣтельнаго. Подданные его считали шакowymъ; они были шасшливы и шасшливы чрезъ Баламира. Пусть владѣтели дѣйствуютъ по славолюбію, или самолюбію, въ пользу сво-

своихъ народовъ , оныя не меньше чрезъ то будущъ имъ обязаны.

Между шѣмъ , когда сей Монархъ устроялъ благоденствіе въ странѣ своей , Алаваръ , любимецъ его , спранствовавъ по свѣпу. Вельможа сей , по своей природѣ гошоващійся со временемъ засшупишь важную степенъ въ своемъ опечествѣ , зналъ , сколь нужно вѣдать нравы и состояніе сосѣдственныхъ и къ онымъ заимствующихъ народовъ. Онъ объѣздилъ почти всѣ извѣсныя земли , и обогащенный свѣдѣніемъ и просвѣщеніемъ , предсталъ предъ Баламира. Сколько обрадовался онъ , видя друга своего , сѣдшаго на престолѣ и разливающего съ онаго щедромы и миръ на своихъ подданныхъ , съ неменьшимъ шого восхищеніемъ заключилъ его въ объятія Баламиръ , яко особу , опредѣленную имъ на поддержаніе тяжкаго бремени своего правленія. Осыпанный милостыями , возвышенный на крайнюю степенъ чести Алаваръ былъ признашеленъ , и безъ

изъятія посвятилъ себя волѣ и намѣреніямъ своего Государя. Онъ забылъ самаго себя, чшобъ быть полезну своему отечеству, и можетъ быть единственный явилъ примѣръ, чшо Монархъ имѣлъ друга въ своемъ подданномъ. Алаваръ совершенно слѣдовалъ сему чувствуванію и уста его никогда не произносили льсти предъ Баламиромъ; онъ не щадилъ самаго себя, естли каждаго не щадилъ его слабостей. Можетъ быть Баламиръ, какъ человекъ, за сіе внутренно досадовалъ, однакожъ досадовалъ и исправлялся.

Нѣкогда по возвращеніи Алазаровомъ изъ путешествія по отдаленнымъ областямъ государства, дабы всюду исправить недоспапки и возвратить правосудіе, чего не наблюдается по заочности, Баламиръ, крайнѣ довольный донесеніями своего вельможи, сказалъ ему: Алаваръ! я знаю, чшо ты спрогий судилъ всѣхъ моихъ слабостей, но не уже ли причтешь ты мнѣ въ по-
рокъ

рокъ сію ироическую гордость, естѣ-
ли я чувствую, что нѣтъ Госуда-
ря, превосходящаго меня въ право-
судіи, кротости и щедрости? — Опа-
сайтесь, Ваше Величество, сли-
шкомъ занимаетъ себя симъ вообра-
женіемъ. Государь, дѣлающій очень
много, никогда не долженъ мыслить,
что онъ сдѣлалъ довольно; ибо
предразсудокъ сей удобно можешь
повергнуть его въ недѣлятельность,
могущую испорчить и остановить
всѣ добрыя начатки, отвѣчалъ ему
Алаваръ. — Но не уже ли неизвини-
тельно чувствовашъ собственную свою
цѣну? развѣ не могу я предаться
сему утѣшенію въ нѣдрахъ швоего
дружества? — Вы сего достойны,
Государь, подхващилъ вельможа; но
для того, что я вашъ другъ, не
ожидайте отъ меня, кромѣ чисто-
сердечія; я не одобряю вашего само-
любія. Человѣкъ, воображающій, что
нѣтъ на свѣтѣ ему подобнаго, при-
своляетъ много своимъ дарованіямъ;
ибо цѣну сію не можемъ мы опредѣ-

ляшь себѣ сами. Государь, сдѣлавшій
 все по своимъ силамъ, долженъ
 быть во мнѣнїи, что онъ лишь при
 началъ добродѣтельныхъ трудовъ
 своихъ; сіе только побужденіе учи-
 нилъ его совершеннымъ, но узнавъ
 почто свою цѣну, надлежитъ быть
 самовидцемъ дѣйствїя другихъ Го-
 сударей. Вы могли бы учинить сіе
 заключеніе, естлибъ путешество-
 вали столько, какъ я. Во утѣшеніе
 швое, Государь, я могу сказать,
 что не взирая на пятнлѣшнее твое
 царствованіе, слава имени твоего
 простерлась во многія страны; нѣ-
 сколько народовъ желаютъ имѣть
 твои добродѣтели въ своихъ Мо-
 нархахъ. Я увѣренъ, что сіи же-
 ланія ихъ происходятъ не отъ при-
 хоши, однакожъ естли спросишь
 ты у вѣрнаго своего Алавара, чего
 онъ въ тебѣ желаетъ? — Чего
 бы это, перервалъ слова его Бала-
 миръ? — Я желалъ бы присоеди-
 нить къ твоей душѣ душу Мило-
 свѣшны, Государыни Дулебовъ. —

Какъ!

Какъ! вскричалъ Баламиръ съ нѣко-
 порою досадою; душу женщины,
 всегда подверженную многимъ сла-
 бостямъ? — Сіе лишь несправед-
 ливый предразсудокъ, сказалъ вель-
 можа. Слабости въ обоихъ полахъ
 человѣческаго рода одинаковы. Жен-
 щины уступаютъ мужчинамъ толь-
 ко въ тѣлесныхъ крѣпостяхъ, но
 что лежитъ до душевныхъ, природа
 не учинила въ семъ различія, и
 многіе мыслятъ основательно, что
 она въ раздѣлѣ сихъ двухъ да-
 ровъ наблюдала строгое равновсіе.
 Я испыталъ собою, что народы,
 исключаютъ нѣжный полъ отъ на-
 слѣдственнаго къ престолу права,
 много теряютъ изъ своего щастія.
 Вы, Государь, согласишься со мною,
 естли узнаете Милосвѣту. — Да,
 я хочу узнать ее, сказалъ Бала-
 миръ; ты много выговорилъ, чтобы
 не пожелалъ я извѣдать, всегда ли
 мой другъ безпристрастенъ. Ска-
 завъ сіе Король Унскій, предался
 размышленіямъ. Вельможа, имѣвшій

намѣреніе познакомить своего Государя съ Царицею Дулебовъ, не нарушалъ оныхъ. Я вознамѣрился, сказалъ наконецъ Баламиръ, оставишь мое государство и странствовать въ область, орошаемую священными водами рѣки Буга. Другъ мой Алаваръ между шѣмъ потерпитъ наказаніе за возбужденное во мнѣ любопытство; онъ одинъ будетъ стеною подъ бременемъ управленія моихъ народовъ. Я вѣрю ему, что онъ не убавитъ счастья моихъ подданныхъ, но уповаю по возвращеніи моемъ укрѣпить его, что онъ не всегда безпристрастенъ въ своихъ возраженіяхъ. Алаваръ не хотѣлъ отстать отъ своего Монарха въ семъ его путешествіи; но былъ принужденъ принять правленіе и въ Уннигардѣ дожидаться возвращенія Баламирова. Сей, оставя ему полномочіе, тайнымъ образомъ переодѣвшись въ простое платье и не взявъ съ собою ни одного человѣка, отправился въ область Дулебовъ.

Пра-

Проходя свою державу подѣ
 видомъ лица чашнаго, Баламиръ
 радовался, находя почти всюду
 шишину, изобиліе и судъ правый;
 однакожъ многое замѣшилъ онъ
 пребующее поправленія. Теперь по-
 нимаю я, думалъ онъ, намѣреніе
 моего друга; онъ для того побудилъ
 меня къ спранспованію, чтобъ
 обогатить мое свѣдѣніе. . . . Въ семъ
 то и соспоела премудрость Царицы
 Дулебской. Изрядно, мы ее увидимъ;
 сравнимъ свое съ шѣмъ, что естъ
 шамъ. Онъ вступилъ въ области
 Милосвѣты ревностнѣйшимъ примѣ-
 чашелемъ, и съ перваго разсмотрѣ-
 нія признавался, что народъ, упра-
 вляемый дѣвицею, едза ли его народа
 не щастливѣе. Хотя находилъ онъ
 равное во всемъ изобиліе, какъ и
 въ своей спранѣ, но не видалъ
 плушъ раззорительной роскоши. Онъ
 видѣлъ, что всѣ степеніи народа
 поставляли славою слѣдовавъ своему
 предопредѣленію: земледѣльцы и
 художники спорили другъ предъ
 дру-

другомъ отличіемъ трудовъ своихъ; дворяне примѣрами благороднаго поведенія, кое могли подавать простому народу, и стараніемъ исправлять онаго грубыя нравы; судіи истиннымъ и скорымъ разобраніемъ тяжбъ; словомъ, Баламиръ возымѣлъ великое понятіе о превосходствѣ правленія Дулебскаго, и побуждаемый почтеніемъ къ Государынѣ сего народа, поспѣшалъ въ столичный городъ, чѣшобъ оную увидѣть. Онъ не могъ думать, чѣшобъ не Милосвѣща была содѣтельницаю всего шого; ибо вѣдалъ, что предъ вступленіемъ ея на престолъ Авары, завоевавъ страну сію, совершенно оную раззорили.

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ столицѣ, тѣмъ умножалось его удивленіе. Великолѣпіе зданій занимало глаза его новымъ лѣкболышествомъ при каждомъ шагѣ; но вступя въ оную, былъ онъ почти изумленъ всюду видимымъ богатствомъ и благоустройствомъ. Во врапахъ
град.

градскихъ встрѣлъ его почтенный старикъ, и познавъ, что онъ чужестранецъ, предложилъ ему свои услуги: вы можете повелѣвать мною, сказалъ сей Баламиру, естли желаете осмотрѣть публичныя зданія и рѣдкости сего города; но будетъ нуженъ вамъ покой, я провожу васъ въ гостиницу, гдѣ все готово безъ платы для вашихъ надобностей. Баламиръ, отблагодаря его за сію вѣжливость, согласился за нимъ слѣдовать. Сей старикъ привелъ его въ постоялый домъ, который можно бы было въ незнаніи счесть за Дворецъ самой Милосвѣтны. Его угощали великолѣпно и не можно было счесть, чтобъ сіе произошло для того, что имѣли понятіе о достоинствѣ Баламира; ибо множество другихъ путешественниковъ получали шѣжъ услуги. Всѣ входящіе по случаю Дулебы не преславали превозносить похвалами добродѣтели своей Государыни, и радость сіяла на ихъ здоровыхъ лицахъ. Умножающееся уди-

удивленіе принудило Короля Ун-
нскаго спросить приведшаго его въ
госпинницу старика о всѣхъ подро-
бностяхъ, касающихся до образа пра-
вленія ихъ государства, о средствахъ,
коими приобрѣтено въ короткое вре-
мя послѣ раззоренія непріятелями
малой Дулебской области столь не-
понятное изобиліе и всюду видимое
богатство, также и о особѣ столь
рѣдкой Монархини, какова Милосвѣ-
та. Отвѣщы старика приводили
его въ изумленіе; онъ описывалъ ее
лучши божествомъ, низпосланнымъ
на землю для благополучія страны
сея. Ея уславы, ея заботы, ще-
дрости и премудрость превосходили
возможности смертнаго. Но что ле-
житъ до неизчетныхъ расщочаемыхъ
ею въ пользу общую богатствъ,
продолжалъ старикъ, сіе превосхо-
дитъ понятіе, и источникъ оныхъ
не извѣстенъ. Кажется, что золо-
тый дождь проливается въ ея сокро-
вища съ тѣхъ поръ, какъ Боги по-
слали въ страну къ намъ сію Госу-
дарыню.

дарыню. — Развѣ она чужестранная, подхвашилъ Баламиръ? Такъ, отвѣчалъ шарикъ; никшо не вѣдаешъ о ея родѣ, кромѣ что она послана отъ Боговъ возстановить падшую область Дулебскую. Чтобъ удовлетворить нѣкоторымъ образомъ вашему любопытству, расскажу я вамъ все, что намъ о ней свѣдомо. Раззореніе, претерпѣнное сею странною ошѣ впадшихъ въ оную Аваровъ, всему извѣстно свѣту. Дулебы приведены были въ крайнюю нищету, государственныя сокровища разграблены, покой и порядокъ исчезли здѣсь и по удаленіи враговъ нашихъ; ибо Царскій Домъ погибъ во всеобщемъ смятеніи, а отъ того произошли всѣ неуспройства, обыкновенныя въ державахъ, неимѣющихъ начала. Всякъ помышлялъ только о собственныхъ выгодахъ и былъ частною причиною происшедшихъ наконецъ всеобщихъ междоусобій. Сражались, истребляли другъ друга, пока наконецъ увидѣли, что все при-

пришло на край погибели, и что должно напоследокъ неминуемо погибнуть, есѣли не будетъ избрана глава, имѣющая удержашь каждого въ надлежащихъ ему предѣлахъ. Старѣйшины народа собрались, совѣщали и не рѣшились на избраніе, пока появился въ собраніе иѣкопорый чужестранецъ. Сей совѣщовалъ прибѣгнуть къ славному Дулебскому боговѣщалищу, и по принесеніи шоржественныхъ жертвъ спросить Боговъ о судьбѣ страны нашей. Послѣдовали его наставленію и получили въ отвѣтъ: „Щастіе Дуле, бо въ находиши въ пустынѣ на во, спочномъ берегу рѣки Буга. Есѣли Дулебы обрѣшутъ оное, область ихъ, воспріимешъ другій видъ,“. О отвѣтъ сей былъ иѣсколько именовъ, однакожь обрѣтавшійся при томъ чужестранецъ предлагалъ послать знаиѣйшихъ вельможъ для исканія въ показанной странѣ рѣки, и перваго попадшагося имъ человека взять и вѣнчашь на царство. Посланные обрѣли

обрѣли Милосвѣту, изходящую къ нимъ изъ пещеры нѣкоторой горы. Она возведена на престолъ и Боги благословили ея правленіе, какъ уже вамъ извѣстно; впрочемъ никто ничего больше объ ней не знаетъ, и сама Государыня наша о происхожденіи своемъ составляетъ тайну; удерживающую всѣхъ отъ любопытства.

Баламиръ, благодаря спарика за сіе извѣстіе, почувствовалъ, что любопытство его получило изъ сего новую пищу; онъ заключилъ, во что бы то ни стало, оному удовлетворить. Могу ли я, государь мой, сказалъ онъ Дулебянину, имѣть щастіе бытъ допущенъ предъ лице вашей Монархини? Вы можете получить сіе, когда вамъ угодно, оповѣчалъ сей; входъ къ ней не возбраненъ каждому. Но естли угодно вамъ только ее видѣть, она каждаго утра показывается на большей площади города, гдѣ по отправленіи всенароднаго моленія допускаетъ

Часть X.

Б

къ

къ себѣ имѣющихъ нужду въ ея помощи, раздаетъ неизчешныя суммы денегъ бѣднымъ и наказываетъ нарушенное правосудіе, чего однакожъ давно здѣсь не видно. — Вечеръ, прошелъ въ разговорахъ, по большой части относящихся къ Милосвѣтѣ, и Король Унскій, наполнившись почтеніемъ къ ея совершенствамъ, занявъ былъ во всю ночь пріятными о ней воображеніями. Онъ неперпѣливо ожидалъ разсвѣта, чтобъ итти на городскую площадь и увидѣть шолкое чудо добродѣтелей.

Возходящее солнце принудило его открытъ едва сомкнувшіеся сномъ глаза его; онъ вскочилъ съ постели и спѣшилъ одѣваться. Но схвативъ свой кафшанъ, увидѣлъ, что изъ онаго упало письмецо, привязанное снуркомъ къ перспню, имѣющему самоцѣпный великой цѣны камень. Не понимая, что бы сіе значило, отвязалъ онъ письмецо, уповая изъ онаго познать, кому надлежитъ перспень

и

и какимъ образомъ зашелъ въ его одежды. Онъ развернулъ бумажку и читалъ въ ней слѣдующее: —

„Вы имѣете у себя на правомъ
 „вискѣ родинку, сходствующую на
 „звѣзду, по вздѣньте на перстѣ
 „правой вашей руки сей пер-
 „стень, имѣющій въ себѣ средство
 „доставить вамъ высочайшее благо-
 „получіе, каковое только можете
 „имѣть на свѣтѣ семъ смертный.“

— Баламиръ въ самомъ дѣлѣ про-
 изшелъ на свѣтѣ съ таковою родин-
 кою, и не сомнѣвался, пошому что
 перстень сей надлежитъ ему; но
 сколько ни добирался, кому онъ дол-
 женъ за сей подарокъ и каковоѣ
 щастіе можете принести ему пер-
 стень, никакъ не могъ постигнуть.
 Онъ въ тайнѣ сердца благодарилъ
 благодѣтельствующую ему неизвѣ-
 стную особу, и не имѣя ни надежды,
 ни сомнѣнія, возложилъ перстень на
 руку и поспѣшалъ на площадь.
 Прибытіе Милосвѣты на оную не
 замедлилось: шолпящійся народъ и

радосныя онаго восклицанія возвѣсшили приходъ ея. Баламиръ употреблялъ всѣ силы, чтобъ проши-
снущся сквозь толпу, окружающую
свою Государыню, но немогъ полу-
чить сего до окончанія ея моленія;
ибо каждый Дулебянинъ имѣлъ по-
чти равныя съ нимъ желанія ее уви-
дѣть. Досадуя на сіе препятствіе,
услышалъ онъ восклицающаго про-
возглашателя: имѣющіе донести жа-
лобы свои къ Царицѣ, терпящіе
въ чемъ либо нужду да предста-
нутъ! Баламиръ вздумалъ воспользо-
ваться симъ случаемъ, чтобъ
приблизиться къ Милосвѣтѣ; и для
того шѣснясь говорилъ препятствую-
щимъ, что онъ имѣетъ прозбу къ
Государынѣ. Едва сіе услышали,
всѣ разступились и доставили ему
свободный путь. Неперпѣливостъ же-
ланій Баламировыхъ не дозволила
ему собрать мысли, съ каковымъ
родомъ прозбы предстать предъ
Царицу Дулебскую; онъ очутился
стоящій предъ нею на колѣнахъ и
не

не приготовившій ни одного слова къ произнесенію. Безъ сомнѣнія было сіе дѣйствіе блеснувшей въ глаза его безпримѣрной красоты Милосвѣпиной. Первыя понятія, кои онъ возъмѣлъ чрезъ помощь глазъ своихъ, ушвердили его во мнѣніи, что онъ дѣйствительно видишь божество, пекущееся о благоденствіи Дулебовъ. Сердце его не смѣло ни одобрять родившихся въ немъ чувствованій, ни онымъ пропивиться; онъ въ безмолвіи устремилъ глаза свои на обворожившій его предметъ, и можетъ быть никогда бы изъ онаго не вышелъ, естли бы Милосвѣпа не привела его въ себя вопросомъ, какую имѣетъ онъ до нее нужду. — Всемилосивѣйшая Государыня, сказалъ онъ, тогда! не удивитесь моему молчанію: я чужестранецъ, прошедшій великое разстояніе, чпобъ только увидѣть безпримѣрную Монархиню Дулебовъ, и получая въ часъ сей удовлетвореніе, не имѣлъ нужды говорить; ибо глаза

мои пользуются щедротами Вашего
 Величества, позволяющими всѣмъ
 взирать на васъ. — Милосвѣта,
 оказавъ на прелестномъ лицѣ своемъ
 знаки крошкаго удовольствія, пода-
 вала ему руку для поцѣлованія.
 Баламиръ приблизился, повергся
 снова къ ногамъ ея, и принимая руку
 ея, изумленъ былъ, что Царица
 оную вдругъ опдернула и въ
 замѣшательствѣ опспушила нѣсколь-
 ко шаговъ назадъ. Она усмотрѣла
 на лицѣ его звѣзду, а на рукѣ из-
 вѣстный ей перстень, и сіе - то
 было причиною ея смятенія. Вла-
 двѣшель Унновъ, . . . вскричала она!
 . . . вы повергли меня въ стыдъ
 вашимъ притворствомъ; едва я
 не учинила величайшаго проспуска
 и не приняла сильнаго Монарха за
 простаго чужестранца. . . Слова
 сіи привели Баламира въ крайнее
 смятеніе; и между тѣмъ, какъ онъ
 въ нерѣшимости, что ей сказать,
 вопрошалъ самъ себя, почему онъ
 ей извѣстенъ, Милосвѣта подошла
 къ

къ нему, и взявъ его за руку, приглашала слѣдовать съ нею во Дворецъ ея. Вы не будете больше несправедливы, — говорила она — и позволите мнѣ поправить мой пропускъ оказаніемъ вамъ достойной чести. Баламиръ не нашелъ словъ, обрѣщаясь еще въ прежнемъ изумленіи; онъ въ безмолвіи поцѣловалъ руку, воспламенившую въ немъ всю кровь своимъ прикосновеніемъ, и слѣдовалъ за нею во Дворецъ. Великолѣпіе зданія и всюду блистающее богатство не занимало его взоровъ, оныя устремлены были на особу, явившую въ себѣ неоцѣненные для души его сокровища. Милосвѣща старалась наивозможнѣйшимъ образомъ угостить столь великаго посѣпителя; но сей, мучимый любопытствомъ и удивленіемъ, искалъ свободнаго часа войти съ нею во объясненія. Царица Дулебовъ сама подала ему къ тому средство, приглася его къ осмотренію своего кабинета. За нѣсколько лѣтъ, ска-

зала она, оставшись съ нимъ на единѣ, бы нашли бы здѣсь только знаки свирѣпства безчеловѣчныхъ Аваровъ. — Великая Государыня, подхватила слова ея Баламиръ! все я знаю; мнѣ извѣсны благодѣянiя, оказанныя вами спранѣсей. Проходя вашу державу, я очевидный былъ свидѣтель, что вы возвели своихъ подданныхъ на верхъ возможнаго человѣчества благоденствiя. Признаюсь, что слава, наполнившая свѣтъ вашими дѣянiями, принудила меня оставить престолъ мой, дабы удостоверить въ томъ, чему я присвоилъ сомнѣнiе. Я все нашелъ больше, нежели испинно; но еще нашелъ и то, чего не воображалъ: я чаялъ увидѣть только великую смертную, но глаза мои встрѣлись съ божествомъ, обворожившимъ мою душу и покорившимъ на вѣкъ мое сердце. — Говоря сіе, онъ повергся предъ нею на колѣна; а Милосвѣта, спараясь его поднять, показывала, что таковая

ис-

побѣда ей непропивна. Въ старину какъ женщины, такъ и мужчины чувствованія свои открывали безъ околичностей; сіе-то и было причиною, что тогда въ свѣтѣ больше находилось чистосердечныхъ, нежели льстецовъ. Женщины могли полагаться на слова мужчинъ; ибо тогда обмануть любовницу не можно было безъ наказанія. — Да, продолжалъ Баламиръ, я клянусь вамъ, что дорого заплашилъ за мое любопытство; вы на вѣкъ покорили меня красотѣ своей, и можешь быть только къ моему мученію; ибо я по сихъ поръ еще не разумѣю, смертная ли ты, или божество, которое плѣнило меня за шѣмъ, чтобъ я за дерзость мою не имѣлъ надежды быть щасливимъ. — Король Унновъ! сказала ему на то Милосвѣта; я вижу, что вы довольно учпивы, однакожъ не смѣю опнеси ти къ вашему нечистосердечію. Побѣду надъ сердцемъ шоль великаго Государя я считаю первымъ моимъ

моимъ благополучіемъ, и едва ли не считала бы сію онымъ, естлибъ и въ самомъ дѣлѣ я была богиня. Но вѣрьте мнѣ, что вы говорите съ смервною и съ таковою, коя при всемъ часомъ другими благополучіи своимъ довольно несчастна. Я знаю, что привело васъ къ заключенію сему, что я узнала особу вашу, кою чаяли вы бытъ весьма скрыпою. Знайте, что звѣзда, которую имѣете вы на лицѣ вашемъ, и перстень вашъ предувѣдомили меня о васъ, однакожъ не спрашивайте у меня болѣе на сіе изъясненія, оное не въ моей состоитъ волѣ; можетъ бытъ вы узнаете, естли не пожалѣете трудовъ. Все, что могу я вамъ сказать, содержитъ по шолько, что отъ васъ зависитъ овладѣть моею судьбою, и что сердце мое вамъ покорится, когда я власна буду онымъ располагашъ. — Баламира слова сіи привели въ великое восхищеніе; онъ снова повергся къ ногамъ Милосвѣтны и повторялъ кляшвы о вѣчной къ ней вѣрности.

Но

Но какъ все сіе составляло лишь одну шемную для него надежду, просилъ онъ объясненія, какимъ образомъ можетъ онъ все познать, и въ чемъ должны состоять шруды его? Но Милосвѣта молчала, и по многимъ убѣжденіямъ едва получилъ онъ въ отвѣтъ: слѣдуйте на вошпокъ, и тогда, какъ совершенно упомишесь, получите объясненіе, что вамъ должно дѣлать. . . Увы! — вскричала она, произнеся слова сіи; — я дорого плачу за мою нескромность. — Тогда упала она въ обморокъ; густой дымъ окружилъ ее и чрезъ нѣсколько мгновеній она не видно спала ни дыма, ни Милосвѣты.

Король Уновъ приведенъ былъ тѣмъ въ великой ужасъ. Произшествіе сіе казалось ему непонятно кромѣ того, что считалъ себя причиною гибели особы прекраснѣйшей, и коя сердцу его учинилась необходимою. Ахъ проклятое любопытство, вопіялъ онъ не однократно!

шы

шы причиною , что я лишаюсь, Милосвѣты. Но одумавшись разсуждалъ , что онѣ можетъ еще ее увидѣть, естли не пожалѣетъ прудовѣ , и что на сей конецъ слѣдуетъ итти ему на воспокѣ. Онѣ дѣйствительно пошелъ въ самую минушу въ опредѣленную справу свѣта , безпрестанно размышляя , что значитъ его перстень? кѣмъ оный ему данъ? какое онѣ доставитъ ему благополучіе , когда съ полученіемъ его въ первый день лишился онѣ особы , коя на вѣкѣ плѣнила его душу? а потомъ , какая бы должна быть судьба Царицы Дулебовѣ , и въ чемъ состоитъ ея злочастіе? и по какой причинѣ обяснялась она споль шемными выраженіями? и наконецъ отъ кого зависитъ судьба ея , когда она самовластная Монархия народовѣ? — Но чѣмъ больше онѣ разсуждалъ , шѣмъ непонятнѣе казалось ему его приключеніе. Иногда онѣ впадалъ въ отчаяніе , что Милосвѣты не
уви-

увидишь вѣчно, а иногда ободрялъ себя, что труды его доставятъ ес ему въ объятія, хотя по-видимому участвуетъ въ семъ сила какого нибудь волшебника. Такъ размышляя, шелъ онъ, пренебрегая всѣ зашрудненія.

Чрезъ нѣсколько дней достигъ онъ въ преужасную пустыню. Лучи солнца, ударяя о скалы крутыхъ горъ, и въ предомленіи упавая на сухой песокъ, учиняли воздухъ въ мѣстѣ ономъ столь жаркимъ, что почти дышать было не можно. Засохшія травы не приносили ничего удобнаго въ пищу, и въ добавокъ ко всему, не находилось нигдѣ ни капли воды. Голодъ и жажда начали преодолѣвать неутомимо шествующаго Короля Унновъ: щепотно спарался онъ ободрить силы свои отдохновеніемъ; природа его ослабла. Едва передвигая ноги, добрелъ онъ къ утесу одной изъ чернаго камня состоящей обнаженной горы. Тутъ упалъ онъ почти безъ чувствъ, не

не ожидая ничего, кромѣ смерти. Вотъ плодъ моего любопытства, разсуждалъ онъ! вотъ все благополучіе, обѣщанное мнѣ отъ сего перспія! я умру въ сей пустынь и буду добычею хищныхъ шварей. — Нѣтъ, ободрись! кричалъ ему неизвѣстный голосъ. Баламиръ поднялъ голову, осматривался на всѣ стороны, но не видѣлъ ничего, кромѣ окружающей его пустыни. Кто ты, вопіялъ онъ неоднократно? Но голосъ уже не отвѣщивалъ болѣе. Кто бы ты ни былъ, — сказалъ онъ наконецъ, — сжался надъ смертнымъ, кончающимъ дни свои отъ жажды, дай мнѣ хоть каплю воды. Пустое только эхо повторяло слова его; голосъ молчалъ. Баламиръ приведенъ былъ тѣмъ въ отчаяніе: о Боги, вопіялъ онъ! не довольно ли я несчастливъ, что умираю въ пустынь съ голода и жажды, бывъ самодержцемъ сильнаго народа, надлежитъ еще, чтобъ и мечты выводили меня изъ перспія? Могуль
я

я ободрисья , когда не въ силахъ
пронуть ни однимъ членомъ.

Сіе восклицаніе его пресѣчено было
великимъ стукомъ: гора, у подошвы
коей онъ находился, разсѣлась на
двое, и съ ужаснымъ шумомъ раз-
двигнувшись врознь, оказала въ
себѣ входъ въ превеликую пещеру.
Съ одной стороны оныя росли пло-
довишья дерева, а съ другой билъ
вверхъ источникъ свѣшлѣйшими
хрустала водами. Баламиръ, приве-
денный съ начала явленія сего въ
страхъ, ободрился и поползъ къ
источнику. Прохладишельныя онаго
воды, ушоя пожигающую его жа-
жду, доставили ему столько силъ,
что онъ вспалъ на ноги, сорвалъ
нѣсколько зрѣлыхъ смоквъ и чрезъ
то совершенно укрѣпился. Тогда
всѣ прелести Царицы Дулебской,
изчезшія предъ ожиданіемъ смерти,
живо вообразились въ его памяти;
онъ вспомнилъ слова ея, что когда
онъ совершенно упомишся, получишъ
наставленіе о томъ, что должно

дѣ

дѣлашь, ему для пріобрѣшенія сердца ея. Безъ сомнѣнія въ сей пещерѣ, думалъ онѣ, получу я объясненіе о спранныхъ моихъ общо-ашельствахъ. Не возможно, чѣмъ она была необишаема; либо присушствіе божества, или сила волшебника принудила гору отверстѣ мнѣ входъ въ пещеру, чѣмъ я вошелъ въ нее и былъ наспавленъ. Сказавъ сіе самъ себѣ, пошелъ онѣ во внутренность горы.

Шествуя около двухъ часовъ по мрачнымъ оборотамъ пещеры, и по большой часпи оцупью; ибо рѣдко гдѣ впадалъ въ оную слабый свѣшъ дневный сквозь разсѣлины въ горѣ, досшигъ въ нѣкую округлую храмину, освѣщаемую неугасающею лампадою. Свѣшъ сего таинственнаго огня споль былъ яркъ, какъ бы солнечный въ ясные полдни, и пошому Баламирѣ безъ труда могъ различашъ предстоящіе ему предметы. Спѣны сего подземнаго зданія не имѣли другихъ укра-

украшеній , кромѣ что состояли изъ разноцвѣтныхъ вытѣсненныхъ мраморовъ , и содержали по мѣстамъ надписи неизвѣстными характерами. Посреди пола стояло столбу подобное возвышеніе , имѣющее девять ступеней , а на верьху онаго лежала мертвая голова , и предъ нею изъ нѣкоего мешалла сдѣланная дудочка. Долго Баламиръ прудился надъ разобраніемъ надписей ; онѣ были непоняшны. Осматривалъ , не находихся ли куда далѣе выхода ; но не видалъ кромѣ дверей , въ которыя онъ вшелъ. Восклицалъ прое-крашно ; никпо не ошвѣтспивовалъ. Не получая ни малаго обьясненія , всцалъ онъ на мысль засвисташъ въ дудочку , находящуюся близъ мертвой головы , и въ семъ намѣреніи пошелъ онъ по ступенямъ на возвышеніе съ восточной стороны. Но едва лишь вслупилъ на третью ступень , увидѣлъ спящаго предъ собою и неизвѣстно откуда взяшагося старика. Одежды на немъ были

Часть X.

В

чер.

черныя , съ изображеніемъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ характеровъ ; а въ рукѣ своей держалъ онъ волшебный жезлъ. — Король Уинскій ! вскричалъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Сколь ты щасливъ , что пошелъ взять роковую дудочку съ восточной , а не съ другой стороны ; ибо впрочемъ ты погубилъ бы на вѣкъ Царицу Дулебскую. — Я погубилъ бы ! чѣмъ ? сказалъ Баламиръ съ удивленіемъ. Не жди отъ меня объясненія на то , отвѣчалъ старикъ. Поди на востокъ , провѣдывай о славномъ страннопріимцѣ Зеліанѣ ; естли оный опокроетъ тебѣ о источникѣ того неизшощимаго богатства , кое онъ ежедневно непонятнымъ образомъ распочаетъ , ты можешь быть тогда проникнешь въ тайну судьбы швоей , моей и Царицы Дулебской. . . Но , ахъ ! я дорого плачу за сіе тебѣ насшавленіе , сказалъ старикъ съ шрепешомъ , и въ ножъ мгновеніе ока превратился въ каменный испуканъ , держащій въ рукахъ

рукахъ мѣдную стрѣлу. Баламиръ съ удивленіемъ и ужасомъ взиралъ на сіе очарованіе; спарался увѣришься, подлинно ли шарикъ поперялъ жизненность: не было въ немъ ни малаго знака оныя; желалъ оказать ему помощь, но боялся къ всему конушсья, и вознамѣрился ишши на восшокъ. — Возьми мѣдную стрѣлу, вскричалъ прежній голосъ, слышанный имъ предъ разсшупленіемъ горы. Баламиръ вздрогнулъ, однакожъ повиновался, и взявъ стрѣлу изъ рукъ истукана, оставилъ пещеру и шешповалъ въ опредѣленную страну свѣша.

Цѣлый мѣсяцъ препровелъ онъ въ пущи, спраншвуя сперва въ пущыиѣ, а потомъ въ мѣстахъ обшшаемыхъ; но нигдѣ не удовлетворили его вопросамъ о Зеліанѣ. На послѣдокъ взошелъ онъ на прекрасную долину, и устремлялся приближшсья къ видѣнному вдали огромному зданію. Вдругъ схватили его нѣсколько вооруженныхъ воиновъ и

спрашивали, куда онъ шествуетъ. Я иду къ спраннопріимцу Зеліану, отвѣчалъ Баламиръ. Ты никогда къ нему не достигнешь, сказали воины, ешьли не дашь кляшвеннаго обѣщанія никому никогда не сказывать, что ты у него былъ и что тебѣ извѣстно его имя. — Сіе чудно, думалъ Баламиръ. Человѣкъ, распочающій неизчетныя богатства на спраннопріимство, не хочетъ, чтобъ сказывали, гдѣ онъ обитаетъ. Онъ вопрошалъ о причинахъ сему; ему не отвѣщивали, и онъ согласился дать клятву. Его повели къ видѣнному вдали зданію, и вскорѣ очутился онъ въ чертогахъ Зеліановыхъ.

Его встрѣли великолѣпно одѣтые служители, и какъ тогда уже смеркось, опведенъ онъ былъ въ богатоубранную комнату, и по омовенію ногъ угощенъ изобильнымъ ужиномъ и получилъ постель, каковой не имѣлъ онъ лучше и въ собственномъ дворцѣ. Любопытство,

на.

наполнявшее его голову, мало дозволяло ему успокоенія, и едва начало разсвѣшашь, онъ, совсѣмъ одѣшый, вошелъ въ великую приѣмную комнату хозяина. Менѣе нежели въ полчаса вся она наполнилась разнаго состоянія людьми; не одни шолько спранспивующіе ожидали шущъ выхода Зеліанова, но и имѣющіе въ чемъ либо нужду. Хозяинъ не умедлилъ появишья; онъ былъ прекрасный человекъ, около дващцати пяти лѣшъ, и одѣшый въ печальномъ плашѣ. На лицѣ его изображалась глубокая горесшь, копорую не могло загладишь упражненіе его выслушивашь прозьбы и удовлетворяшь онымъ; и Баламиръ примѣшилъ, что у него недосшаешъ цѣлой кисти у правой руки, коя была обвернуша бѣлымъ плашкомъ. Не было ни одного, коему бы онъ ошказалъ въ шребованіи, и не было ни одного, копорый не просилъ бы у него денегъ. Два человекъ безпрешанно приносили на серебряномъ блюдѣ кучи

золоша, а Зеліанъ позволялъ брать
 каждому сколько угодно. Мало на-
 шлось взявшихъ меньше тысячи
 червонныхъ. Одинъ только Бала-
 миръ остался безъ подарка, когда всѣ
 уже вышли. Кажется, что вы, го-
 сударь мой, не имѣете нужды въ
 деньгахъ, сказалъ ему Зеліанъ. —
 Благодарю Боговъ, отвѣчалъ Бала-
 миръ; но я не безъ пререванія, при-
 молвилъ онъ. Зеліанъ, усмотря изъ
 взглядовъ его, что онъ хочетъ
 оспаться съ нимъ наединѣ, вы-
 слалъ вонъ всѣхъ своихъ служите-
 лей. Теперь вы можете сказать
 оное, продолжалъ Зеліанъ, и будь-
 те увѣрены, что зависящее отъ
 меня немедленно получите. — О
 государь мой! я конечно невозмож-
 наго не пребую, подхватилъ Бала-
 миръ. Важное для меня обстоятель-
 ство принуждаетъ меня освѣдо-
 мишься о причинахъ, доспавающихъ
 вамъ неизчетное богатство, кое вы
 ежедневно распочаете. Но не по-
 думайте, чтобъ корыстолюбіе меня
 къ

къ сему привлекало; я удаленъ желашъ вещи, мало меня пльняющей. Не воображайте также, чшобъ и запрещеніе ваше, по коему обязанъ я кляшвою не сказывать, что я у васъ былъ и что мнѣ извѣстно ваше имя, раждало во мнѣ безплодное любопытство: нѣшъ, разрѣшеніе чудной судьбы моей и спасеніе нѣкошорой великой Царицы принуждающъ меня умолять васъ о семъ. — Зеліанъ во все время, когда Баламиръ говорилъ, смотрѣлъ на него съ великимъ прилѣжаніемъ, потомъ же, какъ бы пришедъ въ восторгъ, сказалъ: по перспию, кошорой вы на рукѣ имѣете, я разумѣю кшо вы. Но не ожидайте, чшобъ могъ я удовольствоваться ваше любопытство: повѣспованіемъ моимъ учиню я великое помѣшательство въ намѣреніяхъ вашихъ, къ достиженію коихъ оспались для васъ еще не малыя затрудненія. И такъ вѣдайте, что я не опкрою вамъ моей повѣспи, поколь вы не

принесете мнѣ извѣстія о живущемъ
отсюда въ десяти дняхъ разспоянія
къ востоку нѣкоторомъ сапожникѣ,
который нѣсколько лѣтъ уже не мо-
жетъ продолжашь своей работы за
жестокою рвотою, приключающеюся
ему всегда, лишь только возмется
онъ за свое шило. Тогда узнаете
вы о моихъ случаяхъ, имѣющихъ
связь съ вашими, также и о испоч-
никѣ моего богатства и о сей за-
вязанной плапкомъ рукъ моей. Окон-
чавъ слова сіи, Зеліанъ безъ всякихъ
околичностей оставилъ Баламира,
и удалился въ свой уединенный
покой.

Король Унновъ разумѣлъ, что
ему въ семъ мѣстѣ уже нечего дѣ-
лать больше; почему терпѣливо
принялъ опредѣленный путь, и по
десятидневномъ шествованіи до-
стигъ въ деревню, гдѣ обиталъ
помянутый сапожникъ. Ему ука-
зали домъ его. Входя въ оный на-
шелъ онъ сапожника, готовящагося
приняться за свою работу. Прилѣ-
жаніе

жаніе его къ своему дѣлу сполько его занимало, что онѣ, взглянувѣ на Баламира, не сдѣлалѣ ни малаго вопроса, а принялся за башмакѣ, который былѣ не конченѣ. Баламирѣ не препяпспзвалѣ ему вѣ его трудѣ, и ожидалѣ, что сѣ нимѣ произойдетѣ. Сапожникѣ, сѣдши на свой шулѣ, сидѣлѣ нѣсколько вѣ молчаніи, какѣ бы разсмапривая башмакѣ, и слезы гошовой были пролишься изѣ глазѣ его. — Ахѣ Замира, вскричалѣ онѣ, ковырнувши шиломѣ! — Для чего ты сполько мила моему сердцу? . . . и ахѣ! для чего ты. . . — Больше онѣ не могѣ выговоришь: ужасная пошнопша принудила его бѣжашѣ вонѣ, и не прежде четврши часа вошелѣ онѣ къ Баламиру измученный рвопою. Простите моей невѣжливости, сказалѣ онѣ Королю Унскому; я нещаснѣйшій человекѣ, пишайущійся трудами рукѣ моихѣ и уже пятый годѣ немогущій докончить одной пары башмаковѣ. До нѣсколька разѣ

въ день принимаюсь я за мое дѣло,
 и всегда оное бросаю за ужасною
 пошнотою, происходящею отъ во-
 ображенія о нѣкоторомъ со мною
 бывшемъ случаѣ. Занятый онымъ
 при началѣ нынѣшней моей работы,
 я видѣлъ, что вы вошли, но задум-
 чивость моя воспрепятствовала мнѣ
 васъ спросить, какую вы до меня
 имѣете нужду. Теперь я ожидаю
 вашихъ повелѣній. Баламиръ, счи-
 тая, что сей злосчастный худ-
 жникъ, немогущій опрарлять своего
 ремесла, умираетъ съ голода, воз-
 намѣрился попому подарить его ве-
 ликой цѣны камнемъ, ожидая при-
 томъ, что одолженіе таковое убѣ-
 дитъ его открыть ему приключенія
 свои. И такъ, вынувши изъ кошелька
 своего алмазъ подавалъ оный сапо-
 жнику. Возмите сей камень, ска-
 залъ онъ; вы можете оный продать,
 и полученные за него деньги употре-
 бить на содержаніе вашего дому.
 Когда нѣкоторыя случаи, приключив-
 шіе вамъ столь странную болѣзнь,
 мѣ-

мѣшаютъ вамъ упражняться въ трудахъ, но сіе средство облегчишь ваше страданіе, и вы можете уже оставить ваше ремесло; а я не пребую отъ васъ инаго за сіе въ благодарность, кромѣ того, чшобъ вы рассказали мнѣ вашу повѣсть, коя должна имѣть въ себѣ конечно нѣчто чудное. — О государь мой, подхватилъ сапожникъ! я довольно счисляю себя обязаннымъ за ваше мнѣ благодареніе; но что лежитъ до открытія моихъ приключеній, сего я ни за что въ свѣтѣ учинить не могу. Удержите при себѣ вашъ подарокъ: я со всею моею скудоспїю не могу оставить моего ремесла; ибо судьба, мнѣ оное предопредѣляя, составила въ помѣ важную пайну, обѣщающую мнѣ со временемъ великое щасіе, которое я добровольно утратилъ. — Баламиръ, изумленный его ошвѣтомъ, не зналъ что начашь: сколько онъ ни просилъ его объ открытіи весьма нужнаго къ своему свѣдѣнію, сапожникъ былъ

не-

неумолимъ. — Вы учинише безплоднымъ мое долговременное пушешствіе, сказалъ Баламиръ въ опчаяніи; я множество земель прошелъ, чпобъ сыскашь развязку моей участи и оная опъ васъ зависла, но вы отпускаете меня опъ себя щещна. Послъ чего разсказалъ онъ сапожнику свои приключенія, умолчавъ шолько о величествѣ своего чина. Художникъ казался бышь шбмъ умягченъ: — Я не могу опкрышь вамъ ничего прежде, (опвѣчалъ онъ Баламиру) доколь вы не увидишесь съ брапомъ моимъ, живущимъ опсюда верспахъ во сшѣ, на самой сей большей дорогѣ, кошорая лежиць мимо моего дому. Еспшли онъ опкроетъ вамъ о своихъ приключеніяхъ, шо и я не сирю ни малбйшей опъ васъ подробности. Еспшли вамъ угодно приняшь сей шрудъ, шо ступайше и спрашивайше о сумасшедшемъ звонарѣ; васъ безъ шруда доведущъ къ нему. —

Бала.

Баламирѣ, видя, что ему не осталось больше, какъ либо безплодно возвратиться, или не щадить ногъ своихъ, рѣшился итти къ сумасшедшему. Куда уже пойдетъ, думалъ онъ, продолжая путь свой: я прошелъ больше, и можетъ послѣднее уже то мѣсто будетъ, гдѣ я разрѣшу судьбу моего приключенія.

Дорога, кою онъ шествовалъ, была мало населена; только разсѣяныя хижинки попадались ему не въ близкомъ одна отъ другой разстоянїи. Любовь, чувствуемая имъ къ Милосвѣтѣ, облегчала ему скуку и затрудненія пути, копорю занимаясь, по двухъ дняхъ прибылъ онъ къ древнему капищу, имѣющему при себѣ башню съ колоколами, и въ недалекомъ разстоянїи дворъ, довольно обветшалый. Въ семъ-то мѣстѣ обиталъ сумасшедшій, коего Баламирѣ искалъ. Приготовляясь разспросить, сѣлъ онъ подъ деревомъ близъ капища, и ожидалъ увидѣть человека, чтобъ спросить о звонарѣ.

Вскорѣ

Вскорѣ показался изъ воротъ двора молодой пригожій мущина, и бѣжалъ изъ всѣхъ силъ мимо его къ башнѣ. Баламиръ, по приближеніи онаго, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ о жилищѣ сумасшедшаго, но сей, не отвѣчая ему ни слова, ушелъ на башню, и началъ звонить въ колокола. Баламиръ долго ждалъ его возвращенія, и по беспорядочному и необыкновенному его звону догадывался, что онъ самый шопъ, коего онъ ищетъ. Наконецъ звонарь появился, но бѣжалъ въ домъ заливаясь слезами и не отвѣпствуя на вопросы Баламировы. Сей хотѣлъ войти въ домъ его, но при самомъ входѣ сумасшедшій встрѣлся съ нимъ опять бѣгущій на колокольню. Баламиръ, видя, что несчастный сей человекъ совершенно безъ ума, началъ опчаяваться получить отъ него какое либо объясненіе; однакожъ вознамѣрился войти на башню и испытать въ послѣдніе, не можно ли его довести,

до разговоровъ. Онъ нашелъ безумнаго въ обыкновенномъ упражненіи, но естъ звонящаго, что и продолжалъ онъ до пѣхъ поръ, какъ упомялся. Послѣ чего вскричалъ онъ шроекратно: о Богиня! о Богиня! ты меня оставила, и слезы полились изъ очей его. Баламиръ, заставши входъ, чтобъ его не выпустишь, началъ спрашивать, какую призываетъ онъ Божию, и что значить необыкновенный звонъ, имъ производимый. — А, государь мой! сей тайны вы никогда отъ меня не узнаете, отвѣчалъ звонарь. — Больше Баламиръ не могъ отъ него добиться; звонарь на всѣ вопросы отвѣчалъ только вздохами, и просилъ себя выпустить. Король Уникскій, употребя щещно всѣ средства къ вывѣданію его тайны, хотѣлъ уже его оставить, какъ безумный сей, усмотря на правомъ его вискѣ родинку, вскричалъ съ спраннымъ шѣлодвиженіемъ и бросясь на колѣни: ты шотъ человекъ, которому опре-

опредѣлено вознаградишь мнѣ упрощенное мною щастіе! — Но ты не ожидай отъ меня, (сказалъ Баламиръ, пользуясь самъ его расположеніемъ) чшобъ я учинилъ тебя благополучнымъ, доколь подробно не расскажешь мнѣ своихъ приключеній. — Моихъ приключеній, отпвчалъ звонарь? о государь мой! хошя бы я спалъ и пысячекратно злощастнѣе, нежели теперь есмь; хошя бы мученія, ежедневно мною прешерпываемыя, возросли до безконечности, вы не можете отъ меня узнать ничего преждевременно; ибо отъ тайны сей зависяшъ вся пишаемая мною надежда, и открываясь вамъ, я вѣчно оную ушрачу. Однакожъ отъ васъ предлежитъ узнать оныя нѣкогда. Возмите прудъ шествовать внизъ по печенію видимаго вами сего источника: въ одномъ мѣстѣ найдете вы рыбака, починающаго свои сѣти, просите его объ открытіи причины, для чего онъ чрезъ многіе годы не можетъ окончать

часть починку своихъ стѣш. Естли еей вамъ откроешь. . . . о Боги! сколько людей учиняся благополучными! . . . Вы не будете уже имѣшь труда искашь меня; я самъ явлюсь упасшь къ ногамъ вашимъ и удовлетворить вашему желанію. — Выговоря сіе звонарь, нашелъ средство проскочить мимо Баламира, и удалился отъ него поспѣшно.

Король Унскій, видя необходимость или оставить свое предприятие, или слѣдовать предписанію безумнаго, не зналъ, что начать. Онъ сошелъ съ башни, и какъ уже смеркалось, то вознамѣрился провести ночь подъ деревомъ въ рощѣ, окружающей капище. Всю ночь мучился онъ размышленіями: сначала представлялась ему его должность, что онъ оставилъ свое государство изъ одного только любопытства; сіе приводило его въ раскаяніе. Страхъ присоединялся къ тому, что можетъ быть любимецъ его Алаваръ не въ силахъ будетъ

Часть X.

Г

по-

понести все прудное бремя правленія, или въ случаѣ, естли пристрастія вскользнушѣ въ его душу, онѣ развращишя и повергнешѣ подданныхъ его въ пысячи бѣдствій. Вкусѣ царствованія также угрожалѣ ему, что отвѣдавшій онаго легко можешѣ забыть свои обязанности, естли нужно нарушишь оныя для удержанія при себѣ престола. Однакожѣ онѣ полагался на вѣрность и добродѣтели своего любимца. Но со всѣмѣ шѣмѣ онѣ чувствовалѣ великое побужденіе возвратишя въ Унигардѣ, и опредѣлиа сѣ началомѣ дня воспріяшь обратный путь. Однакожѣ при окончаніи сихъ разсужденій Милосвѣша представилась ему со всѣми своими прелестями и добродѣтелями. Слова, кои она сказала ему, подавали ему надежду, что онѣ когда нибудѣ овладѣешѣ особою шолью совершенною; короче сказашь, любовь переменила всѣ его намѣренія: онѣ забыа пруды прешерцѣнные и ожидаа шолью

только зари, чшобѣ шествоватѣ по
печенію назначенаго ему испочника.

Сладкій сонѣ послѣдовалѣ сему,
и оный не нарушился, доколь оби-
пашающія вѣ роцѣ ппички пѣніемѣ
своимѣ не возвѣспили начало дня.
Баламирѣ пробуждаясь проширалѣ
глаза свои и былѣ приведенѣ вѣ
немалое удивленіе, примѣня, чшо
изѣ перспня, найденнаго имѣ вѣ
ешолицѣ Дулебской, произшелѣ весьма
ясный блескѣ. Когда упражнялся
онѣ вѣ разсмаприваніи сего явленія
и изысканіи оному причинѣ, услы-
шалѣ изходящій изѣ перспня жен-
скій совершенно сходспвующій на
Милосвѣпинѣ голосѣ, произнесшій
слѣдующія слова: проспни Баламирѣ!
на весь день лишаюсь я ушѣшенія
бышь близѣ тебя. Сѣ кончаніемѣ
сей рѣчи золотый лучѣ выскочилѣ
изѣ перспня, и блескѣ, находившійся
во ономѣ сначала, пропалѣ. Ко-
роль Унскій сколько ни спарался
поспигнушь сіе приключеніе, но ни-
какѣ не могѣ. Меня окружающѣ

волшебства, думалъ онъ; все случившееся со мною съ самаго выхода моего отъ Дулебовъ чрезъестественно. Конечно какій ни есть злый чародѣй вмѣшался въ мои обстоятельства, чтобъ вывести меня изъ терпѣнія: не довольно что всѣ встрѣчи въ моемъ путешествіи расположены такою связью, коя влечетъ меня отъ часу далѣе отъ моего опечества и въ страны неизвѣстныя, но еще и спараюся увѣришь меня, что возлюбленная моя Царица разделяетъ со мною безпокойства моего души. Но какъ ей можно быть заключенной въ семь перствъ? Сіе только мечта. . . Но ахъ! сказалъ онъ позадумавшись; хошя и мечта, но весьма для меня пріятная. Я чувствую, что миѣ легче погибнуть, не достигнувъ моихъ желаній, нежели оставишь трудъ, сулящій миѣ исполненіе оныхъ. Посемъ оставилъ онъ роцу и шелъ внизъ по теченію источника.

Цѣлые

Цѣлые полгода продолжалъ онъ путь свой по берегу источника, учинившагося великою рѣкою, снося различныя и выводившія его изъ шerpвнiя безпокойства. Иногда надлежало ему переплывать впадающія рѣки, а иногда шerpвнш упомненiе ошъ солнечнаго зноя и голодъ въ странахъ необишаемыхъ, однакожъ единственное имя Милосвѣшны ободряло его при крайнѣйшихъ изнеможенiяхъ, и напослѣдокъ достигъ онъ къ стоящей на берегу хижинѣ, предъ которою находились разныя рыбацьи орудiя. — Безъ сомнѣнiя я при концѣ моихъ трудовъ, сказалъ Баламиръ; обитатель сей хижины объяснишъ всю мрачность, покрывающую приключенiе Царицы Дубльской. — Выговоря сіе, кошѣлъ онъ послушаться у дверей хижины, но оныя опворены были хозяиномъ, кошорый, взглянувъ на него мимоходомъ, бѣжалъ къ своимъ сѣшамъ, схватилъ челнокъ и готовился починавашъ свою сѣшь. Но завязавъ

одну ячейку, бросилъ челнокъ и бѣжалъ какъ сумасшедшій къ рѣкѣ. Постоявъ нѣсколько минушъ, испускающая глубокіе вздохи и взирая въ разныя мѣста въ воду, возвратился онъ опять къ своей работѣ. Опять завязалъ одинъ узелъ, и опять бѣжавъ къ рѣкѣ, производилъ примѣчанія свои въ водѣ. Сіе повторяя до нѣсколько разъ, бросилъ онъ челнокъ и нитки и возвратился въ свою хижину. Баламиръ встрѣлъ его у дверей и просилъ о спраннопріимствѣ. Рыбакъ сей, имѣющій уже видъ пятидесятилѣшняго мужа, принялъ его съ радостію. Онъ утѣшалъ его всею, что было у него наилучшаго, и спрашивалъ у него о причинахъ, заведшихъ его въ сію необитаемую страну. Баламиръ не скрылъ отъ него ни малѣйшей подробности, и рассказалъ ему все случившееся съ нимъ отъ времени, когда онъ изшелъ изъ Уннигарда. Вы простили меня, примолвилъ онъ, окончавъ свои приключенія, что я
за-

заклинаю васъ Богами не скрывать отъ меня вашей повѣсти; ибо кромѣ того, чѣмъ довѣренноснѣю сею можешь быть учинишь меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, но и разрѣшишь мое удивленіе о поступкѣ вашемъ при починиваніи вашихъ рыболовныхъ сѣтей. Рыбакъ, которъй во время, когда Баламиръ рассказывалъ свою повѣсть, оказывалъ попеременно то знаки сожалѣнія, то удовольствія, отвѣщивалъ ему: Король Унскій! я не скрою отъ себя ничего, если ты дашь мнѣ обѣщаніе по выслушаніи моей повѣсти исполнить нѣкоторое дѣйствіе, для коего потребны отважность и великодушіе. Баламиръ клялся ему, что онъ себя не пощадитъ и всеконечно въ угодность его исполнитъ все состоящее въ его силахъ. Послѣ чего рыбакъ, вздохнувъ говорилъ слѣдующее: напоминаніе несчастій и благополучія, попеременно слѣдовавшихъ въ моей жизни, извлекаетъ изъ меня вздохъ сей.

сей. Вѣдай, Баламирѣ, что я совѣмѣ не въ шаковомѣ родился соспояннѣ, въ каковомѣ пы нашелѣ меня нынѣ упражняющагося; я имѣлѣ право заступитѣ престолѣ великаго Государя по происхожденію моея природы. Но какѣ случаи мои имѣютѣ связь съ приключеніями отца моего Царя Дулебскаго, то имѣй шерпѣніе, что я начну сказаніе отѣ въкошораго времени прежде несчастной войны Дулебовѣ съ Аварами.

Попѣсть Царевича Доброслава.

Область Дулебовѣ процвѣтала въдревле; предки мои управляли оною самодержавно, и всѣ сосѣдственныя народы въ разсужденіи силы, или слабости силѣ своихѣ, искали ихѣ союза, или покровительсва. Опецѣ мой Буйславѣ владѣлѣ уже спокойно цѣлыя пятнашцашѣ лѣтѣ престоломѣ, какѣ впаденіе сильнаго народа Аварскаго пошрясло оный.

Доколѣ

Доколѣ еще силы опечесства моего были новы, Авары безпокоили оное полько набѣгами; но произошелъ случай, привлекшій Кигана, владѣльца Аварскаго, искашь собственнѣй своей, или опечесства моего, погибели. Опець мой кромѣ меня имѣлъ сшаршую дочь, именовъ Рогнеду, дввицу рѣдкія красоты. Слава о семъ дошла до непріятеля нашего Кигана; (*) возбужденный любопытствомъ, пожелалъ онъ о семъ удостовѣриться. Переодѣвшись въ простое платье, опважился онъ припши во Дворецъ отца моего, и нашедъ способъ увидѣть сестру мою, столько въ нее влюбился, что вознамѣрился просить оную себѣ въ

Г 5

су-

(*) Киганъ не есть совстпенное имя сего Государя. У Апаропъ, или Обропъ плодѣтели обыкновенно назывались Киганами, или Каганами, такъ какъ у Татаръ Ханами, а у Туркопъ Султанами.

супружество. Едва только возвратился онъ въ свое кочевье, шорженское посольство отправлено было съ предложеніемъ мира на условіи союза его съ Рогнедою. Ни гордость отца моего, ни склонности сестры моей не согласны были съ желаніями Государя, пришедшаго изъ неизвѣстныхъ странъ и неимѣющаго опредѣленнаго жилища. Ему оказано, и кровавая война возгорѣлась; всѣ силы Кигановы, по разбитіи нашихъ войскъ въ жестокомъ полевомъ сраженіи, осадили столичный нашъ городъ. Область наша претерпѣла ужасное раззореніе, однакожъ столица выдерживала долговременную осаду. Киганъ, горящій жесточайшею страстью къ сестрѣ моей, беспрепятственно дѣлалъ свои предложенія, но всегда получалъ рѣшительные отказы. Наконецъ городъ былъ въ крайности; голодъ, начавшій показываться и непрерывный уронъ людей на вылазкахъ, грозилъ, что оный взятъ будетъ при первомъ всеоб-

всеобщемъ приступѣ. Заключено сдѣ-
 лать послѣднюю вылазку, и либо
 прогнать непріятелей, или всеѣмъ
 погибнуть. Опець мой самъ пред-
 водительствовалъ отборнымъ юно-
 шествомъ изъ дворянства; я, при-
 шедшій уже въ возрастъ, позволяю-
 щій владѣть оружіемъ, начальство-
 валъ надъ лѣвымъ крыломъ, изшед-
 шимъ отъ воротъ Бугскихъ. Я не
 хочу вамъ описывать всехъ чудесъ
 храбрости, произведенныхъ каж-
 дымъ; довольно сказать, что Авары
 проекратно выгоняемы были за
 свой воинскій станъ, потеряли цѣлыя
 тысячи воиновъ и бѣжали раз-
 сѣянно куда кто могъ. Однакожъ
 необузданная храбрость спала при-
 чиною нашего несчастія. Когда на-
 ши воины гнались по одинакѣ ка-
 ждый за своимъ непріятелемъ съ
 швердымъ намѣреніемъ истребить
 до послѣдней души своихъ непріа-
 телей, тогда полки Аварскіе, быв-
 шіе на грабежѣ по областямъ Ду-
 лебскимъ, возвращаясь подоспѣли
 къ

кѣ своимъ на помощь; бѣгуще
оспановляясь примыками и обраща-
лись на своихъ преслѣдователей.
Рѣдкой изъ Дулебянъ избѣгъ поги-
бели; самъ родителъ мой, нападая
на Кигана, былъ отъ своихъ отрѣ-
занъ, и обороняясь какъ левъ,
пронзенъ былъ въ грудь волшебнымъ
копьемъ Кигановымъ. Я, усмотря
кончину родителя моего, съ осташ-
комъ моихъ тѣлохранищелей бро-
сился въ толпу, чтобъ по крайней
мѣрѣ спасти тѣло его. Я пробился
и въ отчаяніи разнесилъ смерть
посреди Аваровъ, щившихся схва-
нишь тѣло, но едва я очистилъ
пушь моимъ воинамъ, какъ земля,
разсупившись предъ моими глаза-
ми, поглотила моего родителя.
Смершній ужасъ объялъ меня то-
гда; я, вмѣня сіе за явный гибель
Боговъ, обратилъ коня моего и
спасался бѣгствомъ. Вскорѣ бы-
спросъ онаго сокрыла меня отъ
непріятелей, и я, очушась въ непро-
ходимомъ лѣсу, продолжалъ еще
уда-

удаляясь. Гусиопа слепшихоя
 вѣшвей лишила меня коня моего ;
 я повисѣ, зацѣпленный на сухомѣ
 сукѣ, а конь мой, вырвавшись изѣ
 подѣ меня, пропалѣ. Не можно изоб-
 разишь, вѣ какомѣ смященномѣ
 состоянїи я тогда находился.
 Сколько ни старался я освободиться
 съ сука, на коемѣ висѣлѣ, но никакѣ
 не могѣ; ибо оный внизался подѣ
 ремни моей брони. Тогда предша-
 влялись мнѣ одни только разные
 роды смерти, что я или погибну
 съ голода, или достанусь вѣ до-
 бычу моимѣ непрїателямѣ. Посреди
 сего моего ужаса почувствовалѣ я
 приближающїйся ко мнѣ вихрь, ошѣ
 копораго дерева раздавались на всѣ
 стороны; меня подхватило онымѣ,
 и сдернувѣ съ дерева, помчало. Я
 приготовился кѣ смерти и ожидалѣ,
 что броситѣ меня либо на торчащїе
 ошломки засохлыхѣ цней, или вѣ
 какую нибудь пропасть и раздро-
 битѣ вѣ части. Таковое воображе-
 нїе лишило меня чувствѣ, однакожѣ
 опо-

опомаясь, нашелъ я себя лежащаго на софѣ въ великолѣпномъ покоѣ. Не видя никого, не зналъ я еще, пріятелямъ, или врагамъ долженъ за оказанное о миѣ попеченіе. Сія неизвѣстность, кончина родителя моего, упраченное государство и больше всего жалоспная судьба сестры моей, оставшейся во власти не пріятеля, повергли меня въ жестокую печаль. Миѣ живо представлялись позоръ и презрѣніе, каковымъ Рогнеда должна была подвергнуться, нашедшись во власти варварскаго побѣдителя. Посреди сихъ плачевныхъ размышленій вошелъ въ комнату, гдѣ я находился, прекрасный мужчина. Казалось, что ему не было больше дваццати пяти лѣтъ; одежды его были великолѣпны, но имѣли въ себѣ нѣчто опличное, а особливо висящій чрезъ плечо его Зодіакъ подавалъ миѣ видъ, что я вижу волшебника. Я вскочилъ съ моей постели, и не сомнѣваясь, чтобъ вошедшій не былъ хозя-

хозяинъ дома, благодарилъ его за попеченіе, мнѣ оказанное. Добро-славъ, сказалъ онъ мнѣ! вы конечно нещасливы, и я не хочу хъспитъ, чшобъ поперя престола и опечесства была вещью равнодушною, но не оплакивайте кончину вашего родителя и плѣнъ сестры. Правда, чшо родителъ вашъ лишился жизни, но есть еще ередства оную ему возврашитъ. По крайней мѣрѣ шѣло его не пожрано землею, какъ вамъ казалось: оно здѣсь вѣ моемъ замкѣ, равно какъ и Рогнеда. — Я сполько удивленъ былъ его словами, чшо не зналъ, чшо ему опвѣшествовашь. Я вижу, продолжалъ онъ, чшо слова мои приводятъ васъ во удивленіе, и для шого должно мнѣ увѣдомишь васъ, кшо я и какое обшояшельство принудило меня взять участіе вѣ вашихъ приключеніяхъ.

Я сынъ Короля Кимбрскаго, а имя мнѣ Гипоменъ. Съ малолѣшства моего получилъ я великую склонность къ волшебной науцѣ,

ухъ, и по особливому моему щастію приспавленъ былъ ко мнѣ въ дядьки Зловуранъ, человекъ, весьма въ чрезъестественныхъ таинствахъ знающій. Отъ него получилъ я первыя основанія сего шоль мнѣ пріятнаго знанія. Онъ былъ единственный мой другъ до тѣхъ шолько поръ, какъ я въ волшебствѣ меньше его имѣлъ силы, но когда я превозшелъ его въ шомъ, онъ учинился смертельнымъ моимъ непріателемъ. Преимущество мое надъ нимъ произошло слѣдующимъ образомъ: сестра матери моей, величайшая волшебница своего времени, обитавшая въ уединеніи въ горахъ Армянскихъ, посредствомъ своего знанія провѣдала о моей склонности; она посѣщала меня въ опсущствіе моего дядьки и открыла мнѣ всѣ шѣ таинства, до коихъ достигла она многолѣпнымъ трудомъ своимъ. Сія пешка моя въ цвѣтущихъ дняхъ своего возраста имѣла любовныя обязательства съ Королемъ волшебниковъ,

ковъ, и на сей конецъ удалилась въ уединеніе, въ копоромъ, безпрепятственно предавшись своей страсти, прижила съ своимъ любовникомъ трехъ дочерей, одаренныхъ красою, добронравіемъ и знаніемъ. Я не однократно бывалъ въ замкѣ тещи моей, и хотя примѣчалъ, что Зимонія (имя ея) имѣетъ желаніе, чшобъ прелести копорой нибудь изъ малолѣтнихъ дочерей ея сдѣлали въ моемъ сердцѣ какое нибудь впечатлѣніе, дабы со временемъ могъ я избрать изъ нихъ себѣ супругу, но возрастъ лѣтъ моихъ, управляемый склонностію къ волшебству, удалялъ меня отъ шаковыхъ намѣреній. Нещасіяжъ, приключившіяся пошомъ моему дому, и непримиримая вражда моя съ Зловураномъ, занявщая всѣ часы моихъ дней, учинили то, что я не имѣлъ времени бывать послѣ того въ замкѣ Зимоніи. Зловуранъ не вѣдалъ, что я учинился въ волшебствѣ его сильнѣе, но самолюбіе, польсья моему

Часть X.

Д

щце.

щеславію, вскорѣ о томъ ему открыло. Зловуранъ за нѣсколько лѣтъ уже прудился оживить одну каменную дѣвицу, кою искусство каменосѣчца соорудило поль прекрасною, что Зловуранъ влюбился въ сей бездушный испуканъ. Я, нашедъ его упражняющагося въ щещномъ намазываніи сего испукана волшебными соецавами и чщеніи заклинаній, не ушерилъ, чтобъ не засмѣяться. Что значилъ сей смѣхъ, спросилъ онъ меня съ досадою? Ничего больше, отвѣчалъ я съ явнымъ смѣхомъ, что волшебникъ, влюбившійся въ камень, не можетъ онаго употребить къ удовлетворенію своей страсти. — Но не уже ли ты считаешь вещь сію довольно легкою, сказалъ онъ? — Да, говорилъ я, если мой учитель признается, что онъ мнѣ долженъ уступить въ знаніи, я учиню сей испуканъ дѣвицею, способною въ сей же часъ вступить въ супружество. — Зловуранъ разсмѣялся ненавистнымъ образомъ, и по

по долгомъ спорѣ опдалъ испуканъ на мою волю, а я взялся оный ожи- вишь. Я просилъ Зловурана уда- литься изъ покоя, въ коемъ споялъ испуканъ, на нѣсколько мгновений ока, и по выходѣ его совершилъ извѣ- стныя мнѣ дѣйствія. Послѣ чего кли- кнулъ его, чшобъ былъ онъ оче- виднымъ свидѣтелемъ превосходнаго моего искусства. Тогда каменное вещество испукана обратилось въ шѣло, имѣющее жилы, кости, мясо и кожу. Прелестный румянецъ за- игралъ въ щекахъ сея оживленныя дѣвицы; она чхнула, и открывъ глаза, вспала на ноги. Не можно описать изумленія, въ кое повер- гнушъ былъ Зловуранъ; онъ ви- дѣлъ, что я у него выигралъ пер- венство. Но сколько ни владѣла имъ радость при взорѣ на ожив- ленный предметъ безнадежныя его любви, со всѣмъ тѣмъ не могъ онъ скрыть злѣйшей зависти ко мнѣ, кою слова дѣвицы шой обратили въ совершенную злобу. Она, окинувъ

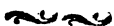
все глазами, говорила: гдѣ я и что я вижу? все для меня ново, и я не вѣдаю, откуда я и что значу? — Потомъ взглянула она на Зловурана, и какъ бы испугавшись его вида, бросилась ко мнѣ и хватя меня объятіями, вскричала: ахъ! какъ онъ страшенъ! . . . Но въ тебѣ, продолжала она, взглянувъ на меня съ улыбкою, я ничего такого не вижу; я привлекаюсь къ тебѣ и никогда отъ тебя не отойду. — Слова сіи привели Зловурана въ бѣшенство; ревность заглушила въ немъ всѣ прочія чувства. Онъ выхватилъ свою саблю и въ мгновение ока, отпоргнувъ изъ моихъ рукъ произведенную волшебствомъ дѣвицу, изрубилъ ее въ мѣлкія части. Ты не будешь имѣть удовольствія, говорилъ онъ, пѣнясь отъ злобы, ругаться надъ моею слабостію. Хотя ты и превозшелъ меня въ семъ опытѣ, но я найду довольно средствъ отмстить тебѣ за сію насмѣшку; ты познаешь Зловурана

рана по бѣдствіямъ , которыя онъ шебѣ приключилъ. — Сколько я ни старался его успокоить и увѣрять , что слова и дѣйствія дѣвицы оппюдь не было мое внушеніе, Зловуранъ не внималъ и клялся Чернобогомъ , что онъ мнѣ будетъ непримиримый врагъ. Онъ схватилъ свой волшебный жезлъ , и прикосновеніемъ онаго обраша часни изрубленной дѣвицы въ крылашыхъ зміевъ , былъ подхваченъ оными и исчезъ въ моихъ глазахъ.

Мнѣ извѣстенъ былъ нравъ моего дядьки , и я , вѣдая , что онъ сдержишъ свое слово , прибѣгъ къ моему знанію , чтобъ защитилъ себя и моихъ ближнихъ опъ нечаяннаго его нападенія. На сей конецъ соорудилъ я при палисмана: для моего родителя , сестры моей Милостшаны и для себя. По изговлени оныхъ , надѣлъ я одинъ на себя , а другой на пришедшую въ тотъ часъ ко мнѣ сестру мою , и шелъ уже въ чертоги моего родителя ,

пеля, чшобѣ опкрывѣ ему о произшедшемѣ между мною и Зловураномѣ, принудишь его привязать Талисманѣ; но бѣгущіе мнѣ встрѣчу комнашныя дворяне со ужасомѣ объявили мнѣ о скоропосшижной кончинѣ его. Бѣ безмѣрной печали бросился я кѣ тѣлу отца моего и нашелѣ, что оно сожжено волшебною оправою. Хотя я могѣ оживить каменный испуканѣ, но искусство мое не простиралось до поданія помощи моему родителю, а особливо, когда всѣ составы тѣла его были уже между собою разлучены. И шакѣ я одними слезами заплашилѣ дань родству. Между тѣмѣ печаль, занимающая меня, мѣшала мнѣ помыслишь обѣ опвращеніи дальнѣйшихѣ мщенихѣ Зловурановыхѣ. — Ибо, приуговоря тѣло отца моего кѣ погребенію, нашли при ономѣ письмо отѣ врага моего, вѣ коемѣ онѣ гордо хвалился нанесеннымѣ мнѣ огорченіемѣ; упоминалѣ, что безѣ талисмановѣ шже приотовлено было

было мнѣ и сестрѣ моей, и повторялъ клятвы о непримиримой ко мнѣ ненависти. — Пажъ мой привелъ ко мнѣ нѣсколько гонцовъ, прискакавшихъ со извѣстіемъ, что все государство мое превращается въ великое озеро, а всѣ подданные мои въ разные роды плавающихъ птицъ. Гонцы сіи и пажъ не успѣли окончить словъ своихъ, какъ обратились въ утокъ, и вспорхнувъ вылетѣли въ окна. Я, заботясь о сестрѣ моей, побѣжалъ въ ея комнаты, и въ прохожденіи видѣлъ, что всѣ подданные мои равномерно обратились въ птицъ, а столичный городъ въ воду, присоединившуюся къ озеру, учинившемуся изъ моего государства. Хотя я безопасенъ былъ въ разсужденіи шалисмана, но за лучшее счелъ, схватя сестру мою, подняться на воздухъ. Для сего обратилъ я пресполъ отца моего въ летающую колесницу; сѣлъ во оную съ Милоспаною, и едва поднялся сажень на дващцать отъ

земли, то и Дворецъ мой покрыло водою. Остановя колесницу, размышляя я, возвратишь ли подданнымъ моимъ и государству прежній ихъ видъ. Но разсудя, что доколѣ Зловуранъ не будетъ истребленъ мною, не преспанетъ онъ въ отсутствіе мое наносишь отечеству моему разныя бѣдствія, заключилъ оставить оное во образѣ озера и пещи, а только оградить оное неприступнымъ палисманомъ. Соверша сіе, предопредѣлилъ я отнести сестру мою въ замокъ пещки моей Зимоніи, яко въ безопасное убѣжище, чтобъ потомъ самому быть свободну для поисковъ моихъ надъ Зловураномъ; однакожъ волшебная моя колесница не сдѣлала мнѣ въ семъ послушанія, и сколько я ни лещалъ въ разныя спороны свѣта, но не могъ сыскать ея замокъ. Что сему препятствовало, услышите вы послѣ.

Таковымъ образомъ принужденъ былъ я основать себѣ собственное жи-

жилице : силою моего знанія воздвигнулъ я сей замокъ , въ коемъ ты теперь находишься , и учиня входъ въ него неприсущнымъ не только Зловурану , но и ни одному изъ смертныхъ , началъ въ ономъ обитать съ моею сестрою . Подвластные мнѣ духи по приказанію моему приняли на себя видъ мамъ и дѣвицъ , и находясь при ней въ услуженіи ; а я , получа чрезъ то свободу , началъ дѣлать поиски надъ врагомъ моимъ Зловураномъ .

Сей, вѣдая, что сила его мнѣ уступитъ должна , скрывался и убѣгалъ меня подъ разными образами ; но какъ не всегда могъ удостоверенъ быть о своей безопасности , взялъ онъ прибѣжище къ хитрости . Онъ вѣдалъ , сколько выгодно можетъ быть ему покровительство Короля волшебниковъ , и для того размышлялъ о средствахъ , чѣмъ бы можно прийти къ нему въ милость . Помощію сегого волшебства открылъ онъ , что Зимоія некогда любима

была страстно Королемъ волшебни-
 ковъ, и поднесъ еще почитается
 ошъ него не иначе, какъ супругою
 въ разсужденіи дѣшей, коихъ ошъ
 нее имѣетъ. Сверхъ того позналъ
 онъ, что я ошъ нее получилъ ве-
 личайшія тайны въ волшебствѣ, и
 шѣмъ выигралъ надъ нимъ столь
 огорчительныя для него преимуще-
 ства. Сіе обстоятельство обратилъ
 онъ въ свою пользу. Онъ, представъ
 предъ Короля волшебниковъ съ при-
 творнымъ подобострастіемъ, доно-
 силъ ему, что почтеніе, къ коему
 обязываетъ его званіе къ нему,
 принуждаетъ его открытъ нѣкоето-
 рую хотя досадную, но весьма ве-
 личество его оскорбляющую тайну.
 Послѣ сказывалъ онъ, каковымъ
 образомъ имѣлъ онъ меня на воспи-
 таніи, какъ преподавалъ мнѣ наста-
 вленія въ волшебной наукѣ, и что
 сіе послужило мнѣ открытъ обина-
 лице Зимоніи, что сія, влюбясь въ
 меня, нарушила не токмо вѣрность
 свою къ нему, ея супругу, но и для
 луч-

лучшаго удержанія меня въ своихъ узахъ, жершвовала и чеспью дочерей своихъ, коихъ красота привлекаетъ меня къ частому посѣщенію ея замка.

Не можно представить, каковыя слѣдствія гнѣва призвела ревность въ Королѣ волшебниковъ. Хотя онъ и желалъ удостовѣриться въ истиннѣ доноса и призвалъ въ помощь свою очарованную книгу, но какъ волнуемая досадою и смятеніемъ мысли его не могли дѣлать порядочныхъ вопросовъ, то и книга хотя отвѣчала истинно, но подтвердила его подозрѣніе. Для благоприспѣшности въ присутствіи Зловурана вопрошалъ онъ: любитъ ли Зимонія Гипомена? — Книга отвѣчала: любитъ. — бывалъ ли онъ въ ея замкѣ? — Бывалъ часто. — Было ли ея желаніе способствовать ему къ любви съ ея дочерьми? — О! она имѣла къ тому особое намѣреніе. — Все то было истинно; ибо Зимонія любила меня по родству;

въ

въ замкѣ ея бывалъ я для науки
 въ волшебствѣ, а способствовала
 она къ любви съ дочерьюми своими
 для того, что имѣла намѣреніе же-
 нить меня на которойнибудь изъ
 оныхъ. Но Король волшебниковъ, пред-
 варенный ложнымъ доносомъ, понялъ
 то въ прошивную сторону. — До-
 вольно, вскричалъ онъ въ великой
 ярости! будь обнадеженъ въ моемъ
 покровительствѣ, сказалъ онъ Зло-
 урану. Я на тебя возлагаю всюду
 преслѣдовать нарушителя моего по-
 коя и повредителя моей чести. Я
 не премину подкрѣплять тебя во
 всѣхъ покушеніяхъ твоихъ ко вреду
 его. Чшоужъ лежишь до вѣроломной
 Зимоніи, ошныиѣ лишаю я ее вла-
 сти дѣлать людямъ помощь. Жи-
 лище ея будетъ сокрыто отъ всего
 свѣта; она не увидитъ меня нико-
 гда, и лишится моего покровитель-
 ства. Дочери ея не посягнутъ за-
 мужъ, какъ за самыхъ подлыхъ
 ремесленниковъ, коихъ могутъ вы-
 брать по своему желанію; но онѣ
 должны

должны лишиться своихъ супруговъ, копорыхъ будущъ любить страстно; ибо каждая изъ нихъ будетъ имѣть предопредѣленную тайну опшъ своего мужа. Но какъ одинъ изъ сихъ будетъ нескроменъ, другій любопытенъ, а третій привязанъ къ своимъ родителемъ, то по извѣстнымъ мнѣ обстоятельствомъ и должны онѣ будущъ съ ними разлучиться. — Сказавъ сіе, подтвердилъ онъ предвѣщаніе свое заклинаніемъ, и вручивъ Зловурану волшебное копіе для сраженія со мною въ нужномъ случаѣ, отпустилъ его.

Познавъ о всемъ семъ происшествіи, хошя пришелъ я въ ужасъ, однакожъ, малымъ чѣмъ уступая въ силъ Королю волшебниковъ, положился на волю Боговъ. Я надѣялся, что скорѣе я могу испребить Зловурана, нежели онъ причинитъ мнѣ вредъ; но для лучшей безопасности соорудилъ я очарованную броню, копорую и надѣвалъ на себя, когда выступалъ на покушенія. Одна-
кожъ

кожѣ во всѣхъ странахъ свѣта не могъ я открыть моего непріятеля.

Во время сихъ моихъ странствованій случилось мнѣ тайнымъ образомъ быть при Дворѣ Дулебскомъ. Добродѣтели вашего родителю привязали меня, а красота сестры вашей вложила въ сердце мое неизвѣстныя еще дополъ чувствованія любви. Но сколько ни овладѣла мною страсть, я не смѣлъ открыться въ оной ни Царю, родителю вашему, ни моей возлюбленной, считая, что мнѣ, какъ чело-вѣку незнакомому, въ томъ отка-зано будетъ. Между тѣмъ однако я не пропускалъ случая, претворяясь въ каковую нибудь мѣлкую шварь, влѣзать въ комнаты Рагнедины и питаться зрѣніемъ на ея прелести. Въ семъ только состояло все мое утѣшеніе, пока Зловуранъ не про-вѣдалъ о родившейся во мнѣ страсти. Чшобъ поразить меня въ чувстви-тельнѣйшее мѣсто, переодѣлся онъ Дулебскимъ жрецомъ, и подъ име-
немъ

кемъ переметчика пришелъ въ станъ
 къ приближившемуся тогда къ обла-
 стямъ Дулебскимъ Кигану Аварско-
 му. Онъ умѣлъ въкрасься въ
 милость сего Государя, и на ска-
 завъ ему о богатствѣ сираны
 вашей, побудилъ въ оную впасть.
 Сія - то была истинная причина
 началу несчастной войны вашего
 опечества; впрочемъ же Киганъ
 совсѣмъ намѣренъ былъ вести
 своихъ народовъ въ горы, близъ
 лежащія къ Колхидѣ близъ Чернаго
 моря. Сей хитрый врагъ мой, въ-
 дая о привязанности моей къ ва-
 шему дому, разумѣлъ, что всѣ его
 предпріятія могутъ быть не токмо
 безуспѣшны, но и опасны самому
 ему, доколь не уловитъ онъ самаго
 меня каковою нибудь лестію.
 Познавъ, что я не рѣдко влезаю
 въ отпершіе окна въ покои
 Рагнедины, прибѣгъ онъ къ Королю
 волшебниковъ, и рассказавъ ему объ
 обстоятельствѣ, каковымъ надѣеяся
 получить меня въ свои руки, про-
 силъ

силъ его о сооруженіи волшебной
кѣшки, чшобъ я могъ въ оную за-
поченъ быть. Король волшебниковъ,
уважа его представленіе, соснавилъ
кѣшку съ такими заклинаніями,
что попадшійся въ оную самъ собрю
вѣчно высвободиться не можетъ.
Зловуранъ, получа оную, принялъ
на себя видъ спарухи; торгующей
золотыми вещьми и дорогими кам-
нями. Въ семъ видѣ нашелъ онъ
средство во время моего отсутствія
дойти до Царевны Рагнеды. Пска-
зывая свои вещи, представилъ онъ
ей и волшебную кѣшку. Сія вещь,
говорилъ онъ, стоить несравненно
дороже всѣхъ моихъ поваровъ; ибо
ею только можетъ поимана быть
невидимая птица, могущая раз-
говаривать съ тѣмъ, кто будетъ
имѣть ее въ сей кѣшкѣ, о всемъ
происходящемъ въ свѣтѣ. — Но
какъ ее поимать можно, спросила
Рагнеда? — Послѣдуйте только
моему наставленію, прекрасная Ца-
ревица, отвѣчалъ припворившійся Зло-
вуранъ.

вуранѢ. Я не шокмо учиню вамѢ
 оное, но и оставлю клѣпку, не пре-
 будя ошѢ васѢ ни малой платы;
 ибо желаніе услужить вамѢ безпре-
 дѣльно. ПослѢ я конечно награждена
 ошѢ васѢ буду по мѢрѢ моей
 услуги. Извольше вѣдать, что сѢ
 нѣкошораго уже времени пшица сія
 влепаетѢ кѢ вамѢ вѢ покои вотѢ
 вѢ сіе опверсшіе вѢ окончинѢ. Но
 какѢ она имѣетѢ человѣческій раз-
 умѢ, то поиманіе ея не можетѢ
 быти такѢ какѢ пшицы: вамѢ
 слѣдуетѢ сперва написать пись-
 мецо слѣдующаго содержанія: „ Не-
 „ видимый любовникѢ! я одобряю
 „ швою ко мнѢ склонность. Я чув-
 „ ствую кѢ тебѢ шже, что и шы
 „ ко мнѢ. Перестань быти невиди-
 „ мымѢ и завтрашняго дня до
 „ разсвѣшу влепи вѢ опверсшіе
 „ окна вѢ видѢ наипрекраснѣйшей
 „ пшицы, обитающей вѢ щасливой
 „ Аравіи. „ Сіе письмецо должно
 вамѢ положить на сполікѢ, а вѢ
 слѣдующую за шѢмѢ полночь на-

Часть X.

Е

ста.

спавишь клѣшку опверстіемъ къ опверстію сего окна. Пшица на вѣрное влешишь въ назначенное время въ клѣшку, и имѣющеюся во оной пошайною пружиною будешь захлопнута и поимана. Но опасайтесь тогда опворять дверцы клѣшки, для того что въ то мгновение ока пшичка сія вылешишь, и вы уже ее вѣчно не увидите. Царевна благодарила пришворную шорговку за наставленіе; обѣщалась посѣдовать оному въ точности, и взявъ у ней клѣшку, спряшала.

Какъ таковыя и другіе посторонніе разговоры заняли Зловурана и продержали большее число времени, нежели сколько онъ въ безопасности шунѣ пробыть опредѣлилъ, я, не вѣдая ни о чемъ, влешѣлъ по моему обыкновенію подъ видомъ мушки, и сѣлъ къ Царевнѣ на плечо. Не ожидая, чтобъ Зловуранъ могъ осмѣлиться появиться въ то мѣсто, гдѣ былъ я, не имѣлъ я никакого подозрѣнія; но ошорожный Зловуранъ

ранѣ потчасѣ узналъ меня и пришелъ въ великій страхъ. Блѣдность, показавшаяся на лицѣ его, принудила Царевну спросить о причинѣ таковой переменѣны, и Зловуранѣ употребилъ сіе себѣ въ пользу; онѣ сказалъ, что ему приключилась великая пошнота, и вышелъ вонѣ. Однако я, почувствуя между шѣмѣ жженіе отѣ моего шалисмана, который всегда отправлялъ сіе дѣйствіе въ приближеніи ко мнѣ врага моего, обратилъ прилѣжно взоры на удаляющуюся торговку, и позналъ въ ней Зловурана. Гнѣвъ закипѣлъ во мнѣ: я бросился въ слѣдѣ за нимѣ. Зловуранѣ, сіе примѣтя, обратился шершнемѣ, въ надеждѣ, что оный можешѣ управишья съ мухою; однако я потчасѣ превратился дяпломѣ и напустилъ на моего прошивника. Сей, усмотря свою опасность, обратился въ бѣгство; ибо, не имѣя при себѣ волшебнаго копія, не смѣлъ со мною сразиться. Я гналъ его до самаго Чернаго моря, и едва

не достигъ; но Зловуранъ, познавъ свою опасность, разсыпался въ видѣ песчинокъ и упалъ въ море. Я не оставилъ и шамъ преслѣдовать его во образѣ щуки; но во множествѣ песку поискъ мой остался нищенъ. Ахъ! есмьли бы сей злодѣй достался въ мои руки, какихъ бы мы всѣ избѣгли бѣдствій! Я возвратился въ мой замокъ и упражнялся въ разныхъ ворожбахъ для открытія убѣжища Зловуранова; однакожъ защищеніе отъ Короля волшебниковъ полагало въ шомъ мнѣ препятствіе.

Между тѣмъ Зловуранъ, пользуясь довѣренностію Кигана, учинилъ ему довольно живое описаніе о красотахъ вашей сестры, и умѣлъ возжечь въ немъ зочно жесточайшую къ ней страсть; а чюбъ она и еще умножилась, помогъ онъ ему шайнымъ образомъ быть при Дворѣ вашемъ и увидѣть прелесную Регведу. Какъ послѣ того Киганъ требовалъ ее себѣ въ супружество

и

и какъ возгорѣлась война, вамъ, Доброславъ, сіе извѣстно: обратимся теперь къ несчастному моему приключенію, воспрепятствовавшему мнѣ подать вамъ помощь и защищить отечество ваше отъ Аваровъ. Долженъ я признаюсь, что любовь, овладѣвши мною, учинила меня слабымъ; я, занимаясь ею и не преодолевая желаній видѣть вашу сестрицу, пропускалъ нужное время для поисковъ надъ моимъ и вашимъ неприятелемъ. Но кпожѣ можешь пропивишься побужденіямъ всесильной любви? Я, оставя все, влѣтѣлъ по обыкновенію въ чертоги Рогедины, и увидѣлъ оную занимающуюся писаніемъ письма. Во образъ мухи сѣлъ я на столикъ и прочелъ содержаніе онаго, которое состояло точно въ словахъ, какъ наставлялъ ее Зловуранъ. Боги! что почувствовалъ я при семъ лестномъ обстоятельствѣ. . . . Ты знаешь обо мнѣ, несравненная любовница, говорилъ я самъ себѣ; ты

чувствуешь ко мнѣ равнобруную склонность и повелѣваешь мнѣ предъ себя предстать. О! я исполню швое повелѣніе; оное обѣщаетъ мнѣ исполненіе моей надежды. Я учинюсь попугаемъ, но шолько на нѣскольکو мгновеній, чшобѣ подробно слѣдовать швоимъ желаніямъ; но тогдажѣ повергну я вѣ насшоящемъ видѣ къ ногамъ швоимъ обожающаго шебя Гипомена. — Я ошпавилъ Дворецъ вашъ, чшобѣ во ошпиданіи назначеннаго времени, выдумать расшоложеніе красивѣйшихъ перьевъ пшшцы, вѣ коей видѣ надлежало мнѣ явшпся. Опредѣленный часъ наступилъ; я обрашплся вѣ пригожайшаго попуга, каковые едва ли ешп вѣ природѣ: всѣ возшожныя краски, смѣшанныя сѣ золошомъ, перемѣшаны были вѣ моихъ перьяхъ. Я приближплся къ ошверстію окна, исполненъ спрашп и надежды, влѣтѣвъ, былъ захопнутъ вѣ клѣпкѣ и пошманъ. Царевна, караулившая сего, вскричала: пошмали! пошмали!
дѣ.

дѣвицы ея повторыли сіе слово, и самъ я, находясь въ чрезмѣрномъ смященіи, и не зная что сказать, кричалъ шже. Сіе произвело радостный смѣхъ. Царевна, схватя клѣпку въ свои руки, говорила: ахъ, прекрасная пщица! сколь довольна я, что ты доспалась въ мои руки! — Несравненная Царевна, отвѣчалъ я! ты никогда не можешь быть довольнѣе любовника, питающагося зрѣніемъ на твои прелести. — Сіе произвело новый смѣхъ; оный безпрестанно раждался, когда я рассказывалъ Рогнедѣ, что я наслѣдникъ престола въ королевствѣ Кимбрскомъ, когда я открывалъ мою къ ней любовь, и когда требовалъ согласія ея о вступленіи со мною въ супружество. Миѣ дѣлали безъ умолку разные вопросы; ибо считали меня совершенною пщицею. Сіе вывело меня изъ шерцѣнія, и я, обращаясь къ размышленіямъ, позналъ, что сію шутку сѣигралъ со мною Зловуранъ, и что я нахожусь въ волшебномъ зашоченіи. Я при-

чувствуешь ко мнѣ, чтобъ
 склонность и прѣдѣлки, не
 предѣ себя предсѣдѣ, уже не слу-
 шное повелѣніе: получилъ ошѣ
 исполненіе моѣ, вѣ шомѣ, что я
 нюсъ попутѣ, оодно уже узналъ,
 сколько мгѣдой Зловураномѣ надо
 слѣдоваши роспи. Опасаясь, чтобъ
 тогдашѣ рятель мой не пришелъ по-
 видѣ, а меня вѣ сей шемницѣ, при-
 шлаго довилъ я вѣ оборону оружіе: я
 вилъ дернулъ перо изѣ себя, и чрезѣ
 долшебство обратилъ оное вѣ лукъ
 и стрѣлу. Заклинанія мои на сей
 предметѣ споль были сильны, что
 ничто бы Зловурана не защитило
 отѣ смерти. Однако онѣ, проникнувѣ
 вѣ мое намѣреніе, не смѣлъ ко мнѣ
 появившѣся, а довольствовался только
 мспинѣ мнѣ шѣмѣ, чтобѣ я оспал-
 ся вѣ вѣчномѣ започеніи и не
 мѣшалъ бы способствовать ему вѣ
 преданіи Рогнеды во обѣяпія Кита-
 новы. Онѣ понималъ, что ничѣмѣ
 лучше поразишь меня не можешь,
 какѣ учиня свидѣшелемѣ шастія
 моего

ика, и что возлюб-
 ть у меня по-
 ами.

ль шаковыхъ не-
 спояшельствахъ, все
 ое состояло въ томъ, что
 сно могъ видѣть обожаемую
 Царевну, и безпрепятственно
 варивать съ нею. Однакожъ
 радио мнѣ было, что Рогнеда счи-
 ла меня не больше, какъ пищею,
 только смѣялась словамъ моимъ.
 а, обыкновенно шутя, называла
 своимъ любовникомъ, Короле-
 мь Кимбрскимъ и шому подо-
 мѣ. — Не думайте, сударыня,
 я ей на сіе нѣкогда; все,
 и вамъ ни говорилъ, настоящая
 яна, и вамъ слѣдуетъ только
 рить дверцы моей клѣпки, по
 будете удостовѣрены, что я не
 ца. — О! нѣтъ, — подхва-
 Рогнеда съ смѣхомъ, бывъ
 варена отъ Зловурана; — я
 гда не соглашусь потерять моего
 вника. Сколько я ми увѣрялъ

Е 5

ее,

звалъ въ помощь мою науку, чшобъ
 высвободить себя изъ кльшки, но
 оказалось, что оная миъ уже не слу-
 житъ. Все, что я получилъ отъ
 оной, состояло въ томъ, что я
 подробно, но поздно уже узналъ,
 о произведенной Зловураномъ надо-
 мною хитроспи. Опасаясь, чшобъ
 сей непріятель мой не пришелъ по-
 тубить меня въ сей шемницъ, при-
 готовилъ я въ оборону оружіе: я
 выдернулъ перо изъ себя, и чрезъ
 волшебство обратилъ оное въ лукъ
 и стрѣлу. Заклинанія мои на сей
 предметъ столь были сильны, что
 ничто бы Зловурана не защитило
 отъ смерти. Однако онъ, проникнувъ
 въ мое намѣреніе, не смѣлъ ко миъ
 появиться, а довольствовался только
 мспить миъ шѣмъ, чшобъ я оспал-
 ся въ вѣчномъ започеніи и не
 мѣшалъ бы способствовать ему въ
 преданіи Рогнеды во обьяшія Кита-
 новы. Онъ понималъ, что ничѣмъ
 лучше поразить меня не можешь,
 какъ учиня свидѣтелемъ счастья
 моего

моего совмѣстника, и что возлюбленная моя будетъ у меня похщена предъ глазами.

Находясь въ шаковыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, все ушщеніе мое состояло въ томъ, что я ежечасно могъ видѣть обожаемую мною Царевну, и безпрепятственно разговаривать съ нею. Однакожъ досадно мнѣ было, что Рогнеда считала меня не больше, какъ пщицею, и только смѣялась словамъ моимъ. Она, обыкновенно шуща, называла меня своимъ любовникомъ, Королевичемъ Кимбрскимъ и тому подобнымъ. — Не думайше, сударыня, сказалъ я ей на сіе нѣкогда; все, что я вамъ ни говорилъ, настоящая истинна, и вамъ слѣдуетъ только отворить двери моей клѣпки, по вы будете удостовѣрены, что я не пщица. — О! нѣтъ, — подхватила Рогнеда съ смѣхомъ, бывъ предварена отъ Зловурана; — я никогда не соглашусь потерять моего любовника. Сколько я ни увѣрялъ

Е њ

ес,

ее, что я ее не оставлю, хотя клялся ей въ помѣ Богами, она не слушалась и слова мои производили въ ней единой смѣхъ.

Въ семъ сосщоянїи провождалъ я время. Рогнеда жаловалась мнѣ о наглыхъ требованїяхъ ее въ супружество Аварскимъ Государемъ, и о раззоренїяхъ, причиняемыхъ имъ за отказъ въ помѣ ея опечесству. Я соспрадалъ ей въ помѣ, ругалъ Кигана и съ кляпвою обѣщалъ принести къ ней голову сего дикаго моего совмѣстника, естѣли шолько она выпуститъ меня изъ клѣшки. Царевна, разумѣя меня пщицею, ушѣшалась таковыми моими рѣчами въ печали, приключившейся ей отъ успѣховъ Аварскаго оружія при осадѣ города; что выводило меня изъ терпѣнїя. Мнѣ наскучило бысть попугаемъ, а особливо мучило меня то, что Рогнеда, не вѣря мнѣ, сама поспѣшествуетъ гибели своего опечесства, которое могъ я въ одинъ часъ освободить отъ непрїятелей, естѣлибъ

еспьлибѣ не былѣ въ заточеніи. Однакожѣ со всѣми моими спяраніями пробылѣ я въ ономѣ до дня послѣдней бѣдственней вылазки. Когда разбишы сначала Авары прибывшими новыми своими полками подкрѣпились и совершенно разбили ваши войски, я, узнавъ о томѣ посредствомъ моей науки, началѣ кричать изъ всѣхъ силъ, и спарался въ опчаяніи разломашь мою кѣшку. Рогнеда прибѣжала ко мнѣ. — Всегда ли вы будете мнѣ не вѣришь, сказалѣ я ей, что я не птица, а несчастный человекѣ, приведенный въ сіе соспаніе врагомѣ моимѣ и вашимѣ, злымѣ волшебникомѣ? Вы погибаете въ сей часѣ и погибнете, еспьли меня не выпустише: войски ваши разбишы на голову Аварами; родители и бранѣ вашѣ въ опасности, и сами вы доспанешесь въ плѣнѣ побѣдителю. Рогнеда хотя приведена была пѣмѣ въ смяшеніе, однакожѣ не увѣрялась словамѣ моимѣ, не взирая, что я рассказывалѣ ей

ей въ доказательство всѣ приключенія мои съ Зловураномъ, и не увѣрилась до тѣхъ поръ, какъ прибѣжавшій вѣспникъ подтвердилъ ей предсказанное мною о слѣдствіяхъ сраженія. Тогда Рогнеда, пришедъ въ ужасъ, схватила клѣшку со мною; ибо не хотѣла, и спасаясь бѣгствомъ, меня оставишь, но въ шоропахъ нечаянно отворила дверцы. Я воспользовался симъ случаемъ: вылетѣлъ изъ клѣшки, и ударясь о полъ, принялъ обыкновенный мой видъ. — Вотъ, прекрасная Царевна, сказалъ я; вы видите, что я васъ не обманывалъ. Обожающій васъ Король Кимбрскій не можетъ отъ васъ удалиться, но недовѣрчивость ваша приключила намъ многія бѣдствія. Если бы вы, повѣря мнѣ, освободили меня изъ заточенія, родители и братья вашъ не были бы въ шаковой опасности, которой теперь подвержены, а столица ваша не осталась бы въ добычу Аварамъ. . . . Но не время уже продолжать вамъ без-

плод-

яхотныя укоренія ; должно привесши
 васъ въ безопасность и поправишь
 шо, что еще возможно. — Ска-
 завъ сіе , схватилъ я сестру вашу
 и ошнесь ея по воздуху въ сей мой
 замокъ , гдѣ поруча ея въ сохране-
 ніе сестрѣ моей Милостпанѣ и
 взявъ мое оружіе , поспѣшалъ на
 мѣсто сраженія . Я приспѣлъ въ са-
 мое то время , когда родители
 вашѣ пронзенъ былъ отъ Кигана
 волшебнымъ копіемъ . Сіе копіе вру-
 чилъ ему Зловуранъ , узнавъ , что я
 освободился изъ очарованной клѣпки ,
 и ожидая , что я вмѣшаюсь въ сра-
 женіе ; почему онъ , робѣя самъ
 всшупишь со мною въ бой , сокрылся,
 а уповалъ , что я могу бышь убишь
 и Киганомъ , еспли на онаго на-
 паду . Но опасный ударъ сей до-
 шался по волѣ судьбъ вашему ро-
 дищелю . — Однакожъ не отчаявай-
 шесь въ его жизни ; еспь средшва
 ему оную возврашпшь , хопя слу-
 щпшся шо чрезъ довольно нескорое
 время , какъ вы послѣ узнаете . —

Ко-

Когда увидѣлъ я, что Авары спѣ-
раются овладѣть шѣломъ вашего
родителя, пришелъ я въ опасность,
чтобъ оныя, по обыкновенію всѣхъ
дикихъ народовъ, не опсѣкли у онаго
головы для взошкнущія на копье
поржества ради, и шѣмъ бы совер-
шенно не лишили его жизни. По-
сему схватилъ я оное и повелѣлъ
разступиться землѣ и отнесъ оное
до безопасной пещеры. Послѣ чего
подъ видомъ вихря приспѣлъ и къ
вамъ на помощь. Таковымъ обра-
зомъ очутились вы въ моемъ
замкѣ. — —

Гипоменъ окончилъ шѣмъ свою
повѣсть. Я благодарилъ его за всѣ
попеченія его къ пользѣ моего дома
и за спасеніе моей жизни. И такъ
вы истинну говорише, сказалъ я,
что есть средство возвратить жизнь
моему родителю? — Не сомнѣвай-
тесь въ семъ, отвѣчалъ Королевицъ
Камбрскій. Но чтобъ лучше удосто-
вѣришь васъ, я учиню васъ очевид-
цемъ таинственнаго предсказанія:

МЫ

мы прибѣгнемъ къ волшебной доскѣ.
 — Однакожъ довольно намъ на
 по останешся времени, а шеперь
 слѣдуетъ помыслишь намъ о пред-
 охраненіи государства вашего отъ
 конечнаго раззоренія. — Калдеръ!
 Калдеръ! вскричалъ онъ проекрашно;
 принеси мнѣ обшоятельную вѣдо-
 мость о происходящемъ у Дуле-
 бовѣ. — Сей вѣстоносный духъ,
 продолжалъ онъ ко мнѣ, чрезъ два
 дни возвратишься, и мы, узнавъ
 подробности, можемъ расположить,
 что намъ дѣлать должно. А между
 тѣмъ я не хочу васъ болѣе удер-
 живать отъ свиданія съ вашею
 сестрицею; ибо она въ великомъ
 въ разсужденіи васъ безпокойствѣ
 находишься. — Онъ повелъ меня
 чрезъ рядъ великолѣпныхъ' покоевъ;
 а я слѣдовалъ за нимъ, повторяя
 признаніе мое за участіе, приѣмле-
 мое имъ въ нещастіи моемъ и се-
 стры моей. — Ахъ, возлюбленный
 Доброславъ! отвѣчалъ онъ мнѣ на
 сіе. Я никогда силы знанія моего
 не

не упошреблялъ во вредъ смершнымъ; но что лежишь до васъ, вы не имѣете причинъ благодаришь меня. Несравненная Рогнеда учинила меня своимъ и вашимъ невольникомъ, и я не смѣю льстишь себѣ, чтобъ я когда либо въ состояніи могъ быть оказашъ заслуги, достойныя обожаемаго мною ея сердца. Только ваше посредство, дражайшій мой Доброславъ. — Онъ не успѣлъ кончить; ибо сестра моя, предваренная Милоспаною о прибытіи моемъ въ ихъ замокъ, шла съ нею посѣтить меня; я также не успѣлъ ничего сказать Гипомену ошъ великаго движенія чувствъ моихъ, возбужденныхъ во мнѣ ударомъ красоты Милоспаниной, кромѣ что пожалъ его руку, и въ семъ безмолвномъ выраженіи какъ бы сказашъ хотѣлъ, что онъ можетъ меня купишь за равномѣрную цѣну услуги.

Рогнеда и я бросились другъ къ другу въ объятія, и однѣ шещущія изъ очей нашихъ слезы выражали

ражали чувствованіе общаго нашего нещастія. Мы все потеряли, говорила Рогнеда: опца и опечество. Я старался утѣшать ее, и обнадеживалъ въ помощи, которую имѣемъ мы получить отъ наслѣдника прешола Кимбрскаго. Я разсказалъ ей все происшествіе, какъ слышалъ отъ Гипомена; казалось, что она находила нѣкоторое предубѣжденіе въришь его обнадеживаніямъ, и успокоилась въ ожиданіи, что родитель ея чрезъ его помощь получитъ жизнь. Гипоменъ увидѣлъ тогда благопріятный случай напомнить сестрѣ моей, не позабыла ли она о словахъ попугая. Миѣ уже не осшалось больше, — примолвилъ онъ, видя, что Рогнеда приведена была въ щасшливое для него замѣшательство, — какъ извлечь у васъ признаніе, не оскорбляющъ ли васъ тѣ чувствованія, кои открывалъ я вамъ столько разъ, находясь пшицею. Вы извѣстны, прекрасная Царевна, что я шощъ самый, коего вы содержали у

Часть X. Ж себя

себя въ неволѣ, и я ожидаю лишь
 одинаго: жизнь, или смерть вы мнѣ
 предопредѣлите. Я, видя въ очахъ
 сестры моей, что ее не оскорбляютъ
 требованія Гипоменовы, вошелъ въ
 посредство къ облегченію стыдливо-
 сти, и довелъ ее къ согласію. Ро-
 гнеда находила въ томъ сперва нѣ-
 которыя затрудненія, въ разсужде-
 ніи надежды къ оживленію отца на-
 шего, и что поребно въ споль ва-
 жномъ обстоятельствѣ его дозволе-
 ніе; однакожъ я расшоловалъ ей,
 что хотя есть надежда къ возвра-
 щенію жизни его, но сіе можетъ
 случиться не такъ скоро, и что
 между тѣмъ не должно быть неблаго-
 дарною къ попеченіямъ, оказывае-
 мымъ отъ Гипомена къ нашимъ
 пользамъ, а тѣмъ больше, что въ
 его покровительствѣ оспается еди-
 ная наша надежда. Непрудно уго-
 ворить сердце, когда предложенія
 согласны съ онаго чувствованіями:
 Гипомейъ былъ человекъ прекрасный,
 сестра моя склонилась, и я сложилъ
 ихъ

ихъ руки. — Вы совершенно щасливы, сказалъ я тогда: судьба ваша достигаетъ своей меры; но я, слѣдуя по пуши моихъ несчастій, нахожу оныя вновь: надлежало чшобъ и въ самомъ убѣжищѣ моемъ произошли въ душѣ моей чувствованія, кои буду питать безъ надежды. — Чшо значать сіи темныя выраженія, говорилъ съ усмѣшкою на сіе Гипоменъ, проникшій въ мое сердце? Не можешель вы въ домѣ друга вашего бышь опкровениѣе? — Да, опвѣчалъ я, миѣ не можно ушайтъ, хотя бы и желалъ, чшо совершенства прелестной сестры вашей меня оковали. . . . Божественная Милостана! продолжалъ я, обращясь къ ней; я опкрываюсь, чшо дни мои въ рукахъ вашихъ; я люблю васъ, и не буду щасливъ, естли не произведу въ сердцѣ вашемъ подобныхъ впечатлѣній. Я потерялъ опца, лишился надежды наслѣдовать престолъ его; но я лишусь и самаго свѣта, когда вы меня презрите. Вы не приобрѣ-

пеше во мнѣ кромѣ вѣрнаго и обожающаго васъ супруга ; но для него будете вы все . . . все , что только можетъ превзойти его желанія . — Я хотѣлъ говорить больше , желалъ имѣть тысячу языковъ для лучшаго краснорѣчія ; но приходя отчасу къ замѣшательству , повергся только къ ногамъ Милостивыя Гипоменъ , давно уже имѣвшій намѣреніе сочетать меня съ своею сестрою , послѣлъ мнѣ въ помощь , и также не нашелъ затрудненія уговорить ее въ мою пользу . Таковымъ образомъ заключены два взаимныхъ союза , и опредѣлено только вопросить волшебную доску о времени къ совершенію браковъ . Однакожъ осматокъ того дня и весь послѣдующій не могли мы оплучиться отъ нашихъ возлюбленныхъ до тѣхъ поръ , какъ Калдеръ далъ знать о своемъ возвращеніи .

Онъ сказывалъ намъ , что Авары овладѣли столицею Дулебскою , и производятъ въ ней и во всемъ

го-

государствѣ жестокія грабительства; что Зловуранъ всего того причиною; ибо онъ, убивъ Кигана, принялъ на себя его образъ, и вступилъ въ правленіе обоими народами. Желаніе его причинить Гипомену какую нибудь досаду побудило изобрѣсть странныя прищѣсненія Дулебянамъ; для того что онъ узналъ о заключеніи союза нашего. — Впрочемъ онъ чаялъ бытъ себя довольно безопаснымъ, нося лице Киганово, отъ поисковъ Гипоменовыхъ, а и того меньше отъ нападенія моего; ибо полагался на свое искусство, покровительство Короля волшебниковъ и данное ему отъ него очарованное копіе.

Я пришелъ въ великое огорченіе, узнавъ о напастяхъ, приключаются моимъ подданнымъ; Гипоменъ сіе примѣшилъ, и старался внушить въ меня надежду. Все сіе прекратится, говорилъ онъ; страна Дулебская легко позабудетъ претерпѣнное отъ Зловурана и Аваровъ, но должно имѣть шерпѣніе;

я вопрошалъ волшебную доску. Не подумайте, чшобъ я не хопѣлъ оказашь вамъ помощи къ возвращенію вашего престола : вы сами узнаете опредѣленіе судебъ , коимъ я не могу прошивисья , когда воззрите на оную доску. — Сказавъ сіе , повелъ онъ меня по многимъ ступенямъ въ подземную храмину. Она освѣщена была неугасающею лампадою ; множество химическихъ и физическихъ орудій , въ приличныхъ мѣстахъ разставленныхъ , составляли ея украшеніе. Посреди храмины стоялъ злапоножный столъ , обшянутый неизвѣснаго рода бѣлою кожей , а на оной лежала черная палочка. Гипоменъ заставилъ меня читать нѣкоторыя неизвѣсныя мнѣ слова , кои онъ мнѣ сказывалъ ; а потомъ велѣлъ взять палочку и проекратно ударить по столу. Я учинилъ сіе , и былъ приведенъ въ священный шрепешъ произшедшимъ согласнымъ звукомъ невидимыхъ музыкальныхъ орудій. Вопрошайте
ще-

теперь, о чемъ вамъ угодно, сказалъ мнѣ Гипоменъ. Я пожелалъ узнать средства къ освобожденію моего отечества отъ угнѣтающаго оное ига, и на доскѣ пошчасъ изобразились слѣдующія писмены:

„Царевичъ Доброславъ долженъ
 „сразиться съ волшебникомъ Злову-
 „раномъ, побѣдитъ его и опнять
 „у него очарованное копье. По
 „испребленіи сего небесамъ проши-
 „внаго человѣка, Авары нечувстви-
 „тельно будутъ испреблены Дуле-
 „бами. Но Доброславъ не долженъ
 „вступать въ наслѣдіе родителя
 „своего, ни обитать въ странѣ Ду-
 „лебской, доколь родитель его самъ
 „увѣнчаетъ его на царство. Впро-
 „чемъ Боги не оставятъ народа,
 „пьющаго священныя воды рѣки
 „Вуга, и пошлютъ къ благоден-
 „ствію его дѣвицу, имѣющую упра-
 „влять онымъ до извѣснаго вре-
 „мени. „

Естьли только нужно опважить
 жизнь мою для спасенія моего оте-

Ж 4 чества ,

чества, — сказалъ тогда я Гипомену, — я принесу оную на жертву. Но какъ можно мнѣ побѣдишь волшебника? конечно бѣды Дулебовѣ неизцѣлимы! — Не опасайтесь сего, я найду средства облегчить вамъ сей подвигъ, отвѣчалъ Гипоменъ. Теперь приступите къ вопросу о судьбѣ вашего родителя. — Я взглянулъ на доску, и увидѣлъ, что оказавшіяся на оной начертанія загладились. Я учинилъ второй вопросъ, чѣмъ можно возвратить жизнь родителю моему, и читалъ на доскѣ:

„ Опець швой поверженъ въ
 „ смертную недвижимость ударомъ
 „ очарованнаго копія; онъ до шѣхъ
 „ поръ не узришь свѣта, доколь не
 „ извлечется изъ язвы его опломокъ
 „ копя, ославшагося въ ранѣ. Сего
 „ не можетъ учинить никто, кромѣ
 „ средней дочери Короля волшебни-
 „ ковъ. Будущъ особливья причины,
 „ копорья принудяшъ ее къ проши-
 „ вному сосанію язвы отца швоего.
 „ Впрочемъ не заботься о судьбѣ
 „ его „

его, хотя ни ты, ни Гипоменъ
 ,, пособишь ему не можешь; ибо за-
 ,, прещается вамъ видѣть его шло.,

Отвѣтъ сей проліялъ ошраду
 въ прискорбное мое сердце. Я воз-
 ложилъ на провидѣніе небесъ попе-
 ченіе о участи моего родителя; ибо
 видѣлъ, что самъ оную премънища
 не въ силахъ. Сестра моя, пришед-
 шая тогда по приглашенію Гипоме-
 нову съ Милостяною для вопросовъ
 о нашихъ бракахъ, также ушѣши-
 лась надеждою, что вѣкогда уви-
 дитъ своего родителя жива. Потомъ
 приступили мы къ вопросу о нашихъ
 бракахъ. Волшебная доска предвѣ-
 щала намъ: ,, Гипоменъ и Рогнеда
 ,, могутъ безпрепятственно увѣнчать
 ,, желанія сердецъ своихъ. Но Добро-
 ,, славъ да воздержитъ я сочешашься съ
 ,, Милостяною, доколь не истребитъ
 ,, волшебника Зловурана; ибо до того
 ,, времени и самый невинный поцѣлуй
 ,, руки ея навлечетъ имъ множество
 ,, огорченій. Еслилижъ онъ сіе нару-
 ,, шитъ, лишится своей супруги; и

Ж 5

- ,, хотя

„хотя по нѣсколькомъ времени обрѣ-
 „ шеть ее, но будешь провождать
 „ до извѣснаго дня самую бѣдную
 „ жизнь, и не будешь утѣшаться ра-
 „ ждаемыми отъ нее дѣтьми.“

Такое предопредѣленіе нескан-
 занно огорчило меня и Милоспану.
 Я старался ободрить ее обѣщаніемъ
 ея брата въ вспомошествованіи мнѣ
 къ преодолѣнію Зловурана, но она,
 начавъ любить меня страстно, мало
 находила надежды въ споль опа-
 сномъ моемъ подвигѣ. Она стара-
 лась убѣгать меня; я самъ не смѣлъ
 къ ней приближиться, и чувствовалъ,
 что мнѣ должно или истребить
 Зловурана, или погибнуть съ печали.
 Въ таковыхъ обстоятельствеяхъ
 я ожидалъ только совершенія брака
 сестры моей, послѣ чего неопи-
 снуно просилъ Гипомена учинить мнѣ
 обѣщанную помощь въ покушеніи мо-
 емъ на общаго нашего непріятеля.
 Зять мой приготошилъ уже все ну-
 жное къ таковому важному предпрі-
 ятію: онъ опрядилъ подвластнаго
 себѣ

себѣ духа, который бы повиновался мнѣ во все время, поколь я буду обрѣщаться въ преслѣдованіи Зловурана. Сверхъ того далъ онѣ мнѣ броню, кою соорудилъ для себя въ защищеніе противу очарованнаго копія, и считая себя въ замкѣ своемъ безопасна отъ всякихъ нападеній, повѣсилъ онѣ мнѣ на шею и шалисманъ, который носилъ на себѣ. Сей духъ, говорилъ онѣ, будетъ невидимо находиться близь васъ, и слѣдуетъ только приказать ему, по желаемое вами будетъ исполнено, и онѣ спанетъ появляться предъ васъ въ видѣ, каковъ отъ васъ ему назначишь. Но я совѣтую вамъ въ приближеніи ко Дворцу вашему, въ коемъ нынѣ обитаетъ Зловуранъ, каковымъ нибудь образомъ сокрыть себя, для того что сей волшебникъ можетъ проникнуть въ ваше намѣреніе, и защитишь такъ, что вы ему ничего не сдѣлаете. — Я обѣщавъ слѣдовать въ точности его наставленію, просилъ съ нимъ и се-

сестрою моею ; но какъ было разстаться съ Милостаною , предпри-
 емля подвигъ , въ которомъ ничего
 не было столь вѣрнаго , какъ соб-
 ственная гибель ? Я нашелъ ее
 въ слезахъ , въ разсужденіи опасно-
 сти , каковой я предавался . Утѣшая
 ее , взирая на нее , прощаясь съ
 нею можешъ быть на вѣки , какъ
 можно было воздержатъ себя ? я за-
 былъ запрещеніе , объявленное мнѣ
 волшебною доскою , и до нѣсколь-
 ко разъ облобызалъ прелестныя уста
 и руки Милостанины . Уже чрезъ
 нѣскольکو времени послѣ вспомнилъ
 я о моемъ преступленіи , приключив-
 шемъ мнѣ несказанныя горести .

Вышедъ изъ замка , повелѣлъ
 я духу нести себя поспѣшно къ
 предмѣстію столицы Дулебской . Сей
 въ образѣ вихря помчалъ меня , и
 чрезъ нѣскольکو часовъ опустилъ
 меня на берегу священнаго Буга .
 Тамъ предался я размышленіямъ ,
 каковымъ образомъ наилучше на-
 насъ мнѣ на Зловурана . Я не имѣлъ
 ору-

оружія, и вѣдалъ, что ничѣмъ не могу истребить сего волшебника, кромѣ собственнаго его копія. Но чтобъ лучше овладѣть онымъ, заключилъ я учиниться невидимымъ. На сей конецъ приказалъ я духу обратиться въ крылатаго змія, и проглотивъ меня, лешѣшь въ чертоги къ Зловурану. При самомъ же приближеніи къ нему, выпустия меня посадить на хребетъ свой, чтобъ быть готову гнать за нимъ, естли онъ побѣжитъ. Духъ повиновался мнѣ, и принявъ видъ змія, проглотилъ меня, или лучше сказать окружилъ невидимымъ паромъ, и помчалъ меня въ чертоги къ Зловурану. Волшебникъ сей, привыкшій къ чрезвычайнымъ явленіямъ, не попревожился увидя влезающаго въ окно змія; онъ счелъ его однимъ изъ подвластныхъ духовъ своихъ. Однакожъ, пришелъ въ замѣшательство, когда узрѣлъ меня выскочившаго изъ пасти змиевой и возсѣдшаго на онаго. Ужасъ его умножился, когда онъ

онъ ударилъ въ меня, нападшаго на него, очарованнымъ копіемъ, не произведя ни малаго мнѣ поврежденія; ибо броня и шалисманъ меня защищали. Онъ пришелъ въ шрепешъ, когда при ударѣ въ броню мою я успѣлъ схватить и вырвать изъ рукъ его копіе; онъ, превращаясь въ нешопыря, старался отъ меня убѣжать. Полетъ его былъ чрезмѣрно быстръ, однакожъ змій мой гнался за нимъ въ слѣдъ, и чрезъ нѣсколько часовъ надъ нѣкоторою каменистою пустынею достигши, пронзилъ я его самымъ шѣмъ копіемъ, коимъ онъ погубилъ отца моего. Очарованіе исчезло; я увидѣлъ шѣло Зловураново, упадающее на землю въ еспественномъ видѣ; но не успѣлъ я еще предаться радости о совершеніи столь нужнаго для меня подвига, какъ примѣтилъ, что оно разорвалось по всѣмъ соснавамъ: пуловище его обратилось въ превысокій каменный холмъ, голова, вскоча на холмъ, учинилась винограднымъ дере-

деревомъ , а прочія части шѣла, оплетѣвъ на всѣ стороны, спали львами изъ чернаго мрамора. Я, сидя на моемъ змѣѣ, ожидалъ еще нападеныя; однакожъ онаго не воспользовало, камни и дерево пребыли въ одинакомъ положеніи. Мнѣ не оспалось больше какъ возвратишься въ замокъ Гипоменовъ, гдѣ чаялъ я учинишься благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ, и духъ, повинуюсь словамъ моимъ, весьма скоро опнесъ меня въ оный. Наполненный пріятныхъ ожиданій бѣжалъ я въ покой, но вообразите мой ужасъ, когда я во всемъ замкѣ не нашелъ не токмо Гипомена, Рогнеды и Милостяны, но и ни одной живущей пвари. Нѣсколько дней препровелъ я въ болѣзненномъ ожиданіи, но никто не появлялся. Мнѣ не оспалось кромѣ прибѣжища къ волшебной доскѣ, и по долгомъ исканіи нашелъ я ходъ въ подземную храмину. По щастію не загладились еще въ памяти моей слова, нужныя къ вопрошенію

шенію предсказанія. Я вопрѣсилъ ѿ
 моемъ зятѣ, сестрѣ и возлюбленной,
 и прочелъ на доскѣ слѣдующее :
 „ Доброславъ ! ты не сохранилъ шебѣ
 „ заповѣданнаго , и за шо лишаешься
 „ Милоспаны. Тебѣ не должно до
 „ нѣкопорого времени вѣданы о уча-
 „ сти зятя и сестры твоей. Но за
 „ добре твое сердце Бога дозво-
 „ ляюшъ шебѣ искашь твою возлю-
 „ бленную. Поди на сѣверную спо-
 „ рону замка сего ; у берега проше-
 „ кающей шамъ рѣчки найдешъ
 „ шы спящую лодку, сядь вѣ оную,
 „ и предайся волѣ спремленія воды.
 „ Вѣ извѣспномѣ мѣспѣ лодка оста-
 „ новится , шы на берегу шамъ усме-
 „ пришь пустую хижину , и нѣсколь-
 „ ко рыболовныхъ орудій. Оправь
 „ ихъ , лови рыбу для своего пропи-
 „ панія , и обишай вѣ хижинѣ до
 „ шѣхъ порѣ , пока небеса премѣ-
 „ няшъ судьбу твою. „

Изъ сего нѣсколько шемнаго пред-
 сказанія я не понималъ шого , ка-
 кимъ образомъ могу я обрѣсти мою
 вез.

возлюбленную, однакожь опасался не слѣдовать моему предопредѣленію. Я дѣйствительно нашелъ лодку, сѣлъ въ оную и чрезъ нѣсколько дней принесенъ на сіе мѣсто. Въ сей жижи обрѣлъ я видѣныя вами рыболовныя сѣти, и поправя оныя, началъ ловить рыбу и обихашъ въ семъ мѣстѣ.

Около полугода провелъ я жизнь въ шаковомъ упражненіи, ежедневно оплакивая уронъ возлюбленныхъ мнѣ особъ. Я не сомнѣвался, что сказаніе волшебной доски не можетъ обмануть меня, и что когда нибудь сыщу я мою Милостяну, но неизвѣстность средствъ къ тому учинила ожиданіе мое горестнымъ.

На послѣдокъ, лова въ одинъ день рыбу, по обыкновенному моему чаянію, что можешъ быть въ семъ ремеслѣ заключается развязка моей участи, почувствовавъ я нѣчто тяжелое въ закинутыхъ сѣтяхъ моихъ. Я всегда носилъ при себѣ очарованное копіе, отнятое мною у

Зловурана, и на сей разъ послужило оно мнѣ къ выпашенію на берегъ моей добычи: я вопкнулъ оно въ землю и прикрѣпилъ къ нему одинъ конецъ сѣти для лучшей способности къ выпаскиванію другаго конца на берегъ. Я приведенъ былъ въ великое удивленіе, усмоля, что я уловилъ огромную рыбу, испещренную всѣми прекраснѣйшими цвѣтами. Рыба препеталась жестоко, и я видѣлъ, что мнѣ не возможно будетъ донести ее живую до моей хижины; почему заключилъ я приколотъ оную. На сей конецъ взялъ я мое очарованное копіе, но едва лишь прикоснулся остриемъ онаго къ рыбѣ, оружіе упало изъ рукъ моихъ. Представьте себѣ мою радость! прикосновеніе очарованнаго копія прогнало другое очарованіе, и изъ рыбы, кою я хотѣлъ убить, увидѣлъ я превратившуюся въ прежній образъ возлюбленную мою Милостану.

Не можно изобразить восхищенія, коему мы предались; мы заключили

клячили другъ друга во объятія , и долго не могли произнести ни одного слова , только лиющіяся изъ очей нашихъ радостныя слезы свидѣтельствовали , что мы другъ друга увидѣть не уповали . Наконецъ нашли мы употребленіе словъ . Я рассказалъ ей все , что со мною приключилось со дня , въ который отправился я на поискъ прошиву Зловурана , и просилъ ее увѣдомить меня , что воспослѣдовало по опытіи моемъ въ замкѣ , куда дѣвались Гипоменъ и сестра моя , и какимъ случаемъ превратилась она въ рыбу .

Я не могу ни о чемъ себя увѣдомить , — отвѣчала мнѣ Милостана , — что случилось съ братомъ моимъ и Рогнедою ; ибо на другой день по швоемъ отсутствіи лишилась я человеческого образа . Опасность , каковой ты предался , повергла меня въ великую печаль ; тщетно старался братъ мой уаѣрять меня о успѣхахъ швоего предпріятія , сердце мое предчув-

сповало свой уронъ и не могло утѣшиться. Я искала уединенія, и убѣгала присущствія и самой любви достойной Рогнеды. Таковымъ образомъ вышла я за спѣсны-замка нашего, чшобъ на свободѣ пролишь источники слезъ, но не опошла еще ста сажень, какъ съ шрепетомъ усмотрѣла приближающуюся ко мнѣ по воздуху колесницу, везомую двумя огнедышущими крылапыми конями. Во оной сидѣлъ величественнаго, но при, шомъ грознаго вида мужъ, увѣнчанный желѣзною короною, и держащій въ рукѣ жезлъ, обвитый змѣями. — Несчастная, вскричалъ онъ ко мнѣ спрашнымъ голосомъ: познай раздраженнаго Короля волшебниковъ! Недостойный братъ швой не довольно чшо нанесъ незаглади-мое пятно моей чести чрезъ непозволенное обхожденіе съ моею супругою и шремя дочерьми, но возспалъ еще и на защищаемаго мною любимца моего Зловурана. Онъ погубилъ его рукою назначеннаго шевъ
въ

въ супруга ; но не льспись когда и-
будь его увидѣшь ; ты должна быть
жертвою справедливаго моего гнѣва.
Умри , вскричалъ онъ , обнажа мечъ
и устремясь на меня ! Страхъ оче-
видной смерти обратилъ меня въ
бѣгство : я бѣжала и бросилась въ
близь текущую рѣку , какъ бы ожи-
дая покровительства отъ безчув-
ственныхъ стихій . Едва коснулась
я воды , усмотрѣла себя превращен-
ною въ ту самую рыбу , которую
вы видѣли . Въ семъ состояніи не
лишилась я моего страха , и удаля-
лась внизъ по рѣкѣ съ чрезмѣр-
ною быстротою . На послѣдокъ упо-
маясь , ожидала учиниться добычею
моего гонителя , однакожъ онаго
было не видно . Я ободрилась и на-
чала искашь себѣ пропитанія , ко-
торое во все время моего превраще-
нія состояло въ правахъ . Я дол-
жна благодарить Боговъ , что оны
лишили меня человѣческихъ чувство-
ваній . Хотя приходили мнѣ иногда
на память обстоятельства прежней

моей жизни, но оныя представлялись мнѣ не иначе, какъ видѣнными во снѣ; впрочемъ же бы я не пренесла разлуки съ возлюбленными мнѣ особами. Не можно изобразить, сколько досадъ приключали мнѣ настоящія рыбы. Красота перьевъ и покрывающей меня чешуи привлекала ихъ ко мнѣ стадами. Надобно думать, что зависть господствуетъ и между обишателями сей сѣихи, подобно какъ у насъ между обществомъ женщинъ и нѣкошорыми муцинами, кои не пропускаютъ пресѣдовать отличаящихся предъ собою въ природныхъ дарованіяхъ. Большія и малыя рыбы гонялись за мною; сначала казалось, что оныя мнѣ удивляются, но вскорѣ начали онѣ на меня плевать и шолкать меня въ бока. Я удалялась отъ нихъ всегда, но иногда необходимость принуждала меня обороняться. На мѣспѣ, гдѣ вы меня изловили, росло множество нѣкошораго водянаго плода, имѣющаго

щаго въ себѣ опмѣнный вкусъ; я питалась онымъ во все время, и шѣмъ съ лучшимъ удовольствіемъ, что рыбы онаго не употребляли. На послѣдокъ по щаспію попалась я къ вамъ въ сѣни.

Вѣдая приключеніе Гипоменова въ разсужденіи оклеветанія его ошѣ Зловурана Королю волшебниковъ, считалъ я, что онѣ и сеспра моя либо убѣгли ошѣ гнѣва его, или учинились добычею его мщенія. Мы оплакали съ Милоспаною ихъ участь, и какъ не вѣдали, куда намъ безъ опасности самимъ обратись слѣдуешъ, то заключили обипашъ въ сей хижинѣ. Предсказаніе волшебной доски не полагало уже больше препяшствія въ тогдашнемъ нашемъ состояніи къ совершенію нашего брака, почему, призвавъ Боговъ во свидѣшельство, предались мы всѣмъ пріяшностямъ нѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностію, и посреди пустыни, удаленной ошѣ сообщества съ прочими чловѣками, не видали скуки. Мы раз-

дѣляли труды рыболовства ; любовь раждала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ : каждая рощица, всякой лужокъ приглашали насъ ; мы считали себя единою чешою на свѣтѣ, и привыкли къ нашему уединенію ; словомъ сказать, мы не видали печали до рожденія перваго моего сына.

Сколько обрадовалъ насъ сей первый залогъ нашея горячности, столько огорчились мы, когда оный по седми дняхъ пропалъ изъ крѣпко запершой нашей хижины. Мы не знали, чему должно приписать сіе, и относили все къ волѣ судьбы ; ибо предсказано намъ было наказаніе таковое за нарушеніе заповѣди, опредѣленной при вопросѣ о нашемъ бракѣ. Предавшись положенію нашей участи, мы утѣшились и провозждали прежнюю жизнь. Я имѣлъ отъ Милостяны еще двухъ сыновъ и одну меньшую изъ дѣшей моихъ дочь, кои равномѣрно по рожденіи своемъ похищены были невидимою ру-

рукою. Печаль наша о помѣ умѣ-
 рялась привычкою, для того что
 мы прежде уже знали судьбу сію.
 Я обиталъ еще десять лѣтъ съ
 моею супругою по рожденіи дочери,
 не имѣя уже больше дѣшей, и по
 прошествіи сихъ постигло меня ве-
 личайшее въ жизни моей несчастіе.
 Милоспана начала скучать нашимъ
 уединеніемъ. Потеря дѣшей, коихъ
 она не могла забыть, и упраченная
 надежда къ рожденію другихъ, по-
 буждали ее уговаривать меня къ
 оставленію нашей пустыни и къ
 странствованію по свѣту для про-
 вѣдыванія о пропавшихъ сынахъ
 и дочери. Бесплодно старался я
 представлять ей, что мы нарушимъ
 чрезъ то наше предопредѣленіе и
 подвергнемся гнѣву Боговъ, Мило-
 спана ничему не вѣрила, и преда-
 лась жестокому унынію, такъ что
 я нашелся принужденнымъ ей пови-
 новаться. Мы начали собираться
 въ путь. Миѣ извѣстно было, что
 надлежитъ намъ шествовать болѣе

пяши сотѣ верстѣ мѣстами нена-
селенными : сѣдовало заготовишь
на дорогу сѣспныхъ припасовѣ.
Оныя не могли ни вѣ чемѣ состояшь,
кромѣ сушеныхъ рыбѣ, и для того
мы безпрестанно бросали вѣ рѣку
нашу сѣшь, однакожѣ вѣцѣлую не-
дѣлю не могли мы поймашь ни одной.
Я удивлялся шому, а жена моя вы-
ходила изѣ перпѣнїя. Видишь ли
шы, говорилѣ я ей, что небеса
прошиваяся нашему намѣренїю? ко-
гда бывало, чтобѣ бросилѣ я сѣшь
вѣ воду и не извлекалѣ изобиль-
наго числа рыбѣ? Мы погибнемѣ сѣ
голода, ежели пойдемѣ сквозѣ пу-
шынїю безѣ запаса. — Лучше
погибнушь вѣ пущынѣ, нежели оби-
ташь вѣ семѣ ненависномѣ мѣстѣ,
вскричала жена моя; я умру сѣ пе-
чали, ежели мы далѣ здѣсь оста-
немся. — Сказавѣ сіе, схватила
она очарованное копїе, и чтобѣ при-
нудишь меня кѣ отправленїю вѣ
пущѣ, распорола оспрїемѣ онаго
вѣ нѣсколькихѣ мѣстахѣ сѣши. Но
едва

едва сіе воспослѣдовало, я увидѣлъ ее превратившуюся по прежнему въ рыбу и бросившуюся въ рѣку.

Разсудите о моей горести и отчаяніи, едва въ первыхъ стремленіяхъ не бросился я самъ въ воду. Со временемъ хотя печаль моя нѣсколько уменьшилась, но я очень несчастенъ: лишеніе возлюбленной Милоспаны напаяетъ огривою всѣ дни мои. Я уповалъ, что когда нибудь гнѣвъ небесъ смягчится, и считалъ, что наконецъ удастся мнѣ опять поймать мою дражайшую рыбу. Для сего началъ я почиивать мою сѣть, но едва завязалъ одну ячайку, представилось мнѣ, что я вижу на поверхности воды плавающую возлюбленную мою Милоспану въ видѣ прекрасной рыбы. Я бросилъ мою работу, бѣжалъ къ рѣкѣ, но привидѣніе изчезло. Предаваясь печали, возвращаясь я въ мою хижину, гдѣ находилъ изобильную неизвѣстную рукою пригошвленную пищу, отъ
кошо-

которой и вы вкушали. Десять лѣтъ уже проходитъ въ семъ моемъ горестномъ состояніи. Всякой день до нѣсколька разъ прижимаюсь я починивать сѣтъ мою, и всякій разъ являющаяся мечта отводитъ меня къ рѣкѣ, и исчезая, наполняетъ чувства мои горестію о уренѣ моей возлюбленной Милосшаны. Сѣтъ моя не починена, и я не имѣлъ надежды когда нибудь увидѣть свое щастіе, естлибъ за мѣсяцъ предъ симъ не случилось со мною спранныго приключенія, разлившаго въ душѣ моей пріятное упованіе.

Когда при восхожденіи солнца я вышелъ на обыкновенную мою работу и хотѣлъ завязывать прорѣзанную очарованнымъ копіемъ сѣтъ, не могъ я найти потребнаго къ тому припаса : челнокъ и нитки пропали. Искавъ оныхъ безъ успѣха, пришелъ я въ великую досаду, и въ томъ, какъ я бѣгалъ, продолжая мое исکانіе, споткнулся я и упалъ, зацѣпясь ногою на очарованное

ное копіе, которое самъ вынесъ изъ
 моеѣ хижины. О проклятое оружіе,
 вскричалъ я! ты причиною всѣхъ
 моихъ несчастій. — Я не знаю,
 почему я сказалъ сіе; но въ гнѣ-
 вѣ никто не можетъ говорить порядочно: я былъ внѣ себя, и съ
 досады схватя оное копіе, пере-
 ломилъ его надвое. Едва я учинилъ
 сіе, какъ весьма знакомый мнѣ го-
 лосъ кликнулъ меня по имени. Я
 оглянулся и увидѣлъ, какъ снѣгъ,
 бѣлую пшцу, сидящую на жердкахъ,
 на которыхъ висѣла сѣшь. Не ожи-
 далъ я, чшобъ пшца сія могла го-
 ворить, ешълибъ она не вывела меня
 изъ сомнѣнія, начавъ ко мнѣ слѣ-
 дующее: — Доброславъ! ты ни-
 когда не почиши своей сѣщи, и
 не сіе средство къ возвращенію швоеѣ
 супруги. Однакожъ ты весьма раз-
 умно учинилъ, чшо переломилъ
 очарованное копіе; щаспіе многихъ
 особъ отъ сего зависѣло. Имѣй на-
 дежду, чшо и швои злополучія
 вскорѣ окончатся. Послѣ извѣ-
 стнаго

снѣгаго числа дней увидишь ты пришедшаго къ тебѣ человека, для освѣдомленія о твоихъ приключеніяхъ: опнюдь не открывай ты ему оныхъ, еслии онъ не обяжется клятвою предпріяшь слѣдующее опасное предпріяніе. Въ южной опсюда споронъ находится холмъ съ распуцимъ на немъ деревомъ, учинившимся изъ тѣла Зловуранаго. Холмъ сей неприсупенъ, и распущее на немъ дерево вершиною своею достигло почти до облакъ. На сей вершинѣ распутъ виноградная кисть, кою надлежитъ сорвать и снести на землю въ рукахъ своихъ, не взирая на то, что она имѣетъ въ себѣ болѣе десяти пудъ вѣсу. Я не скрою и того, что каменные львы, окружающіе холмъ, оживутъ въ приближеніи, и будутъ защищать входъ на холмъ. Должно отвращать ихъ нападенія, не имѣя въ рукахъ своихъ оружія, кромѣ одного лука безъ тетивы. Нѣтъ ничего досто-
вѣрнаго, что ошважившійся на сей
под-

подвигъ погибнетъ въ своемъ предпріятіи; но естли достигнетъ желаемого, учинится благополучіе всѣхъ смертныхъ. Облегченіе жъ ему въ семъ приключеніи состоитъ лишь въ томъ, что дай ему обломки очарованнаго копія. Сіи надлежатъ ему перекинуть за себя, и тогда увидишь онъ ихъ превратившимися въ коня и лукъ. — Пшпца, проговоря сіе, поднялась на воздухъ и пропала изъ глазъ моихъ.

Вотъ приключеніе, возлюбленный Баламиръ, которое совершилъ вамъ предоставлено; ибо я не сомнѣваюсь, что вы откажетесь снять оно на себя въ разсужденіи клятвъ, миѣ данныхъ. Я уповаю, что и никто, кромѣ васъ, не можетъ ни сколько опражить жизнь свою, ни сыскать мѣста, гдѣ убишь мною Зловуранъ; потому что я, бывъ неслервливъ во ожиданіи вашего пришествія, неоднократно покушался самъ предаться сему подвигу. Однако сколько разъ ни бросалъ я за себя

себя обломки очарованнаго копія ,
но ни коня , ни лука изъ оныхъ не про-
исходило. — — —

*Продолженіе Баламироцыхъ
триключеній.*

Доброславъ окончалъ таковымъ
образомъ свою повѣсть , и съ не-
шерпѣніемъ ожидалъ , что скажетъ
ему на сіе Баламиръ.

Король Унновъ , къ коего совер-
шенствамъ природа присоединила и
опличивѣйшую храбрость , не зналъ
никогда , что есть ужасъ , слѣд-
ственно удаленъ былъ отъ оупрещисъ
отъ подвига , обѣщающаго ему славу
и благополучіе. Довѣрчивость Добро-
славова къ его клятвамъ его
оскорбляла. Не мни , сказалъ онъ
ему , чтобъ я могъ нарушить обѣ-
щаніе мое ; хошя бы пребуемое отъ
меня тобою предспавляло миѣ сто-
крапную опасносшь , я не пощадилъ
бы подвергнушь и тысячу жизней ,
еслили

еспѣли бы оныя имѣлѣ, когда слѣ-
 дуешѣ сдержатѣ слово мое въ пользу
 честнаго и нещастнаго человѣка. Мы
 не будемѣ перяшѣ времени въ беспо-
 лезныхѣ разговорахѣ: подай мнѣ об-
 ломки очарованнаго копія. — Добро-
 славѣ приносилѣ извиненія, что онѣ
 ошнюдѣ не подозрѣвалѣ его въ велико-
 душии, и немедленно подалѣ пре-
 буемые обломки копія. Удивленіе Бала-
 мирово было чрезмѣрно, когда по
 переброшеніи оныхѣ за себя появился
 стоящій за нимѣ красивый и бодрый
 богатырскій конь, осѣдланый богато-
 убраннымѣ сѣдломѣ. Лукѣ безѣ пеши-
 вы лежалѣ близѣ онаго. Король Ун-
 нскій не хотѣлѣ потерять ни одного
 часа понапрасну; онѣ простился съ
 Доброславомѣ, взялѣ лукѣ и возсѣлѣ
 на коня. Едва Баламирѣ пронулѣ
 поводами, конь пустился съ непо-
 сшижимою быспросшію, и скакалѣ
 на югѣ чрезѣ горы и доли. Часа
 чрезѣ два привезѣ онѣ своего всад-
 ника къ помянутому холму, и са-
 женьяхѣ въ двашцати ошѣ онаго
 Часть X. И еспа-

остановился. Баламиръ, сошедъ съ коня, хотѣлъ привязать онаго къ чему нибудь, однакожъ въ пущыишій не было ни одного сучка древеснаго, кромѣ виноградины, распущей на неприступномъ ономъ холмѣ, и такъ принужденъ былъ онъ пущить его на свободѣ. Но конь, почувствовавъ сію, пущился въ глубину пущыни, и чрезъ нѣсколько мгновений ока пропалъ изъ виду. Баламиръ, очущаясь въ неизвѣстной снранѣ, лишаась коня и гошоваясь къ отчаянному предпріятію, приведенъ былъ къ размышленіямъ. Ему непоняшно казалось, чтобъ можно было взойти, или вскарабкаться на холмъ, имѣющій подобные стѣны утесы, а и того больше, чтобъ достало человѣческихъ силъ взлѣсть на единственную въ своемъ родѣ виноградину; ибо онъ видѣлъ, что вѣтви ея, возвышаясь къ небесамъ, были непоспизимы и самымъ его взорамъ. Онъ представлялъ смертную опасность отъ дванадцати чешырехъ мраморныхъ львовъ, имѣю-

нмбющихъ воспрещать всходъ его. Мы должно необходимо окончатъ мое предпріятіе, или остаться безчестнымъ пропиву несчастнаго Доброслава, думалъ онъ. Но можно ли оставишь подвигъ, обѣщающій возстановленіе спокойствія сего несчастнаго супруга? Подвигъ, копорый можешъ бышь возвратишь ему и Милосшану и престолъ Дулебскій, коего онъ законный наслѣдникъ. . . . Престолъ Дулебскій, продолжалъ онъ разсуждать! могу ли я спараться о возвращеніи онаго съ похищеніемъ его у прекрасной Милосвѣпы? Но какъ бы то ни было, я долженъ помогать споронъ справедливой. Милосвѣпа неизвѣстно почему онымъ правишь; Доброславъ на ономъ родился, и можешъ сія добродѣшельная Царица Дулебовъ есть безсмертное только существо, посланное къ возстановленію сего несчастнаго народа во время отсушствія злощастныхъ его Государей. Собшвенная моя совѣсть ошвлекаетъ

И 2

меня

меня дѣйствовашь по пристрастію. Я обожаю Милосвѣшу, но любовь моя къ ней не принудитъ меня уклониться отъ добродѣтели, хотя бы она за то меня и возненавидѣла, чего бытъ не можетъ.

По таковомъ заключеніи изгоповился онъ приступитъ къ дѣйствію, предавшись на волю провидѣнія. Не надѣясь на неисправленный лукъ, который держалъ въ рукѣ своей, взялъ онъ въ другую мѣдную стрѣлу, найденную имъ въ пещерѣ у окаменѣвшаго старика, чтобъ по крайней мѣрѣ не пустыми руками обороняться отъ нападенія львовъ, естли оныя оживутъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ подшелъ къ подножью холма; львы не прогались съ мѣста и не оказывали ни малаго знака жизненности. Но едва вскарабкался онъ сажени двѣ на холмъ, какъ оныя начали попрыхивать своими гривами, и съ престрашнымъ рыканіемъ бросились на Баламира. Одни взобрались на вершину холма, чтобъ

чтобъ не допустишь шуда дерзновеннаго воина, а другіе вонзали оспрые свои когти въ его обувь, чтобъ сорвашь его на низъ. Въ семъ ужасномъ соспоянїи пошребно было имъшь неуспрашимость Баламирову; онъ вонзаетъ мѣдную стрѣлу, коей швердоснь камня не прошивишя, глубоко въ гору, и держась за оную рукою, другою опбиваетъ концомъ лука своего люпыхъ звѣрей. Онъ видишь чудное дѣйствїе сего волшебнаго оружія: оное прикосновенїемъ своимъ разрушаетъ въ прахъ одного звѣря за другимъ, такъ что не оспаешя и слѣда, чтобъ еныя существовали. Баламиръ ободряетъ, громоститъ на опаснѣйшихъ и скользкихъ скалахъ холма; уже помогающая восходу его стрѣла касается вершины холма; онъ сражается съ остаткомъ львовъ, побѣждаетъ, и шоржешуя восходишь къ пню винограднаго дерева. Принявъ шуть нѣкошорое ошдохновенїе, помышляетъ онъ о высотѣ дерева

и о тяжести грозда, которая безъ сомнѣнія должна будетъ его низвергнуть при слезаніи. Но вообразя о преодолѣнной уже величайшей опасности отъ львовъ, полагается на помощь Боговъ, ободряется и начинаешь всходить на дерево. Но путь предстояло ему новое затрудненіе: дерево сіе, по видимому, болѣе нежели на сто сажень отъ корня было гладко и не имѣло ни одного сучка. Слѣдовало опять употребить стрѣлу: онъ вонзилъ ее въ дерево, чтобъ, придерживась за нее, получить удобность охватиться другою рукою и подвинуться выше. Но едва остріе стрѣлы коснулось дерева, высоха онаго исчезла, и гроздь спалъ предъ самыми Баламировыми руками. Король Уинскій въ себя отъ радости, что неизвѣстная помощь облегчаетъ его подвигъ, схватилъ за стебель грозда и сломилъ оный. Не успѣлъ онъ учинить сего, какъ холмъ и дерево исчезли, и самъ онъ очутился споящій на равномъ

вномъ земномъ днѣ. Гроздѣ въ рукахъ его въ тошъ же часѣ превратился въ мѣдную дощечку, къ которой была привязана шепива, каковыя бывають у луковъ, а на дощечкѣ находилась слѣдующая надпись:

„Храбрый смершный, ешьли
„шолько можешъ шаковый обрѣспися
„между человекѣ! когда опва-
„жностъ твоя доведешъ тебя къ
„проченію сей надписи, вѣдай,
„что ты преодолѣлъ очарованіе,
„содержавшее въ себѣ судьбу мно-
„гихъ несчастныхъ особъ. Тебѣ
„оспаешся шолько сняшь шепиву
„сію, напянушь лукъ, который ты
„имѣешь, и пустишь изъ онаго
„мѣдную стрѣлу на западъ. Сіе
„доставитъ тебѣ средство къ
„возвращенію въ хижину Добросла-
„вову. „

Баламиръ, прочтя сіе, не медлилъ слѣдовать предписанному: онъ напянулъ лукъ и пустилъ въ опредѣленную страну стрѣлу. Совершаемое, глаза его устремлены были

на западѣ во ожиданіи обѣщанной помощи. Чрезъ нѣсколько часовъ показалось издали приближающееся къ нему облако. Вскорѣ оно опустилось предъ нимъ на землю, и увидѣлъ онъ сошедшаго съ онаго самаго шого шарика, превратившагося въ камень въ пещерѣ. Онъ держалъ въ рукахъ мерзвую голову и дудочку, коихъ Баламиръ тамъ же видѣлъ. Старикъ благодарилъ его за оказанную ему помощь. — Спрѣла, кою вы взяли изъ рукъ моихъ по превращеніи моемъ въ каменный испуканъ, пущенная вами, попавъ въ меня, ошнѣла очарованіе, сказалъ сей. Но не ожидайте дальнѣйшаго обьясненія, доколь не возвратите вы мнѣ прежній мой видъ; ибо я не шаковъ, каковаго вы меня видите, и слѣдуетъ еще докончатъ вамъ остатки волшебства, меня окружающаго. — Баламиръ обѣщавъ слѣдовать его предписанію, а старикъ продолжалъ: изломайте лукъ вашъ въ часпи, и склавъ онъ

оный въ косперѣ, прикоснишесь сею дудочкою, ошѣ чего часпи лука издадутъ огонь, имѣющій сожечъ меня обще съ сею мершвою головою. По обращеніи шѣла моего въ пепелѣ, должны вы засвиспашъ въ сію дудочку. Вопіѣ все, что можете вы оказашъ въ мою помощь.

Баламирѣ слѣдовалъ сему въ шочности: онѣ изломалъ лукѣ, спарикѣ простерся на частяхѣ онаго, схватя въ объятія свои мершвую голову. Прикосновеніе дудочки произвело жестокій пламень, въ нѣскольکو мгновеній ока обратившій спарика и прочее въ пеплѣ. Баламирѣ не медлилъ засвиспашъ въ дудочку, и со удивленіемѣ усмотрѣлѣ, что сіе изѣ пепла произвело голубоватый парѣ, изѣ коего наконецѣ увидѣлѣ онѣ изшедшихѣ прекраснаго мушину и прелестнѣйшую женщину. Вы избавишель нашѣ, сказалѣ ему мушина; я вѣдаю ваше любопытство узнашъ объ насѣ, кто мы, и благодарность наша къ вамѣ сего

И 5

ошѣ

отъ насъ требуетъ. Однакожъ возьмите перпѣніе до возвращенія нашего въ хижину Доброславоу; ибо великодушіе ваше не должно посвящать лѣбопышству часоу, нужныхъ къ премѣненію судьбы нѣкоторыхъ несчастныхъ. Баламиръ охотно на оное согласился, попому что онъ меньше желалъ узнать приключенія старика съ мертвою головою, чѣмъ услышать повѣсть, нужную для его возлюбленной Милосвѣты. Послѣ чего мущина вынулъ изъ кармана своего поясъ съ начертаніемъ двенадцати небесныхъ знаковъ, возложилъ оный на себя чрезъ плечо и всплеснулъ руками. Прѣжнее облако опустилось въ ту минуу къ ногамъ ихъ, и подхвапая на себя ихъ всѣхъ, помчалось на сѣверъ и вскорѣ опустило ихъ предъ дверьми хижины Доброславоу.

Ахъ Гипоменъ! . . . ахъ любезная сестри! вскричалъ Доброславъ, увидя прибывшихъ съ Баламиромъ. Больше онъ не могъ выговорить и бросился къ нимъ въ объятія. Ко-
роль

роль Уиновъ позналъ тогда особъ, довольно извѣстныхъ ему по прежде учиненному описанію. Онъ уразумѣлъ, что К-ролевичъ Кимбрскій, коего видѣлъ онъ въ пещерѣ спарикомъ, долженствововалъ выдержавъ спранныя приключенія, и что по-тому сія слѣдовательно имѣюшъ заимство съ подробностями нужныхъ для него извѣстій: онъ и не преминулъ требовавъ разсказанія о томъ ошѣ Гипомена, какъ скоро прошли восхищенія сихъ увидѣвшихся родственниковъ. Гипоменъ, обязанный своимъ избавленіемъ, готовъ былъ удовлетворить желаніямъ Баламировымъ; Доброславъ съ своей стороны не меньше любопытствововалъ, и столько, что едва не позабылъ принести благодарность свою освободителю ихъ. Онъ началъ длинную рѣчь, по большей части безпорядочную ошѣ радости, и конечно вывелъ бы Баламира изъ терпѣнія, ешьлибъ особый случай не принудилъ его оную нарушить.

Они

Они усмотрѣли плывущую по рѣкѣ и присшающую прошиву самихъ ихъ къ берегу лодку. Сидящія во оной четыре особы не дѣйствовали веслами, которыхъ и не было, а нѣчто невидимое оною управляло. Едва прїѣзжія вступили на землю, великое произошло у всѣхъ замѣшательство. Баламиръ, взглянувъ на прибывшаго старика и трехъ молодыхъ мужчинъ, вскричалъ: а! почтенный Дулебянинъ, оказавшій мнѣ многія вѣжливости въ гостинницѣ! ты конечно недавно видѣлъ несравненную свою Царицу, и меня объ ней увѣдомишь. . . . Боги! продолжалъ онъ еще съ многими знаками радости; Вошъ и сумасшедшій звонарь! . . . ба! это несчастный сапожникъ! . . . ахъ! и ты щедрый Зеліанъ! я исполнилъ вами требуемое, и безъ сомнѣнія услышу ваши приключенія. — Въ самое шожъ время Рогнеда поблѣднѣла отъ страха, и виѣ себя бросилась во объятія своего супруга; а

а сей съ не меньшимъ ужасомъ
требовалъ опшъ Доброслава шалис-
мана, носимаго онымъ на шеѣ.
Одинъ только Доброславъ не пони-
малъ ничего, и сполько зашоропил-
ся, что вмѣсто шалисмана пода-
валъ своему зяблю клубокъ нитокъ,
коими починавалъ онъ свои рыболов-
ныя сѣщи. — Государи мои, ска-
залъ старикъ, увидя произведенное
присущствіемъ его замѣшательство!
успокойшесь; я прихожу къ вамъ
съ дружескими намѣреніями, и чтобъ
поправить приключенныя мною не-
справедливости. Я клянусь великимъ
Чернобогомъ, что Гипоменъ и пре-
красная Рогнеда не имѣютъ при-
чины больше меня опасаться. Столь
великая клятва успокоила Короле-
вича Кимбрскаго и его супругу; но
любопытство Баламирово шѣмъ еще
пріумножилось. Онъ не зналъ, ка-
кое участіе могъ имѣть знакомый
ему Дулебянинъ въ похожденияхъ
Гипоменовыхъ, и поглядывалъ на
всѣхъ во ожиданіи объясненія;
одна-

однакожъ никто не удовлетворялъ его желаніямъ. Нѣшъ сомнѣнія, сказалъ онъ наконецъ спарикѣ, вышедъ изъ терпѣнія, что Гипоменъ и его супруга вамъ довольно знакомы; но какъ прибытіе ваше остановило весьма нужное для меня повѣствованіе его, то съ позволенія здѣшняго хозяина онъ расскажетъ.

— А я, подхватилъ спарикъ, ожидалъ, что для васъ любопытнѣе узнать обстоятельство, касающіяся до Царицы Дулебской. — Правда, ошвѣчалъ Баламиръ, я не шаю страсти, кошорую питаю къ божественной Милосвѣшѣ. — Никому оная сполько не извѣстна, какъ мнѣ, говорилъ спарикъ; однакожъ все должно имѣть свою очередь. Положимъ что Гипоменъ еще въ пещерѣ спарикомъ, и ожидаетъ отъ васъ извѣстія о Зеліанѣ, сей о сапожникѣ, онъ о звонарѣ, а сей о рыболовѣ, шо не надлежитъ ли вамъ прежде всѣхъ дашь опчетъ звонарю о успѣхѣ вашего открышія? Пошомъ онъ

раз-

разскажетъ вамъ свою повѣсть, и такъ по порядку дойдетъ дѣло до Гипомена, и на послѣдокъ до меня. Я предвѣряю васъ, что въ семъ расположеніи естъ нѣкоторая тайна, имѣющая окончатися къ общей всѣхъ присушествующихъ здѣсь радости. — Я охотно желаю споспѣшествовать оной, сказалъ Баламиръ; но я хотѣлъ бы прежде всего узнать о Милосвѣтѣ. — Прошу о терпѣніи, государь мой, подхватилъ шарикъ, и Баламиръ не нашелъ основанія ему прошивиться. Присушествующіе сѣли на травѣ близъ хижины Доброславовой, и Король Унскій разсказалъ звонарю повѣсть Царевича Дулебскаго, такъ какъ чипашель слышалъ оную прежде.

Хотя я изъ сей повѣсти, — началъ звонарь — и ничего не свѣдалъ, служащаго къ поправленію судьбы моей, но какъ шеперь, узнавъ приключенія Доброславовы, имѣю я свободу разсказать и о моихъ, шо внимайше вы, человекъ, имѣю-

имѣющій на правомъ вискѣ родинку. — Въ оплату за то, что отъ меня услышите, вы конечно возвратите мнѣ утраченное мною благополучіе; ибо возлюбленная моя Богиня мнѣ сіе предвѣщала. . . . О! естъли бы я только одинъ разъ ее увидѣлъ, продолжалъ онъ съ шажкомъ вздохомъ, не пожалѣлъ бы за то расстаться съ жизнью. — Имѣйте надежду, сказалъ старикъ. Начинайте вашу повѣсть, говорилъ Баламиръ, и звонарь повиновался.

Приключенія сумасшедшаго звонаря.

Я не могу вамъ сказать, кто я и отъ кого произшелъ; ибо самъ о томъ ничего не вѣдаю. Меня нашли въ пеленахъ у воротъ шого дому, въ кошоромъ я выросъ, и въ кошоромъ вы меня видѣли обитающаго. Жрецъ Ладина капища воспиталъ меня и любилъ какъ собственнаго
сво-

своего сына, для того что у него дѣшей не было. Глубокое знаніе его въ восточныхъ мудростяхъ послужило и мнѣ учинишься столь же ученымъ, каковъ былъ мой воспитатель; онъ былъ въ Египтѣ и посвященъ таинствамъ. Склонность моя къ наукамъ находила всегда новую пищу: жрецъ упражнялся во оныхъ во все свободное время отъ его должности. Довольные доходы отъ богоговѣйныхъ людей, а особливо отъ молодыхъ женщинъ и пожилыхъ вдовъ, учиняли содержаніе жизни его беззаботнымъ. Не проходило дня, въ коемъ бы не пришекало къ капищу нѣсколькихъ особъ для принесенія клятвъ о вѣчной вѣрности, или для упрошенія у всемогущей Лады о воспламененіи сердца холоднаго любовника, или о вспомоществованіи умирающей природѣ въ тѣлѣ, ослабѣвшемъ отъ времени. Жрецъ, вѣдающій подробно основанія по предразсудкамъ людскимъ принятаго закона, человѣческіе нра-

Часть X.

I

вы

вы и спраспи, умѣлъ пользоваться
 ихъ слабостями. Химія, физика и
 механика оказывали ему услуги;
 онъ отпускалъ всѣхъ довольными;
 храмъ прославлялся и карманъ его
 возрасталъ. жрецъ сей не былъ
 глупѣе прочей своей собратіи, и
 зналъ, что Боги не пребують, кромѣ
 чистаго сердца; почему всѣ прино-
 симые Ладѣ дары препровождалъ
 въ свои сундуки. Я предопре-
 дѣленъ былъ отъ него въ наслѣдники,
 получилъ изрядное наставленіе быть
 лицомъромъ, и учинился бы онымъ
 въ разеужденіи необходимости моихъ
 обстоятельствъ, естли бы не ощу-
 тилъ въ душѣ моей непобѣдимой
 склонности узнать о моихъ роди-
 теляхъ. Сіе чувствованіе не давало
 мнѣ покою и претворило меня въ
 ипохондрика. Сто разъ покушался
 я ишти спранствовать по свѣшу;
 неоднократно въ зашмѣнии моихъ
 мыслей проспирался предъ испука-
 номъ Ладинымъ, прося о удовле-
 створеніи мучащимъ меня желаніямъ;
 но

но какъ сія Богиня въ свою очередь получила другія должности и мое дѣло касалось не до любви, но и остался я не удовольствованъ. По щасію разсудокъ мой удержалъ меня отъ спранствованія; я счелъ, что безъ вѣрныхъ доказательствъ либо не можно узнать моихъ родителей, или найду таковыхъ, коимъ угодно лишь будетъ признать меня за свое чадо; къ тому же опасности путешествія полагали заграду моимъ побужденіямъ. Я остался на произволъ судьбы ожидать снисхожденія мнѣ отъ небесъ, но задумчивость моя не премѣнилась. Тщетно спарался жрецъ, проникшій въ мою тайну, нравоученіями своими выбить изъ головы моей опягчавшія оную безпокойства. Онъ представляя мнѣ, сколь безумно безпокоить себя желаніями, коихъ удовлетворить нѣтъ надежды; что отъ изрядной жизни не ищутъ лучшей; что можетъ быть родителями мои, если я узнаю ихъ, не та-

ковы ко мнѣ будутъ горячи, какъ онѣ; что щастіе оныхъ не одарило ихъ ни такимъ изобиліемъ, ни шаковымъ промысломъ, каковымъ могу я навсегда пользоваться въ его домѣ, и что чинѣ жреца Ладина представляешъ ежедневно удовлетвореніе всѣмъ человѣческимъ утѣхамъ, какъ-то, продолжалъ онѣ, не вкушаемъ ли мы лучшихъ кусковъ и изящнѣйшихъ винъ на счетъ великодушной Лады? не имѣемъ ли вѣрныхъ средствъ пользоваться прелестями наилучшихъ прибѣгающихъ къ Богинѣ красавицъ, и шому подобное? Основанія моего воспишателя были истинны, но въ моей душѣ не дѣлали впечатлѣнія; я осмался задумчивымъ, а онѣ попрежнему лицемѣромъ и роскошнымъ до слѣдующаго приключенія. Дикій обитающій въ горахъ народъ напалъ на нашу страну, и по естественному праву опустоша оную, не пощадилъ ни жреца, ни капища Ладина. Я, спрятавшись подъ кровлею

лею храма, былъ свидѣтелемъ, какъ разбили въ мѣлкія часши испу- канъ Богининъ, и взяли часши онаго, вылишыя изъ золона, какъ раз- грабили домъ жрецовъ, и съ воз- можнѣйшимъ въ свѣтѣ хладно- кровіемъ опсѣкли ему голову. Сердце мое раздиралось отъ жалости, зри- рая на несчастный конецъ моего воспитателя. Я любилъ его, не смотря на развращенный нравъ его, однакожъ я не плакалъ; ибо страхъ отъ побѣдителей оспановилъ слезы. Три дни пробылъ я въ ужасѣ безъ пищи и поюши безъ сна; напо- слѣдокъ осмѣлился взойти на коло- кольню. Осматривая на всѣ стороны, не видалъ я ни дикихъ, ни обиа- пелей окружныхъ мѣстъ. Миѣ пре- жде всего вошло въ голову, что я долженъ буду умереть съ голоду въ странѣ, шoliko опустошенной; сіе вложило въ меня желаніе по- звонить въ колокола, опредѣленные впрочемъ шолько для украшенія опправлявшихся годичныхъ шор- жествъ,

жествъ, въ ожиданіи, что можешь
быль я созову обитателей страны
нашей, естли остатки оныхъ гдѣ
нибудъ укрываются. По щастію ди-
кіе не сочли колокола достойными
своего бремени; ибо они лучше лю-
били золото и серебро, равно какъ
и просвѣщенные народы, которые
шакже въ подобныхъ случаяхъ бе-
рутъ оное во всѣхъ мѣстахъ, ка-
кія бы оныя ни были, священныя ли,
или простолюднскія. Я началъ зво-
нить, но никто не появлялся. До
нѣсколька разъ переставалъ я и
опять начиналъ, пока наступила
ночь. Я приходилъ въ отчаяніе
и всего вѣрнѣе ожидалъ, что голодъ
до начала дни приведетъ меня въ
несостояніе сойти съ колокольни.

Посреди сихъ печальныхъ мыс-
лей увидѣлъ я, что колокольня освѣ-
щилась нѣкимъ яркимъ блиста-
ніемъ. Сперва подумалъ я, что
сіе отъ молніи; но какъ сіяніе не
преставало, то собралъ я остатки
моихъ силъ встать и узнать при-
чину

чину онаго. Я увидѣлъ парящую на воздухѣ птицу не изъяснимой красоты, и блистаніе сіе происходило отъ ея перьевъ. Миѣ извѣстно было, что нѣтъ въ природѣ такого живописнаго, почему не можно миѣ было вспастъ на другія мысли, кромѣ что я вижу божество того храма, въ коемъ нахожуся. Я палъ на колѣна и вопіялъ: О Богиня! спаси несчастнаго, умирающаго съ голоду. И естли ты сама всемогущая Лада, то прости смертному, пренебрегавшему до сего часа твое служеніе. Я еще не чувствовалъ любви, но я ли по тому причиною, что не было вліянія твоего въ мою природу? — Тѣмъ ты для меня дороже, ошѣчала птица; я хочу научить тебя любви и сама отъ себя научишься. Предайся миѣ, я учиню тебя счастливымъ. — О Богиня, сказалъ я! какія условія съ смертнымъ, я предаюсь тебѣ безъ изъятія. Выговоря сіе, хотѣлъ я простереться на землѣ, но почувствовалъ, что

и что невидимое меня подхватило, и поднявши на воздухъ, присоединило къ блистающей пицѣ. Я ощущалъ божественный восторгъ въ моей душѣ; пицца помчалась со мною съ невѣроятною быстротою, и я считалъ себя преселяющимся въ жилище безсмертныхъ.

Не можно мнѣ измѣрять разстоянія, ни времени, сколько мы неслись по воздуху, но знаю только то, что мы опустились въ преогромномъ замкѣ. Тысячи служителей и служительницъ въ блгомъ одѣянїи встрѣтили насъ съ зажженными благовоными свѣчами. Весь замокъ блисталъ отъ драгоценностей, составляющихъ онаго украшенія, и повсюду воспаленныхъ потѣшныхъ огней. Хоры музыкантовъ воспѣли торжественныя пѣсни, соглася оныя со звукомъ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій; всюду блистала радость, и тысячи присутствующихъ прекрасныхъ дѣвицъ казались отъ оной еще прелестнѣе. Въ восхищеніи

ни моемъ я ожидалъ, что Богиня собрала сихъ красавицъ для наученія меня любви; и я возъмѣлъ глупое воображеніе, что не учинился ли и я по крайней мѣрѣ полубогомъ. Однакожъ, хотя заблужденіе сіе прошло, я не могу изъяснить вамъ, что было въ моемъ сердцѣ, когда пшлица сія, коснувшись землѣ, превратилась въ молодую дѣвицу. Досель не умѣлъ я знать истинную цѣну прелестямъ, но образъ моей Богини учинилъ въ мгновеніе ока вкусъ мой понкимъ: красота служащихъ въ замкѣ дѣвицъ была только слабая нѣнь противу совершенствъ ея. Каждая изъ нихъ могла бы сослужить наилучшее украшеніе Двору величайшаго въ свѣшѣ Монарха; но взглянувъ на Богиню, уже казались онѣ мнѣ не лучше загорѣлыхъ на солнцѣ паспущекъ. Богиня не дозволила мнѣ продолжати моихъ примѣчаній, хотя бы впрочемъ и можно было чѣмъ нибудь занимати чувства опричь ея. Она заключила меня въ свои объ-

яшя и освятила губы мои неопи-
 саннымъ поцѣлуемъ, разлившимъ
 божественный жаръ во всю мою при-
 роду. Послѣ чего, взявъ меня за
 руку, ввела въ преогромную комна-
 ту и сѣла со мною за столъ. Я
 забылъ было, что я не вѣлъ болѣе
 прехъ супокъ, естли бѣ запахъ
 вкуснѣйшихъ ѣствъ не припомнилъ
 мнѣ, что я еще не Богъ. — Ты
 ожидаешь объясненія судьбы швоей,
 любезный Ярославъ, (такъ я на-
 зываюсь) сказала она, пожавши мою
 руку; но будетъ къ тому время,
 а теперъ послѣдуй мнѣ. — Она ку-
 шала, и я принужденъ былъ не шакъ
 часто насыщать глаза мои ея пре-
 лесными; ибо, признашьса надобно,
 я очень былъ голоденъ. Надежда
 и ожиданіе учинили меня невнима-
 тельнымъ ко всѣмъ другимъ заба-
 вамъ; я не слушалъ пѣнія и не
 видалъ, какво плясали хороводы
 дѣвицъ во время ужина. Наконецъ
 дождался я, что Богиня встала изъ
 за стола и подала мнѣ руку. Мы
 при-

пришли въ особливую комнату, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ сосудъ съ виномъ. Богиня, указавъ на оный, сказала мнѣ: я привожу тебя къ освященной чашѣ, которая заключитъ нашъ бракъ, естли ты находишь въ сердцѣ своемъ равномерныя моимъ къ тебѣ склонностямъ. Вѣдай, что я давно уже люблю тебя, и могу клясться, что вѣчная сія спрась въ всѣ дни мои не угаснешъ. Судьба моя назначила меня тебѣ, но ты находишь ли меня достойною любви своей? — Какой вопросъ, вскричалъ я, обнявъ ея колѣна! смертный не долженъ ли обожать тебя? Я клянусь тебѣ своею красою, моими неизбъясними къ тебѣ чувствованіями, и всемъ, что ни есть на свѣшъ свяшо, что любовь моя къ тебѣ неизреченна. — Послушай же, сказала она, поцѣловавъ меня, я люблю тебя и клянусь въ помѣ небесами, что вѣрность моя къ тебѣ будетъ вѣчна. Однакожъ, вступаая со мною въ бракъ,

оспа-

осталось мнѣ предложитъ тебѣ и въ-
 копорыя условія, кои должно тебѣ
 всегда сохранятьъ, естли не хочешь
 учинитъ меня и себя несчастными.
 Впервыхъ, ты не долженъ любопыш-
 ствоватъ о мнѣ, кто я; ибо нужно
 ли вѣдать тебѣ, какого роду та
 особа, коей ты предалъ себя? Жела-
 нія наши должны состоятъ только
 въ любви. Вовторыхъ, ты не долженъ
 никогда скучать здѣсь и желать
 другаго обитанія, для того, когда
 сей замокъ съ обладаніемъ мною
 не принесетъ тебѣ удовольствія, то
 ты нигдѣ онаго уже не сыщешь.
 Втретьихъ, что составляетъ главную
 часть нашего условія, не долженъ
 ты никогда желать узнать, кто
 были твои родители; ибо въ семъ
 состоитъ общее наше спокойство.
 Въ томъ самый часъ, когда ты
 здѣсь скучишь и откроешь мнѣ о
 желаніяхъ таковыхъ, ты меня ли-
 шишься и утратишь свое счастье и
 покой. — Я принесъ ей вновь кля-
 твы и обѣщался сохранить сіи за-
 по-

повѣди въ почносши. Увы! я, тогда еще не испыталъ, что человекъ ничѣмъ на свѣшѣ доволенъ быть не можешъ. Послѣ сего пили мы вмѣстѣ вино изъ сосуда, и сей священный обрядъ учинилъ насъ супругами. Я заснулъ въ объятіяхъ моей возлюбленной, ни мало не заботясь, Богиня ли она, или смертная; но себя считалъ оставившимъ земную мою природу; ибо сладости, мною вкушенныя, казались мнѣ собственными только небожителемъ.

Всѣ дни текли непримѣтно, каждая минута раждала мнѣ новыя ушѣхи, а въ послѣдующихъ симъ ожидали новыя пріятности въ объятіяхъ возлюбленной моей супруги. Она умѣла оживлять часы разными забавами; я былъ для нее все, равно какъ и она для меня. Мы никогда не разскавались, и могу сказать, что долго я не имѣлъ другихъ желаній, какъ ей нравиться. Если что въ свѣшѣ, кромѣ замка моей возлюбленной, не входило мнѣ и въ

го-

голову, сѣдешвенно не могу я до-
нести вамъ, сколько времени про-
должалось мое благоденствіе; по-
тому что въ радостяхъ нѣшъ ну-
жды помышлялъ о томъ.

Однако какъ въ природѣ чело-
вѣческой есть нѣчто побуждающее
безпрестанно къ новымъ желаніямъ,
то и я не въ силахъ былъ наконецъ
протривиться происшедшимъ въ го-
ловѣ моей мыслямъ. Хотя я былъ
благополучнѣйшій любовникъ, ща-
сливый супругъ, но во мнѣ родились
странныя желанія: для чего я не
учинился отцемъ, равно какъ бы
безъ сего залога не доставало мнѣ
нѣжности моей супруги. Я началъ
искать уединенія, но всѣ сады, всѣ
гульбища, въ коихъ искусство съ
природою спорили о преимуществѣ
красоты, учинились мнѣ скучны. Я
самъ вопрошалъ себя, чего мнѣ не
доставаетъ? Отвѣтствовалъ на ро-
дящіяся въ головѣ моей прехованія,
но ничѣмъ не удовлетворялъ моему
сердцу. Развѣ опредѣлено, думалъ
я,

я, не быть мнѣ извѣстнымъ на свѣтѣ: я не знаю моихъ родителей, дѣшей не имѣю, умру и память моя исчезнетъ. Я чувствовалъ, сколь неосновательны таковыя предразсудки, старался испребить оныя, но повсегда они появлялись съ новымъ для меня безпокойствомъ. Богиня моя, — ибо я не знаю заподлинно, кто она, — примѣшила се; она старалась умножать свои нѣжности, повседневно выдумывала новыя для меня забавы, чшобъ опшести меня отъ несчастныхъ таковыхъ желаній; но видно, что злополучіе предопредѣлено было въ мою участь, ничто меня не избавило. Я обожалъ ее, вѣдалъ, что желанія мои пагубны для ея и собственнаго моего покою, но не могъ удержаться. Кто она, представлялось мнѣ послѣ всѣхъ моихъ разсужденій. Если она смертная, то не льзя ожидать, чшобъ не возможно ей было удовлетворить несшерпимымъ моимъ хотѣніямъ увидѣшь моихъ

моихъ родителей; а ешьли Богиня, то какъ не власпна она перенесши оныхъ въ свой замокъ и учинишь ихъ учаспниками моего блаженства? Можешъ бышь она отсрочиваетъ сію радость для меня, пока удосто- вѣрится въ любви моей къ себѣ; но можно ли любишь уже больше? — Такъ размышлая, заключилъ я опкрышь ей мое безпокойство и про- сить ее о соединеніи меня съ мо- ими родителаями.

Въ семъ намѣреніи, провѣдя прошиву обыкновенія моего цѣлое упро, уединясь въ одну удаленную въ саду бесѣдку, пошелъ я искать моей супруги. Я нашелъ ее въ великой печали. Мнѣ не вообразилось шого, что я повергаю ее въ сіе со- ошояніе; а любопытство и любовь къ родителаямъ моимъ принуждали меня учинишь къ ней прозьбу. По нѣкошорыхъ довольно холодныхъ ла- скахъ, началъ я: прости меня, воз- любленная супруга, что я хочу про- сить тебя о возвращеніи моего по-
коя,

коя, коего я со всемъ моимъ благо-
 получіемъ давно уже не нахожу
 въ божественномъ швоемъ жилищѣ.
 — Я примѣшилъ, что слезы по-
 текли изъ очей моей супруги при
 словѣ семъ; я соспрадалъ онымъ
 во внушренихъ души моей, одна-
 кожъ не удержался отъ продолженія
 прозъбы моей. — Образъ, подъ
 каковымъ я узналъ тебя, увѣряешъ
 меня, что ты не можешь быть
 просшою смертною, но ты не знаю
 какое находишь шайнство скрывать
 отъ меня свою природу. Я и не
 пребую знать о томъ, довольству-
 ясь нѣжною швоею ко мнѣ любовію;
 однако любовь сія не истребляешъ
 во мнѣ чувствъ природы: я не знаю
 моихъ родителей и не сомнѣваюсь,
 что ты въ силахъ оныхъ мнѣ по-
 казать. Я заклинаю тебя пере-
 нести ихъ въ швой замокъ. —
 Неблагодарный, вскричала она! ты
 нарушилъ свое обѣщаніе, погубилъ
 меня и себя: ты разлучилъ меня
 съ собою. . . . Прости любезной и
 Часть X. К не-

нещасной супругъ. — При окончаніи словъ сихъ она упала въ обморокъ ; густое облако спусясь похишило ее и унесло изъ глазъ моихъ.

Что спалъ я при семъ приключеніи, изобразить не можно. Подобный пресупнику, ожидающему послѣдняго удара, не могъ я двинуться съ мѣста, и сердце во мнѣ окаменѣло. Всѣ слѣдствія учиненнаго мною нарушенія клятвы живо представились очамъ моимъ. Видя, что я лишился драгоцѣннѣйшаго предмета моихъ дней, возненавидѣлъ я жизнь мою и искалъ оружія, чтобы лишить себя оныя. Но посреди опчаянія моего почувствовалъ, что меня схватили за руку; я оглянуся и усмотрѣлъ женщину въ бѣломъ одѣяніи. Время хопя овладѣло уже прелестными лица ея, однакожъ сіяніе оныхъ блистало еще въ черныхъ очахъ ея. Нещасный Ярославъ, сказала она мнѣ! напрасно предаешься ты неисповѣсту своего опчая-

шелями и возлюбленною. Однакожъ ,
чтобъ удовлетворилъ ты преступ-
ленію за несохраненіе заповѣди ,
долженъ ты сохранить слѣдующую,
которая малѣйшее нарушеніе ли-
шитъ тебя на вѣки твоей супруги
и родителей. Ты не долженъ ни-
кому открывать приключенія тво-
его съ сіяющею пщицею , и ни съ
къмъ не говоришь до пришествія
къ тебѣ помянутаго человѣка, имѣю-
щаго родину. Но и еему опнюдь
не объявляй о своемъ приключеніи ,
пока не доставитъ онъ тебѣ извѣ-
стія о живущемъ внизъ по теченію
источника, орошающаго землю Ла-
дина капища , рыболовъ , который
безпрестанно починиваетъ свои сѣпи.
Если сей рыболовъ откроетъ свою
повѣсть, тогда позволено рассказать
и тебѣ свою. Въ то время наста-
нетъ благополучный часъ , въ ко-
торый возвратится супруга твоя въ
твои объятія ; тогда увидишь ты
и своихъ родителей и многихъ дру-
гихъ весьма къ тебѣ близкихъ особъ,
пре-

преперѣвающихъ нещасія. Все ихъ благополучіе зависить отъ твердо-сти своего языка. — Она, выговори-въ сіе, махнула палочкою, кою держала въ рукахъ своихъ, и въ то мгновеніе ока подхватилъ меня вихрь и принесъ въ жилище, гдѣ я воспитанъ.

Спрого ли наблюдалъ я заповѣдь, данную миѣ сею женщиною, копорую я долженъ счестъ за волшебницу, о томъ вамъ (продолжалъ Ярославъ къ Баламиру) извѣстно. Я не гово-рилъ ни съ кѣмъ ни слова до ва-шего прибытія. Правду сказать, что я и рѣдко былъ подверженъ сему искушенію; ибо послѣ набѣга дикихъ и раззоренія нашей области весьма мало осталось жителей. Ме-жду тѣмъ и малое число сіе не османило меня безъ прозвища: я проименованъ отъ нихъ сумасшед-шимъ звонаремъ. Признаюсь, что я имя сіе заслуживалъ, попому что никто не могъ добиться отъ меня ни слова. Я убѣгалъ отъ всѣхъ

меня вопрошающихъ; и какъ уронъ возлюбленной моей супруги ежечасно наполнялъ мученіемъ мои чувства, и образъ ея повсегда воображался мнѣ, по провождалъ я все время, бѣгая на колокольную башню, и звоня въ колокола, ожидая, что звукъ оныхъ привлечетъ по прежнему къ опрадѣ моей сіяющую пищу. Однакожъ я не получалъ изъ того другой опрады, какъ только подтвердилъ мнѣніе людей о моемъ сумосбродствѣ.

По отшествіи вашемъ къ рыбаку я продолжалъ обыкновенное мое упражненіе бѣгать на башню звонить, воздыхать, проливать слезы, проклинашь мой просѣупокъ и пищаться подаваніемъ добросердечныхъ людей; наконецъ увидѣлъ я сего почтеннаго старика, привезшаго меня къ вамъ и сихъ двоихъ молодцовъ. Не знаю, какая волшебная сила ошогнала отъ сердца моего горести, и наполнила оное надеждою, что несчастія мое прекращающіяся,

щаются, когда сей старикъ повелѣлъ мнѣ за собою слѣдовать. Одинъ изъ числа сихъ двухъ молодыхъ (говорилъ Ярославъ) открылъ мнѣ, что онъ мой родной братъ. Я не нашелъ никакого въ томъ увѣренія, потому что онъ не могъ объяснить мнѣ, по какой причинѣ называется моимъ братомъ и кто наши родители, однакожь сердце мое движеніемъ своимъ подтвердило слова его. До сихъ поръ мы еще не говорили, а дѣлали другъ другу одни вопросы, никогда на оныя не отвѣчая; но объясненія наши, въ кои часто мы другъ друга заключаемъ, свидѣтельствуютъ, что мы должны быть единоутробные. —

Ярославъ кончилъ свою повѣсть, взглянувъ на сапожника, и подавалъ шѣмъ ему знакъ желанія своего узнать его приключеніе.

Я разумѣю сей безмолвный языкъ, отвѣчалъ ему сапожникъ; ты, любезный братъ, ожидаешь отъ

меня свѣдѣнія, почему я называю себя симъ пріятнымъ именемъ, но ты изъ моей повѣспи споль же мало свѣдаешь о томъ, и останешься въ равномѣрной, какъ и я, непрерывливоспи узнать, кто наши родители. Одна причина удерживала меня до сихъ поръ впускаться съ побюю въ разговоры: какъ и ты имѣлъ я заповѣдь не сказывашь моихъ походовъ, пока не узнаю я твоихъ. Теперь я получилъ свободу. — И можешь сдержашь свое обѣщаніе мнѣ, подхвашилъ Баламиръ. По чести должно бышь весьма чудному случаю, мѣшавшему тебѣ въ пяшь лѣшъ сшить пару башмаковъ, и приключавшему чрезъ все по время воображеніе, производящее рвону.

Я не совѣшю тебѣ медлить, сказалъ старикъ; ибо чѣмъ скорѣ ты расскажешь подробности твоей жизни, тѣмъ ближе будешь ты къ своему щастію. — Все собраніе его къ тому побуждало и онъ началъ:

По-

Попѣсть сапожника.

Я также не извѣстенъ о моей природѣ, какъ и Ярославъ. Люди, воспитавшіе меня, нашли меня, вспавши нѣкогда отъ сна, лежащаго въ колыбели не задолго предъ тѣмъ умершаго ихъ сына. Они сочли сіе за особливую милость небесъ, и какъ кромѣ шого дѣшей у нихъ не было, а лѣта ихъ не подавали уже надежды къ рожденію другихъ, шо и оказывали они о мнѣ родительскія попеченія. Не прежде, какъ по пришествіи моемъ въ смыслъ, узналъ я о себѣ, что я несчастный подкидышъ. Таковая суровость испицныхъ моихъ родителей и любовь сихъ постороннихъ произвела во мнѣ шо, что я никогда не жалѣлъ о давшихъ мнѣ жизнь, а всю горячность обратилъ къ моимъ воспитателямъ. Какъ сей благодѣтель мой былъ сапожникъ, шо и меня научилъ ремеслу своему; я успѣлъ во ономъ столько, что укрѣпясь въ

лѣшахъ , снялъ весь трудъ про-
 пишанія дому моего на себя , и шѣмъ
 заплашилъ моимъ воспитателямъ.
 Я прославился искусствомъ моимъ
 не токмо въ мѣстечкѣ , гдѣ обиталъ,
 но и въ сосѣдствѣ. Проворство и
 чистота моей работы доставляла
 мнѣ довольные доходы ; мы жили
 во изобиліи въ разсужденіи нашего
 состоянія , и наконецъ долженъ былъ
 съ огорченіемъ оплакать смерть
 моихъ названныхъ родителей. Пре-
 давши шѣла ихъ землѣ съ пристой-
 ною честью , остался я самовла-
 стнымъ въ ихъ домѣ. Собранное ими
 и моими трудами имѣніе по воз-
 держной моей жизни было доста-
 точно доставило мнѣ отдохновеніе
 въ трудахъ моихъ. Я работалъ
 уже отъ скуки , а не отъ необходи-
 мости.

Состояніе мое являло мнѣ ну-
 жду вступить въ бракъ , но не знаю,
 какая шайная гордость раждалась
 въ моихъ мысляхъ , какъ скоро до-
 ходило до выбора невѣсты. Мнѣ
 пред-

представлялось, что только дочь какогонибудь Князя удобна удовлетворить моимъ желаніямъ. Естественнo, что я никогда бы не искалъ такого союза; ибо кто бы могъ согласиться съ моимъ высокимъ о себѣ воображеніемъ, хотя неоспоримо и то, что подкидышъ можетъ имѣть право причитаться въ родню и къ самымъ владѣтелямъ? Однакожъ я не шужилъ, что оспался одинакъ; я имѣлъ свое время препровожденіе: полевая охота была изъ давняго времени моею страстію. Я стрѣлялъ совершенно изъ лука, и между прочимъ имѣлъ ошмѣнное дарованіе въ бѣганіи, такъ что къ удивленію моихъ соповарищей въ охотѣ достигалъ зайца на бѣгу.

Въ одинъ разъ, когда я упражнялся въ шипѣ башмаковъ, ученикъ мой, вбѣжавъ ко мнѣ, кричалъ, что по двору моему бѣгаетъ заяцъ. Я не увѣрился оному и хотѣлъ пошпрѣть самъ, но выскоча на дворъ,

уви-

увидѣлъ, что по была правда: Хоша тогда былъ глубокий вечеръ и ночь довольно шемная, однако я, надѣясь на меткость моей руки, кричалъ моему ученику, чшобъ онъ подалъ мнѣ лукъ и стрѣлы. Ученикъ замѣшкался, а заяцъ между тѣмъ побѣжалъ съ двора. Я счелъ, что есть ближайшій способъ достичь мнѣ онаго и схватишь руками. Я погнался за нимъ, а заяцъ какъ бы нарочно усѣдалъ въ близкомъ отъ меня разстоянн; но всегда убѣгалъ съ быспроснью, когда я уже готовъ былъ схватить его. Таковымъ образомъ вывелъ онъ меня не токмо изъ селенія, но и весьма далеко отъ онаго. Надобно быть охотникомъ, чшобъ имѣть поняшне о шой спральной склонности, которая побуждаешъ гнашься за зайцемъ, какъ скоро оный побѣжитъ; посему нѣтъ чуда, что я всю ночь провелъ въ незнакомыхъ мѣстахъ, пресѣдуя сего звѣря. Онъ умѣлъ заманивать меня и напослѣдокъ

вско.

вскочилъ въ обширное дупло нѣкошораго великаго дерева. Съ прыжкостью, съ какою спремился я за нимъ, вскочилъ и я за нимъ въ дупло и поймалъ онаго за переднюю ногу. —

На семъ словѣ остановился сапожникъ, испустя тяжкій вздохъ, и возводя взоры свои на небо, пришелъ въ нѣкошорую задумчивость. Старикъ вывелъ его изъ оной, сказавъ ему: видно, что вы весьма горячій охотникъ, когда уловленіе зайца приводитъ васъ въ задумчивость. — Въ семъ должно быть нѣкакой шайнѣ, подхватилъ Баламиръ. Можешъ быть, сказалъ старикъ съ улыбкою. Да, опивчалъ сапожникъ, поглядѣвъ ему въ глаза, и можешъ быть почтенный старикъ лучше всѣхъ въ состояніи объяснить оную. —

Конечно, — продолжалъ онъ, обратясь къ слушателямъ; — всѣ мои несчастія произошли отъ сего часа и приключившееся со мною можешъ сочтено быть за исправную ложь.

ложь. Но когда никто не сдѣлалъ возраженія Ярославу въ разсужденіи явленія сіяющей пшпцы, то можешъ бышь не сочтунъ за странное, что и я, схватя зайца, увидѣлъ себя вмѣсто дупла въ преогромныхъ палатахъ, держащаго за руку найпрелестнѣйшую дѣвицу. Всякъ согласишь промѣняшь и оленя, не токмо зайца на красавицу; почему и я не заботился о томъ, куда дѣвался онъ; но не могъ понять ни малѣйшаго изъ случившагося превращенія. Я приведенъ былъ онымъ въ шаковое удивленіе, что не могъ выговорить ни слова, ни сохранишь вѣжливости, чтобъ по крайней мѣрѣ выпустить руку красавицы, когда уже она пресшала бышь ногою зайца. Дѣвица сія взирала на меня глазами, изъ коихъ я накорошкѣ уразумѣлъ, что она не досадуетъ за мою неучивость и что рука ея досшалась не прошивному для нея человѣку. Напослѣдокъ прошли минушы замѣшательства, но я сполькожъ

кожѣ неизвѣстенъ былъ о судьбѣ
 моей, хотя имѣлъ смѣлость поцѣло-
 вать нѣсколько разъ руку, достав-
 шуюся мнѣ по охотничьему праву.
 Любопытство мое никто не могъ раз-
 рѣшить, кромѣ сей красавицы, въ
 кошорую я при первомъ взглядѣ
 смертельно влюбился. — Не уди-
 вляйся сему превращенію, любез-
 ный Добродѣтель, (такъ я назы-
 ваюсь), — сказала мнѣ сія дѣ-
 вица; — я называюсь Замира, и
 какъ дочь нѣкошорой волшебницы,
 имѣю довольное знаніе въ чрезъ-
 естественной наукѣ. Судьба моя
 опредѣлила мнѣ избрать супруга
 по моей волѣ, и я во всѣхъ спра-
 нахъ свѣта не нашла достойнѣе
 себя владѣть мною. Мнѣ извѣсны
 гордыя твои мысли въ разсужденіи
 избранія твоего себѣ въ супруги; но
 если склонности сердца твоего
 не противятся чистотѣ моего къ
 тебѣ пламени, ты ничего не угра-
 тишь, учинясь моимъ мужемъ. Я
 родилась отъ Короля, превосходящаго
 вла-

властію своєю всѣхъ Государей
 извѣснаго свѣта. Неизчепныя бо-
 гашства, находящіяся въ моей вла-
 сти, достачочны подашь намъ
 великолѣпную жизнь на всѣ наши
 дни, а горячность моя обѣщаетъ
 тебѣ спокойство и всѣ сладости вѣр-
 наго супружества. Впрочемъ сынъ
 ли ты сапожника, тебя воспитав-
 шаго, я люблю тебя; или имѣешь
 родишелей, сидящихъ на престолѣ,
 для меня равно и сердце мое не
 имѣетъ нужды въ семъ испытаніи.
 Скажи, не учинишь ли ты меня не-
 щастнѣйшею изъ всѣхъ женщинъ
 на свѣтѣ, и не щещно ли я уношре-
 била хипроснь, кою ты залученъ
 въ мой замокъ? — Ахъ прекрас-
 ная Замира, вскричалъ я, поверг-
 шись къ ногамъ ея: не дѣлая та-
 ковыхъ вопросовъ, ты могла уже
 читашь изъ глазъ моихъ, что я
 съ перваго взора обвороженъ твоими
 прелестями. Какое щастіе можешь
 сравнишья съ обладаніемъ побою!
 Владѣй да вѣкъ мною, когда тебѣ

и благопріятной судьбѣ моей угодно возвести меня на верхъ благоденствія. Щастіе мое превзошло мои воображенія, хопя душа моя повсегда чувствовала сей отличный жребій. Я вижу, что не тщетно сердце мое оставалось свободно отъ любви до сего времени, когда рокъ мой опредѣлялъ въ немъ храмъ божественной Замирѣ. Я ничего не могу проптивупоставить твоимъ достоинствамъ; сапожникъ не можетъ имѣть оныхъ, но Доброчестъ ощущаетъ, что онъ въ силахъ обожать Замиру и любить сполько, чтобъ она никогда въ выборѣ своемъ не раскаявалась.

Такое привѣтствіе замкнуто было нѣсколькими пламенными поцѣлуями, коихъ мы не считали; ибо губы наши прежде успали, нежели мы насыпились. — И такъ я швся, любезный Доброчестъ, на вѣки твоя, сказала наконецъ Замира, испустя вздохъ, совѣмъ отличный отъ шѣхъ вздоховъ, какъ овые производитъ огор-

Часть X.

Л

че-

ченіе. Она клялась мнѣ вѣчною вѣр-
ностію, а я приводилъ ей во сви-
дѣтели всѣхъ Боговъ, кои мнѣ при-
шли на память, что до смерти одну
ее любить буду. И я конечно удер-
жу мое слово; ибо я обожаю несра-
вненную Замиру, копя оную упра-
шилъ. . . и упротилъ мою по-
грѣшностію, примолвилъ Доброчестѣ
вздохнувъ, какъ вздыхаютъ ошъ
испянной горести.

Я взошла на верхъ моихъ же-
ланій, сказала мнѣ на другой день
Замира: я увѣрена, что съ моей
стороны супругъ мой не увидитъ
причины къ огорченію, но я опас-
юсь, чтобъ самъ онъ не повергъ
себя и меня въ злосчастіе. Для сего
должна я опкрыть тебѣ, Доброчестѣ,
нѣкоторое условіе, пребуемое ошъ
тебя таинствомъ судьбы моей, и
ты долженъ въ сохраненіи онаго
дать мнѣ клятвенное обѣщаніе.
Владѣя мною и всемъ, мнѣ при-
надлежащимъ безъ изъятія, можешь
ты здѣсь давать свободу всѣмъ
шво-

швоимъ желаніямъ , но не позволено
 тебѣ имѣшь любопытства въ одной
 вещи , копорая въ родѣ жизни моей
 можетъ бышь покажешся тебѣ стран-
 ною . Я предваряю тебя , что естѣ-
 ли ты не удержишь онаго , то по-
 губишь себя и меня : мы будемъ
 разлучены , и вмѣсто сладостей , ко-
 имъ не было бы конца для насъ въ
 семъ замкѣ , подвергнемся жесто-
 чайшимъ горестямъ . — Я клялся
 ей , что любопытство никогда не
 будетъ владѣть мною ; поелику оное
 и никогда не бывало моею страстію .
 Замира шѣмъ удовольствовалась , и
 я препровелъ цѣлый годъ , показав-
 шійся мнѣ однимъ днемъ , съ возлю-
 бленною Замирою . Она предъупре-
 ждала всѣ мои желанія , изыскивала
 новыя для меня ушѣшенія и люби-
 ла меня страстно . Мы не разлуча-
 лись , кромѣ времени , копорое я про-
 вождалъ на охотѣ ; но и сію скло-
 носъ , къ коей не имѣла пристрастія ,
 присвоила она себѣ въ мое угожде-
 ніе , и не рѣдко провождала она цѣ-

лые дни со мною въ лѣсахъ. Я считалъ себя благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, и былъ въ самомъ дѣлѣ таковымъ; ибо обжалъ Замиру, которая сама меня боготворила.

Я жилъ въ совершенной роскоши: столъ мой наполненъ былъ избраннѣйшими ѣствами и напиткими; но мнѣ весьма чудно показалось, что супруга моя никогда ничего не ѣла. Всегда находила она отговорки, когда я спрашивалъ у ней о причинѣ тому: либо недостатокъ аппетита, или боль въ желудкѣ, но больше находила поспребности, отвлекающія ее въ олучку во время обѣдовъ и ужиновъ. Не смѣлъ я спрашивать у служителей нашихъ, опасаясь, чтобъ не сочтено было сего за любопытство, о томъ, кушаетъ ли госпожа ихъ гдѣ нибудь наединѣ, но не удержался, чтобъ не присматриванъ за нею; однакожъ никакъ не примѣнилъ, чтобъ она когда нибудь что ѣла.

Не

Не можно спасться, думалъ я, чипобъ жена моя могла жить безъ пици: шѣло, кошорое я часто осязаю, пребуешъ оной, говорилъ я самъ себѣ. Миѣ вспало на умъ, что она предъ раздѣваніемъ своимъ обыкновенно на нѣсколько минутъ оспавляетъ меня одного въ постелѣ себя дожидатъся. Не знаю, почему хотѣлось миѣ примѣшпшь за нею, равно какъ бы спокойствіе дней моихъ зависѣло отъ познанія, кушаетъ ли моя Замира, или питаетъся однимъ воздухомъ. . . . О проклятое любопытство, воскликнулъ Доброчестъ! ты учинилось причиною всѣхъ бѣдствъ моихъ; отъ себя я лишился возлюбленной моей супруги и претерпѣлъ несказанныя болѣзни и печали. . . . Заключа мое намѣреніе, легъ я въ постелю ранѣе обыкновеннаго и пришворился заснувшимъ. Жена моя легла со мною вмѣстѣ, но вскорѣ увидѣлъ я, что она присматриваетъ, дѣйствительно ли я сплю. Ахъ, сказалъ я самъ

Л 3

себѣ!

себѣ! теперь - то узнаемъ мы, чего хочется, и захрапѣлъ, чтобѣ лишить ее всякой заботы о моемъ бодрствіи. Замира, удостоверясь въ своей безопасности, вспала весьма оспорожно, вышла вонъ и побѣжала внизъ по лѣспницѣ, лежащей въ садѣ. Я слѣдовалъ за нею въ надзирѣ и увидѣлъ, что она вскочила въ пошайныя дверцы, находящіяся у подошвы горы, лежавшей въ концѣ сада. Я вошелъ шудажъ и крался темнымъ проходомъ, ведущимъ въ пещеру, освѣщаемую серебряною лампадою. . . . О Боги! что я увидѣлъ? я не могу по сихъ поръ вспомнить того безъ омерзѣнія, хотя уже тому прошло больше пяти лѣтъ. . . . Я увидѣлъ посреди пещеры сей стоящій гробъ и въ немъ мертвое шѣло человеческое. Вонь, отъ онаго происходящая, едва меня не задушила, но Замира. . . . Ахъ! я не могу продолжать словъ моихъ . . . но Замира могла сосать гной изъ начавшей гнить груди его.

Омер-

Омерзѣніе и гнѣвъ овладѣли всѣми моими чувствами; я не утерпѣлъ, чшобъ не вскричать: ахъ, гадкая женщина! сіе шо соспавляетъ швою пищу, и за шѣмъ шо шы не находишь вкуса. Вспъ со мною. — Слова мои поразили какъ бы громомъ Замиру; она упала въ обморокъ, не могши отвѣчать миѣ ни одного слова. Я мерзилъ ею въ часъ шопъ и не могъ подать ей помощи; я бѣжалъ обратно изъ пещеры. Замира между шѣмъ пришла въ себя; голосъ ея остановилъ меня. Неблагодарной, кричала она миѣ! развѣ не оказывала я шобѣ всей горячности, надлежащей опъ иѣжной и вѣрной супруги? развѣ не предупреждала всѣхъ швоихъ желаній? чего не доспавало къ покою шведему? Какая нужда была знать шобѣ, чѣмъ я питаюсь? Но шы не превозмогъ пагубнаго намъ любопытства. . . . Увы! мы разлучаемся можешъ быть на вѣки. — Сказавъ сіе, пришла она опять въ без-

памяштво, и покрывшая смертною бѣдностію, упала на землю. Сіе состояніе ея привело меня въ жа-дось; я бросился къ ней на по-мощь. Но приближаясь, вообразилъ, что хочу лобзашь, — и какъ мо-жно лобзашь шѣ уста, на ко-ихъ остались части согнивающаго трупа. Я воспрепешалъ отъ омер-зѣнія, отскочилъ прочь, остановился; великая мнѣ сдѣлалась пощнопа; я бѣжалъ, спрадая отъ рвоты, досады и омерзѣнія.

Не знаю, что воспослѣдовало съ Замирою; я съ того времени не ви-далъ ее. Я еще не рѣшилъ, остану-ся ли мнѣ въ замкѣ, или возвра-тись въ прежнее мое жилище; но и какъ можно было избрать то, или другое? Въ замкѣ каждая вещь напоминала мнѣ видѣнную мною мерзость, а въ кошорую сто-рону надлежало итти домой, я не вѣдалъ. Во время сихъ размыш-леній, прерываемыхъ мучительными воображеніями, предспала ко мнѣ жен-

женщина въ бѣломъ одѣяніи. Добро-
честѣ, сказала она мнѣ! ты при-
мѣромъ своимъ доказалъ, что чело-
вѣкъ состояніемъ своимъ быть до-
воленъ не можешь. Какое бы по-
среди твоей благополучной жизни
должно быть тебѣ безпокойство о
томъ, чѣмъ жена твоя питается?
Развѣ сіе уменьшало любовь ея къ
тебѣ и твое щастіе? Однакожъ я
не укоряю тебя за то и не при-
своваю сего просхупка къ твоей чело-
вѣческой природѣ; есть причина,
которая прошиву воли твоей влекла
тебя въ сіе бѣдствіе. Еслибъ
любопытство твое не побудило
тебя открытъ тайну жены твоей,
благополучіе ваше бы продолжалось:
ты увидѣлъ бы слѣдствія того, что
наноситъ тебѣ таковое омерзѣніе,
обращившимися въ неописанное для
тебя ушѣшеніе. Но что опредѣлено
судьбою, того не избѣгнешь. Спупай,
несчастный Доброчестѣ, продолжай
твоей прежній промыслъ. Но если
хочешь наконецъ быть щастливымъ,

сноси безъ роптанія свою участь, и никому на свѣтѣ не открывай о приключеніи своемъ. Въ семъ зависитъ тайна твоего избавленія. Миѣ извѣстно, что многіе будущъ вопрошатъ тебя о причинѣ воображенія твоего, имѣющаго приключать тебѣ пошноту, но опасайся говорить о семъ; ибо о томъ не долженъ никто вѣдать, кромѣ человека, могущаго рассказать тебѣ повѣсть о сумасшедшемъ звонарѣ. Сей звонаръ живетъ отъ дому твоего верстахъ во стѣ близъ большей идущей отъ селенія вашего дороги; онъ тебѣ родной братъ, но не спрашивай у меня о его и твоихъ родителяхъ. Всякаго, имѣющаго просить тебя о разсказаніи твоихъ приключеній, отсылай ты къ сему брату своему; ибо въ семъ будетъ состоять премѣненіе судьбы твоей и средство къ познанію родителей твоихъ и возвращенію твоей супруги. Еслилижъ ты будешь, также нескроменъ, сколько былъ любопышенъ, то вѣчно не

не избавишься отъ своего спрданія, и будешь разлученъ съ возлюбленными тебѣ особами.

Проговоря сіе, женщина оная пропала въ глазахъ моихъ, а я побѣжалъ въ палаты, чтобъ спросить у служителей о мѣспечкѣ, въ коемъ былъ я сапожникомъ; для того что до сего часа не приходило мнѣ и въ мысль навѣдаться о томъ. Я чаялъ всходить по лѣспницѣ, но вдругъ очутился въ моемъ собственномъ домѣ къ великому удивленію ученика моего, считавшаго уже меня погибшимъ, и по приговору старшинъ нашего селенія учинившагося хозяиномъ въ маломъ моемъ имѣніи.

Видите ли теперь, сказалъ сапожникъ Ярославу, что я долженъ былъ называть васъ своимъ братомъ, не вѣдая почему, кромѣ какъ по словамъ женщины, учинившей мнѣ завѣщаніе о скромности? — Любезной братъ, отвѣчалъ ему Ярославъ! воспитанникъ
жре-

жреца не можетъ гордиться бытъ роднею воспитаннику сапожникову ; въ семъ есть нѣкоторое равенство. Впрочемъ поиспийнѣ въ приключеніяхъ нашихъ есть нѣчто чудное , и хотя я опнюдь не понимаю шайны, оныя покрывающей, но надѣюсь, что взаимная наша склонность не будетъ суешна , и мы узнаемъ наконецъ ея причину. . . . Но какова была собою та женщина , которая тебѣ о семъ сказывала? — Доброчестѣ учинилъ ему описаніе , и Ярославъ изъ оного узналъ , что она та же самая , коя и ему являлась. Онъ началъ было выводить изъ того разсужденія , но старикъ прервалъ оныя , напомня Доброчесту , что умедленіе окончаніемъ повѣсти его опнимаетъ время въ приближающемся ихъ щастіи. Почему сей продолжалъ :

Молодыя лѣта ученика моего и запущенное его хозяйство принудили меня приняться за прежній мой промыслъ. Я началъ шить шу пару башмаковъ , кощорую вы, Баламиръ,

миръ , видѣли въ рукахъ моихъ . Но едва я взялся за шило , вообразилось мнѣ , какъ во время сей работы прибѣжалъ ко мнѣ на дворъ заяцъ ; потомъ представилось счастье мое во обладаніи прекрасною Замирою ; любовь ея ко мнѣ возобновила мою къ ней горлчность , и я воздыхалъ , проливалъ слезы и кликалъ ее по имени . Но вскорѣ по семъ напоминалось мнѣ гнусное приключеніе ея съ мертвымъ прутомъ , и производило во мнѣ шу жестокую рвоту , которой вы были свидѣтелемъ . Пять лѣтъ проводилъ я въ такомъ мучительномъ состояніи , не могли кончить моей работы ; для того что сколько разъ я ни принимался за оную , всегда одинакія воспоминаенія входили въ мою голову , и производя во мнѣ печаль о упрямѣ Замириной , кончались воображеніемъ , приключавшимъ мнѣ пошному .

По отсутствіи вашемъ къ моему брату сумасшедшему , о коемъ и странной его жизни доходя-

ходящіе въ наше селеніе слухи
меня удосповѣрили , не получилъ
я ни малаго въ спраданіи моемъ
облегченія до прибытія сего по-
чтеннаго шарика съ щедрымъ
Зеліаномъ , о копоромъ я также
извѣстенъ былъ по слуху. Хотя я
и полагаалъ великую надежду ошъ
вашихъ открытій , но надежда сія
не приносила мнѣ никакой отрады ;
потому что болѣзнь моихъ вообра-
женій еще послѣ васъ умножилась.
Наконецъ сей почтенный шарикъ ,
нашедшій меня въ моемъ спраданіи,
увѣрилъ меня , что я для изцѣленія
моего долженъ оставишь мой домъ
и послѣдовать его водительству. Я
повиновался ему ; болѣзнь моя со-
вершенно прошла , и хотя я вос-
поминаю по прежнему мою любезную
Замиру , но воспоминаніе сіе не при-
чиняетъ уже больше мнѣ омер-
зѣнія : она спала мнѣ милѣе прежня-
го , и я нахожу множество оправда-
ній , или думаю , что могу оныя найши
въ поступкѣ ея съ мершвымъ шру-
помъ.

помѣ. — Мы прибыли къ Ярославу, и взявъ онаго съ собою, приплыли къ вамъ. На семъ берегу почувствовалъ я необычайное предвѣстіе радости, о причинахъ чему сей почтенный шарикъ можетъ быть лучше свидущъ. —

Да, любезной Доброчестъ, подхватилъ старикъ; какъ мы уже окончалъ свою повѣсть, то могъ бы я сказать тебѣ, что не всегда должно заключать о гнусности дѣйствій по ихъ виду. Есть случаи, въ коихъ представляющееся глазамъ нашимъ преступленіе бываетъ происходящимъ отъ добраго намѣренія. . . . Однако я опять припоминаю, что намъ не должно медлить окончаніемъ нашихъ повѣстей. — Конечно, подхватилъ Баламиръ, Зеліанъ обязанъ мнѣ рассказать свои приключенія, когда уже слышалъ онъ повѣсть сапожника. — Не справедливо бы было, (сказалъ старикъ) возбуждая въ васъ любопытство шѣмъ, что повѣсть его

его имѣетъ связь съ вашими случаями, умолчашъ и васъ не удовлетворить за трудъ, понесенный вами въ его пользу. — Безъ сомнѣнiя, отпѣчалъ Зелiанъ, шеперь Король Уинскiй узнаетъ о всемъ.

Ярославъ и Доброчестъ, услыша, что въ собранiи ихъ присушествуетъ Король, приведены были тѣмъ въ замѣшательство. Они никогда еще не видывали Государей, и пошому думали, что особа шаковаго рода должна быть выше человѣка. Они хотѣли удостовѣриться глазами въ своихъ поняшiяхъ, но Зелiанъ нарушилъ ихъ любопытство и принудилъ ко вниманiю.

Приключенiя Зелiана, по прозванiю страннопримца.

По образу жизни, подъ которымъ я извѣстенъ, никто не можетъ заключить, чтобъ не былъ я сыномъ каковаго нибудь великаго вла-

владѣшеля; но я не имѣю причинѣ
 знаишь о себѣ, что я таковой же
 подкидышѣ, какѣ Ярославѣ и Добро-
 чесѣ. Мнѣ неизвѣсны мои роди-
 тели и обстоятельство, принудив-
 шія оныхѣ отдать меня чужому
 воспитанію. Можетѣ быть сіе про-
 изошло и не по ихѣ волѣ; можетѣ
 также спашься, что снѣдѣ, или
 бѣдность, принудили мать мою
 отпоргнуть меня отѣ сосцовѣ сво-
 ихѣ. Я нахожу убѣжденіе лучше
 вѣришь, что они противѣ желанія
 своего учинили меня питомцемѣ
 нѣкоего пустытника. Сей мужѣ,
 сколько мнѣ кажется по впечатлѣв-
 шемуся вѣ мою память, во многомѣ
 сходствовалѣ съ симѣ почтеннымѣ
 старикомѣ, къ вамѣ меня привез-
 шимѣ; но я оставляю сей вопросѣ
 до окончанія моей повѣсти. —
 Старикѣ, какѣ бы не вслушавшись
 вѣ сіе, молчалѣ; а Зеліанѣ продол-
 жалѣ: — И такѣ до двенадцати
 лѣтъ моего возраста считалѣ я
 пустытника отцемѣ моимѣ. Онѣ

Часть X.

М

вос-

воспитывалъ меня съ крайнимъ и прямо родительскимъ заботливостемъ. Я любилъ его съ сыновнею горячностью и считалъ, что весь свѣтъ состоитъ только изъ двухъ насъ; ибо я никого не видывалъ, кромѣ пастухника.

Когда я началъ уже имѣть возможность дѣлать порядочныя разсужденія, вопрошалъ я моего отца о многомъ, и между прочимъ, есть ли на свѣтѣ подобныя намъ люди въ сравненіе тому, что я примѣнилъ во всѣхъ родахъ животныхъ не по два только, но во множествѣ одинакаго образа. Сіе привело его между прочими моими объясненіями открыть, что я не его сынъ и что онъ нашелъ меня до двухъ лѣтъ вскормленнаго грудью инокшорой бездѣтной пастушки, которая также нашла меня въ пеленахъ принесеннаго къ ея шалашу, и приняла на мѣсто умершей въ то время у ней дочери; что пріятности лица моего принудили его купить меня у пастушки

и учинишь наследникомъ его богатствъ, еспли я буду имѣшь достойныя надежды его дарованія. Я по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, продолжалъ онъ, принужденъ отказашься отъ моихъ собственныхъ дѣшей; о чемъ однако вѣдашь тебѣ никакой нѣтъ нужды. Довольно для тебя учреждать себя шакъ, чшобъ я не имѣлъ причины уменьшишь любовь мою къ тебѣ; впрочемъ ты будешь щасливъ.

Сколько дозволялъ смыслъ моихъ лѣтъ, учинилъ я моему воспиташелю шакový опвѣтъ, коимъ былъ онъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ опкрышье о моемъ сиротствѣ не премѣнило къ нему склонности сердца моего; я любилъ его съ горячностію; какъ бы истиннаго опца; однакожъ не долго я ошался спокойнымъ: начало познаній моихъ приводило меня изъ одного любопышства къ другому, и примѣчанія мои опкрыли мнѣ въ пустынныхъ нѣкоторыя странныя дѣйствія, кой

М 2

объ

объяснишь мнѣ онъ упрямылся, на примѣръ: я подмѣшилъ, что онъ, уединяясь отъ меня, разговариваетъ съ невидимыми голосами; летаетъ по воздуху на крылашыхъ коняхъ и рачительно запираетъ отъ меня нѣкоторыя двери подземныхъ нашихъ храминъ, находившихся въ пещерѣ одной горы. Хотя онъ и старался успокоить мое любопытство разными хитрыми околичностями, но я имѣлъ уже столько проицанія, чтобъ онымъ не вѣрить. Какъ случилось, что пустынный ошлучался иногда на нѣсколько дней, сіе средство казалось мнѣ удобнымъ къ извѣданію всего отъ меня скрываемаго. Я притворился успокоившимся и ничего не внимающимъ, игралъ моими обыкновенными забавами, но подмѣчалъ, куды прятетъ онъ ключи свои. Мнѣ удалось унести ихъ, такъ что онъ, не схватываясь оныхъ, удалился незнаемо куды по своимъ дѣламъ.

Остав-

Оставшись свободенъ, далъ я волю моему любопытству, и пришедъ къ первой двери, отперъ оную. Я проходилъ сквозь многіе представившіеся мнѣ покои, и наконецъ вошелъ въ подземный садъ, въ которомъ однако сквозь отверстія въ горѣ было весьма свѣтло. Долго гулялъ я въ ономъ, утѣшаясь разными дополъ еще невиданными предметами. Правильность дорогъ, рѣдкость и красота деревъ и цвѣтовъ, водометы и бесѣдки, на каждомъ шагѣ меня ошановляли. На послѣдокъ удивленіе мое возшло на высочайшую степень: входя въ одну изъ деревъ сплешенную сѣнь, увидѣлъ я на дерновой софѣ спящую дѣвицу. Ей не было еще больше осьми лѣтъ; но видно уже казалось, какія прелести получитъ она въ возрастѣ совершенномъ.

Тогда я не токмо не имѣлъ еще понятія о прелестяхъ нѣжнаго пола, но и зналъ оный только по описанію; однако я не могу изобразить

вамъ, какое удовольствіе находилъ я взиранъ на сію дѣвицу: сердце во мнѣ билось, и я, сѣвши близъ нее, не смѣлъ почти дышать. Въ такомъ положеніи провелъ я нѣсколько часовъ, пока она пробудилась. Я не упомню, какіе тогда были наши разговоры, но знаю только то, что мы съ того часа сдѣлались друзьями. Мы играли вмѣстѣ и заплакали, когда я вспомнилъ, что мнѣ надлежитъ ее освободить. Я вышелъ, заперъ по прежнему двери, и едва успѣлъ положить на прежнее мѣсто ключи, какъ путешеникъ мой возвратился.

Онъ схватился ключей, которые всегда носилъ съ собою, и не примѣняя того, что я укралъ у него оныя, заботился только о томъ, что оныя забылъ и чтобъ мнѣ они не попались. Не видалъ ли ты моихъ ключей, спросилъ онъ у меня, какъ только вошелъ? Описавъ мой былъ говоръ и я сказалъ, что нѣтъ. Онъ, нашедъ ихъ на

на томъ же мѣстѣ, гдѣ забылъ, успокоился. Таковымъ образомъ мнѣ удавалось часто видѣться съ дѣвицею, копорья имя по сихъ поръ мнѣ неизвѣстно. Я спрашивалъ у нее, какимъ образомъ она попалась къ пустыннику и за чемъ онъ ее содержитъ такъ тайно? Она отвѣчала мнѣ, что пустынникъ называетъ ее своею дочерью; что она, какъ себя помнитъ, общается въ семъ саду; что пустынникъ приходитъ къ ней только для ученія ея въ словесныхъ наукахъ; что она находить всегда гошовой сполъ и прочее, когда ей захочется пишь, или ѣсть; кромѣжъ того она не знаетъ ни о чемъ и не видывала отъ роду никакихъ живошныхъ, опричь меня и опца своего. Сіе подало мнѣ причину къ размышленіямъ: естли дѣвица сія дочь пустынникова, за чемъ же онъ не сдержитъ ее, такъ какъ меня, на глазахъ своихъ, думалъ я? Однакъжъ, не имѣя понятія о различіи

пола человеческого и о слѣдствіяхъ, производимыхъ природою между молодыми особами различныхъ половъ, еспьли предоспавить ихъ естественной волѣ, не нашелъ я никакихъ основаній, чшобъ воспиташель мой въ семъ случаѣ посшупалъ справедливо. Но нечѣмъ было оное премѣнить; я опасался, чшобъ пустыжникъ не провѣдалъ и о шайныхъ нашихъ свиданіяхъ, и не пресѣкъ бы оныхъ къ общему нашему огорченію; ибо мы, не зная почему, любили другъ друга смертельно. Время наше прошекало въ взаимныхъ наставленіяхъ: чшо я узнавалъ отъ моего воспиташеля, рассказывалъ ей, а чему она изучалась отъ него, шолковала мнѣ.

По нещасію моему пустыжникъ зачалъ ключи носить въ карманѣ, и мнѣ больше, нежели въ два мѣсяца, не удалось ихъ получить. Привычка моя къ дѣвицѣ повергла меня въ жестокую печаль, чшо я ее не вижу. Нѣсколько разъ покушался

шался я открыть пустынною, что я вѣдаю про дочь его, и просить у него дозволенія войти къ ней; но опасаясь, что онъ можешь быть на сіе не согласится, и узнавъ, что я пользовался ключами, не будешь болѣе оплошенъ, оспанавливалъ слова, готовыя сорваться съ языка моего. Но какъ сіе не приносило мнѣ отрады, прибѣгъ я къ хитрости: я вздумалъ сказать ему, что слышалъ человѣческой голосъ у дверей, и спросить, что сіе значитъ. Я надѣялся, что можешь быть онъ откроетъ мнѣ истину и подастъ тѣмъ случай просить себя не разлучать меня болѣе съ моею сестрою. Я дѣйствительно сказалъ ему о томъ съ довольнымъ прищворствомъ о моемъ невѣдѣніи; однакожъ онъ увѣрялъ меня, что мнѣ сіе попусту мечталось, и не давъ распространять словъ, меня оставилъ.

Я не могу изъяснить досады и печали, копорую произвела во мнѣ

М 5

сія

сія неудача. Всякій часъ прибѣгалъ я къ дверямъ, удерживающимъ входъ къ сестрѣ моей; клякалъ ее, но она не могла слышать, и я принужденъ былъ отходить со слезами. По вѣкошоромъ времени удалось мнѣ укрась ключи, и при первомъ способномъ случаѣ отперъ я двери и побѣжалъ къ сестрѣ моей. Мы заключили другъ друга въ объятія и плакали отъ радости. Я открылъ ей причину, по каковой столь долго съ нею не видался. Укоряли за жестокость общаго нашего отца, что онъ разлучаетъ насъ, и совѣтовали о средствахъ, какимъ бы образомъ облегчить наше свиданіе. Не было ничего къ тому удобнаго, какъ мнѣ отккрыться въ любопытствѣ, принудившемъ меня укрась ключи, и что я узналъ, что есть у меня сестра. Она одобрила сію выдумку, и я заключилъ оную произвести въ дѣйство. Ожидая успѣха, разсѣались мы довольны и съ надеждою, что не будемъ уже больше имѣть препятствія въ свиданіи.

Пу-

Пустыинникъ еще не возвратился, и сей промежекъ времени напомнилъ мнѣ о другихъ дверяхъ, за коими я не бывалъ, и о копорыхъ первое открытіе уничтожило-было мое любопытство. Я опсперъ оныя, и проходя по заулкамъ мрачной пещеры, пришелъ въ круглую храмину, освѣщаемую слабымъ свѣтомъ горячей лампы. По стѣнамъ въ оной висѣли разныя совѣмъ мнѣ неизвѣстныя орудія, а посрединѣ ея сполалъ сполъ и на ономъ лежала толстая книга, переплещенная въ змѣиную кожу. Я выученъ былъ грамотѣ ошъ моего воспитателя; почему пожелалось мнѣ узнать ея содержаніе. Разкрывъ книгу, увидѣлъ я въ ней только одни бѣлыя листы. На чтожъ, подумалъ я, имѣшь такую толстую книгу, когда въ ней ничего не написано? И въ самое сіе мгновеніе ока на пустомъ бѣломъ листѣ изобразились буквы. Съ удивленіемъ прочелъ я содержаніе оныхъ: „Сія очарованная книга

„ МО:

„ можешъ отвѣчать на всѣ вопросы. „
 Изрядно, вскричалъ я въ себя ошъ
 радости, изрядно прекрасная книга!
 мы надѣлаемъ шебъ оныхъ доволь-
 но. Скажи мнѣ, я желаю знать, за
 подлинно ли сія дѣвица, которую
 держитъ пустынникъ взаперти,
 дочь его, и какъ достигнешь, чтобъ
 я съ нею былъ неразлученъ? —
 Тогда въ книгѣ нѣсколько листовъ
 перекинулось безъ моего прикоснове-
 нія, и я читалъ на открывшейся
 страницѣ слѣдующее: „ Она не дочь
 „ пустыннику, но родная сестра
 „ шебъ. Со временемъ вы узнаете
 „ о своихъ родителяхъ. Судьба пред-
 „ опредѣлила сестру твою для благо-
 „ денствія нѣкоторыхъ народовъ,
 „ къ чему пустынникъ сей ее при-
 „ угошываетъ; и для того не мо-
 „ жешъ быть, чтобы ты былъ съ
 „ нею неразлученъ. „ — Посемъ
 вопрошалъ я о состояніи и имени
 моихъ родителей, но книга не ока-
 зала мнѣ въ томъ услуги, и листы
 въ ней не перекидывались. Я дѣлалъ
 послѣ

послѣ того множество другихъ вопросовъ, изъ коихъ иные были ошвѣтствованы, а другіе остались безъ ошвѣтовъ. Наконецъ пришло мнѣ въ голову спросить, какимъ образомъ можно получить крылашаго коня, и лешать на ономъ по воздуху. Я теперь не упомяну словъ, коимъ научила меня книга; но тогда я твердо оныя впечатлѣлъ въ мою память и былъ наспавленъ, что по проченіи оныхъ пребуемый конь явишся къ моимъ повелѣніямъ и понесетъ меня, въ которую мнѣ сторону угодно. Удовольствовавшись въ семъ обстоятельствѣ, пошелъ я вонъ, чтобъ въ тошъ же часъ извѣдать силу словъ, сказанныхъ мнѣ книгою. Но когда уже хотѣлъ запереть двери, вообразилось мнѣ, что книга сія можетъ подавать мнѣ во многихъ случаяхъ наспавленіе, и что я не всегда могу получать способъ доставать ключи пустынноковы; посему заключилъ взять оную и спрятать въ другое мѣсто. Я
учи-

учинилъ сіе, а двери заперъ по
прежнему. Между шѣмъ, какъ я
вышелъ изъ пещеры для сисканія
удобнаго хранилища книгъ, пришло
миѣ въ голову прочесть слова, при-
зывающія крылатаго коня. Я про-
кричалъ ихъ и въ шортъ часъ тае-
ковый конь предсталъ ко миѣ. Удо-
вольствіе мое было неописанно; я
не размышлялъ о слѣдствіяхъ, но
сѣлъ на коня и далъ ему волю
нести меня, куда угодно. Нача-
ла я веселился; конь поднимался на
воздухъ пихимъ лешаніемъ; но
радость моя вскорѣ прошла, когда
онъ пустился съ чрезмѣрною бы-
спростію. Я увидѣлъ себя въ край-
ней опасности упасъ и разбился
въ дребезги; ибо миѣ не лзя было
держаться, какъ только одною ру-
кою, потому что въ другой держалъ
я книгу; и шакъ схватился я за
гриву коня. Однако сіе не помогло
миѣ; конь опчасу умножалъ свою
быспрость, къ помужъ началъ бры-
каться и потряхавъ меня споль же-
споко;

споко, что книга вырвалась изъ руки моей. Въ самомъ страхѣ моемъ не забылъ я, чего спойшѣ потеря шаковаго сокровища; почему хотѣлъ я оную схватишь, но наклонясь всѣмъ шѣломъ, потерялъ равновѣсіе и сорвался съ коня долой. Я не помню, что со мною послѣдовало, кромѣ того, что я полетѣлъ стремглавъ съ высоты возъдуха на землю въ слѣдъ за моею книгою; смершнй ужасъ лишилъ меня чувствъ.

Пришедъ въ память, увидѣлъ я споящую близъ меня женщину, и что я нахожусь въ великолѣпныхъ чертогахъ. Не чудно, естли я, приговорясь къ досповѣрной смерти, пришелъ въ радость и удивленіе, нашедъ себя жива. Безъ сомнѣнія вы моя избавительница, сказалъ я женщинѣ, вставая и оказывая ей мои благодаренія; ибо впрочемъ гибель моя была неизбѣжна. — Такъ, вы угадали, отвѣчала мнѣ она; безъ помощи моей конечно
на.

явили бы вы смерть близъ моего жилища. Однакожъ, оказывая вамъ помощь, не сдѣлала я ничего, кромѣ долгаго всѣмъ смертнымъ чело-вѣколюбія, слѣдственно благодарности за сіе не заслуживаю. Я всегда обращала всю силу и знаніе свое на вспомошествованіе несчастныхъ. Вамъ должно вѣришь, что я волшебница, называемая Зимонія. По нѣкоторымъ обстоятельствомъ, въ коихъ я виновною не бывала, впала я подѣ гнѣвъ Короля волшебниковъ; сей учинилъ надо мною очарованіе, лишившее меня не токмо власши, но и заключившее навсегда въ моемъ замкѣ; я не могла вышши за во-рошы онаго, не подвергнувшись смер-ти. Вы не можете представить себѣ скуки, каковую ощущаетъ чело-вѣкъ, склонный къ добро-дѣліямъ, когда увидишь себѣ пре-сѣченныя средства къ содѣланію добра. Я проводила время только прогуливаніемъ въ садахъ моего замка и оплакивая потерю моихъ шрехъ

трехъ дочерей, коихъ гнѣвъ Короля волшебниковъ ошпоргъ отъ меня и подвергъ разнымъ злключеніямъ, копорымъ я до извѣснаго времени пособишь не въ силахъ. Гонитель мой позналъ уже мою невинность и несправедливость своего поступка, но ужасныя произнесенныя имъ въ первыхъ движеніяхъ гнѣва кляшвы не могутъ до особливаго случая премѣнить судьбу какъ дочерей моихъ, такъ и другихъ соучастствующихъ и имѣющихъ соучастствовать въ ихъ несчастіи. Сама я хотя имѣю уже свободу помогаю постороннимъ, но моимъ родственникамъ не въ состояніи; избавленіюжъ своему споспѣшествовали вы сами. Я лишилась силы моего знанія до шѣхъ поръ, какъ очарованная книга была во власти одного пустыника, а кто онъ въ самомъ дѣлѣ, сказать я не могу; вамъ извѣстно, какимъ образомъ вы лишили его оной; но упрашую ея помощи вы къ спасенію своей жизни; ибо духъ,

Часть X.

Н

при-

принужденный вами принявъ
 образъ крылатаго коня, хотя не
 могъ вамъ неповиноваться, но пре-
 небрегалъ ношу, не умѣющую содер-
 жать его въ покорности. Онъ хо-
 тѣлъ опмстить вамъ за несмыслен-
 ную вашу отважность, вознамѣрясь
 опровергнуть въ какую нибудь про-
 пасъ. Щастіе ваше состояло въ
 томъ, что вы уронили изъ рукъ
 очарованную книгу: она при паденіи
 своемъ въ саду моемъ была под-
 хватена мною, и недѣятельность
 моя въ вспомошествованіи человѣкамъ
 пресѣклась. Я сохранила васъ отъ
 раздробленія. Пустынный жалѣетъ
 о опасности, въ кою вы предались;
 потому что онъ проникъ чрезъ вол-
 шебство о вашемъ неосторожномъ
 поступкѣ. Онъ вѣдаетъ также,
 что книга очарованная, доставшись
 въ мои руки, лишилась своего дѣй-
 ствія; но онъ о утратѣ сей не шу-
 житъ въ разсужденіи того, что сіе
 обстоятельство полагаетъ начало
 къ возвращенію собственнаго его спо-
 койства.

дѣйствія. Впрочемъ не жалѣйте, что вы dospались въ мои руки; судьба гаша будетъ благополучнѣе у меня, нежели у пустытника. Я не могу открыть вамъ о вашей природѣ, но знаю, что вы predeterminedены къ нѣкошорому высокому званію, которое пребуестъ довольнаго ученія, познанія свѣша, обычаевъ и нравовъ онаго. Я лишилась моихъ дѣшей; лѣша ваши еще способны къ наспавленіямъ; я хочу заступитъ мѣсто вашей матери, и отъ васъ зависитъ просвѣтитъ отъ меня ваши познанія.

Я благодарилъ Зимонію за столь добрыя ко мнѣ расположенія; и какъ я не надѣялся на свисхожденіе пустыниково за нанесенныя отъ меня ему досады, то съ радостію препоручилъ себя въ покровительство моей благодѣтельницы. Я обишалъ у ней нѣсколько лѣшъ, и во оныя получилъ совершенное познаніе о свѣшѣ; она преподала мнѣ насспавленіе во многихъ свободныхъ

наукахъ: въ нравственной и политической Философіи и въ должностяхъ человѣка, зачиная отъ Монарха до послѣдняго земледѣльца. Прочее время мое провождалъ я въ чтеніи полезныхъ книгъ и прогулкахъ.

Наконецъ испыталъ я, что человѣкъ предназначенъ къ обществу: сколь ни спокойна была жизнь моя у Зимоніи, но я началъ скучать. Я не знаю моихъ родителей, размышлялъ я; учась, къ какой я опредѣленъ мнѣ, неизвѣстна; какоежъ будетъ послѣдсваго обитанія моего въ семъ замкѣ? Онъ такъ пусть, и всеневное упражненіе мое такъ обыкновенно, что не лзя не желать переменъ. Пусть осужденъ я не имѣшь сообщенія со свѣтомъ до нѣкопорого времени, пусть должно не видашь мнѣ и моихъ родителей, но сестра моя, обитающая въ заточеніи у пустыника, должна ли быть подвержена своей участи? Не благоприсойнѣ ли
оби-

шать ей у Зимоиі? Пустыяникъ, или надзирашель красавиць, легко можетъ быть подверженъ искушенію, каковое удобно произвествъ неприяныя для сестры моей свѣдствія; многія читанныя мною повѣсти показывали тому примѣры. — Словомъ сказать, я не вѣрилъ, чшобъ сестра моя, по увѣренію очарованной книги, лучше для благодетельствія народовъ могла предуготовлена бышь пустыяникомъ, чѣмъ Зимоиіею; почему заключилъ просияніе сію о перенесеніи ея вѣ одно со мною мѣсто. Зимоиія изъ прежнихъ моихъ съ нею разговоровъ знала уже, что я имѣю сестру, но причины, для коихъ она обила у пустыяника, либо были ей неизвѣстны, или она мнѣ опкрышь обѣ нихъ не могла. Однакожъ прозьба моя не была ею спвергнуша; она просила у меня шолько времени для призванія о-помъ на помощь ворожбы. Учиня сію, сказала она мнѣ, что она не имѣешъ власши испоргнушь

сестру мою изъ рукъ пустыинника; но что я могу покуситься на ея освобожденіе. Она обѣщала мнѣ оказашь съ стороны своей вспоможеніе, и назначила день къ моему путешествію.

Боги вѣдають, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я онаго дня; наконецъ оный насталъ. Зимоія вручила мнѣ шляпу и говорила слѣдующее: Зеліанъ! ты долженъ въ странѣ Дулебской искашь сестры своей. — Въ Дулебской, подхвашилъ Баламиръ? Сія страна мнѣ очень извѣстна. О Боги! естъли догадка моя. — Позволено догадываться, пресѣкъ старикъ, но не должно прерывать повѣствованія. Баламиръ можешъ бы худо принялъ сіе наставленіе въ Унигардѣ, но здѣсь замолчалъ и Зеліанъ продолжалъ: — Мнѣ не позволено, говорила Зимоія, въ путешествіи своемъ и въ намѣреніяхъ оказашь иныя помощи, какъ дашь тебѣ сію шляпу. Оная учинишь тебя невидимымъ,

шымъ, когда надѣша будетъ тобою
 на голову; впрочемъ употребленіе
 сея пользы оставяется на твою
 волю. Однакожъ я не совѣтую тебѣ
 скидать съ головы своей шляпу,
 еслии судьба приведетъ тебя во
 Дворецъ Царей Дулебскихъ; ибо ты
 легко можешь тамъ оную утратить,
 невозвратно. Зимонія, прощаясь
 со мною, вручила мнѣ еще кошелекъ,
 изъ коего высыпались безпрестанно
 червонныя, хотя бы трясти онымъ
 безъ остановки. Въ путешествіи
 не можно обойтися безъ денегъ,
 примодвила она, и съ симъ кошель-
 комъ не будетъ тебѣ въ оныхъ
 недоспадка. Я отблагодарилъ ей
 за всѣ благодѣянія и пошелъ,
 чшобъ въ первомъ удобномъ мѣсцѣ
 развѣдать о дорогѣ, ведущей въ
 страну Дулебскую. Изученіе раз-
 ныхъ нарѣчій много облегчило путь
 мой, который продолжалъ я до зе-
 мли Дулебской чрезъ страны раз-
 ныхъ народовъ какъ сухимъ пу-
 шемъ, такъ и водою; ибо я взялъ

прямую дорогу и переѣхалъ заливъ Меотисскій въ корабль.

Я счелъ за благо повсегда имѣть на головѣ невидимую шляпу; для того какъ я шелъ пѣшій, — не влюбя всѣхъ коней послѣ поѣздки моей на крылатомъ, то сіе не шокмо сохранило меня отъ многихъ безпокойствъ и опасностей, но и учинило мнѣ спранствование мое забавнымъ. Вы не можете предсавить, сколь утѣшно быть невидимымъ, для того что сіе обстоятельство учиняетъ свидѣтелемъ наисокровеннѣйшихъ дѣйствій. Я видѣлъ, какъ придворные обманываютъ другъ друга, а вообще Государя; какъ несходно ложные друзья поступаютъ въ глаза и заочно; какъ лукавятъ дѣти предъ родителеми, а супруги въ своихъ бракахъ; какъ набожные жрецы, изнуряющіе плоть свою днемъ, провождаютъ наироскошнѣйшія ночи; какія хитрости изобрѣтаютъ заперщія красавицы, чтобъ искуснымъ
обра-

образомъ впустишь къ себѣ смѣлаго
 мужчину, и тому подобное. Я имѣлъ
 возможность пользоваться всемъ,
 чего не лзя дѣлать безъ шляпы
 невидимки, и можетъ бы наспроилъ
 довольно пакостей, естлибъ Зимо-
 ния не насадила въ сердцѣ моемъ
 добрыхъ склонностей. Но я не спа-
 ну вносишь въ мою повѣсть тако-
 выхъ мѣлкихъ приключеній; догад-
 ливый человѣкъ и безъ меня про-
 никнетъ, каковы люди и что они
 въ ономъ на счетъ ближнихъ своихъ
 явно и тайно производятъ.

Я приближался уже къ берегамъ
 Меописа, какъ увидѣлъ одного
 путешественника, перпящаго напа-
 деніе отъ разбойниковъ. Онъ обо-
 ронялся какъ левъ прошиву многихъ.
 Неравный сей бой принудилъ меня
 послѣшать, а шляпа невидимка по-
 давала надежду, что разбойники
 принуждены будутъ оставить свою
 добычу. Но я не имѣлъ никакого
 оружія, слѣдственно не ловко было
 вмѣшаться между копей и мечей.

Сіе вложило мнѣ въ мысль заслѣ-
 пить злодѣямъ глаза пескомъ, ко-
 его на мѣстѣ сраженія довольно
 было. Я произвелъ сіе съ таковымъ
 успѣхомъ и съ произнесеніемъ угро-
 зительныхъ словъ, сочтенныхъ раз-
 бойниками за произшедшія съ неба,
 что они сіе вмѣнили гнѣвомъ Бо-
 говъ, и какъ ослѣпшіе, такъ и
 здорovéе обратились въ бѣгство. Го-
 лосъ мой удивилъ не менѣе и из-
 бавленнаго мною, по видимому зна-
 наго произшествія путешественника.
 Сей остановился неподвиженъ, когда
 я снялъ мою шляпу и предсталъ
 глазамъ его; но я не оставилъ его
 въ незнаніи и открылъ ему какъ
 о себѣ, такъ и о причинѣ моей не-
 видимости. Путешественникъ при-
 носилъ мнѣ благодарность съ та-
 ковымъ ошмѣннымъ родомъ чистоп-
 сердечія и благороднаго духа, что
 я возчувствовалъ къ нему отличную
 склонность, кошорая вскорѣ обрати-
 лась въ тѣсную дружбу; ибо мы
 заключили путешествовать вмѣстѣ.

Сей

Сей мой другъ вамъ довольно знакомъ, продолжалъ Зеліанъ къ Баламиру; онъ называется Алаваръ, и есть самый пощъ вашъ любимецъ, съ которымъ вы взростали и учились вмѣстѣ. Ошъ него узналъ я о соспряніи государства Унискаго и о всѣхъ шѣхъ щедротахъ, кои изліяло небо къ щастію онаго въ особу вашу, яко будущаго наслѣдника престола. Онъ учинилъ мнѣ подробное описаніе объ васъ, такъ что я наконецъ, увидя васъ въ моемъ домѣ и кромѣ перстня, бывшаго на рукѣ вашей, легко бы узналъ васъ. Алаваръ въ разговорахъ своихъ, нечувствителью доходя повсегда къ особѣ вашей, такъ меня къ гамъ приспраспилъ, что я вознамѣрился побывать въ Унигардѣ, и дѣйствительно учинилъ бы то, естѣлибъ судьба моя въ послѣдствѣ не разлучила меня съ Алаваромъ, какъ о томъ услышите.

Алаваръ находился въ путешествіи не по инымъ обстоятельствомъ,

ствамъ, какъ только для познанія свѣта и разнообразныхъ нравовъ человѣческихъ. Слѣдственно онъ не имѣлъ опредѣленнаго намѣренія, куда слѣдовалъ; почему и согласился не разлучаться со мною до тѣхъ поръ, какъ удастся мнѣ сыскать и освободить сестру мою. Онъ и безъ того шествовалъ въ страну Дулебскую; — ибо странствующему примѣчателью находящіяся тамъ бѣговѣщалище и воды священнаго Буга подають довольноую причину побывать тамъ. — Но узнавъ о опасности моего предпріятія, хотѣлъ оное раздѣлить со мною. Сколько ни предлагаетъ вамъ выгодъ, говорилъ онъ, опмѣнная ваша шляпа въ приключеніи, гдѣ должно опваживать жизнь свою, но со всѣмъ тѣмъ совѣшы, око и рука вѣрнаго друга, не могутъ быть при томъ излишними. Таковъй доводъ привязанности его ко мнѣ умножилъ любовь мою къ нему. Мы продолжали путь нашъ, переплыли чрезъ Меописъ и вступили въ страну Дулебскую.

Про-

Проходя по оной , всюду мы слышали похвалы воцарившейся надъ ними дѣвицѣ, кошорая, какъ сказывали Дулебяне, послана къ нимъ съ неба для возстановленія раззоренной Аварами страны ихъ. Киганъ, Государь сего варварскаго народа, завоевалъ сіе царство и истребилъ родъ владѣвшихъ Государей, но самъ пропалъ безвѣстно и оставилъ безъ начальства какъ свой, такъ и побѣжденный народъ. Авары оказывали жесточайшія притѣсненія Дулебамъ; разсѣялись безъ порядка въ странѣ ихъ и подали имъ способомъ Дулебамъ истребить себя совершенно. Но хотя страна сія и освободилась отъ оныхъ ушѣснителей, но безначальство произвело не меньшія неустройства. Своевольство сильныхъ и злыхъ людей, споры за Царскій вѣнецъ и междоусобія, грозили прекрасной странѣ сей превращеніемъ въ пустыню. Но тогда по отвѣту, полученному въ боговѣщалищѣ, нашли сію

сію дѣвицу въ пустыняхъ; и она въ короткое время мудростию правленія своего привела въ забвеніе раззореніе Аварское. Алаваръ весьма былъ внимателенъ къ таковымъ повѣствованіямъ, но я помышлялъ только о сысканіи пещеры моего пустычника. Однакожъ никто не удовлетворялъ моимъ касающимся до того вопросамъ, никто не вѣдалъ ни о пещерѣ, ни о пустычникѣ, и сами мы, проходя всѣ необитаемыя мѣста, не нашли желаемого.

Отчаявшись имѣть успѣхъ въ нашемъ поискѣ, согласился я на желаніе Алаварова, чѣшбъ осмотрѣть столицу Дулебскую; мы пришли въ оную и заняли жилище въ уединенномъ мѣстѣ города. Алаваръ, непрощающій ни въ какомъ городѣ ни малѣйшей подробности безъ замѣчанія и осмолренія, отлучился отъ меня на другой день очень рано; а я прохаживался по городской площади. Между проходящими людьми показалось мнѣ лице одного
весьма

весьма знакомымъ; я подошелъ ближе, и не взирая на перемѣненныя одежды, позналъ въ немъ моего пустынника. Сей, можетъ быть примѣняя меня, но не хощя о себѣ знать дашь, удалялся съ поспѣшностію; однакожъ я бѣжалъ въ слѣдъ за нимъ и осмѣлился войти за нимъ въ двери одного дому, въ кой онъ всшупилъ. Я нашелъ его одного; и какъ я входя для безопасности надѣлъ мою шляпу, шо могъ удостовѣриться, что я нашелъ моего воспиташеля, разсмотрѣвъ его вблизи. Я снялъ мою шляпу, и бросившись предъ нимъ на колѣни, приносилъ извиненіе въ учиненномъ мною предъ нимъ преступленіи, въ которое повергло меня любопытство, родившееся въ незрѣломъ моемъ разумѣ.

Пустынный удивился, увидя меня предъ собою такъ нечаянно появившагося. Любезный Зеліанъ, сказалъ онъ мнѣ, нѣсколько подумавши! я прощаю тебѣ все, что учи-

учинилъ ты въ своихъ молодыхъ
лѣтахъ, и отношу оное къ необхо-
димымъ слѣдствіямъ судьбы твоей.
Не думай также, чтобъ ты огор-
чилъ меня похищеніемъ очарованной
книги; сему надлежало случиться
для начатія къ поправленію нѣко-
торой важной учиненной мною въ
жизни моей погрѣшности. Однакожъ
бы я не извинилъ намѣренія твоего,
съ каковымъ искалъ ты пещеры,
въ коей я воспитывалъ тебя. Ты
хотѣлъ похитить сестру свою, мнѣ
все то извѣстно; но какъ ты не
вѣдалъ, съ какимъ намѣреніемъ я
сохранялъ ее отъ тебя, и къ чему
она предназначена, то впрочемъ
родственная твоя къ ней любовь и
забота о состояніи ея сей прослу-
покъ твой оправдываетъ. Можешь
быть ты пожелаешь узнать отъ
меня, какое было намѣреніе мое въ
разсужденіи самаго тебя; но я не
могу открытъ онаго до времени, въ
какое судьба дозволитъ тебѣ уви-
дѣть твоихъ родителей. Чтожъ
над-

надлежишь до сестры твоей, причины, понудившія меня разлучить тебя съ нею и пресѣчь всѣ способы къ вашему свиданію, были слѣдующія: по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, о коихъ ты также со временемъ узнаешь, нанесъ я великій вредъ сему государству; надлежало оному удовлетворить, когда я позналъ мое заблужденіе. При рожденіи сестры твоей открылъ я, что судьба ея предназначиваетъ ее къ благодѣтельству сильнаго государства; но какъ мѣсто, въ которомъ я нашелъ ее, не могло доставить ей приличнаго воспитанія, то взялъ я трудъ сей на себя и унесъ ее въ мою пещеру. Предпримчивый и нескромный нравъ твой былъ мнѣ знакомъ; проникъ я также и то, что ты отъ меня удалишься, къ чему легко бы ты могъ подвигнуть и сестру свою, а чрезъ то и ее сдѣлать несчастною и мои намѣренія и надежды учинить безплодными. Однакожь вѣдай, что несправедливость твоя про-

Часть X.

О

пиву

шиву меня неоспалась безъ наказанія: ты не можешь видѣшь сестру твою, хотя она и въ семь находишься городѣ. Стараніемъ моимъ возведена она на престолъ и правящъ онымъ споль благоуспѣшно, что вредъ, нанесенный ошибкою моею Дулебамъ, нынѣ непримѣненъ. —

На семь словъ Баламиръ прервалъ повѣсть Зеліанову; онъ бросился къ нему и заключилъ его въ свои объятія. Ахъ Зеліанъ, вопіялъ онъ! надежда моя не обманула меня: ты братъ несравненныя Милоувѣны, которой на вѣкъ подвласно мое сердце. — Зеліанъ признался въ шомъ и соотвѣтствовалъ Баламиру въ дружескихъ привѣтствіяхъ. Воспоргъ Короля Унискаго былъ нѣсколько продолжителенъ, и старикъ нашелся принужденнымъ оный нарушить и принудить Зеліана къ продолженію повѣсти. —

Пустынникъ поразилъ меня своими словами; я повергся предъ нимъ на колѣни и употребилъ всевозможныя

жныя убѣжденія для изходашайствованія себѣ прощенія и дозволенія видѣться съ Милосвѣшою. Огорченіе мое смягчило его; онѣ жалѣлъ о мнѣ, но однако не могѣ премѣнить того, что единожды уже воспослѣдовало. Намѣренія твои, сказалѣ онѣ мнѣ, клонившіяся къ похищенію сестры твоей, принудили меня совершить дѣйствіе, полагающее величайшее препятствіе въ свиданіи твоёмѣ съ нею. Хотя ты можешь ее видѣть, но сіе не удержитѣ тебя отѣ разговоровѣ съ нею; а какѣ скоро скажешь ты ей одно слово и она узнаетѣ, что ты ей братѣ, въ ту минушу нанесешь ты ей крайнее несчастіе: въ ту минушу она пропадетѣ въ глазахѣ твоихѣ и едва ли ты во всю жизнь свою ее увидишь. Теперь разсуждай, пристойно ли желать тебѣ съ нею свиданія? — По крайней мѣрѣ я могу взирать на нее посредствомѣ моей шляпы, такѣ что она меня не увидитѣ, говорилѣ я. Пусшынникѣ

спарался всѣми силами удерживашь меня отъ свиданія , а я убѣждашъ его , такъ что онъ напослѣдокъ принужденъ былъ мнѣ сказать : вижу я , что опредѣленнаго судьбою никшоу убѣжать не можешъ ; я чувствую , что свиданіе швое будетъ бѣдственнo для Милосвѣтны и огорчительно для самаго тебя. Но какъ извѣстно мнѣ , что ты не можешъ управлять своими желаніями , но и безъ меня пройдеши во Дворецъ къ ней ; почему должно мнѣ лишь предохранить Милосвѣтну , чтобъ ты вѣчно не учинилъ ее несчастною. Еще припоминаю тебѣ : удержишь скинуть во Дворецъ швою шляпу , можешъ быть сіе сохранишь тебя отъ разговора съ нею. Сверхъ того возьми сей таинственный перстень , но дай мнѣ клятву возвратишь оный мнѣ послѣ свиданія швоего , какими бы слѣдствіями оное ни окончилось. — Я учинилъ ему въ томъ величайшія клятвы , принялъ перстень , благодарилъ его и бѣжалъ во Дворецъ. Я

Я нашелъ сестру мою одну во внутреннихъ ея покояхъ, и сколько она ни перемѣнилась во время нашей разлуки; — ибо красота ея достигла на верхъ совершенствъ, — но я узналъ ее. Долго утѣшался я, взирая на нее и примѣчая ея упражненія. Она разсматривала иѣкошорыя учрежденія, относящіяся къ благоденствію ея подданныхъ. О Боги! сказала она, окончивши свое чтеніе; я достигла до крайняго степени блаженства; ибо могу дѣлать благодѣянія цѣлому народу; но сіе высочайшее утѣшеніе души добродѣтельной не приноситъ мнѣ совершеннаго спокойствія. Я всѣмъ помогаю, кромѣ моихъ любимыхъ, но родители мои можеть бытъ окружены бѣдствіями, нищетою и презрѣніемъ; я не знаю ихъ, не вижу средствъ узнать, и они можеть бытъ не воображаютъ, что дочь ихъ на престолѣ. Еще въ младенчествѣ своемъ имѣла я утѣшеніе знать моего брата, но и шотъ

погибѣ; для того впрочемъ не оставилъ бы онъ меня въ неизвѣстности о себѣ. Ахъ Зеліанъ! ты одинъ былъ вмѣсто всѣхъ моихъ родственниковъ, и тебя только могу я оплакивать. — Слезы пошекли изъ очей ея при семъ словѣ; сердце мое воспрепетало отъ радости и жалости; я забылъ завѣщаніе пущыинниково и вскричалъ: я здѣсь, любезная сестра! — Голосъ мой привелъ ее въ изумленіе: она пришла въ ужасъ, въ кошоромъ я не хотя ее оставить, снялъ съ себя шляпу и бросился къ ней съ объятіями. Она узнала меня, и въ восхищеніи нашемъ наговорили мы много безпорядочныхъ словъ. Однакожь радость моя недолго продолжалась: невидимка шляпа, которую я держалъ въ рукъ, вырвалась и обратилась въ дымъ, приведшій сестру мою въ смертельный обморокъ. Я бросился къ ней на помощь, но дымъ покрылъ ее и исчезъ съ нею.

Но

Не можно описать тогдашняго моего смященія и горести. Я проклиналъ мою невоздержность, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ, какъ сумасшедшій. — Опомнись, сказалъ мнѣ пустынникъ, представшій ко мнѣ въ то мгновеніе ока; швой крикъ можешъ повергнушь себя въ бѣдствіе: ты зашелъ во внутренніе Царскіе покои посредствомъ невидимости, себя никто здѣсь не знаетъ; увидя тебя, сочтутъ за злодѣя, въ чемъ и не можно тебѣ оправдаться, когда Царица ихъ во время прихода швоего пропала: и такъ ты подвергнешься неизбѣжной казни. Подай мнѣ перстень и послѣдуй за мною; я проведу тебя въ потайныя двери. — Я подалъ ему перстень и предался его водительство. Не правду ли сказывалъ я тебѣ, говорилъ онъ мнѣ идучи? Вотъ слѣдствіе швоего непослушанія. Я просилъ его по крайней мѣрѣ увѣдомишь меня, что воспослѣдовало съ сестрою моею и жива ли она. Пу-

спынникъ мнѣ не хотѣлъ ничего сказать о томъ, а повелѣлъ ипши въ боговъщалище и спросишь. Можеть бышь шамъ узнаешь ты желаемое, сказалъ онъ мнѣ, и оставилъ меня въ толпѣ народа на городской площади. Все сіе произошло такъ скоропоспижно, что я почти въ мигъ лишился сестры, выведенъ изъ Дворца и потерялъ изъ глазъ пустытника. Я имѣлъ довольное основаніе думать, что сей почтенный мужъ изрядный волшебникъ, но мысль сія не уменьшила причины къ горести о судьбѣ сестры моей.

Алаваръ нашелъ меня погруженнаго въ глубокую печаль и спрашивалъ о причинѣ оныя. Я рассказалъ ему все, что со мною случилось. Онъ удивлялся, желалъ разогнать мое уныніе и совѣщовалъ мнѣ послѣдовать наставленію пустыникова о посѣщеніи боговъщалища. Приключенія ваши весьма чудны, говорилъ онъ; все въ нихъ чрезъ-

чрезъестественно, а потому кто можетъ разверзти мрачность, оныя покрывающую, кромѣ изреченія покланяемаго здѣсь Божества? Пойдемъ въ славное сіе боговѣщалище, и естли не получимъ желаемого, по крайней мѣрѣ принесемъ усердныя моленія къ безсмертнымъ, никогда неоставляющимъ вопще прошенія, изпекающаго опѣ чистаго сердца. Положимъ, что вы ничего не узнаете о Милосвѣщѣ, но вы можете умягчить гнѣвъ небесъ, естли оныя чѣмъ либо раздражили, а сіе благословишь въ послѣдствіѣ ваши исканія желаемымъ успѣхомъ. — Я нашелъ Адаваровы слова справедливыми, и какъ я и кромѣ того находилъ основаніе вѣришь сказанному пустынноикомъ, то, запасшись нужнымъ для жертвоприношенія, отправился съ моимъ поваремъ ко храму Золотой Бабы. Храмъ ея споялъ на берегу, орошаемомъ священными водами рѣки Буга, воздвигнутый изъ блага моря

мора по Еллинскому устройству. Справа препроводила насъ къ верховному жрецу, и мы приняты были оцѣ него весьма ласково. Онъ, шолкуя намъ о свойствахъ Божества, кошорому служилъ, старался внушить намъ благоговѣніе при жертвоприношеніи, а больше того выведать причины вопросовъ, кои мы предложитъ были намѣрены. Однакожъ я, наслышавшись о обманахъ, кои въ таковыхъ случаяхъ искусные жрецы въ другихъ мѣстахъ употребляютъ для выманиванія у вопрошающихъ денегъ, сколько можно старался бытъ скромнѣе; ибо мнѣ желалось получить истинный, а не подложный отвѣтъ. Мы отдали жрецу приготовленное къ жертвоприношенію съ прибавленіемъ довольно числа золотыхъ денегъ для доставленія другихъ жертвъ, естли сіи не найдеть онъ способными. Щедрость наша была по вкусу предсоятеля Боговъ; онъ общалъ все приуготовитъ къ восхож-

хожденію солнца , въ какое время надлежало намъ жершвоваць , и пре- проводилъ насъ въ богашоубранный покой , гдѣ мы заснули на великолѣпныхъ постеляхъ. Алаваръ между прочимъ провѣдалъ , что угощенія въ семь капищъ не безъ лицепріимства производящся , но образъ подарка жрецамъ полагаетъ различіе въ пріемъ , хошя бы надлежало ожидать прошивнаго , въ разсужденіи шого , что предъ Божми всѣ чловѣки равны. Я съ моей спороны не дѣлалъ шаковыхъ примѣчаній , для шого что имѣлъ голову , наполненную печальными разсужденіями о сестрѣ моей.

Едва заря простерла на землю свой багряный блескъ , присланный отъ верховнаго жреца разбудилъ насъ. Мы опшведены были по мраморной и украшенной испуканами лѣшницѣ до самыхъ струй священнаго Буга , въ коихъ по наспавленію жреца измылись и одѣлись въ чистшя одежды; послѣ шего дожи-
да-

дались восхожденія солнца въ преддверіи храма. При взорѣ на первыя лучи онаго услышали мы звукъ различныхъ музыкальныхъ орудій, к о и м ъ обыкновенно начиналось жертвоприношеніе; двери храма опверзлись и мы приведены были на средину капища.

Исшуканъ здѣшняго Божества былъ вылипшій изъ чистаго золоша, что можемъ быть и послужило къ прозванію онаго Золошою Бабомъ. Жертва наша по закланіи возложена на олтарь и воспалена огнемъ. Мы пали ницъ, какъ были насматлены; жрецъ насъ покрылъ занавѣсою, окружающею подножіе исшукана, гдѣ пошепцомъ и предложили мы наши вопросы. Когда жертва обратилась въ пепель, жрецъ воздвигъ насъ и обиадеживалъ, что жертва наша благопріятна Божіи, и что мы можемъ уповать на ея покровительство. Вскорѣ послѣ того весь храмъ наполнился густымъ благоуханнымъ дымомъ, шакъ что

что мы ничего почти видѣть не могли. Жрецъ возгласилъ намъ о присутствіи Божества и повергъ насъ шѣмъ въ священный прѣпечъ. Немедленно за шѣмъ среди глубокой тишины пролились къ намъ слова Божественныхъ отповѣтовъ. Первый касался до меня и былъ слѣдующаго содержанія:

„Зеліанъ! оставь промыслу Бо-
 „говъ участь сестры швоей. Ты не
 „увидишь ее до времени, въ копо-
 „рое объяшія родителей вашихъ за-
 „ключатъ тебя. Тогда собственная
 „судьба твоя объяснишь швое пред-
 „опредѣленіе. Перстень, который оп-
 „далъ ты пуспыннику, доспанется
 „на руку будущему супругу сестры
 „швоей; по оному ты его узнаешь
 „нѣкогда, и сей часъ будетъ нача-
 „ломъ прекращенія бѣдшвій всего
 „швоего семейства.,,

Слова сіи проліяли утѣшеніе въ болѣзную душу мою; я успокоился, получа надежду нѣкогда увидѣть сестру мою и моихъ родителей. Послѣ чего воспослѣдовалъ

валъ вторый, ошвѣтъ на предложеніе вельможи Уинскаго :

„Алаваръ! поспѣшай увидѣть
 „друга своего на престолѣ. Баламиръ
 „устраиваетъ нынѣ благоденствіе сво-
 „ихъ Уиновъ по смерти родителя
 „своего. Промыслъ небесный опре-
 „дѣлилъ въ награжденіе за его добро-
 „дѣтели сочетать его съ таковою
 „супругою, коя будетъ щастіемъ и
 „ему и его народу. Но опасайся,
 „Алаваръ, отккрыть ему сіи словеса
 „Машери Боговъ; найди случай вну-
 „шить ему склонность увидѣть не-
 „сравненную Царицу Дулебовъ. Пусть
 „самъ онъ по дѣяніямъ добродѣтель-
 „ной Милосвѣпы познаетъ цѣну
 „будущей своей супруги.„ —

Боги, вскричалъ Баламиръ! и
 шакъ не щепшно овладѣла она моимъ
 сердцемъ; чувствованія его покро-
 вилельсвуются небесами. Ахъ Зе-
 ліанъ! онъ заключилъ его снова
 въ объятія. — Ахъ Зеліанъ, во-
 піялъ онъ! достигнемъ ли мы того
 благополучнаго часа, чтобъ по крайней
 мѣрѣ

мѣрѣ увидѣшь конецъ ея очарованія? — Должно надѣяться, продолжалъ Зеліанъ; ибо я предчувствую, что злосчастія родителей моихъ вскорѣ воспріимутъ окончаніе. Впрочемъ я ничего не узналъ въ боговѣщалищѣ Золотой Бабы къ наставленію моему, кромѣ вышесказаннаго, и не имѣлъ времени навѣдаться о произшедшемъ въ столицѣ Дулебской по случаю, о кошоромъ вы пошчасъ услышите. Сей случай ошвелъ меня въ другую сторону, разлучилъ съ Алаваромъ, и по кошорому я не имѣлъ уже способовъ видѣть сестру мою, хотя бы она и по прежнему находилась Царицею. — Какъ, подхващилъ Баламиръ! она царствововала тамъ послѣ васъ? Я ее видѣлъ. Но увы! послѣ крашкихъ моихъ съ нею разговоровъ равномѣрное очарованіе, какъ и при васъ, сокрыло ее отъ меня, и я не знаю — Я также, сказалъ старикъ, не вѣдаю, пресшанеше ли вы мѣшать ему привестъ къ концу повѣсть?

Сіе

Сіе прервало разговоръ, и Зейліанъ продолжалъ :

По полученіи отвѣтовъ вышли мы съ Алаваромъ изъ храма и возвращались въ городъ. Я заключилъ съ нимъ по учиненіи развѣдыванія о Милосвѣтѣ ѣхать въ Унигардъ и познакомиться съ вами; но мы не предузнали, что намъ въ тошъ же часъ определено было разлучиться. Уже начали показываться намъ городскія башни, какъ вдругъ набѣжала надъ нами мрачная туча. Ужасная молнія разверзла облака съ жестокимъ громомъ, и огненный лучъ упалъ къ ногамъ моимъ. Я приведенъ былъ тѣмъ въ смертельный страхъ; однакожъ могъ разсмотрѣть, что лучъ сей, коснувшись земли, обратился въ колесницу: сильный вихрь подхватилъ меня, и брося въ колесницу, помчалъ меня съ оною. Едва я успѣлъ сказать; просни другъ мой, изумленному Алавару, какъ увидѣлъ себя въ весьма дальнемъ отъ него разстояніи. Съ
шого

ного времени не имѣю я объ немъ извѣстія, но уповаю, что онъ, повинувшись предсказанію, возвратился въ Уннигардъ.

— Такъ, сказалъ Баламиръ; послѣ расскажу я вамъ подробности его путешествія, когда окажется къ тому удобный случай, хотя онъ и не открылъ мнѣ самыхъ важныхъ своихъ приключеній. —

Вихрь, несущій меня, опустилъ колесницу въ преогромный замокъ. Вышедъ на усланную яшмою площадь онаго, лишился я моего страха, чтобъ дать мѣсто удивленію. Богатство, всюду видимое, рѣдкость художествъ и вкуса, поражали со всѣхъ сторонъ глаза мои; но вскорѣ долженъ былъ я обратиться оныя на предметъ, повергшій меня въ превосходящее изумленіе. Я увидѣлъ идущую ко мнѣ дѣвицу невообразимой красоты. Поступокъ мой прошиву васъ, сказала она мнѣ, долженъ показаться вамъ довольно страненъ; я подвергла васъ

Часть X.

II

не-

небольшому спраху и прѣмѣнила
 ваши намѣренія. Не можно сыскашь
 никакого въ томъ оправданія, кро-
 мѣ той жестокой спрасни, кою вну-
 шили вы въ меня съ перваго разу,
 когда я увидѣла васъ въ Дулебскомъ
 боговѣщалищѣ. Красота ваша меня
 плѣнила и учинила на вѣкъ вашу
 невольницею: не взирая, что вы мною
 похищены и что находишь въ
 моемъ замкѣ, все, не исключая и меня,
 принадлежишь здѣсь вамъ. Можешь
 бышь сочтете вы меня наглою, что
 я открыла вамъ безъ стыда чувство-
 ванія души моей; но намѣреніе мое,
 неполагающее другихъ желаній,
 кромѣ изтекающихъ отъ добро-
 дѣтели, конечно заслужишь оправда-
 ніе предъ столь чистымъ нравомъ,
 каковъ вашъ. Не мыслите найши
 во мнѣ слабости и не льспишь пор-
 жествовать чрезъ данное вамъ лю-
 бовію моею къ вамъ право: вы не
 овладѣете мною, какъ только на
 законныхъ обрядахъ супружества.
 Вѣдайте, что я дочь сильнаго Ко-
 роля,

роля, припомъ знаю довольную часть волшебной науки, учиняющей всѣхъ обитающихъ въ замкѣ моемъ способными въ безопасности наслаждаться спокойствомъ, веселіемъ и благоденствіемъ. Я все вамъ открыла вдругъ, чтобъ вы потому могли сдѣлать ваше заключеніе. Вамъ остается только посовѣтовать съ вашимъ сердцемъ. . . Однакожъ я даю вамъ на то столько времени, сколько вамъ угодно. — Я не могу изъяснить вамъ, что произвели во мнѣ ея прелести, звонъ голоса и образъ выраженія словъ ея. Я не зналъ еще любви, но въ нѣсколько минутъ, взирая на нее, почувствовалъ, что она овладѣла всею моею природою. Сердце мое шептало, языкъ не произносилъ, кромѣ однихъ непонятныхъ звуковъ; однакожъ я поцѣловалъ уже нѣсколько разъ прекрасную руку Алцидину, (такъ называлась сія дѣвица), прежде нежели нашелъ употребленіе словъ. Тогда повергся я предъ нею на колѣни

лѣни и сказалъ ей: — По смя-
шенію, произведенному во мнѣ еди-
нымъ взоромъ на ваши прелести,
прекрасная Алцида, познай, какія
чувствованія произведены вами въ
моемъ сердцѣ. Сіе сердце, непод-
властное еще любви, теперь при-
емлетъ весь божественный жаръ
оныхъ и познаетъ судьбу свою; оно
покаряется вамъ. . . Вы позволяете
мнѣ совѣтовать съ нимъ, но оно
спремится къ ногамъ вашимъ; вы
опредѣлите судьбу его. Алцида под-
няла меня, заключила въ свои
объятія; я клялся ей любить ее до
гроба, а она клялася въ томъ мнѣ.
Послѣ сего привела она меня въ свои
чертоги: великолѣпіе оныхъ не при-
влекало моихъ взоровъ; они при-
лѣплены были къ ея прелестямъ. Ка-
ждая вещь подавала намъ предлогъ
къ новымъ разговорамъ, и каждый
разговоръ касался до нашей любви.
Мы забыли весь свѣтъ; мы спали
взаимно для себя все, лобызались
и повшорали наши кляшвы. Воз-
люблен-

любленный Зеліанъ, сказала она мнѣ между прочимъ! я не могу сомнѣваться въ швоей вѣрности, я предаюсь тебѣ безъ изъяснiя, но для учиненiя брака нашего щасливымъ и спокойствiа нашего невозмущаемымъ предспоятъ еще нѣкоторыя условiя. — Какiя, возлюбленная моя Алцида, кричалъ я? Я клянусь тебѣ, что поперятъ спокрашно жизнь для меня легче, нежели хотя однажды прешупитъ какое нибудь швое повелѣнiе. — Произволь судьбѣ расположилъ состоянiе мое шаковымъ образомъ, что я опъ всего свѣша должна шайтъ бракъ мой, сказала она. Я не могу тебѣ опкрытъ подробность причинъ, прiнуждающихъ меня къ шому; но и за чемъ тебѣ оныя вѣдать? И такъ спарайся для собственнаго швого покоя шайтъ опъ всего свѣша, что ты учинишься моимъ супругомъ. Я не ожидаю, чтобъ шрудно было сохранишь тебѣ сію шайну; но вѣдай, что часъ, въ которой ты учинишься

въ семъ случаѣ нескромнымъ, будешь послѣдній моего щастія: ты упурашишь меня вѣчно, и вмѣсто спокойства, коимъ до позднихъ дней твоихъ будешь здѣсь наслаждаться въ обѣщаніяхъ моихъ, подвернешься разнымъ сшраданіямъ. Сверхъ того ты претерпишь и наказаніе въ самой часъ твоего преступленія: одна рука твоя потеряетъ свою естественность, и обращаясь въ твердѣйшій металлъ, учишься недѣйствующею.

Я считалъ завѣщаніе сіе мало важнымъ, и не ожидалъ, чтобъ я когда либо могъ его нарушить; но въ послѣдствѣ испыталъ, что человеку нѣтъ ничего легче, какъ впасъ въ ту пропасть, которой опасается. Я увѣрялъ мою возлюбленную съ великою надеждою, что съ сей стороны щастіе наше безопасно. Она во мнѣ не сомнѣвалась, и съ того часа учинился я благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. Дни наши прошекали въ совершенной радости;

доспи; я забылъ все и жилъ только для Алциды. Я не имѣлъ ничего любезнѣйшаго, кромѣ ея, и самая сестра моя никогда не всходила мнѣ на мысли. Можешъ быть причиною того былъ обвороженный замокъ, въ коемъ я обиталъ; или можешъ быть Алцида, изобрѣшающая ежечасно новыя для меня ушѣхи, не дала мнѣ свободы опомниться отъ сладостнаго моего упоенія.

Годъ ли, или больше прожилъ я, — и могу сказать, что сіе время могъ я почитать истинною жизнью въ моемъ вѣкѣ, — въ содружествѣ моей возлюбленной; не льзя было различить времени; оно было мгновенная радость, только минута восхищенія. Наконецъ рокъ мой премѣнилъ все сіе въ жесточайшія горести. Увы! я все потерялъ: лишился моей Алциды и лишился чрезъ свою небспорожность.

Я прохаживался въ саду съ моею супругою; время тогда было

наилучшее, или мнѣ казалось такъ, что присутствіе моей возлюбленной оживляетъ все и самую природу. Не знаю какимъ образомъ; — ибо не случалось никогда, чтобъ опшдалился я опъ Алциды; — опшелъ я опъ нее на нѣсколько сажень. Я хотѣлъ уже возврапиться, но предспавшая мнѣ женщина меня оспановила. Я удивлялся, увидя шупъ живущую особу, гдѣ никого не обипало, кромѣ меня и моей супруги; и шѣмъ больше, что это была благодѣшельница моя Зимонія. Любя ее, какъ мою мать, бросился я въ восхищеніи въ ея объятія. Она не меньше казалась обрадованною, меня увидя. Ахъ сынъ мой, сказала она! какимъ образомъ очутился ты въ семъ замкѣ, когда я считала уже тебя погибшимъ? — Я енымъ обладаю, опвѣчалъ я ей, ни мало не одумавшись, что я сказать хочу. — Но по какому случаю, спросила она съ удивленіемъ? Сей замокъ надлежитъ Алцидѣ, говорилъ

рилъ я, а я ея супругъ. — Увы нескромный Зеліанъ! . . . пролился къ ушамъ моимъ голосъ моей Алциды и поразилъ меня подобно грому. Я позналъ мое преступленіе, но уже поздно было помочь моему несчастію. Алцида, споявшая близъ озера, находившагося шуть къ великому украшенію сада, лишилась чувствъ и упала въ воду. Я имѣлъ еще столько силъ, чшобъ броситься къ ней на помощь; едва я не успѣлъ схватить ее, но она исчезла въ глазахъ моихъ; а правая моя рука, по самый локошь окунувшись въ воду, превратилась въ желѣзную. Опчаяніе мое возшло на верхъ крайности, и я хотѣлъ упопиться въ томъ же озерѣ, естльибъ Зимонія отъ того меня не удержала. Покорись провидѣнію, сказала она миѣ; все на свѣтѣ имѣетъ причины, по коимъ судьба разпоряжаетъ человѣческія дѣйствія. Ты, не могъ избѣгнутьъ, шебъ предназначеннаго, слѣдственпо не считай

неоспорожность свою виною своего нещасія ; такъ должно, чпобъ шы лишился Алциды и своей руки. — Я возражалъ прошиву сего и доказывалъ съ своей стороны, что когда должно потерять Алциду, не остается уже за чемъ жить, и что нѣтъ лучшаго, какъ упоишься въ шомъ же озерѣ, которое ее сокрыло. Однако Зимоніиныли совѣшы, или потому, что жизнь всегда изрядная вещь, согласился я остаться на свѣтѣ и послѣдовалъ наставленіямъ моей благодѣтельницы. Оныя состояли въ слѣдующемъ : какъ приключеніе мое, говорила она, соплетено со участію многихъ особъ, претерпѣвающихъ гоненіе сильнаго непріяшеля, но не могу ожидать окончанія моему нещасію, какъ въ одно извѣстное время, когда и прочіе всѣ увидятъ начало къ своему благополучію. Ешьли увижу я руку мою въ прежнемъ соспоаніи, обнадеживала она, что въ самое то время соединюсь я со всемъ, мнѣ лю-

любезнымъ. Наконецъ не предписала она мнѣ никакихъ подробностей въ моихъ поведеніяхъ, не подала никакой паковой помощи, каковую оказала мнѣ при отправленіи для сысканія сестры моей, кромѣ что велѣла итти на западъ и искать пещеру, содержащую одного очарованнаго волшебника. Ты не можешь ошибиться въ немъ, сказала она; ибо шопъ, коего шебъ должно спросить о наставленіяхъ къ поправленію судьбы швоей, представится тебѣ оплакивающимъ одну мершвую человѣческую голову. — Проговоря сіе, Зимонія спала невидима; а я нашелъ себя въ необитаемой пущынѣ.

Не могли изъ темныхъ словъ Зимоніи имѣть надежды, чтобъ я увидѣлъ когда нибудь возлюбленную мою, предался я всей горести моего несчастія. Алцидины прелести и мой проступокъ, представляясь всегда моимъ воображеніямъ, наполняли душу мою несказаннымъ мученіемъ.

Сте-

Спенанія мои разносились по пуспынѣ, но никшо онымъ не внималъ, кромѣ исперзаннаго моего сердца. Я шелъ, не уповая нигдѣ сыскашь ошрады моимъ злоключеніямъ, и радовался, помышляя, что наконецъ dospанусь я въ добычу люпымъ звѣрямъ, обитающимъ въ мѣсцахъ, кои я проходилъ.

Все соединилось, чшобъ нашелъ я гробъ въ сей пуспынѣ: мнѣ встрѣчались страшныя змѣи, необишаемая страна не доставляла мнѣ пропшанія, песчаное дно не представляло ничего ко уполенію жажды, я изнуренъ былъ голодомъ, однакожъ ни ошъ чего я не погибъ; неизвѣстная рука меня сохранила, и прежде нежели ожидалъ, вошелъ я не значай въ искомую мною пещеру.

Погруженный въ мою увылость я почши вшкнулся на ушѣсѣ одной горы; и предшавше себѣ мое удивленіе, когда я по мѣсшоположенію узналъ самую шу пещеру, въ которой воспитывалъ меня пуспынникъ

и

и копорую я безплодно искалъ въ странѣ Дулебской. То ли, что чело-вѣкъ имѣешь привязанность къ мѣстамъ, въ коихъ воспѣванъ, или надежда узнать что нибудь о Алцидѣ, или о сестрѣ моей, доставила мнѣ великую радость о семъ открытіи. Я вошелъ въ пещеру, но кромѣ нѣкоторыхъ хранинъ, увидѣлъ въ ней все пропиву прежняго перемѣнившимся: не было уже того саду, въ коемъ обитала Милосвѣта; оный премѣнился въ темную освѣщаемую уже лампадою хранину, до которой дошелъ я мрачными закоулками. Однакожъ печальныя вошедшія тогда въ голову мнѣ воображенія о сестрѣ моей загладилась надеждою; ибо я нашелъ описаннаго мнѣ Зимоніею очарованнаго волшебника, и ожидалъ познать отъ него нѣчто относящееся къ судьбѣ моей

Онъ былъ не молодъ, и сѣдая борода покрывала всю грудь его. Въ рукахъ своихъ держалъ онъ мертвую

вую

вую голову и орошалъ оную своими слезами. Нашедъ его въ семъ положеніи, не хотѣлъ я вдругъ къ нему показаться; потому что, бывши самъ несчастенъ, считалъ несправедливостію нарушить подобному мнѣ пишатся его горестію: я остановился. Уныніе его казалось мало по малу премѣняющимся въ опчаяніе: онъ положилъ голову на возвышенный столъ и возопилъ: — Боги! чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ вашъ? Презиралъ ли я когданибудь добродѣтель, и пріятное вамъ челоуколюбіе не было ли вождемъ моихъ дѣйствій? Вся вина моя соспоишъ въ томъ, что я по необходимости, и защищая самъ себя, гналъ злобнаго Зловурана, врага вашего и всей природы. За то лишь я ушрашилъ на вѣки мою возлюбленную, и вмѣсто божественныхъ прелестей ея долженъ взирашь на сію безобразную кость. . . . О боги! либо вы не внемлете на міръ, вами произведенный, или сами вы сполькожъ злобны, какъ и мои гонители,

шели, когда беззаконія и неправды безъ казни во ономъ производятся, а добродѣтели спраждутъ. Есть ли ктонибудь подобный мнѣ въ несчастіи? — Конечно есть, когда не болѣе, сказалъ я къ нему приближась: ты видишь во мнѣ живой примѣръ, что можно существовать, утрапя все любезнѣйшее. Послѣ чего рассказалъ я ему все мое приключеніе и обстоятельство, принудившее меня искать его плачевнаго жилища. Я окончилъ разговоръ мой словами утѣшенія, въ коихъ старался ободрить его отчаяніе и доказать ему, что несправедливо ропшашъ на безсмертныхъ, когда неизвѣстно, что злоключенія, намъ встрѣчающіяся, нейдутъ ли въ нашу пользу. — Смѣшно, государь мой, сказалъ онъ мнѣ, полагаю, чтообъ справедливо было наказывать невинныхъ: вы не найдете основанія, по которому бы приключающіяся въ свѣтѣ бѣдствія можно было приписать провидѣнію; еслии оныя идутъ въ

вѣ наказаніе, невинные подѣ оное не подходятъ; естѣлижѣ для примѣра прочимѣ одному спрадать должно, шо я имѣю причины думать. — Однако, не вѣдая моихѣ приключеній, вы не можете никакихѣ дѣлать разсужденій, а я не могу вамѣ отккрыть о моихѣ бѣдствіяхѣ. Совсѣмѣ другое обстоятельство съ вами: вы заслужили шо, что терпите, и мнѣ сверхѣ того извѣстно, что есть вамѣ надежда достигнуть кѣ прежнему еще величайшему щастію; а я оныя не знаю.... Но мнѣ нѣкогда съ вами бесѣдовать, ибо чувства мои измучены, а сердце мое ищетѣ пищи своей вѣ сихѣ страданіяхѣ.... Примите сей шарикѣ, сказалѣ онѣ, подавая мнѣ оный; вышедѣ изѣ сей пещеры, бросьте оный и послѣдуйте его спремленію. Гдѣ онѣ остановишься, тамѣ хоснишь вы кѣ нему кошелькомѣ, копорый данѣ вамѣ отѣ Зимоніи. Вѣ одно мгновеніе ока увидишь вы на мѣстѣ шомѣ преогромный замокъ,
на-

наполненный всѣми потребностями и множествомъ служителей. Обижайте въ немъ и неиспозимый вашъ кошелекъ употребите для страннопріимства и содѣланія помощи всѣмъ къ вамъ прибѣгающимъ. Вы не должны никому отказать, какую бы кно сумму денегъ онъ васъ ни потребовалъ; но и никого не допускать къ себѣ, пока не взято будетъ съ каждаго, желающаго васъ видѣть, клятвенное обѣщаніе не сказывать никому, что имя ваше ему извѣстно и что онъ у васъ былъ. Безъ сомнѣнія обстоятельство сіе должно показаться вамъ смѣшными; но въ нихъ заключается избавленіе Алциды, вашихъ родителей и другихъ многихъ. Когда между приходящими къ вамъ странниками предстанетъ имѣющій на рукѣ шопъ перстень, котораго вы носили на рукѣ во Дворцѣ Дулебскомъ, сіе будетъ началомъ къ приближенію вашего щастія. Сей человекъ безъ сомнѣнія будетъ любопытствоватьъ

Часть X.

Р

узнашь

узнать о вашихъ приключеніяхъ, но опасайтесь открытъ ему оныя, пока не принесетъ онъ вамъ извѣстія объ одномъ сапожникѣ, немогущемъ продолжатъ своей работы за жестокою случающеюся ему рвотю, отъ чего оная ему бываетъ. Со временемъ вы провѣдаете, гдѣ обитаетъ сей сапожникъ. Сохраните все, что я вамъ ни сказалъ; впрочемъ малѣйшее нарушеніе сего продлитъ ваши злоключенія. Если объявите вы свою повѣсть человѣку, имѣющему на рукѣ перстень, вы учините чрезъ то помѣшательство въ его дѣйствія, клонящихся въ собственную вашу пользу: онъ не въ состояніи уже будетъ преодолѣть всѣ затрудненія, къ которымъ впрочемъ непримѣтно доведетъ его любопытство.

Сказавъ сіе, принудилъ онъ меня выйти. Я оставилъ пещеру, бросилъ шарикъ, слѣдовалъ шуда, куда оный покашлялся, и по наставленію очарованнаго волшебника чрезъ
при-

прикосновеніе кошелькомъ воздвигъ
пощъ замокъ, въ коемъ имѣлъ я
щастіе угостить Ваше Величество. Я,
помня прорицаіе, полученное мною
въ Дулебскомъ бою вѣщалицѣ, узналъ
по носимому вами перстню, кто вы;
ибо уповалъ, что никто оный не
можетъ имѣть, кромѣ будущаго
супруга сестры моей и слѣдственно
Государя Уннскаго.

Въ семъ замкѣ обиталъ я нѣ-
сколько лѣтъ, безпрестанно оплаки-
вая уронъ моей возлюбленной и
распачая неисчислимыя мои червон-
ныя. По сихъ поръ еще не имѣю я
никакого извѣстія ни о Алцидѣ,
ни о Милосвѣтѣ и не видалъ благо-
дѣшельницу мою Зимонію. По оп-
шествіи вашемъ къ сапожнику, —
о котораго жилищѣ я могъ увѣдо-
мить васъ, получа о томъ обеща-
тельное свѣдѣніе, — продолжалъ я
обыкновенное мое упражненіе. Во
вчерашній же день увидѣлъ я сего
почтеннаго старика, посѣпившаго
мой замокъ. Я не сомнѣваюсь, что

онъ самый пошъ пуспынникъ, ко-
 ему долженъ я моимъ воспитаніемъ.
 Я хотѣлъ въ томъ тогдажъ удо-
 стовѣриться, но оный сказалъ на
 вопросъ мой, что лице мое ему не-
 знакомо. Онъ обнадежилъ меня,
 что жилище родителей моихъ ему
 извѣстно, и уговорилъ послѣдовать
 за собою. Все мнѣ въ старикѣ семъ
 кажется чрезвычайно, и я уповаю,
 что онъ владѣетъ таинствами вы-
 сочайшихъ наукъ; ибо пупъ до са-
 жожника, разстояніемъ десятидне-
 вной ѣзды, совершили мы пѣшіе
 часа въ два: равноѣрно достигли
 мы и до Ярослава, и приплыли
 сюда уже водою въ той чудной
 лодкѣ, копорую вы видѣли.

Зеліанъ, окончивъ свою повѣсть,
 сказалъ: все предвѣщаетъ мнѣ, что
 начало къ моему благополучію близ-
 ко. . . . Но, почтенный старикъ,
 есѣли вы и незнакомы мнѣ, есѣли
 не вы воспитывали меня и не васъ
 видѣлъ я въ Дулебахъ, — въ чемъ
 однако не обманываютъ меня черты
 лица

лица вашего, — скажите, истинно ли то, что я увижу моихъ родителей? Несчастія, претерпѣнныя мною, влагающъ въ меня недовѣрчивость ко всему, что ни льстивъ моей надеждѣ. Мнѣ кажется невозможно уже мнѣ видѣть любезныхъ особъ, давшихъ мнѣ бытіе, равно какъ и сію желѣзную руку исцѣлѣвшею: — Боги, вскричалъ онъ! . . я чувствую въ ней жизненность. Не уже ли — Онъ сорвалъ полошню, коимъ уверчена была рука его и увидѣлъ, что она получила прежнее естественное свое состояніе?

Зеліанъ не могъ уже больше выговорить ни слова отъ чрезмѣрной овладѣвшей имъ радости. Все собраніе не меньше было удивлено тѣмъ, кромѣ шарика, который занимался шептаніемъ неизвѣстныхъ словъ тогда, какъ прочіе поздравляли Зеліана съ изцѣленіемъ отъ очарованія. — Супругъ Алцидинъ! въ сей часъ не можешь ты уже сказать, чтобъ Зимонія подала тебѣ пустую

надежду, — промчался къ нимъ
 голобъ съ воздуха. Всѣ взглянули
 и увидѣли спускающуюся на облакъ
 къ нимъ женщину въ бѣломъ одѣя-
 нии съ Зодіакомъ чрезъ плечо
 и держащую въ одной рукѣ клѣшкѣ
 съ тремя бѣлыми птичками, а въ
 другой горшокъ, въ коемъ посажена
 была цвѣтущая роза. — Явленіе
 сіе произвело пріятное движеніе во
 всемъ собраніи: Гипоменъ бросился
 съ распростертыми руками и кри-
 чаль: любезная пепка! Зеліанъ
 также бѣжалъ къ ней, не могши
 произнести ни одного слова и поль-
 но показывалъ ей свою руку. Яро-
 славъ и Добросетъ вопіяли: вошь
 она! вошь ша женщина въ бѣломъ
 одѣяніи, о коей мы сказывали!
 Баламиръ и Доброславъ оказали ей
 почтеніе, какъ волшебницѣ, а ста-
 рикъ упалъ предъ нею на колѣни.
 Птички, сидяція въ клѣшкѣ, начали
 шрепешать крылышками и кричать;
 а роза наклонила всѣ свои цвѣтны
 къ Доброславу.

По-

Почтенный хозяинъ! сказала Зимоія, сошедъ съ облака къ Доброславу. Я, вознамѣрясь посѣишь васъ въ сей радостный для меня день, не нашла лучшаго для васъ подарка, какъ сію розу; она бережена мною съ особливымъ раченіемъ. Я хочу, чшобъ вы своими руками сорвали съ нее всѣ цвѣшы и прикололи ихъ къ вашей шляпѣ.

Доброславъ принялъ отъ нее горшекъ съ особливымъ почщеніемъ, и благодарилъ ее за посѣщеніе, получа пришомъ надежду, что такое снисхожденіе отъ волшебницы дозволишь ему употребить къ ней прозьбу въ разсужденіи урона, который повергъ въ спраданіе его еердце. Ахъ Милостана! воскликнулъ онъ, обоня цвѣшы; шы еще была прекраснѣе. — Зимоія улыбулась, взглянувъ на него, и хотѣла ему нѣчто сказать, но положеніе старика, спящаго еще на колѣняхъ, примудило ее обратиться къ нему и избавишь его отъ такового труда.

Государь мой! говорила она, посме-
шрѣвъ ему въ лице, какъ бы желая
узнать, не знакомо ли ей оное; я
не привыкла ни отъ кого требовать
излишней мнѣ почести, и вы, какъ
незнакомый, одолжите меня, естли
оставите обряды, къ коимъ можете
быть принуждаемъ васъ обычай
спраны вашей. Я нахожусь среди
моихъ друзей, къ коихъ собранію
и вы принадлежите, шо позволите
мнѣ искашь вашей пріязни. — О!
сколь бы я щасливъ былъ, естлибъ
могъ приобрѣсть оную послѣ —
Онъ не докончилъ и вспалъ.

Чтожъ бы медлите оказашъ
мнѣ удовольствіе, сказала Зимонія
къ Доброславу? я ужасно желаю ви-
дѣшь шляпу вашу, украшенную ро-
зами. — Ахъ! съ великою рад-
остію, подхватилъ Доброславъ, когда
вамъ шо угодно; но сія замасленная
рыбачья шляпа, должно признашься,
худое мѣсто для столь прекрасныхъ
цвѣшковъ. Онъ сорвалъ цвѣшокъ и
изумился, увидя, что оный и остав-
шійся

шійся въ горшкѣ кустѣ совсѣмъ
 исчезли. Но онъ едва не лишился
 чувствъ, когда въ то же мгновеніе
 ока очутился во объятіяхъ своей
 возлюбленной супруги. — Ахъ
 Доброславъ! — Ахъ Милостпана!
 воскрикнули они оба, прижавши
 другъ друга къ груди своей, и
 слезы радости полилися изъ очей
 ихъ. Гипоменъ и Рогнеда (ибо
 она была та женщина, кою Бала-
 миръ видѣлъ происшедшую изъ пе-
 пла, при сожженіи старика съ мер-
 твою головою) также бросились
 къ нимъ и присовокупили объятія
 свои къ Доброславовымъ; они всѣ не
 могли говорить отъ восхищенія и
 произносили только восклицанія.

Превращеніе розы въ Милостпану
 повергло Баламира и прочихъ во удив-
 леніе: глаза ихъ были устремлены
 на соединившуюся чешу сію до
 шѣхъ поръ, какъ Зимонія нарушила
 безмолвіе. Доброчестъ и Ярославъ,
 сказала она обращаясь къ нимъ! вы
 совершенно сохранили мое завѣщаніе,

и для того должно мнѣ привести въ дѣйствіе обѣщанное вамъ мною. Я чувствую, что вы воображаете теперь: вы ожидаете увидѣть супруговъ вашихъ; но не согласившись ли вы потерѣть еще на нѣсколько разлуку съ ними, чѣмбѣ узнатьъ вашихъ родителей? — Слова сіи обратили вниманіе всѣхъ. Добродѣтели и Ярославъ упали предъ нею на колѣни: — Ахъ могущая волшебница, вскричали они! мы заслужили разлуку съ нашими супругами чрезъ проступокъ; но мы невиновны въ томъ, что не знаемъ нашихъ родителей. Ахъ! отсрочьте еще, когда то должно, разлуку съ ними, и возвратите намъ родителей. — Изрядно, отвѣчала Зимоія: ты, Зеліанъ, присядишь къ меньшимъ ивоимъ братьямъ, и . . . всѣ вы . . . Добродѣтели и Милоспана познайте дѣшей вашихъ, коихъ я похитила у васъ еще въ пеленахъ, по причинѣ, кошерую вамъ вскорѣ опкрою.

He

Не можно начершашъ перомъ моимъ, что произвело познаніе сіе въ Доброславѣ, его супругѣ и дѣтяхъ ихъ. Должно быть свидѣтелемъ того, или находишься въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобъ имѣть понятіе о восхищеніи сего обрадованнаго семейства. Дѣти бросились къ своимъ родителямъ, сжимали ихъ колѣна; отецъ и мать обнимали ихъ, прижимали къ своему сердцу, произносили смященные восклицанія, лобзали ихъ уста и очи; слезы ихъ смѣшались и всѣ посторонніе проливали оныя отъ удовольствія; ибо въ таковомъ произшествіи торжество природы возбуждаетъ свои чувствованія въ душахъ всѣхъ чадъ своихъ сочеловѣковъ.

О день совершенныя моея радости, воскликнулъ Доброславъ! О Зимоція! благодѣтельница моя! даръ твой превозшелъ мое ожиданіе! Я имѣлъ надежду увидѣшь мою возлюбленную Милослану; но не ожидалъ, никогда не ожидалъ услышать сладчайшее

чайшее названіе отца отъ дѣшей моихъ. — Милостана съ своей стороны лобызала руки своей шепки, и наговорила много словъ, содержащихъ болѣе признанія, нежели правильности; сердце обрадованной матери управляло языкомъ ея. — Гипоменъ и его супруга, незвавшіе до тѣхъ поръ своихъ племянниковъ, обнимали ихъ съ нѣжностію. Всѣ вообще радовались, и всѣ желали знать, какое участіе имѣла Зимонія въ приключеніяхъ Доброславыхъ, какъ учинилась Милостана изъ рыбы розою, и что значатъ бѣлая птички, коихъ она принесла съ собою, и которыя безпрестанно трепетались въ клѣткѣ. Баламиръ первый предложилъ о томъ Зимоніи: могущая волшебница, сказалъ онъ! не можетъ отъ васъ скрыто быть, какая судьба свела насъ всѣхъ въ сіе мѣсто; слѣдственно вы вѣдаете, что Баламиръ, покорный вашъ слуга, примѣшанъ въ приключеніяхъ вашихъ родственниковъ, и что онъ зна-

знаешъ только начало ихъ, на примѣръ: я вѣдаю неосновательное подозрѣніе Короля волшебниковъ; знаю, что Доброславъ утратилъ свою супругу подъ видомъ рыбы; знаю, что дѣвщи. его похищены; но какія причины принудили васъ къ сему немилосливому прошиву родителей поступку, ниже самимъ имъ не свѣдомы, равно и то, какимъ образомъ досталась въ ваше покровительство Милослана? Можетъ быть не скрыто отъ васъ о судьбѣ Алциды, Замиры и Богини, сочетавшейся съ Ярославомъ, и о прочемъ. Посему несправедливо будете оставить насъ далѣе въ любопытствѣ, естли только отъ васъ зависитъ разрѣшить оное. — Съ великимъ удовольствіемъ, отвѣчала Зимонія, я расскажу мою повѣсть, но столько, сколько мнѣ возможно; ибо всѣ подробности въ состояніи объяснить лишь одинъ Король волшебниковъ, бывший главнымъ единственнымъ орудіемъ всѣхъ нашихъ злоключеній. Я ужасюсь

саюсь о судьбѣ его; попому что въ сей день необходимо надлежало бы ему предсказать здѣсь, естли онѣ испинокно раскаяся въ своей ошибкѣ.

Но прежде, нежели начну я мою повѣсть, примолвила Зимонія, должно миѣ дать свободу симъ птичкамъ; онѣ привыкли у меня жить по волѣ, и вы увидише, сколь онѣ ручны. Сказавъ сіе отворила она дверцы у клѣтки: птички выпорхнули, и бросились къ Доброславу и его супругѣ; онѣ сѣли къ нимъ на руки, и трепетали крылышками, какъ бы оказывая нѣкошорый родъ почтенія. Попомѣ обратились онѣ къ ихъ дѣтямъ, и одна изъ нихъ сѣла на плечо къ Зеліану, другая къ Доброчеспу, а третья къ Ярославу. Удивлялись споль ручнымъ птичкамъ и дѣлали объ нихъ разные разсужденія, кои пресвѣчены были волшебницею, прислушницею ко удовольствію прозбы Баламировой.

По.

Повѣсть польшевицы Зимои.

Уноваю, сказала она, извѣстно вамъ, что я въ супружествѣ съ Королемъ волшебникомъ прижила трехъ дочерей, и какъ онъ по неосновательному оклеветанію отъ проклятаго волшебника Зловурана взялъ подозрѣніе, что я имѣю любовныя обязательства съ племянникомъ моимъ Гипоменомъ, и что для удержанія его въ моихъ рукахъ будишо бы во зло употребляю честь дочерей моихъ. Какія посему были свѣдѣнія гнѣва его, опчасши извѣсны Гипомену, о чемъ, надѣюсь, онъ и сказывалъ, опчасшижъ сокрыты; и для того надлежитъ мнѣ съ сего обстоятельства начать мою повѣсть.

Распорядя мщеніе свое прошиву мнимаго оскорбителя чести своей, и подкрѣпя Зловурана къ преслѣдованію его посѣшилъ меня супругъ мой въ моемъ замкѣ. Я обитала въ горахъ Арменскихъ, а онъ
имѣлъ

имѣахъ свою столицу на высочайшемъ хребтѣ горъ Рифейскихъ. Въ разсужденіи должности своей въ управленіи всемъ сонмищемъ волшебниковъ, находящихся на сѣверной половинѣ земнаго шара, посѣщаль онъ меня очень рѣдко, а особливо съ нѣкотораго времени спрашъ его къ одной дѣвицѣ, коея имени я не старалась провѣдать, отвлекла его такъ, что я не ожидала увидѣть его въ то время. Я могла думать, что постоянство мое привело его къ раскаянію, и что онъ пришелъ загладить невѣрность свою признаніемъ предо мною; но я ужаснулась, увидя его скрежещуща отъ гнѣва и съ неистовствомъ произнесшаго слѣдующее: — Невѣрная! не думай, чтобъ порочныя дѣла твои могли отъ меня укрыться, я все вѣдаю. Не старайся также прибѣгать къ лести, чтобъ зашмишь хитростію происшествіе, нанесшее мнѣ незагладимый стыдъ; я увѣренъ въ шомъ яснѣ дня, и не приму

приму никакихъ своихъ оправданій. Послѣ сего началъ онъ мнѣ рассказывать то, что внушилъ ему Зловуранъ, и въ чемъ чрезъ шемные отвѣты подтвердила его очарованная книга. Я хотѣла было вывести его изъ заблужденія и объяснить ему истинное дѣла сего обстоятельство, но онъ не внималъ и зашмыкалъ уши свои. Я не съ тѣмъ пришелъ, кричалъ съ, чтобъ выслушивать свои оправданія, но для того, чтобъ наказать тебя. Потомъ началъ онъ совершать жесточайшія заклинанія, кошорыхъ самъ Чернобогъ и весь адъ шрепещетъ, и кои премѣнить во вѣки уже не можно. Онъ бросилъ на меня свой очарованный плашокъ и сказалъ: отъ нынѣ ты лишена возможности дѣлать людямъ благодѣянія; искусство шрое перяетъ свою силу; ибо я лишаю тебя своего покровительсва. Жилище твое будетъ сокрыто отъ всего свѣша, и никшо изъ несчастныхъ въ оное не прибѣгнетъ.

Часть X.

С

Никшо

Никто не можетъ премѣнить судьбы твоей до тѣхъ поръ, какъ рушишь покоя моего Гипоменъ не достанется въ мои руки; тогда будетъ позволено тебѣ отлучаться изъ твоего замка, куда тебѣ угодно, но ты ничего не можешь про-извести чрезъ волшебство до тѣхъ поръ, какъ не будешь въ рукахъ твоихъ очарованная книга. Ты можешь уповать, что сего не случится никогда, потому что я сіе мое сокровище сохраняю какъ зѣницу моего ока. Сей послѣдній разъ, въ который ты меня видишь; не ожидай невѣрная, чтобъ сердце мое противу тебя смягчилось; ибо мнѣ должно бы увѣришься въ твоей невинности, но измѣна твоя мнѣ доказана ясно. — Отъ ужаса и огорченія была я внѣ себя. Я чувствовала, что знаніе мое меня оставило, я чувствовала и мою невинность, но не могла перемѣнить моей участи. Ко усугубленіюжъ моей горести услышала я изреченіе жесто-

сно-

ѣшюкаго моего супруга, въ разсужденіи судьбы дочерей нашихъ, кой также были жертвами его мщенія. Когда ты пренебрегла долгъ матери къ своимъ дочерямъ, продолжалъ онъ, пристойно пошому лишить тебя оныхъ. Ты не увидишь ихъ до времени, когда они не по твоему желанію выберутъ себѣ супруговъ, сочешаются съ оными и ихъ упрятятъ; ибо доспойно, чтобъ ты учинилась щецею самыхъ низкаго происхожденія людей. Не думай, чтобъ ты въ соспояніи была отвратипишь сей ихъ спыдъ и нещасіе: я въ сей же часъ повелю подвластнымъ мнѣ духамъ опнеспи ихъ въ особливые для каждой изъ нихъ построеныя мною замки. Тамъ будутъ онъ обиташь во изобиліи, но преданныя собственнй своей волѣ. Часть волшебнаго знанія, свойственнаго имъ по природѣ, останешся при нихъ для того, чтобъ онъ могли, превращаясь въ разные виды, лешашь повсюду и избратъ себѣ

супруговъ по желанію: ты узнаешь, сколь удаченъ будешь сей ихъ выборъ. Но чтобъ понесли онъ наказаніе за нанесенное роду моему безчестіе, должны онъ утрашить своихъ супруговъ, потому что сіи не сохранятъ условій, кои онъ должны завѣщать имъ, вступаая съ ними въ бракъ. Осана должна имѣть шаковаго, кошорый бы нескучалъ, обишая въ ея замкѣ, и ошнюдь не имѣлъ желанія увидѣть своихъ родителей. Замира получитъ на свою участь челоуѣка, весьма любопытнаго; а какъ иѣкошорая шайна, кошорой собственности и самъ я не проникаю, побудитъ ее отъ своего супруга скрывашься, но онъ по любопытству своему въ шайну сію проникнетъ. Алцида доспанется нескромному, кошорый выскажетъ то, что она ему шайшь повелитъ. По симъ причинамъ, предсказаннымъ мнѣ очарованною книгою, лишатся онъ своихъ супруговъ, и будутъ заключены въ видѣ гнуснообразныхъ ша-
рей

рей въ очарованной башнѣ. Освобожденіе ихъ изъ сего зачоченія не прежде воспослѣдуетъ, развѣ когда я найду, что или понятія мои о себѣ были неосновательны, или уже воля Боговъ уничтожишь мои заклинанія. При окончаніи словъ его вихрь подхватилъ дочерей моихъ, супругъ мой также удалися, оставя меня въ великой печали.

Ярославъ, Доброчестъ и Зеліанъ поглядывали другъ на друга при семъ повѣствованіи Симоніиномъ, чая въ угрозахъ Короля волшебниковъ находить нѣкое сходство въ приключеніяхъ ихъ съ своими супругами; но волшебница, не кося замѣшивъ сихъ догадокъ ихъ, продолжала рассказывать, и шѣмъ принудила ихъ ко вниманію: —

Прежде нежели увѣдомлю я васъ о воспослѣдовавшемъ со мною съ того времени, должна я предупредить васъ извѣстіемъ объ очарованной книгѣ. Въ первые дни нашего брака общали мы другъ

другу учинишь рѣдчайшій подарокъ, который бы былъ не токмо чудо въ природѣ, но и для самаго волшебнаго искусства. Король волшебниковъ подарилъ мнѣ эту невидимую шляпу, кою, какъ извѣстно уже вамъ, вручила я Зеліану. Я съ моей стороны призвала на помощь всю силу моей науки къ сооруженію очарованной книги; но признаюсь, что я, по свойственному всѣмъ женщинамъ пристрастію, желая управлять моимъ супругомъ, расположила ея такъ, что она въ отсутствіе мое не могла давать, кромѣ двозначущихъ отвѣтовъ; впрочемъ же я, присутствуя тайно при вопросахъ мужа моего, распоряжала отвѣты въ книгѣ по моимъ намѣреніямъ. Неискренность сія не прошла мнѣ безъ наказанія, пощому что двозначущіе отвѣты, данные книгою при оклеветаніи меня Зловураномъ, увѣрили супруга моего въ подозрѣніи, и произвели не токмо мнѣ, но и многимъ бѣдственныя слѣдствія.

Духъ,

Духъ, опредѣленный мною къ очарованной книгѣ, пошчасъ увѣдомилъ меня какъ о доносѣ Зловурановомъ, шакъ и о опшѣшахъ, учиненныхъ книгою и ушвердившихъ его клевету. Проникнувъ въ опасность, могущую произойти опъ гнѣва моего супруга, прибѣгла я къ ворожбѣ, чшобъ узнать, какія мнѣ въ разсужденіи сего сдѣлать ему внушенія. Въ замкѣ Гипоменовомъ находилась волшебная доска, подаренная ему мною, кошорую получила я съ великимъ трудомъ съ ошрова Солнцева, гдѣ она хранилась крѣпко, яко наилучшее сокровище Царя духовъ, и кошорая предсказывала истинну о судьбѣ каждаго смершнаго. Къ ней-но прибѣгла я и получила слѣдующее наставленіе: „Боги, ненавижда-
 „ щіе всякую неоправедливостъ, обра-
 „ щаютъ тебѣ въ наказаніе ору-
 „ діе, изобрѣшенное тобою къ обма-
 „ ну швоего супруга. Хошя сіе пре-
 „ изошло со стороны швоей не опъ
 „ злаго намѣренія, и промыслъ опре-

„ дѣляетъ всему щастливое окончаніе ;
 „ ніе ; но какъ твоя неосмотритель-
 „ ность въ составленіи очарованной
 „ книги учинилась бѣдственна дому
 „ Царя Дулебскаго, о чемъ узнаешь
 „ ты въ послѣдствѣ , по какъ не-
 „ щастія сего должны быть тебѣ
 „ общія , такъ и отвращеніе оныхъ
 „ послѣдовать чрезъ твое понеченіе.
 „ Посему внуши твоему супругу
 „ чрезъ очарованную книгу , кою онъ
 „ не преминетъ спросить , чтообъ
 „ онъ дочерей своихъ раздѣлилъ въ
 „ особливые построеныя имъ замки,
 „ и оставилъ имъ на выборъ ихъ су-
 „ проговъ ; что сіи влюбятся въ лю-
 „ дей низкаго происхожденія , и по-
 „ теряющъ ихъ по причинѣ , что
 „ Осанинъ мужъ будетъ привязанъ
 „ къ своимъ родителямъ , Замиринъ
 „ весьма любопытенъ , а Алцидинъ
 „ нескроменъ. „ — Словомъ , мнѣ
 „ сказано было волшебною доскою все
 „ то , что я внушила моему супругу ,
 „ и что объявилъ онъ мнѣ при своихъ
 „ угрозахъ , какъ уже я объявляла .
 „ Сіе

„ Сіе обстоятельство , продол-
 „ жала волшебная доска , можетъ
 „ быть кажется себѣ весьма смѣш-
 „ но , но оное въ послѣдствѣ учи-
 „ нится очень важно. Боги опре-
 „ дѣляютъ дочерей своихъ въ су-
 „ пружество внукамъ Царя , коему
 „ неосмотрительность швоя навлекла
 „ пагубныя слѣдствія ; а пошому
 „ участь швоя , племянника швоего и
 „ племянницы и Царя Дулебскаго
 „ съ его потомствомъ , будутъ
 „ имѣть общую цѣпь. Вразумляясь
 „ отъ времени и случаевъ , цыг-
 „ должна распоряжатъ всѣ приклю-
 „ ченія въ швою пользу , и учре-
 „ ждашь себя по сему предска-
 „ занію. „

По шемному знаменованію по-
 слѣднихъ словъ сего предсказанія я
 не могла заключить ничего достовѣр-
 наго , но полагая отъ времени по-
 лучить объясненіе для моихъ дѣй-
 ствій , внушила моему супругу касаю-
 щееся до дочерей моихъ : онъ по-
 слѣдовалъ оному , какъ уже сказано

выше. Я хотя ожидала того, что онъ учинилъ, какъ вещи, исполненной по моему внушенію, но не уповала, чтобъ гнѣвъ его простиерся до лишенія меня волшебной силы. Сіе - шо приключило мнѣ несносную печаль, въ кошорой была я по унесеніи ошѣ меня дочерей моихъ; ибо мнѣ чрезъ шо пресѣчена была возможность узнавать о происходящемъ и всякіе случаи обращать въ мою пользу для поправленія неустройствъ, причиненныхъ неосмотрительнымъ сооруженіемъ очарованной книги.

И такъ въ горести и неизвѣстности обивала я какъ невольница, заключенная въ моемъ замкѣ около года. Я ушрапила уже и надежду, чтобъ могла я быть полезною судьбѣ моихъ дочерей и дому Царя Дулебскаго, въ разсужденіи того, что сила Гипоменова въ волшебствѣ не подавала ни малаго вида, чтобъ Король волшебниковъ когда либо могъ овладѣть имъ; а пошому и я

па

но прешнему бы учинилась волшебницею. Но въ одинъ день сверхъ ожиданія моего предшаль ко мнѣ мой служебный духъ, котораго я не видала со времени, какъ прешала бышь волшебницею. Онъ увѣдомилъ меня, что Гипоменъ достался въ руки моего супруга, и что сіе возвращаетъ мнѣ свободу и его къ моимъ повелѣніямъ. Онъ донесъ мнѣ о всемъ произшедшемъ по слѣдствіямъ мщенія Короля волшебниковъ, и о чемъ, надѣюсь, слышали вы отъ Гипомена, то есть: какъ Зловуранъ, подкрѣпляемый моимъ супругомъ, нанесъ раззореніе царству Дулебскому; какъ Царь, родитель Доброславовъ, очарованнымъ копіемъ пораженъ; какъ Доброславъ спасенъ Гипоменомъ съ сестрою своею Рогнедою, и что Гипоменъ женился на Рогнедѣ, а Доброславъ сочетанъ долженъ съ сестрою его Милостаною по низложеніи Зловурановомъ; что Доброславъ, подкрѣпляемый своимъ зятемъ, получилъ отъ него шалиманъ,

сманѢ, хранившій его отъ гоненія Короля волшебниковѢ, и убилѢ Злевурана; но что раздраженный шѢмѢ супругѢ мой употребилѢ сію одлшность Гипоменову вѢ пользу, и покинулѢ его обще и сѢ его супругою вѢ неизвѣстное мѣсто; что ДоброелавѢ по возвращеніи своемѢ не нашелѢ не только зятя и сестры своей, но и своей невѣсты, и что по внушенію волшебной доски избралѢ жилище на самомѢ семѢ мѣстѢ, кое онѢ мнѢ описалѢ общошельно.

Не могу не признацца, что извѣстіе сіе сколько обрадовало меня сѢ одной стороны моею свободою, сколько огорчило бѣдспвіями разныхѢ особѢ, коимѢ была я причиною. По крайней мѢрѢ ушѣшала я шѢмѢ, что уже вѢ состояніи находилась ешшли не ошвратить ихѢ напаши, то хотя облегчашь и обращашь слѣдспвіе оныхѢ вѢ ихѢ пользу. Я, учинившись невидимою, посѣшила дочерей моихѢ вѢ ихѢ

ихъ замкахъ, и нашла оныхъ упражняющихся въ невинныхъ забавахъ; молодыя лѣта ихъ не внушали еще имъ тогда склонности къ замужству. Я оставила ихъ въ покоѣ и посѣтила ваше, Доброславъ, жилище. Милостянино очарованіе тогда уже кончилось, и я нашла васъ вкушающихъ всѣ утѣшенія взаимныя любви въ щастливомъ супружествѣ. Тогда представилось мнѣ на мысль предсказаніе о бракѣ дочерей моихъ со внуками Царя Дулебскаго. Я не сомнѣвалась, чтобъ не ваши сыновья предопредѣлены были въ зятя мнѣ; ибо хоша дѣши племянника моего Гипомена равномѣрно могли бытъ внуки Царю Дулебскому, но казалось, что предсказаніе явственнѣе относилось до дѣшей вашихъ. Посему заключила я исполнить всѣ подробности предсказаннаго мнѣ, и чтобъ супругъ мой не взялъ подозрѣнія, естли бы дочери наши вышли прямо за наслѣдниковъ Царя Дулебскаго;

по-

посему, повторяю, заключила я по-
 хитить дѣтей вашихъ при самомъ
 ихъ рожденіи, и отдать оныхъ на
 воспитаніе самымъ подлымъ людямъ.
 Я считала, что сіе обстоятельство
 не помѣшаетъ мнѣ вліять въ дѣ-
 тей вашихъ склонности, пристойныя
 ихъ природѣ; что шѣмъ супругъ
 мой будетъ обманутъ, и что пред-
 сказаніе будетъ исполнено. Тако-
 вымъ образомъ первородный сынъ
 вашъ Зеліанъ по похищеніи отданъ
 мною въ хижину пастуха Дулеб-
 скаго; Доброчестъ опнесенъ мною къ
 воспитавшему его сапожнику, а Яро-
 славъ подкинутъ къ жрецу Ладина
 капища. Я, тайно и поспѣвая
 ихъ, пеклась о исправленіи ихъ
 нравовъ, и о внушеніи имъ понятія
 о пристойныхъ наукахъ. Доброчестъ
 и Ярославъ остались на моемъ по-
 печеніи, но Зеліанъ похищенъ былъ
 у вскормившей его пастушки Коро-
 лемъ волшебниковъ, и наконецъ по
 извѣстному вамъ приключенію его
 съ очарованною книгою попался въ
 мой

мой замокъ. Сіе обстоятельство хощя возвратило мнѣ полную силу волшебницы, но я не могла оную обращать на помощь моимъ родственникамъ и семейству Царя Дулебскаго; ибо испышала, что она уступаетъ силѣ заклинаній моего супруга.

Между шѣмъ рожденная отъ Доброслава послѣдняя дочь его, которую хощѣла я взять для совершеннаго воспитанія въ мой замокъ, была неизвѣстно кѣмъ похищена, и послѣ уже я провѣдала, что попеченіе сіе имѣетъ объ ней самъ Король волшебниковъ. Я узнала также, что онъ очаровалъ Милостану, коя прежде сочешанія съ Доброславомъ превращена была въ рыбу, и что сила заклинанія его содержала въ себѣ и ту подробность, что въ сѣтяхъ, коими Доброславъ ловилъ рыбу, и въ очарованномъ копѣ заключалась судьба щастливаго ихъ житія съ Милостаною, такъ что ешьли бы онымъ копіемъ учинилась

сква-

скважина въ сѣняхъ, Милоспана слѣдовало опять превратиться въ рыбу. Я всѣми силами старалась оное предупреждать, но видно, что опредѣленнаго судьбою избѣгнути не можно. Милоспана, упрасивъ всѣхъ дѣшей своихъ, и не имѣя надежды имѣти оныхъ еще, начала скучашь обитаніемъ своимъ въ пустынь, и наконецъ уговорила супруга своего ипни въ мѣста обитаемые, чпобъ по меньшей мѣрѣ имѣти надежду въ сысканіи хотя одного изъ похищенныхъ дѣшей своихъ. Когда Доброславъ началъ для запасенія на дорогу пици ловить рыбу, я, проникнувъ, что отсутствіе ихъ съ предопредѣленнаго имъ мѣста будетъ имъ бѣдственно, старалась оное пресѣчь препятствіями, и учинила, что Доброславъ прошиву обыкновеннаго не могъ ни одной поймать рыбки. Но сіе произвело, что Милоспана съ досады прорѣзала очарованнымъ копіемъ сѣпи, а потому навлекла себѣ неминуемую судьбу

судьбу превратиться опять въ рыбу. Я не могла совершенно отпратить сего очарованія; по крайней мѣрѣ имѣла успѣхъ облегчить оное. Я схватила ее въ водѣ, и закличаніями морми превратила въ розу. Въ каковомъ состояніи и пребывала она въ моихъ покояхъ до времени, въ кое надлежало пресѣчену бытъ ея очарованію; ибо я предузнала по моей наукѣ, что оное не прежде кончится, какъ при полученіи Гипоменомъ его прежняго образа, и не инымъ посредствомъ, какъ рукою ея супруга, чтобъ онъ сорвалъ цвѣтокъ, что и воспослѣдовало.

Съ того времени осталось мнѣ уже малое попеченіе о Доброславѣ; я чрезъ служебнаго моего духа доставляла ему ежедневно пищу, и старалась только занимать его воображеніе обспояшельствами, кои бы удерживали его въ сей хижинѣ до опредѣленнаго часа. Не было къ тому лучшаго, какъ представлять при каждомъ выходѣ его изъ хи-

Часть X.

Т

жины

жины образъ возлюбленной его рыбы, что и исполнялъ духъ, приносявшій къ нему пищу.

Не упуская изъ глазъ моихъ дѣшей Доброславовыхъ, ушѣшалась я какъ добрыми свойствами ихъ сердець, такъ и красою ихъ шѣла. По сходству нравовъ назначила я Зеліану большую мою дочь Алциду, Доброчесту Замиру, а Ярославу Осану. Хотя дочери мои назначенныхъ имъ супруговъ были нѣскольکو и старѣе; но какъ дѣши волшебниковъ предъ прочими смертными имѣющъ должайшій вѣкъ, то въ сравненіи сего были онѣ предъ своими женихами шолько въ первомъ цвѣтѣ молодости. Послѣ сего слѣдовало мнѣ учредитъ склонности дочерей моихъ по моему выбору: Превращаясь во образъ пищи, (ибо по заклинаніямъ Короля волшебниковъ не лзя мнѣ еще тогда было показываться въ обыкновенномъ моемъ видѣ) прилешѣла я на окно спальни меньшей

шей дочери моей Осаки. Она была удивлена шѣмъ, а наиболѣе когда я начала съ нею разговаривать. Я въ проспранныхъ словахъ доказала ей скучный родъ ея жизни, въ который повержена она несправедливымъ гнѣвомъ своего родителя, что опдѣленіе отъ обхожденія съ ея родительницею предоставляетъ ее всѣмъ погрѣшностямъ, въ кои можетъ она впастъ по молодости лѣтъ своихъ, не имѣя прибѣжища ни къ чьимъ совѣтамъ, а особливо въ возрастѣ, въ которомъ слѣдуетъ избрать ей супруга, что она въ никакомъ случаѣ легко можетъ навлечь на себя несчастіе, и что пошому я, какъ очарованная птица, мапери ея не имѣющей возможности съ нею видѣться, послана отъ нее къ ней для вспомошествованія въ избраніи ей супруга, безъ коего по состоянію жизни ея далѣе обойтись ей не возможно. Послѣ сего изобразила я ей, что значитъ состояніе супружества, и каковымъ

образомъ заимствуется отъ онаго щастіе и спокойство, или злочастіе и мученіе дней предъидущихъ. Вразумя же ее сими понятіями, начала я описывать ей достоинства Ярославовы, и нечувствительно произведши въ ней заочно къ нему нацашки любви, уговорила ее побывать у него со мною. Мы преграпились мушками, и посѣпили жилище жреца ладина. Достоинства Ярославовы вскорѣ покорили ему сердце моей дочери; она призналась въ томъ повѣренной своей очарованной ппицѣ, и просила наспавленія, какимъ образомъ должно ей въ томъ ему опкрыться. Тогда сдѣлала я наспавленіе, которому, какъ извѣстно вамъ, она послѣдовала, то есть предсавши ему во образѣ сіяющей ппицы, во время набѣга дикихъ, и похипя его въ свой замокъ; а чшобъ исполнить предсказанное мнѣ волшебною доскою завѣщаніе, наспавила я Олану, какое учинишь ей условіе съ ея супру-

врутомъ. Любовь Ярославова къ его
родителямъ имѣла великое сходство
съ предсказаніемъ шаинства, коему
надлежало содержать въ себѣ судьбу
Осанину, и я внушила ей сказать
Ярославу то, чего онъ не могъ со-
хранить, и слѣдственно утратилъ
возлюбленную свою супругу.

И такъ вы, дражайшая
мать возлюбленной моей Богини,
вскричалъ Ярославъ, бросаясь къ ко-
лѣнамъ Зимоіи, вы подали мнѣ
нашевленіе, что долженъ я испол-
нить къ приобрѣшенію утраченного
мною щастія: я сохранилъ ваше за-
вѣщаніе, и ожидаю, что вы, сжа-
лясь на мои мученія, возвратите
мнѣ дражайшую мою Осаму, безъ
коей я жить не могу. — Ахъ,
сынъ мой, отвѣчала волшебница
обнявъ его! я знаю твою горечь;
ибо я раздѣляла твои мученія; но
надобно потерпѣшь, продолжала она
съ улыбкою, . . . и припомъ не
вугашь пшичку мою, которая спо-
койно усѣлась на вашемъ плечѣ.

Т 3

Яро-

Ярославъ въ самомъ дѣлѣ забылъ про пшичку, и началъ объ оной заботиться, а шѣмъ принудилъ и брашневъ своихъ равную взять осторожность; чѣмъ и удержалъ ихъ отъ подобнаго своему прошенія къ волшебницѣ, кое было уже у нихъ на языкѣ.

Таковымъ образомъ, продолжала Зимонія, дочь моя Осана первая имѣла участь попасться въ очарованную башню. Впрочемъ Ярославъ, какъ уповаю, разсказалъ уже вамъ, что я пришла къ утѣшенію его въ замокъ моей дочери, и сдѣлала ему наставленіе о поведеніи его. Сіе припоминаешъ мнѣ увѣдомить васъ, какимъ случаемъ узнала я, что человекъ, имѣющій ссединить его съ родителями, долженъ имѣть на правомъ вискѣ родину, или яснѣе сказать, Король Уинскій Баламиръ. Для сего прерву я порядкъ моей повѣсти, касающейся до двухъ другихъ моихъ дочерей; о чемъ услышите послѣ. Мнѣ
весьма

весьма досадно было, что волшебная моя власть, просиравшаяся впрочемъ до важныхъ вещей въ природѣ, недѣйствительною казалась до моихъ ближнихъ. Я воспекнула сраданію племянника моего Гипомена, о коего участи даже и провѣдать не могла; также о супругѣ Доброславовой и о самомъ его печальномъ сошпояніи, а особливо, что Милоспана и бывъ розою не переставала испускать спенаній; наконецъ и судьба дочерей моихъ съ ихъ супружниками не давала мнѣ покоя. Но видя, что я не въ силахъ пресѣчь ихъ очарованія, прибѣгла было къ волшебной доскѣ, находившейся въ замкѣ Гипоменовомъ, но оныя не нашла уже въ своемъ мѣстѣ; и такъ обратилась я прошиву обыкновенія моихъ сестрѣ въ Дулебское боговѣщалище. Тамъ въ ошвѣщѣ получила я хошя шемное, но сбывшееся предсказаніе: что освобожденіе Гипоменово, слѣдственно и всѣхъ, коимъ я неоспорожностию моею нане-

ела несчастіе, воспослѣдуетъ отцѣ
человѣка, имѣющаго на правомъ ви-
скѣ родину. — Въ послѣдствіи я
узнала еще другія подробности, и
что сей освободитель несчастныхъ
будетъ Баламиръ; но сіе соединено
со многими тайнами, коихъ я не
постигаю, и которыя никто не мо-
жетъ объяснить, кромѣ моего су-
пруга.

Что надлежитъ до дочери моеѣ
Замиры, я предстала къ ней въ
видѣ той же пщицы, каковою пока-
залась я Осанѣ, и равномерно пред-
уговорила ее влюбиться въ Добре-
честа, бывшаго тогда сапожникомъ.
Уже выдумали мы средство, како-
вымъ привесть его въ ея замокъ,
какъ пришло мнѣ на мысль закли-
ніе Короля волшебниковъ, коему над-
лежало необходимо прежде окончанія
очарованія исполниться. Чтобъ обра-
тить сіе послѣдство въ пользу,
выдумывала я къ тому средство, и
въ сихъ размышленіяхъ ходила по
саду замка Замира. Хотя я въ
посѣ.

посѣщеніяхъ моихъ довольно познала
 всѣ мѣстоположенія онаго, но уди-
 вилась усмотрѣвъ въ близъ лежащей
 горѣ пещеру, въ кою входъ былъ
 сквозь маленькую дверь. Любопыш-
 ствуя вошла я въ оную, и при
 освѣщеніи висящей тамъ лампы
 усмотрѣла гробницу съ лежащимъ
 въ оной мертвымъ тѣломъ въ Цар-
 скомъ одѣяніи. Любопытство мое
 умножилось, и не добираясь, чѣ бы сіе
 было тѣло, хотѣла я прибѣгнутьъ
 къ ворожбѣ, какъ вдругъ увидѣла
 приколотую къ плащю мертвого
 Царя бумагу. Опнравъ оную про-
 чла я слѣдующее: „ Безъ сомнѣнія
 „ судьбина приведетъ сюда Зимонію,
 „ да воззришь она на тѣло погиб-
 „ шаго учиненною нѣкогда отъ не-
 „ осомпрительности ея погрѣшно-
 „ стію Царя Дулебскаго. Безразсу-
 „ дное мщеніе ея супруга повергло
 „ его въ сіе состояніе; онъ съ не-
 „ винностию своею, о Зимонія, узналъ
 „ свою ошибку, но невласненъ уже
 „ возвращишь жизнь несчастному
 Т 5 „ Царю,

„Царю, прешедшую въ ошломокъ
 „находящагося въ груди его очаро-
 „ваннаго копія; ибо по силѣ кляшвъ,
 „учиненныхъ имъ при произведеніи
 „сего мщенія, никто не можетъ из-
 „влечь сего ошломка, кромѣ средней
 „швояй дочери. Сія должна, не чув-
 „ствуя никакого отвращенія къ
 „язвѣ мертваго шѣла, высасывать
 „изъ оной причину смерти. Впро-
 „чемъ шевѣ предоставляется рас-
 „порядить обстоятельство сіе во
 „всеобщую пользу семейства неща-
 „снаго Царя сего. „ — Я чрез-
 „мѣрно обрадовалась, получа настав-
 „леніе сіе, и опредѣлила учинить
 „чрезъ избавленіе дѣда Доброчестова
 „шайну, кою надлежало отъ него со-
 „крывать Замирѣ, и шѣмъ подвер-
 „гнуть искушенію его любопытство.
 „Но чтобъ воображеніе о мертвомъ
 „шрупѣ не приключило ей омерзѣнія въ
 „сосаніи раны, произвела я изъ оной
 „благонный и питательный балсамъ,
 „кошорый однако для всѣхъ, кромѣ За-
 „миры, имѣлъ весьма противный за-
 „пахъ.

нахъ. Послѣ сего, принявъ видѣ очарованной птицы, сдѣлала я дочери моей завѣщаніе, съ каковымъ надлежало ей вступить въ бракъ съ Доброчесомъ. Въ семъ завѣщаніи, кромѣ воздержности его отъ любопытства, включено было и то, чѣмъ Замира для сохраненія спокойства своему супружеству никогда не ѣла съ своимъ мужемъ, а пишалась бы балсамомъ въ указанной ей мною пещерѣ изъ сосуда, изваяннаго въ образъ мертваго человѣческаго трупа. Я подтвердила ей, что всякая другая пища, или въ случаѣ, если Доброчесъ проникнетъ въ сію тайну, приключитъ ей съ нимъ мучительную разлуку. Замира наблюдала сіе свято, и опломокъ копія высосанъ ею нечувствительно такъ, что можно уже оный безъ вреда шѣлу вынять рукою. Впрочемъ Доброчесъ, какъ извѣстно, подвергся судьбѣ своей, и утратилъ свою супругу, коя во вѣпорыхъ получила мѣсто въ очарованной башнѣ.

Я

Я сдѣлала ему наставленіе на основаніи свѣща, полученнаго мною въ Дулебскомъ боговѣщалищѣ; и хотя Доброчестъ больше всѣхъ потерпѣлъ наказанія за свое любопытство, но шѣмъ избавленъ отъ пристрастія сего, могущаго иногда быть во вредъ спокойствію, а особливо въ супружествѣ.

Видишь ли, любезный сынъ, — говорила Замонія къ Доброчесту, бросившемуся при сихъ словахъ въ ея объятія, — что не всегда должно принимать вещь по виду, подъ каковымъ покажется оная съ перваго взгляда глазамъ нашимъ. Рвотное лѣкарство для своего любопытства досталось тебѣ отъ нустной мечты; ибо шѣло дѣда твоего не подверглось до сего часа еще ни малому шѣнію. Равнымъ образомъ и супруга твоя невинна въ приключеніи гадливости въ твоемъ воображеніи; пошому что надлежало исполниться всѣмъ подробностямъ Короля волшебниковъ, безъ чего не могъ бы

шы

ты увидѣшь своихъ родителей. —
 Ахъ, дражайшая машушка, опѣ-
 чалъ Добродѣтель! я уже изцѣлился
 отъ моего воображенія, и люблю
 Замиру еще болѣе прежняго. Поз-
 воль мнѣ сѣсть на свое облако, и
 отнесшися къ очарованной башнѣ,
 чшобъ я хотя издали могъ увидѣть
 мою дражайшую супругу. — Прошу
 терпѣнія, мой сынъ, подхватила
 Зимоія, и обратилась къ Доброславу,
 предложившему ей прозбу о прине-
 сеніи въ его хижину пѣла отца сво-
 его. — Сего не можно учинить,
 сказала она, въ присутствія Ко-
 роля волшебниковъ, да и кромѣ по-
 го не нужно уже тебѣ обижать на-
 мѣстѣ, припоминающемъ свои не-
 щастія, которыя безъ сомнѣнія вос-
 пріяли уже свое окончаніе.

Какъ судьба большей моей
 дочери, продолжала волшебница,
 опредѣлила ее Зеліану, то по-
 средствомъ прежней птицы, въ кою
 я превращалась, оказала я ей по-
 мощь познакомилъ съ нимъ, и
 по-

похищитъ его на пущи отъ Дулебскаго боговѣщалища ; ибо произвести громъ и молнію для волшебницы самая малость. Въ разсужденіижъ договора при заключеніи брачномъ употребила я въ посредствѣ преселенія Алциды въ очарованную башню нескромность Зеліанову, яко не послѣдній порокъ, въ кошоромъ надлежало ему исправиться. Но какъ уединенный замокъ не подавалъ способа употребить ему свою болшливость, и въ разсужденіи того, что надлежало мнѣ, для спаранія о участи Доброславовой, привести въ безопасное мѣсто и послѣднюю мою дочь, показалась я ему, и учинила шаковой вопросъ, что не можно ему было вспомнить своего обѣщанія, и не сказаешь мнѣ, что онъ женашъ на Алцидѣ. Озерцо, въ кое она упала, было привидѣнное, и она не ушонула, какъ подумалъ Зеліанъ, но попалась въ надлежащую башню. Я съ намѣреніемъ учинила руку его желѣзною, чюбъ онъ

онъ не преставае желать ей изцѣленія; ибо мущины иногда забывающъ своихъ любовницъ, и лучше могутъ помнить о безобразіи руки своей. — А какъ я вѣдала, что совершеніе подвига, предоставленнаго Баламиру, зависѣло отъ возбужденія въ немъ любопытства сокрытіемъ отъ него Зеліановой повѣсти, то превращенная рука удостоверяла меня въ лучшей его молчаливости.

Вы не престаёте наказывать меня, любезная матушка, вскричалъ Зеліанъ, поцѣловавъ руку Зимоніину; я хранилъ мою пайну для изцѣленія спраждущаго моего сердца по Алцидъ, и въ награжденіе за невинное мое спраданіе должны вы по справедливости пресѣчь мою съ нею разлуку; ибо я чувствую, что сіе зависитъ отъ собственной вашей воли. — Нѣтъ, сказала Зимонія, и продолжала свою повѣсть.

Наконецъ увѣдомилась я чрезъ присланнаго ко мнѣ отъ неизвѣстной

стной особы духа, что прекращеніе всѣхъ приключенныхъ мною бѣдствъ наступаетъ, но что оное не прежде воспослѣдуетъ, какъ по переломленіи очарованнаго копія Доброславомъ, и о прочемъ. Тогда я для скорѣйшаго исполненія сего, принявъ невидимость, прибыла на сіе мѣсто. Я спрятала челнокъ и нитки, кои Доброславъ употреблялъ къ починкѣ сѣней своихъ, и подспарила на дорогѣ его къ нимъ очарованное копіе, чтобъ онъ, зацѣпясь за оное, пришелъ въ досаду. Ожиданіе мое имѣло успѣхъ: Доброславъ, не найдя челнока, былъ уже въ досадѣ: я умножала оную, превращаясь въ муху и щекочя ему носъ; онъ зацѣпился за копіе, и спавъ совершенно раздраженъ, переломилъ оное. Тогда я, превращаясь въ пшцу, — учинила ему наставленіе, которое споль удачно послужило неуспрашиму Баламиру, и которое внушено мнѣ было отъ поманутаго духа, коего, какъ я

свѣ-

свѣдала послѣ, присылалъ ко мнѣ мой супругъ. Онъ писалъ ко мнѣ, признаваясь въ своей прошиву меня несправедливости, и обѣщалъ предстать въ сіе мѣсто, коль скоро Гипоменъ освободится отъ очарованія. Однакожъ его нѣтъ, и какъ я вижу, любовь его ко мнѣ совсѣмъ оспыла, или можетъ быть онъ не испребилъ въ сердцѣ своемъ подозрѣнія ко мнѣ, внушеннаго ему Зловураномъ; ибо впрочемъ хотя могла я башню превратить въ клѣшку, но дочери мои останутся хотя не въ видѣ, въ каковомъ въ оной обещали, но безъ Короля волшебниковъ будутъ онѣ сими ппичками. — Сими ппичками, вскричали въ себя дѣти Доброславовы? — Ахъ жалко! сими ппичками, крикнулъ Баламиръ, и за нимъ все собраніе? а Милоспана и Рогнеда готовы были плакать, такъ какъ мать и женщина. Да, повпорила Зимонія вздохнувъ; онъ бы единымъ взоромъ на отца своего... Боги! возопила она, премѣняясь въ

Часть X.

У

лице,

лице, взглянувъ на старика, привезшаго въ лодкѣ дѣшей Доброславовыхъ, и не могла докончить словъ своихъ. Всѣ также обратили на него взоры; но старикъ исчезъ, или лучше сказать превратился въ доброго мужа, имѣющаго на главѣ своей желѣзную корону, по которой и узнали, что онъ былъ Король волшебниковъ.

Еще всѣ были въ удивленіи и ожиданіи, какъ вопль Зеліана, Доброчеста и Ярослава обратилъ взоры на другую сторону: Алцида, Замира и Осана, взглянувъ на своего родителя, избавились отъ очарованія и очутились въ объятіяхъ своихъ супруговъ. Баламиръ увидѣлъ трехъ совершеннѣйшихъ красавицъ, лобзующихъ дѣшей Доброславовыхъ и стремящихся съ объятіями къ Королю волшебниковъ, его супругѣ, къ Доброславу, Милостанѣ, Гипомену и Рогнедѣ; онъ чаялъ узнать въ нихъ свою возлюбленную Милосвѣту, и можетъ бы вклепался въ которую ни.

нибудь во всякомъ другомъ при-
спойнѣйшемъ мѣстѣ.

Наконецъ всеобщій восторгъ пре-
сѣченъ былъ на нѣсколько Королемъ
волшебниковъ: оный приносилъ Зи-
моніи извиненіе свое въ шаковыхъ
чистосердечныхъ выраженіяхъ, что
супруга его не могла надолго оспать-
ся равнодушною. По щастію муже-
скаго рода нѣжный полъ въ числѣ
добродѣтелей своихъ имѣетъ свой-
ство прощать своимъ измѣнникамъ
и гонителямъ; по крайней мѣрѣ Зи-
монія доказала оное въ часъ сей,
бросаясь въ объятія своему супругу.
Любовь ихъ, которая искра шайлалась
еще въ ихъ сердцахъ, воспламенясь
ускорила примиреніемъ, а шѣмъ Ко-
роль волшебниковъ получилъ свободу
удовлетворить Баламиру въ объясне-
ніи темныхъ мѣстъ, оставшихся
въ общемъ ихъ приключеніи. Судь-
ба Милосвѣшина оставалась еще шай-
ною; и хотя спраспный любовникъ
былъ неперпѣливъ, но Королю Уни-
скому надлежало быть благоприспой-

ну и дожидашься по крайней мѣрѣ изъ рѣчей постороннихъ свѣдѣнiя, коего хопѣло его сердце. Король волшебниковъ примѣшилъ сіе, и для того поспѣшалъ начать свою повѣсть. Данное мною подѣ видомъ шарика обѣщаніе, сказалъ онъ, слѣдуетъ исполнить; къ чему и присуплю я въ угожденіе великодушнаго Баламира, исправившаго опважноспію и прудами своими учиненныя мною погрѣшности. Но какъ Типоменовы приключенія сообщены съ моими, то я избавляю его отъ труда оныя разсказывать, и предложу вкратцѣ о всемъ, что вѣдать нужно, чтобъ попомѣ присупишь свободно къ ожидающимъ насъ торжествамъ. — Слуга я покорный, думалъ Баламиръ, естли все мое воздаяніе будетъ состояшь въ кускѣ очарованнаго пирога, или въ воззрѣніи на щастіе соединенныхъ супруговъ. — Воображеніе сіе было пресѣчено чрезъ

По-

**Попѣстпопаніе Короля
 польшебникопѣ.**

Извѣстно уже вамъ, какъ я
 приведенъ былъ въ несправедливое
 подозрѣніе ненавистнымъ Зловура-
 номъ, и какъ неосмотрительностьъ
 жены моей чрезъ подарокъ мнѣ двое-
 смысленно глаголющей очарованной
 книги способствовала вооружить
 меня прошиву ея, дѣшей моихъ,
 Гипомена и всего, до чего онѣ имѣлъ
 участіе. Признаюсь къ стыду мо-
 ему, что я не похотѣлъ вникнуть
 въ подробность доноса Зловуранова,
 и не открывъ настоящей истинны
 обстоятельство, предался всей яро-
 сти овладѣвшаго мною гнѣва. Я
 заклаяся опмстити мнимымъ вреди-
 теламъ моей чести шакowymi кля-
 швами, коихъ я не могъ уже нару-
 шить, не погибнувъ самъ. Надлежа-
 ло заклинаніямъ моимъ исполниться,
 хотя бы я послѣ и пожелалъ премѣ-
 нить оныхъ спротогость. Соверша то,

о чемъ слышали уже вы отъ Зимо-
ни въ разсужденіи ее и дочерей
моихъ, обратилъ я все вниманіе мое
на Гипомена. Чрезмѣрно досадно
было мнѣ чувствовашь, что знаніе
его въ волшебствѣ и сооруженной
имъ попомъ шалисманъ и броня из-
бавляли его отъ моей власпи. Я
не могъ ничѣмъ повредить ему, кромѣ
составленія очарованнаго копія, ко-
торое казалось мнѣ удобнымъ прон-
зистъ всю его завохвованную броню.
Я вооружилъ онымъ Зловурана и
повелѣлъ ему всюду его преслѣдо-
вашь. Я покровительствовалъ на-
мѣренія сего проклятаго волшебника
въ покушеніи его на царство Ду-
лебское; ибо хотя Царь, родитель
Доброславовъ, ничего мнѣ не причи-
нилъ, но все, до чего Гипоменъ
имѣлъ участіе, казалось мнѣ нена-
вистно. Вы вѣдаете также, какъ
Авары приведены на Дулебовъ, какъ
Киганъ учиненъ влюбленнымъ въ
Царевну Рогнеду, и какъ опечество
ся по симъ обстоятельствомъ раз-
зорено.

зорено. Миѣ весьма досадно было узнать, что уловленный Гипомей нащелъ способъ изъ очарованной клѣшки освободиться и спасти Рогнеду, ея брата и пораженное шѣло родителя ихъ. Произшествіе сіе случилось шакъ скоропечно, что я не могъ и предохранить Зловурана отъ гибели, успроенной ему наставленіями Гипоменовыми чрезъ руку Доброславу; я свѣдалъ о семъ почти тогда, какъ проклятый сей клеветникъ палъ подъ ударомъ очарованнаго копія. Поспѣшая къ нему на помощь, увидѣлъ я, что уже поздно сохранить ему жизнь: я приспѣлъ почти въ ту минуту, когда Доброславъ наказалъ сего шайнаго врага моего. Закрытый невидимостію легко бы могъ я преобразить въ ничто Доброслава: — шаковъ былъ гнѣвъ мой, — но броня, шамисманъ и собственное мое копіе оспановили мое покушеніе, и возвели шѣмъ на вышнюю степенъ мою ярость. Я успѣлъ только привести

въ безопасность тѣло Зловураново, и превратилъ оное въ шу гору, дерево и мраморныхъ львовъ, на коихъ послѣ утвердилъ я всю шайну судьбы несчастныхъ, подпадшихъ моему мщению. Доброславъ казался мнѣ не сполько виновенъ, какъ Гипоменъ; а припомъ я не могъ ничего учинить ему; но узнавъ, что Королевичъ Кимбрскій находится безъ талисмана, поспѣшилъ схватить его въ мои руки. Я овладѣлъ имъ въ его замкѣ, прежде нежели возвращеніе Доброславово могло привести его въ безопасность. Рогнеда и Милостана шакже достались въ мои руки; а какое распорядилъ я имъ наказаніе, услышите послѣ.

Осматривая замокъ Гипоменовъ, нашелъ я волшебную доску: я имѣлъ объ драгоцѣнности ея понятіе, и чрезмѣрно обрадовался, усмотря способный случай овладѣть симъ сокровищемъ. Я не имѣлъ причины безпокоиться о возвращеніи Доброславо-вомъ, поному чпо уповалъ со всемъ упра-

управисься прежде его прибытія. Первое мое дѣло состояло въ вопрошеніи у волшебной доски, что предпріяшь миѢ надѢ ГипоменомѢ, Рогнедою и Милоспаною; но къ изумленію моему получилѢ я слѣдующій отвѣтъ : „Король волшебниковѢ! „ ты суешно даешь свободу неосновательному твоему мщенію. Еспьли „ Боги и предають въ власть твою „ дѣшей Короля Кимбрскаго и домѢ „ Царя Дулебскаго, но они ихѢ охраняють, и всѢ твои умыслы обратяшся наконецѢ въ ихѢ пользу, а ты расквешься. УнигардѢ дастѢ разрушителя твоему очарованію, а отѢ Доброслава произойдетѢ дочь, имѣющая бытъ наградою его; ибо ты никакѢ не разлучишь бракѢ МилоспанинѢ. Собственныя твои дочери присоединятся къ твоимѢ непріятелямѢ, коихѢ въ свое время ты возлюбишь. „ — Отвѣтъ сей произвелѢ во миѢ страхѢ; но какѢ разсудокѢ въ неистовствующемѢ отѢ гнѣва не можетѢ имѣть должныхѢ

расположеній , по размышленія мои мало по малу привели меня къ заключенію , что волшебная доска учреждена чрезъ прѣзорливость Гипоменуу къ шаковымъ для меня показаніямъ. Я такъ былъ слабъ , что по времени перенесши сію доску въ мой замокъ , весьма долго не вопрошалъ ее ни о чемъ , какъ бы желая наказать ее за то , что держитъ она сторону моего непріятеля. — Вотъ какимъ безуміямъ бывають подвержены смертные! — Посмотримъ , говорилъ я , посмотримъ , какъ кто можетъ отвратить мое очарованіе , или оное когда либо уничтожитъ , увидимъ , какія послѣдства будетъ имѣть бракъ Доброславовъ. Послѣ сего распорядилъ я мое мщеніе , и предъ приступленіемъ къ произведенію онаго въ дѣйство учинилъ я обыкновенную великую клятву съ тѣмъ , чтобъ ушрашилъ я волшебную мою власть , естли раскаюсь въ моемъ мщеніи , и буду когда нибудь склоненъ по-

МО-

могашь къ благополучію особѣ, учинившихся предметами моего гоненія.

Вопервыхъ попалъ я на Милостану и превратилъ оную въ наилучшую рыбу съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобѣ оная, по опличному своему виду попавшись рыбакамъ, досталась на шполѣ какого нибудь Государя, или въ его прудѣ, а шѣмъ бы положишь вѣчное препяшствіе въ сочешаніи ея съ Доброславомъ. По времени же свѣдавъ, что оная, нѣкошорыми древними волхвами сооруженными и Доброславу чрезъ промыслъ Боговъ данными шѣшми бывъ поимана, получила прежній свой образъ, прибавилъ я къ заклинаніямъ моимъ и то, чшобѣ благополучіе ихъ брака до шѣхъ шолько поръ продолжалось, пока шѣши сіи очарованнымъ келіемъ не будущъ прорѣзаны. Тогда надлежало ей опять превратиться въ рыбу и быть съ супругомъ своимъ разлученною до времени, въ кое очарованное копіе какимъ ни есть образомъ переломится.

По-

Потомъ обратился я къ Гипомену и его супругѣ. Должно вѣдать, — продолжалъ Король волшебниковъ къ Зеліану, — что пещера, въ которой я васъ воспитывалъ, находящаяся въ пустынѣ Дулебской, была во всѣхъ обстоятельствахъ надежное мое убѣжище, или лучше сказать кабинетъ для моихъ размышленій. Входъ во оную безъ моего дозволенія загражденъ былъ для всего свѣта. Въ сію-то пещеру опредѣлилъ я заточить Королевича Кимбрскаго съ его супругою; и самъ, оставя мое обыкновенное жилище, вздумалъ я обитать во оной, чтобъ пресѣчь всѣ способы, ежелибъ кто похотѣлъ спараться о ихъ освобожденіи. Чтожъ вы, Зеліанъ, никогда не видали Гипоменовой пещеры, случилось по тому, что входъ во оную загражденъ былъ очарованіемъ. Впервыхъ разсудилось мнѣ учинить жесточайшее пораженіе сердцу Гипомену опіяніемъ прелестей у прекрасной Рогнеды: я въ глазахъ его

его превратилъ оную въ мершвую
 человѣческую голову, и долго ушѣ-
 нялся опчаяніемъ его при семъ слу-
 чаѣ. Потомъ и самаго моего мни-
 маго непріятеля лишилъ естесшвен-
 наго вида, и изъ молодого человѣка
 учинилъ дряхлымъ старикомъ; ибо
 оспашки человѣколюбія воздерживали
 меня отъ преданія его смерти, а
 такъ, какъ волшебнику, не могъ я
 учинить превращенія ни въ какую
 другую тварь. Но чшобъ сіе его и
 Рогнедино очарованіе и въ шаковомъ
 обстоятельствѣ, ешъли бы какой
 волшебникъ какимъ нибудь образомъ
 вошелъ въ ихъ шемницу, не могло
 бытъ пресѣчено, а обратилося бы
 имъ во вредъ, соорудилъ я волшеб-
 ную дудочку и положилъ на воз-
 вышенія, гдѣ Баламиръ видѣлъ ле-
 жащую мершвую голову. Сила сей
 дудочки содержала въ себѣ то, что
 ешъли бы кто покусился свиснуть
 во оную, Рогнеда бы съ разрушеніемъ
 въ прахъ мершвой головы упра-
 шила жизнь свою, а Гипоменъ на-
 шелся

шелся бы повѣшенъ на самомъ помѣ виноградномъ деревѣ, которое учинилось изъ трупа Зловурамова. Второе мое заклинаніе относилось до дочери Доброславовой, коя имѣла родишься въ награжденіе рушителю моего очарованія. Я не уповалъ, чѣшбъ сіе воспослѣдовало; но ештли бы случилось, то расположилъ я пакъ: Униъ, пришедшій въ шемницу Гипомену, долженспвоалъ необходимо взойти на возвышеніе для взяшя дудочки съ восточной, а не съ другой стороны; въ сіе время Гипомену надлежало ему показаться, и ештли бы онъ учинилъ ему какое наспавленіе, слѣдовало ему превратиться въ каменнаго чловѣка, держащаго въ рукахъ мѣдную стрѣлу; впрочемъ Гипоменъ долженспвоалъ бышь для Униа невидимымъ. Когдажъ бы Униъ возшелъ на возвышеніе съ юга, запада, или сѣвера, онъ безпрепятственно свиснулъ бы въ дудочку, и въ то мгновеніе ока дочери Доброславо-

славою надлежало преселиться въ
 нарочно для того мною сооружен-
 ный перспень; а какъ я носилъ
 оный на рукѣ моей безопаснымъ,
 потому считалъ себя, что Униъ
 никогда ее получить не можетъ.
 Врагъ чести моей! — сказалъ я,
 соверша все сіе, Гипомену; — ты
 долженъ вѣчно остаться въ семъ
 образѣ, и имѣть утѣшеніе, взирая
 на прелести сей мертвой головы,
 когда ты могъ осмѣлишься вос-
 пользоваться мнѣ принадлежащимъ.
 Не думай, чтобъ кто могъ осво-
 бодить тебя изъ своего очарован-
 наго состоянія; ибо не сыщется на
 свѣтѣ смертнаго, могущаго преодо-
 лѣть всѣ соединенные съ тѣмъ
 пруды и опасности. Твоими на-
 славленіями погубленъ вѣрный мнѣ
 Зловуранъ; но я и мертвый прудъ
 его обратилъ въ узелъ, имѣющій
 содержащъ безпрестанное печеніе
 твоихъ несчастій. Вѣдай, что ты
 до тѣхъ поръ не избавишься отъ
 очарованія, пока не переломится на
 двое

двое мое очарованное копіе, коимъ Зловуранъ убишь: сего бышь никогда не можешь, въ разсужденіи шого, что Доброславъ хранишь оное, яко зѣницу ока своего. Но ешьли то и случился, кто можетъ догадаться перекинуть за себя обломки копія, чшобъ учинились изъ шого лукъ и конь? Но ешьли и сіе случилось, кто опважился, возсѣвши на коня, ѣхашъ къ холму, учинившемуся изъ шѣла Зловуранова? Кто безъ оружія сразится съ имѣющими ожить шамъ каменными львами? Кто осмѣлился взлѣсть на неприступный холмъ, чему будутъ препяшшвовашъ львы, взобратися на дерево, досягающее вершиною до облаковъ, и сломя на ономъ прешяжкій гроздъ, сойши съ онымъ на землю, когда силы и возможности чловѣческія къ шому недосшаточны? Пусть бы сіе и воспослѣдовало, но кто возметъ у тебя мѣдную шрѣлу, которой еще нѣтъ, и которая учинишя при обращеніи швоемъ въ камен-

менный испуганъ, есѣли ны о слышанномъ отъ меня въ наставленіе кому нибудь опкроешь. Принимай достойное наказаніе! — Таковымъ образомъ оставилъ я сіи жертвы моего мщенія, и заключилъ, претворясь во образъ сего старика, въ коемъ вы меня видѣли, сбишатъ въ Дулебской пещерѣ. Причины, побудившія меня къ сему пересображенію, были тѣ, что мнѣ надлежало сберечь мое обѣщаніе, и не видать никогда Зимоніи, коя, по впаденіи въ руки мои Гипомена, имѣла уже свободу оплучаться изъ своего замка, и слѣдственно могла бы гдѣ нибудь со мною встрѣпиться.

Впослѣди узналъ я, что Доброславъ соединился съ своею супругою, и что имѣетъ уже ошѣ оной дѣшей. Сіе обстоятельство принудило меня спараться о ихъ похищеніи, однакожъ при первые сына прежде меня были унесе ны Зимоніею, какъ уже о томъ вы слышали и о чемъ я въ шогдашнее

Часть X.

Ф

время

время провѣдаль не могъ. Но я и не заботился о семъ, для того чью мнѣ опасностьъ была ошѣ дочери. Между шѣмъ нашелъ я Зеліана, и пріятностіями лица его бывъ доведенъ къ возчувствованію дружества къ сему младенцу, унесъ его въ мою пещеру и воспитывалъ онаго для учиненія во всемъ богатствѣ моемъ по себѣ наслѣдникомъ; ненависть, питаемая мною тогда къ дочерямъ моимъ, меня къ сему принуждала. Впрочемъ Боги поправили то, что Зеліанъ по ребяческому своему любопышству испортилъ: онъ обще съ своими братьями вошелъ во объятія моего семейства, и поправилъ ошибкою нанесенное дочерямъ моимъ наказаніе. Я въ заблужденіи моемъ радовался, что дочери мои выдуть за подлыхъ людей въ супружество; ибо зналъ, что одинъ изъ нихъ будеть сапожникъ, другой жрецовъ сынъ, а третій бѣднаго пасуха; но еще больше радовался, по познаніи невинности ихъ,

ихъ, что они спали невѣстками
будущаго Царя Дулебскаго. Впрочемъ
обстоятельство сіе вамъ свѣдомо.

Когда Милосшана учинилась бе-
ременна дочерью, я никуда уже не
оплутался, и присутствуя невидимо
при родахъ, похитилъ прекраснаго
сего младенца. Я не могъ колебать-
ся въ опредѣленіи судьбы сей моей
добычи: невинная Милосвѣта, воз-
будила во мнѣ чувствованія чело-
вѣчества, и вмѣсто погубленія ея,
что было у меня въ мысляхъ,
опредѣлилъ я воспитать ее. Она
соотвѣтствовала моимъ попеченіямъ,
и я наконецъ столько полубилъ ее,
что не могъ не желать ей благо-
получія. Предсказаніе волшебной дос-
ки представилось мнѣ тогда на па-
мять; мнѣ похотѣлось узнать яснѣе,
кто долженъ быть Униъ, коему
она предопредѣляется, и для сего
вопросилъ я опять оную. Отвѣтъ,
мною полученный, совершенно утѣ-
шилъ меня: я узналъ, что Мило-
свѣта предопредѣлена въ супруже-

ство Баламиру, Королю Уяискому. Но хошя гнѣвъ мой пропиву Гипомена и моего семейства нѣскольню поумягчялся, однакожъ я не могъ безъ досады слышашъ подтвержденіе, что сей Баламиръ будешъ и разрушитель моего очарованія. Сіе привело меня опяшь къ вопросу, для чего Боги покровительствуюшъ оскорбителей моей чести? Но могу ли я изобразить мой ужасъ и угрызѣніе совѣсти, когда чрезъ опѣвшъ волшебной доски былъ я доказанъ въ невинности есѣхъ гонимыхъ мною особъ. Я узналъ клевету Зловуранову, но поздно уже было мнѣ премѣнить тяжкую силу моихъ кляшвъ; мнѣ не можно было поправить проступка, учиненнаго въ моей ярости, и всѣмъ подробностямъ моего очарованія надлежало исполниться. Я могъ споспѣшествовать Баламиру въ его покушеніяхъ къ разрушенію моего волшебства, но за сіе надлежало мнѣ лишиться волшебной моей силы по разуму кляшвъ моихъ,

ком

кои учинилъ я не одумавшись. Раскаяніе мое требовало отъ меня таковой важной жершвы, и я не пощадилъ бы себя, естлибъ поправишель моихъ проступковъ нашелся въ удобныхъ лѣтахъ къ покушенію на опчальное предпріятіе. Почему все мое раченіе обратилъ я тогда къ поправленію неустройствъ, произведенныхъ мною въ Дулебскомъ царствѣ. Я началъ Милосвѣшу восписывать какъ Царицу; ибо опредѣлилъ чрезъ нее поправить всѣ раззоренія, причиненныя по гоненіямъ моимъ въ Дулебахъ Аварами и во время безцарствованія. Я не оставилъ побывать и въ Уннигартѣ, чшобъ увидѣть Баламира. — Да, я видѣлъ васъ, храбрый Король, говорилъ онъ, обращаясь къ нему; и не взирая на тогдашнее ваше отрочество, предузналъ всѣ имѣющія въ васъ быть дарованія. А чшобъ не можно было ошибиться въ особѣ вашей по пришествіи нашемъ въ совершенной возрастѣ, намазалъ я

сіе на правомъ вашемъ вискѣ пятинышко, произведшее напоследокъ родинку, или подобіе оной. Мнѣ не оспалось уже заботы о воспитаніи вашемъ, потому что родитель вашъ Роасъ прилагалъ о томъ неусыпное стараніе. Я замѣнилъ также и добродѣтели любимца вашего Алазара, и старался только внушить ему охоту къ странствованію. Я ожидалъ изъ того одной той помощи въ моихъ намѣреніяхъ, что Алазаръ въ своихъ путешествіяхъ увидитъ вѣкогда красоту и добродѣтели Царицы Дулебской, превосходство ея правленія, и пошому побудитъ васъ къ началію вашего подвига, что по моему расположенію и исполнилось.

Нечувствителью вошелъ я въ пользы Милосвѣпины и всѣхъ поверженныхъ мною въ несчастіе до того, что не могъ уже не споспѣшествовать всему тому, что клонилось къ ихъ избавленію. Раскаяніе мое не позволяло мнѣ щадить себя, и я

я не помышлялъ ни о чемъ, кромѣ поправленія моего преступленія. Но какъ сіе влекло мнѣ лишеніе моей волшебной власи, то разсудилъ я, прежде нежели утрачу оную, спросить еще разъ волшебную доску и поешунить по ея предписанію. Получа наставленіе и слѣдуя оному, во первыхъ отыскалъ я шло Царя Дулебскаго, перенесъ оное въ замокъ дочери моей Замиры, и оставилъ стараніе о приведеніи его въ жизненность расположеніямъ Зимоніи, какъ уже вы о томъ слышали отъ ней. Потомъ помышлялъ я, какимъ образомъ учредить то, чтобъ Баламиръ дошелъ до Доброслава и могъ получить копіе, нужное къ разрушенію моего очарованія. Я предузналъ, что въ свое время, когда Милосвѣта будетъ Царицею въ Дулебахъ, Баламиръ ее увидитъ; надлежало только вложить ей въ уста, чтобъ она побудила его, есшли онъ покорится красотѣ ея, шествовать на воспокъ до темницы Гипоменовой.

вой. А чтобъ больше побудить ея къ предпріятію сего пути, учредилъ я чрезъ мое очарованіе, (которое употребилъ уже въ послѣдній разъ) чтобъ она составила шайну изъ судьбы своей, и не открыла оную Баламиру. Но какъ я изъ опытовъ зналъ, что скромность для женщины опасная заповѣдь, ожидалъ, что она скажетъ ему, какимъ образомъ узнашь ему про ея обстоятельство отъ Гипомена, о чемъ вознамѣрился я ей въ надлежащее время расшолковать. А дабы больше Баламира принудить къ шешвованію, учинилъ я, чтобъ Милошвѣта при объявленіи ему упала въ обморокъ, покрыта была дымомъ и преселилась въ перстень, бывшій у меня на рукѣ. Послѣ чего днемъ бы присутствовала она въ своемъ царствѣ, а всякую ночь возвращалась въ перстень; нарочно определенный къ тому духъ долженствовавалъ переносить ее. — Послѣ того сдѣлавъ я очарованіемъ, чтобъ къ

возвышенію, на коемъ лежала дудочка и мертвая голова, или лучше сказать Рогнеда, не лзя было подойти, кромѣ съ воспока, и чтобъ съ приближеніемъ Баламира очарованный входъ въ пещеру Гипомену разверзся, а сей предсталъ предъ него при вступленіи на третью ступень возвышенія, и сказавши ему то, что уже слышалъ отъ него Баламиръ, превратился въ каменный истуканъ съ мѣдною спрѣлою. —

Должно вѣдать, что когда Зеліану, Доброчесту и Ярославу надлежало утратить своихъ сунругъ и обиташъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашелъ ихъ Король Уинскій; почему я, еще прежде того, узнавъ, что Зимонія намѣрена прибѣгнуть въ Дулебское боговѣщалище, пренесся туда тайно и далъ ей посредствомъ мсей невидимости въ опвѣщѣ насшавленіе, какое далъ ей завѣщаніе Зеліану и его братьямъ о скрытіи своихъ приключеній до прибытія къ нимъ Баламира и о прочемъ. Таковымъ обра-

зомъ зараженный любовію . Король Унскій необходимо долженствовалъ отъ своей возлюбленной дойти до Гипомена, отъ него къ Зеліану, а потомъ къ Доброчесту , Ярославу и наконецъ до ихъ родителя . Къ преломленію очарованнаго копія, споспѣшествовать по моимъ внушеніямъ Зимоніи и дашь подробное наставленіе къ подвигу Баламирову прошивъ холма, учинившагося изъ шѣла Зловуранова , а для совершеннаго разрушенія моего очарованія учинилъ я, чтобъ виноградный гроздь по сложеніи обратился въ дощечку, имѣющую на себѣ надпись въ наставленіе Баламиру; спрѣлажь мѣдная, пущенная Баламиромъ, попавши въ окаменѣлаго Гипомена, имѣла обратиться также въ дощечку съ надписью о томъ, что надлежало дѣлать къ возвращенію Гипомену и его супругѣ прежняго ихъ образа .

Расположа таковымъ образомъ все къ поправленію моего преступленія, позналъ я, что волшебная
власть

власть меня оставила. Служебный мой духъ объявилъ мнѣ, что я долженъ быть наказанъ за нарушеніе кляшвы, и что Боги лишаютъ меня прежней моей силы, и не оставляютъ мнѣ ничего, кромѣ искусства дѣлаться невидимымъ и переноситься изъ мѣста въ мѣсто до шѣхъ поръ, какъ всѣ несчастные, коихъ я очаровалъ, отъ сего избавятся. Я долженъ былъ остаться во образѣ шарика и не получать настоящаго моего вида до времени, въ которое увижу дочерей моихъ, превратившихся въ прежній ихъ образъ. Я покорился сему наказанію и сносилъ оное безъ ропшанія.

Съ того часа прилагалъ я все мое стараніе о поправленіи раззореннаго царства Дулебскаго до прибытія въ оное Баламира. Я пренесся въ Дулебы и нашелъ тамъ великое смятеніе. Безначаліе доводило каждого помышлять только о собственныхъ выгодахъ; всякъ желалъ достигнуть власти и зачиналъ

налъ междоусобіа, причинившіа болѣе раззоренія, нежели нанесли Авары. Наконецъ приступили къ совѣщанію о избраніи Царя, совѣщали, ссорились и ни на что не рѣшились. Тогда я во образѣ старика чужестранца предсталъ въ собраніе и присовѣщивалъ принести торжественныя жертвы Золотой Бабѣ, и спросилъ ее о судьбѣ страны ихъ. Когда на сіе согласились, я посредствомъ моей невидимости далъ имъ отвѣтъ, что щастіе Дулебовъ находится въ пустынѣ на восточномъ берегу рѣки Вуга. Сей шемный отвѣтъ еще болѣе привязалъ ко мнѣ Дулебовъ: они просили у меня совѣщаній, и я далъ имъ наставленіе о посылкѣ знашнѣйшихъ вельможъ въ назначенную страну съ шѣмъ, чшобъ они перваго попадашагося имъ въ пустынѣ человека увѣщали на царство. Послѣдовали сему; я повелѣлъ Милосвѣтъ вышши изъ ея пещеры: она взята и возведена на престолъ. Дѣостался при ней подѣ на-

названіемъ чужестранца и во образѣ
 старика. Я далъ ей неисчислимый
 кошелекъ, подобный тому, каковъ
 имѣлъ братъ ея Зеліанъ оубо Эи-
 моніи, и чрезъ сію помощь мои
 совѣшы и старанія въ короткое
 время все разоренное приведено въ
 наилучшее цвѣтущее сосояніе, а
 царство Дулебское мудрымъ правле-
 ніемъ достигло на верхъ благоден-
 ствія, въ каковомъ оно нынѣ. Да-
 лѣе должно вѣдать, что я пришед-
 шему Зеліану воспрепятствовалъ го-
 ворить и опасаться съ своею сестрою,
 опасаясь, чтобъ онъ по своей нескром-
 ности, вывѣдавъ въ подробности
 приключеній ея, не открылъ оныхъ,
 а шѣмъ не подалъ бы Дулебянамъ
 подозрѣнія о моемъ чистосердечіи,
 и они не подумали бы, что можетъ
 бытъ я для своей корысти подавалъ
 имъ совѣшы, чрезъ что могло про-
 изойти смяшеніе, а всего больше,
 чтобъ чрезъ сіе открытіе не учини-
 лось помѣшательство расположенію
 моему въ доведеніи Баламира къ
 хи-

хижинѣ Доброслазовой. И шакѣ я при свиданіи Зеліановомѣ зажегѣ порошокѣ, причинившій Милосвѣтѣ обморокѣ и дымѣ, ее покрывшій, и къ смященію его вырвалѣ у него невидимую шляпу, и вынесѣ еестру его въ другій покой. Попомѣ показался я Зеліану и повелѣлѣ ему итти въ Дулебское боговѣщалище, гдѣ ему и Алавару подалѣ я ошвѣшы, нужные къ моему намѣренію.

Сѣ того времени учредилѣ я гостинницу для всѣхъ чужестранныхъ, и провождалѣ во оную всѣхъ ихъ, остановляемыхъ во врашахъ градскихъ спражею, для угощенія, имѣя ошѣ того надежду, что когда нибудѣ придетѣ Баламирѣ, и я познаю его по учиненной мною на правомѣ его вискѣ родинкѣ, что и воспослѣдовало. Я вручилѣ ему спящему при письмѣ перспень, для того что дѣйствию заблаговременнаго очарованія моего въ преселеніи Милосвѣшы въ сей перспень надлежало произойти при разговорѣ ея съ

съ Баламиромъ и при воззрѣніи ея на сей персень. Прежде свиданія ихъ предзарилъ я Милосвѣшу, что въ шомъ день увидишь она Короля Унскаго, будущаго своего супруга, и узнаетъ его по родинкѣ на лицѣ, сходствующей на звѣзду, и по перстню, кошорой я ей тогда показалъ. Я учинилъ ей подробное наставленіе, какъ ей слѣдуетъ поступить съ Баламиромъ, естли оный ей понравится. По описаніямъ моимъ о добродѣтеляхъ Короля Унскаго и по наружной его красотѣ Милосвѣша не могла оспаться къ нему равнодушною: она влюбилась въ него смертельно, и поступила по предписанію моему, побудившему его слѣдовать къ разрушенію очарованія моего, а чрезъ то и сама подверглась заклинаніямъ, учиненнымъ мною при потеряннн моей волшебной власти. — Но я не скажу, чему она подверглась, продолжалъ Король волшебниковъ съ улыбкою; да, я не скажу, пока до-

доведу повѣстью моею Баламира до
 сего мѣста. Всѣ начали догады-
 ваться, что значитъ сіе; волшеб-
 ница, ея дочери и Гипоменъ усмѣ-
 хались. Доброславъ взглянулъ на
 Милостану, которая готова была
 плакать, а дѣши ихъ устремили
 глаза на Короля волшебниковъ; Бала-
 миръ же схватилъ съ руки своей
 перстень и прижалъ къ уснамъ
 своимъ. Онъ хотѣлъ обьясниться
 и до нѣсколька разъ начиналъ го-
 ворить, но Король волшебниковъ
 мѣшалъ ему, продолжая. — И
 такъ вы, Баламиръ, пошли въ пу-
 стыню на воспокъ, сказалъ онъ.
 — Я знаю это, говорилъ Бала-
 миръ, но . . . — Я шелъ за вами
 въ слѣдъ и ободрялъ васъ въ не-
 терпѣніи; вспомните невидимой го-
 лосъ, который слышали вы близъ
 пещеры, я - но кричалъ къ вамъ.
 — Изрядно, сказалъ Баламиръ;
 но прошу васъ. — Я присовѣто-
 валъ взять вамъ мѣдную стрѣлу;
 словомъ сказать. — Словомъ ска-
 зать,

вашь, Ваше Величество, высоко-
мочный Король волшебниковъ. — Да,
продолжалъ сей перебивая, вы дошли
до Зеліана и далѣе, а я съ раз-
рушеніемъ моего очарованія и по со-
единеніи всѣхъ здѣсь-присущствую-
щихъ получилъ прощеніе отъ Бо-
говъ, и по прежнему сталъ Коро-
лемъ волшебниковъ. — Выве-
дите меня изъ перпѣнія, подхва-
тилъ Баламиръ. — Я въ соспо-
яніи уже учинилъ васъ щасливымъ.
— Ахъ! я не могу быть онымъ,
кричалъ Король Уинскій, доколь не
увидю возлюбленной моей Царицы
Дулебской. Я позналъ изъ словъ
вашихъ, что она заключена въ семь
перспѣй; но какъ теперь еще день,
то находишься она въ Дулебахъ, и
я долженъ взирать лишь на сіе за-
поченіе ея; я умру отъ неперпѣ-
нія и неизвѣстности, могу ли я ее
увидѣть. Ахъ великомочный Ко-
роль! сжалъсь надъ любовникомъ.
— Онъ не могъ больше выгово-
рить и обнялъ колѣна его. По-

Часть X.

X

дайте

дайше мнѣ сей перстень, сказалъ волшебникъ; должно обрадовашь васъ, обрадовашь и всѣхъ присутствующихъ здѣсь и подашь Доброславу средство воздашь по волѣ Боговъ за ваши долженія. Выговоря сіе, взялъ онъ у Баламира перстень и прикосновеніемъ къ еному своего волшебнаго жезла превратилъ онъ въ густой дымъ. Всѣ наполнены были ожиданія и не смѣли почти дышать, доколѣ дымъ исчезъ, а на мѣстѣ его увидѣли прекрасную дѣвицу въ Царкомъ одѣяніи. Баламиръ прежде всѣхъ бросился къ ногамъ ея и произносилъ восклицанія, въ коихъ ничего не можно было разобрать, кромѣ имени Милосвѣша. Сей восторгъ его пресѣченъ былъ Королемъ волшебниковъ, который, подшевши къ ней, далъ ей знашь о себѣ, что онъ самый пошъ пустынный, ея воспитавшій и возведшій на царство Дулебское. Потомъ рассказалъ онъ ей вкратцѣ всю касающуюся до ней повѣсть, и вру-

вручилъ ее ея родителямъ. Тогда всеобщая радость возобновилась : Доброславъ и супруга его заключили ее въ объятія ; не можно описать утѣшенія , въ какомъ находилась Милосвѣта , узнавъ своихъ родителей , чего она давно желала , увидя своихъ братьевъ , ихъ супругъ , своего дядю и тещку ; всѣ они обнимали ее и всѣ плакали отъ радости.

По прошествіи сего восторга Король волшебниковъ въ длинномъ словѣ предложилъ Доброславу о важности заслугъ , Королемъ Унскимъ въ его пользу учиненныхъ : онъ распространялся въ описаніи его добродѣтелей , могущества подвластнаго ему народа и нелицемѣрной любви его къ Милосвѣтѣ , и кончилъ шребованіемъ ее ему въ супруги. Доброславъ и Милоспана , разумѣя , что сей бракъ устрояется по волѣ Боговъ , и примѣчая чувствованія своей дочери , не пропивились шому : они сложили руки Баламира

и Милосвѣшы въ знакъ ихъ обрученія. Бракъ ихъ положено торжественствовать въ Уннигардѣ, гдѣ уповали бытъ на завѣрѣ; ибо хоша ошѣ хижины Доброславовой до столицы Баламировой находилось болѣе двухъ тысячъ верстъ разстоянія, но волшебники умѣюшѣ учреждать весьма быспрыя почты, чудно время переѣздовъ сокращающія. Почему Баламиръ безъ внутренняго роптанія согласился на сію малую ошсрочку. Куды уже нейдетѣ до завѣра, думалѣ онѣ, я и больше сего ожидаѣ, и припомѣ безъ всякой надежды. Завѣра, — говорилѣ онѣ, цѣлуя прелестныя руки у возлюбленной своей Милосвѣшы, — учинюсь я щастливѣйшимѣ изѣ смертныхѣ. Завѣрешній день, ошвѣчала Милосвѣша, сопрягусь я на вѣки съ моимѣ возлюбленнымѣ. Она призналась Баламиру, что съ перваго взгляду на него возчувствовала къ нему нѣжнѣйшую 'спрасть, и во все время его ошлучки была въ безпре-

престанномъ мученіи отъ неизвѣстности объ немъ, что она каждый день по пробужденіи своемъ находила себя во Дворцѣ Дулебскомъ и занималась помышленіями о любви своей, а при наступленіи ночи упала въ безчувствіе. Король волшебниковъ, вслушавшись въ сіе, объяснилъ ей, что она въ семъ безчувствіи преселялась въ перстень и была на рукахъ своего возлюбленнаго. — Да, я помню одинъ случай, сказала Милосвѣща, когда вы ночевали близъ Ладина капища, что я пробуждаясь васъ увидѣла, но въ тожъ мгновеніе ока очутилась во Дворцѣ моемъ. — Ахъ! я помню сіе, я слышалъ вашъ голосъ. Ахъ! естлибъ мы знали про сіе, сказалъ Баламиръ, ахъ естлибъ мы знали! — Да, подхватилъ Король волшебниковъ съ усмѣшкою, не все должно знать прежде времени; ибо вы лишились бы пріятнаго ожиданія, кое вы теперь имѣете. Подобные сему разговоры продолжались не мало

потому что всякъ изъ мушинъ претерпѣлъ разлуку съ своею возлюбленною, и по соединеніи сидѣлъ съ нею попарно. Всякъ занимался лобзаніями и разговорами, и всякъ изображалъ изъ себя щастливую чешу. Всеобщая радость привела въ забвеніе прошедшія бѣдствія, и всѣ отъ внутренности сердца прощали причинителя оныхъ. Король волшебниковъ, загладившій пропускъ несправедливаго своего мщенія своими заботами, не пропустилъ напаяшоваць и того, что уже насталъ часъ посѣпить шѣло лежащаго во гробѣ Царя Дулебскаго, родителя Доброславова. Волшебное облако появилось, и подхватиъ всѣхъ, пренесло въ замокъ Замиры и Доброслава.

Къ величайшей радости нашли они его уже ожившаго и прохаживающагося въ садахъ. Доброславъ и Рогнеда бросились въ его объятія, а Король волшебниковъ объяснилъ ему все происшедшее съ того времени,

мени, какъ онъ приведенъ былъ въ смертное нечувствіе ударомъ очарованнаго копія. Старый Царь плакалъ отъ радости, узнавъ, что подданные его учинены благополучными, и что враги ихъ Авары погибли; онъ обнималъ, орошая слезами, своихъ внуковъ и ихъ супругъ, и едва не умеръ опять отъ восхищенія, узнавъ, что внука его, споль мудро управлявшая его скипшромъ, обручена за Короля храбрыхъ и непобѣдимыхъ Уяновъ; ибо сей славный союзъ укрѣплялъ безопасность его отечества. Добрые Государи чувствуютъ всегда подобную радость, понеже благо ихъ подданныхъ есть ихъ собственное. Старый Царь увѣдомилъ своего сына, что онъ чаялъ находишься во снѣ во все то время, какъ его считали мертвымъ, и что онъ очнулся только нынѣшній день къ крайнему удивленію, что нашелъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ. Онъ сраженіе съ Аварами почиталъ во снѣ видѣ-

дѣинымъ, и ожидалъ, что кто нибудь изъ жителямъ сего замка подасъ ему обьясненіе, каковымъ образомъ онъ здѣсь нашелся.

Послѣ сего, въ разсужденіи дряхлыхъ силъ Царя Дулебскаго, согласились всѣ возвратитъ его въ его столицу и тамъ торжественно бракъ Баламира съ Милосвѣпою. Волшебное облако оказало имъ сію услугу, и чрезъ часъ сошли всѣ съ онаго во Дворецъ Дулебскомъ. Возвѣщено было народу о возвращеніи къ нимъ ихъ спарого Царя; вельможи и спарики въ народѣ къ неописанной радости узнали своего добраго Государя. Всѣ бѣжали видѣть его и всѣ допущены были къ лобзанію руки его. Торжество о семъ продолжалось многіе дни, и въ первый изъ оныхъ спарый Царь уступилъ иго правленія сыну своему Доброславу. Король волшебниковъ обьяснилъ вельможамъ всѣ подробности приключенія Доброславова; и народъ, видѣвшій щасливое цар-

царствованіе дочери, съ радостію вѣнчалъ на царство отца ея. Доброславъ вѣ послѣдствѣ подтвердилъ ожиданія своихъ подданныхъ шѣмъ, что онъ былъ имъ истинный отецъ. Онъ по времени погребъ шѣло своего родителя, и самъ, послѣдовавъ во уединеніе съ своею дражайшею Милоспаною, вручилъ вѣнецъ Царскій старшему сыну своему Зеліану. Доброчестъ же и Ярославъ нашли себя не меньше благополучными во объятіяхъ своихъ супругъ, и обихали съ ними въ ихъ замкахъ, получа несчетныя сокровища отъ шесня своего Короля волшебниковъ.

Мы отступили нѣсколько отъ порядка повѣсти и не сказали ничего о Баламирѣ. Бракъ его съ Милосвѣшою совершился въ первый день прибытія ихъ въ Дулебы съ великимъ шоржесствомъ. Можно сказать, что Дулебы праздновали тогда седмичный бракъ въ разсужденіи соединенія всѣхъ разлученныхъ

супруговъ, кои въ наставшую ночь забыли всѣ претерпѣнные несчастія, заснувъ во объятіяхъ своихъ возлюбленныхъ. Чада Богини Лады освѣтили своими пламенниками чертоги, опведенные для Короля Унцскаго, въ коихъ онъ учинился щастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Между тѣмъ, какъ чрезъ нарочно посланнаго Баламиръ далъ знать любимцу своему Алавару о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и повелѣлъ ему учинить приуготовленія къ встрѣчѣ своей Королевы и къ торжествамъ, Гипоменъ упросилъ его съ Милосвѣшою о посѣщеніи себя въ Королевствѣ Кимбрскомъ. Король волшебниковъ и Зимонія, Доброславъ съ своею супругою, дѣтьми и невѣстками также согласились бысть при освобожденіи королевства его отъ очарованія и при возведеніи его на престолъ. Не было лучшаго средства для переѣзда сего, какъ волшебное облако, и не лзя было инымъ образомъ посѣтить го-
су-

сударство, учинившееся озеромъ; Гипоменъ постарался доставить оное. Всѣ взошли на облако и чрезъ нѣсколько часовъ начали спускаться на томъ мѣстѣ озера, гдѣ находился Дворецъ Государей Кимбрскихъ. Гипоменъ уступилъ честь возвращенія прежняго вида странѣ своей Королю волшебниковъ: прикосновеніе его волшебнаго жезла прогнало очарованіе, и вода, начавъ изсякать парами, вскорѣ показала видъ сперва башенъ и высокихъ зданій, а потомъ вся исчезла, такъ что не осталось ничего мокраго, кромѣ мѣстъ, въ коихъ находилась она ошъ природы. Кимбрияне, бывшіе всѣ во образѣ разныхъ водяныхъ птицъ, пришли въ великое замѣшательство, утрачая спихію, на коей они обитали; но прочтенныя Гипоменомъ нѣкоторыя ему извѣстныя слова возвратили имъ человѣческія чувства и принудили ихъ придти къ Королю волшебниковъ, который маханіемъ своего жезла учинилъ

вилъ ихъ по прежнему челоуѣками, Смѣшно было видѣть, какъ превращеніе распредѣлило степени народа въ сходныхъ къ шому пшицѣ, на примѣрѣ: вельможи дворянство высшупали важно журавлями, а простый народъ брелъ ушками; щеголижи были лебедьми, купцы гусями, военные люди куликами, опшупщики цаплями, у коихъ еще зобы наполнены были рыбою и молодыми пшичками. Первый вельможа представлялъ скопу, но Гипоменъ за доброе его правленіе опшупшилъ его изъ своего государства; ибо всшупая на престолъ, не хотѣлъ, чшобъ подъ его именемъ раззорялось оное.

Напослѣдокъ, когда всѣ Кимбрияне получили прежніе виды, Гипоменъ съ Рогнедою возведены на престолъ, и щасшливое возвращеніе его торжествовано чрезъ многіе дни съ общею радостію. Совѣщы Баламира и его супруги способствовали ему въ учрежденіи правилъ и мѣрѣ къ

къ благоденствію его подданныхъ,
въ чемъ онъ и имѣлъ успѣхъ.

Посомъ все собраніе возврати-
лось по своимъ мѣстамъ: Король
волшебниковъ и Зимоія оправились
въ свой замокъ, Доброславъ съ Мило-
сваною и дѣтьми своими были опнесе-
ны въ царство Дулебское, а Баламиръ
съ Милосвѣшою по одолженію Гипо-
менову получили лешающую коле-
сницу, въ коей и достигли до Уни-
гарда. Алаваръ встрѣшилъ ихъ съ
знатнѣйшими людьми государства
и при радостныхъ восклицаніяхъ всего
народа; Баламиръ ввелъ супругу
свою во дворецъ свой. Торжества
были оживляемы Милосвѣшою, когно-
рая оказаніемъ народу разныхъ мило-
стей и распоченіемъ неизпощимаго
кошелька своего въ пользу опечества
доказала, что она въ состояніи на-
ходилась столькожъ послужить къ
щастію Унновъ, сколько учинила
она добра въ Дулебахъ. Баламиръ,
обнимая своего любимца, признавал-
ся, что онъ благополучіемъ своимъ
дол-

долженъ побужденіямъ его, чрезъ кои вложилъ онъ ему охоту справ- шиворашь въ Дулебы. Баламиръ, разсмашривая всѣ поступки Алава- ровы во время правленія его въ свое ошсуществованіе, не нашелъ въ нихъ ни малѣйшей слабости, ни вида свое- корыстія. Въ самомъ дѣлѣ Алаваръ былъ чудо изъ любимцевъ Монар- шихъ; онъ остался до смерти вѣр- ный рабъ и другъ своего Государя. Долго въ Уннахъ была пословица : послѣ Алаваара не будетъ Алаваара.

Баламиръ препровелъ дни свои въ мирѣ; ибо мудрое его царство- ваніе, подирѣпляемое совѣтами Мило- свѣты, умѣло пресѣкать всѣ вражды съ сосѣдями въ ихъ началѣ. Во все время его жизни мечи Унновъ ржавѣли, а сохи блистали и кора- бли на морѣ Меописскомъ не перевози- ли ничего кромѣ купцовъ съ това- рами. Нѣжный бракъ его награжденъ великимъ попомствомъ, и Милосвѣ- та еще до смерти своей имѣла щастіе

Щастіе лобызати съ нимъ обще чадъ
сыновъ своихъ, подававшихъ законы
разнымъ спранамъ, въ коихъ были
они Государями.

Конецъ X и послѣдней Части.

AUG 31 1976

Digitized by Google

